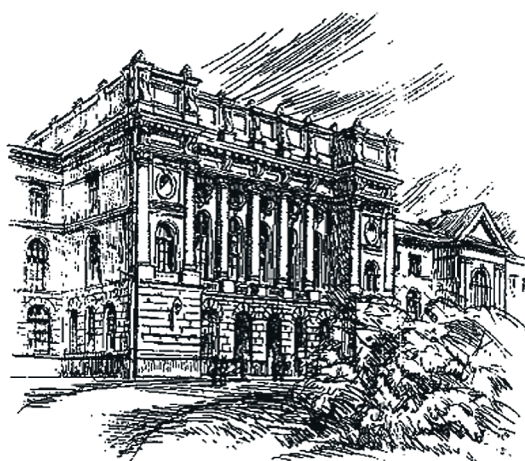

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

---

3 (179) 2013

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2013

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Костюк В.В., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН;
Окрепилов В.В., чл.-кор. РАН; *Патон Б.Е.*, академик НАН Украины и РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Федоров М.П.*, академик РАН;

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Акопова М.А., д-р пед. наук, профессор;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор – председатель;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Горюнов В.П., д-р филос. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Пылин В.В., д-р юр. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор;
Шитунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – отв. секретарь.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года выпускается в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Подписной индекс **80634** в каталоге «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

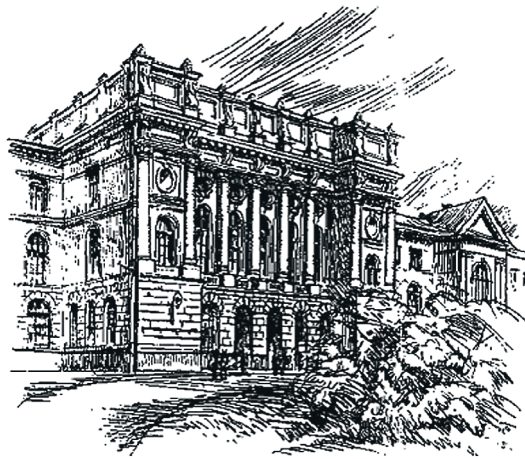
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.
Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL

Humanities
and Social Sciences

---

3 (179) 2013

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2013

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St.Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St.Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc.(tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., full member of the Russian Academy of Sciences, head of the editorial council; *Akopova M.A.*, D.Ed., prof.; *Bordovsky G.A.*, full member of Russian Academy of Education; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Kozlov V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Kuznetsov D.I.*, D.Phil., prof.; *Pidzhakov A.Yu.*, J.S.D., Dr.Sc. (history), prof.; *Snetkov V.N.*, Dr.Sc. (political sciences), prof.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof., head of the editorial board; *Almazova N.I.*, D.Ed., prof.; *Goryunov V.P.*, D.Phil., prof.; *Pogodin S.N.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Pylin V.V.*, J.S.D., prof.; *Surygin A.I.*, D.Ed., prof.; *Timermanis I.Ye.*, Dr.Sc.(sociology), prof.; *Ulyanova S.B.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Shipunova O.D.*, D.Phil., prof., executive secretary.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is published since 2010 as part of the periodical edition *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU* (ISSN 1994-2354).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

Subscription index **80634** in the "Journals and Magazines" catalogue, Rospechat agency.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: 195251 Politekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

© St.Petersburg State Polytechnical University, 2013

Содержание

Проблемы XXI века

Кикоть В.Я., Алмазова Н.И. Характеристика иноязычного образования в вузах России на современном этапе	9
Александрова А.И. Проблемы модернизации механизма государственного управления инновационным развитием России	17
Манжула Е.А. Современные угрозы космической безопасности	24
Тощева А.В. Технологии организации политической коммуникации в Интернете	30

Правовые аспекты государственного управления

Ковин В.С. Актуальные вопросы изучения современных подходов к типологии государств	35
Сергачев А.В. Основные этапы развития научной мысли о государстве всеобщего благосостояния (вторая половина XX века)	41
Гулева М.А. Конституция Китайской Республики в 1947–1949 годах	46

Профессиональное образование

Краснощеков В.В., Погодин С.Н. Инновационные методы и формы учебной деятельности при подготовке студентов-регионоведов	54
Одинокая М.А. Технология самостоятельной работы студентов в интерактивном режиме при изучении иностранного языка	60
Дашкина А.И., Фёдорова А.Я. Наставническая деятельность студентов как способ повышения эффективности усвоения иноязычного грамматического материала	67
Кабанова Н.А. Формирование информационно-методической компетентности преподавателя иностранного языка вуза в системе повышения квалификации	73
Обухова Ю.О. Роль преподавателей вузов в эффективном использовании новых информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе	78

Вопросы психологии

Валиева Ф.И. Саморегуляция в аспекте социально-профессиональной адаптации	86
Минко Л.А. Модерация как технология формирования коммуникативной компетентности студентов	94

История российского социума

Малинов А.В. Современная «алтайская хронология». Этнософские заметки.....	99
Мичурин А.Н. Некоторые аспекты кризиса политической системы Российской империи в годы Первой мировой войны	107
Шапиро Б.Л. Внешний облик рабочих в России периода индустриальной модернизации (вторая половина XIX — начало XX в.)	118

Международные отношения

Матвеевская А.С., Погодин С.Н. Методологический подход к анализу интеграции иммигрантов в странах Северной Европы	124
Домаков В.В. Демократия в Республике Беларусь: теоретико-правовые основы и реализация в изменяющихся условиях	133
Мещеряков К.Е. Отношения Российской Федерации и Республики Узбекистан в годы президентства В.В. Путина (2000—2008): от взаимного неприятия к стратегическому партнерству и союзничеству ...	141
Мещеряков К.Е. Российско-таджикские отношения в 1997—2005 годах: от донорно-акцепторного характера к новым принципам взаимодействия	154
Абу-Хаттаб А.А. Политические коммуникации в системе международных отношений	166
Манжула Е.А. Загрязнение космического пространства как международная проблема	174
Богуцка М. Роль человеческого фактора в системе новых подходов к международной безопасности...	179

Философские и культурологические исследования

Иванов М.В. Утопия и экзистенциальные проблемы индивидов	184
Шипунова О.Д., Тарасова И.В. Проблема интеллекта и социальная онтология в когнитивных исследованиях.....	191
Семенова В.В. Способы образования общих понятий в когнитивной лингвистике.....	201

Актуальные проблемы языкознания

Карасев А.А. Проблема представления многозначных слов в учебном одноязычном словаре английского языка (лексико-прототипический подход).....	206
Пюро Л.Н. Обозначение состояний человека в древне- и среднеанглийском языке	211

Хроника

Иванова Н.Г., Базжина В.А., Драгомирова Е.А. Сохранение историко-культурного наследия — будущее Санкт-Петербурга	218
---	-----

Contents

Problems of XXIst century

Kikot' V.Ya., Almazova N.I. <i>Characteristics of foreign language education in Russian universities at the present stage</i>	9
Aleksandrova A.I. <i>Modernizing governance mechanism of innovative development of Russia</i>	17
Manzhula K.A. <i>Permanent threats for space security</i>	24
Toscheva A.V. <i>Technologies for organizing political communication in web</i>	30

Legal aspects of state administration

Kovin V.S. <i>Topical issues of modern approaches to typology of the states</i>	35
Sergachev A.V. <i>Basic stages of scientific thought development on the welfare state (the second half of the XXth century)</i>	41
Guleva M.A. <i>Republic of China Constitution in 1947–1949</i>	46

Professional education

Krasnoshchekov V.V., Pogodin S.N. <i>Innovation methods and forms of academic activities for region studies specialists training</i>	54
Odinokaya M.A. <i>Interactive technology of independent student work in the process of foreign language learning</i>	60
Dashkina A.I., Fyodorova A.Y. <i>Enhancing the efficiency of mastering foreign language grammatical material via students' mentorship activity, raising efficiency</i>	67
Kabanova N.A. <i>Developing it and methodology competency of a university teacher of foreign languages with the help of further education courses</i>	73
Obukhova I.O. <i>The university lecturers participation in the effective management of new information and communication technologies applying in educational process</i>	78

Questions of psychology

Valieva F.I. <i>Self-regulation in terms of social and professional adaptation</i>	86
Minko L.A. <i>Moderation as technology of communication competence of students</i>	94

Aspects of Russian society history

Malinov A.V. <i>Modern “altaic chronology”. Etnosophy notes</i>	99
Michurin A.N. <i>Some aspects of crisis of political system of the Russian Empire in the years of World War I</i>	107
Shapiro B.L. <i>General appearance of workers in Russia during a period of industrial modernization (second half of XIX – early XX centuries)</i>	118

International relationships

Matveevskaya A.S., Pogodin S.N. <i>Methodological approach to the analysis of immigrants’ integration in countries of Northern Europe</i>	124
Domakov V.V. <i>Similarities implemented in Belarus democracy its theoretical and legal notions in a changing economic conditions</i>	133
Mesceryakov K.E. <i>The Russian-Uzbekistani relations under the presidency of Vladimir Putin (2000–2008): from antagonism to the strategic partnership and allied relations</i>	141
Mesceryakov K.E. <i>The Russian-Tajikistani relations in 1997–2005: from the donor-acceptor model to the pragmatic cooperation</i>	154
Abu-Hattab A.A. <i>Political Communication in the system of international relations</i>	166
Manzhula K.A. <i>Space pollution - the International problem</i>	174
Bogucka M. <i>Role of a human factor in system of new approaches to the international security</i>	179

Philosophical and cultural studies

Ivanov M.V. <i>Utopia and existential problems of individuals</i>	184
Shipunova O.D., Tarasova I.V. <i>The problem of intellect and social ontology in cognitive studies</i>	191
Semenova V.V. <i>Ways of formation of general concepts in cognitive linguistics</i>	201

Actual problems of linguistics

Karasev A.A. <i>Polysemous words monolingual learner’s dictionary entry (lexical-prototypical approach)</i>	206
Pyuro L.N. <i>Representation of states of mind in Old and Middle English</i>	211

Chronicle

Ivanova N.G., Bazzhina V.A., Dragomirova E.A. <i>Preservation of historical and cultural heritage – the future of Saint-Petersburg</i>	218
---	-----

УДК 811.111

В.Я. Кикоть, Н.И. Алмазова

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗАХ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Vladimir Ya. Kikot', Nadezhda I. Almazova

CHARACTERISTICS OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES AT THE PRESENT STAGE

Аннотация

В статье обозначена основная особенность современного иноязычного образования в российской высшей школе, определяемая как полипарадигмальность. Даны краткие характеристики предшествующих образовательных парадигм и сформулированы принципы подходов, формирующих полипарадигмальный характер образовательного контекста. Отражено авторское понимание такой инвариантной характеристики современного иноязычного образовательного процесса, как инновационность.

Ключевые слова

ИНОЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗЕ, ПАРАДИГМА, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИННОВАТИКА.

Abstract

This article outlines the main feature of modern foreign language education in the Russian higher school, defined as multiparadigmatic. A brief description of previous educational paradigms is presented, and common principles of modern teaching approaches forming a multiparadigmatic teaching context are formulated. Reflects the authors' understanding of such invariant characteristic of modern foreign language education process as innovation.

Keywords

FOREIGN LANGUAGES EDUCATION AT THE UNIVERSITY, A PARADIGM, MODERN APPROACHES TO EDUCATION, PEDAGOGICAL INNOVATION.

Современная высшая школа России функционирует в условиях евроинтеграции, созданных объективными глобализационными процессами. Они закреплены в образовательной сфере на нормативно-правовом уровне Болонскими документами. В рамках этих условий высшая школа совершенно очевидно ориентирована на повышение качества образования, формирование тех характеристик выпускников высших учебных заведений, которые обус-

ловят их эффективное вхождение в мировое бизнес-пространство, профессиональный и культурный контекст. Современные исследователи выделяют ряд негативных факторов в сфере высшего образования, в частности недостаточно высокий общий уровень коммуникативной культуры как студентов, так и преподавателей; низкий уровень управленческой и экономической подготовки; отсутствие способности творчески подходить к решению

нестандартных задач; отсутствие развитого критического и рефлексивного мышления и ряд других [15, с. 8].

Остановимся на компонентах образовательного контекста высшего учебного заведения, которые, на наш взгляд, формируют основу современного образования в целом и иноязычного образования в частности. К таким компонентам прежде всего относятся целеустановки, которые в современном образовательном контексте принято обозначать через понятия «компетенция» / «компетентность». Чрезвычайно важен ресурсный компонент, являющийся конструктивно-дидактическим и предполагающий использование совокупности подходов, технологий, методик, актуализирующих содержательный образовательный пласт. В качестве обязательного выступает оценочно-рейтинговый компонент, реализуемый как педагогом-предметником, так и администрацией вуза (внутренний аудит), а также экспертами-контролерами (внешний аудит) и направленный на оценку эффективности деятельности всех субъектов образовательного процесса.

Целевые установки, ориентированные на формирование определенных компетенций (компетентностей) современного выпускника вуза, легли в основу общепринятого современной высшей школой компетентностного подхода. История лингводидактики знает немало подходов, которые в определенный исторический период находили отклик в душе педагогов и были закреплены на нормативно-правовом уровне в стандартах, типовых программах, локальных вузовских регламентирующих документах. Данные подходы определяли качественно новый скачок в формулировании целевых установок и отражали определенные трансформации в концептуальном осмыслении результата образования по лингводидактическим дисциплинам. Процесс трансформации отражал переход от безличного умения читать и переводить литературу на иностранном языке (*грамматический подход*) к умению каждого в отдельности ученика общаться в различных иноязычных форматах (*коммуникативный подход*). При этом учет особенностей и индивидуальных черт обучаемых, степень их вовлеченности в образовательный контекст также стали отличительной чертой лингводидактики (*личностный, личностно-деятельностный, проблем-*

но-исследовательский, персонифицированный и другие подходы). Данные подходы отражали методологические установки, образовательные концепции своего времени, т. е. были детерминированы определенным историческим периодом и, следовательно, определенной *образовательной парадигмой*.

Как отмечают исследователи, «парадигма представляет собой модель, используемую для решения не только исследовательских, но и практических задач в определенной области действительности» [5, с. 31]. Под образовательной парадигмой они понимают «совокупность *методологических подходов и теоретических идей*, которая воплощается в научно-педагогической деятельности и практике образования на определенном историческом этапе [Там же]. Парадигмальные модели образования в мировом образовательном пространстве XX века и начала XXI века отражали такие целевые установки, как достижение качества образования, определение его оптимального содержания, соответствие образовательного результата вызовам общества.

Традиционная образовательная парадигма, характерная для советской школы (как средней, так и высшей), сочетала следующие целевые установки: обучение (процесс и результат овладения учащимися системой научных знаний, формирование на их основе умений и навыков); развитие (психическое, физическое, затрагивающее такие психические характеристики, как память, мышление, внимание и др.); воспитание (процесс передачи общественного исторического опыта новым поколениям с целью подготовки их к жизни и труду, нравственное и культурное формирование личности). В данной образовательной парадигме шли поиски путей оптимизации образовательного процесса, использования эффективных способов учения.

Эти же целевые установки находим и в *технократической модели образования*, оперирующей таким методическим инструментарием, как тренинг, тестирование, автоматизация процессов научения, использование новых ИТ-технологий.

Гуманитарная образовательная парадигма, которая реализуется в современном образовательном пространстве, направлена на личность, на диалог всех субъектов образователь-

ного пространства, т. е. антропоцентрична по сути. Но личностно ориентированный характер образовательного процесса не противоречит идее решения производственно-образовательных, социокультурных и культурно-образовательных задач. Одновременно, будучи постиндустриальной по типу исторической эпохи [7, с. 13–14], данная образовательная парадигма является информационной, что связывает ее с технократической моделью образования.

Как известно, содержательный и процессуально-деятельностный параметры образовательной парадигмы в значительной степени зависят от подходов, реализующих методологические положения в образовательной практике. Наряду с уже отмеченными выше подходами, реализованными в предшествующих парадигмах, специалисты говорят о компетентностном подходе. Можно ли назвать компетентностный подход, определяющий приоритеты в современном образовательном процессе, качественно новым подходом, определяющим особенности современной образовательной парадигмы? В каком-то смысле да, можно, если иметь в виду *образовательный результат*: не только знать и уметь, но еще и обладать способностью и возможностью реализовывать эти знания, умения и навыки в практической деятельности на уровне, позволяющем говорить о сформированности данной характеристики личности, которая и определяется как компетентность. Современный рынок труда ориентирован на профессиональные кадры достаточно высокой квалификации. Специалисты говорят о «когнитивной рабочей силе», подчеркивая необходимость подготовки универсальных кадров, выходящих из стен вуза. На это, как предполагают современные менеджеры образования, и нацелен компетентностный подход. Он регламентирует образовательную деятельность современной высшей школы как на уровне концептуального осмысления, так и в плане образовательной практики, что позволяет некоторым исследователям даже говорить о компетентностной образовательной парадигме [Там же. С. 13].

Между тем представляется, что обозначать образовательную парадигму только через целеполагание не совсем верно, поскольку стратегические цели реализуются через определенный дидактический ресурс, актуализированный на уровне тактических шагов в виде содержатель-

ного наполнения, технологий, основанных на определенных принципах, видах деятельности, способах взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Анализ уже существующих и оправдавших себя подходов в лингводидактике позволяет не только определить их содержательные и технологические характеристики, но и обозначить принципы, на которых строятся данные подходы. К таким принципам мы относим:

- *принцип интегративности*, который является собой синтез в образовательных технологиях содержания и форм, учитывающих достижения теории и практики смежных дисциплин, дисциплин гуманитарного и профессионального цикла;

- *принцип контекстности обучения*, ориентированный на формирование определенных профессионально значимых компетенций в условиях профессионально ориентированного ситуативного моделирования;

- *принцип активизации субъектности обучающегося*, ориентированный на развитие его потенциала, активизирующий стремление к продуктивному самовыражению, развитию творческого потенциала, рефлексии;

- *принцип реализации позитивной обучающей среды*, ориентированный на социально-психологическую поддержку обучающегося путем моделирования ситуаций поощрения и успеха. Данный принцип направлен на повышение мотивации, усиление воспитательной функции, актуализируемой в данном образовательном пространстве;

- *принцип диалогового равенства*, предполагающий партнерство всех субъектов образовательного процесса, вовлеченность обучаемых в формирование своего образовательного маршрута, в решение конкретных поисковых задач с возможностью реализовать свою информационную, исследовательскую, презентационную, менеджерскую и другие профессионально и личностно значимые компетенции.

Данные принципы, соотносимые ранее с реализацией определенного подхода в лингводидактике, несомненно, способствуют достижению того образовательного результата, который и сформулирован современными требованиями к выпускнику вуза, т. е. наличие ряда компетенций, позволяющее говорить о достижении искомой цели.

Анализ парадигм, которые в определенный исторический период определяли или определяют образовательный процесс, а также анализ подходов, лежащих в основе процессуально-деятельностных компонентов данных парадигм, позволяет обозначить некоторые характеристики современного образовательного контекста в иноязычном образовании, представляющиеся инвариантными. Это прежде всего взаимосвязь целевых установок современного образовательного процесса с целевыми установками предшествующих образовательных парадигм в плане развития личностного потенциала обучаемых; интеграция различных подходов, присущих той или иной образовательной парадигме, в новом образовательном контексте; поиски путей оптимизации образовательного процесса, характерных для всех парадигм, но учитывающих специфику информационного общества; нацеленность на результат, который отражает потребность в качественном образовании, удовлетворяющем запросы и ожидания социума и рынка труда. Таким образом, можно говорить о современном образовательном контексте, в рамках которого реализуются намеченные образовательные цели, как о контексте, отражающем различные аспекты предшествующих образовательных парадигм, т. е. можно говорить о *полипарадигмальности иноязычного образования*.

Ресурсный компонент, ориентированный на реализацию целевой установки и строящийся на принципах полипарадигмальности образовательного контекста, в нынешних условиях должен быть определен в терминах *инновационности*: инновационные приемы, инновационные технологии, педагогическая инноватика и т. п. Необходимость обращения к терминам «инновационность», «инновация» в образовании обусловлена прежде всего изменениями целевых установок, ориентирующих педагога на достижение такой образовательной цели, как формирование личности, «способной успешно адаптироваться в динамично меняющемся социуме» [11], личности, актуализирующей в первую очередь свой творческий потенциал. Данные изменения при целеполагании закреплены на административном уровне, связанном с системой показателей, определяющих степень эффективности деятельности вуза. Так, в блоке *«Показатели, характеризующие научно-иннова-*

ционную составляющую процессов деятельности вуза» при оценке показателей группы 1 *«Образовательный процесс»* находим такие показатели, как доля учебных занятий, проводимых с использованием инновационных образовательных технологий (ОП1); доля дисциплин, реализуемых с использованием научно-инновационных разработок (ОП2). В группе 2 данного блока, идущей под рубрикой *«Учебно-методическое обеспечение»*, определены такие показатели, как доля учебников, подготовленных ППС вуза, признанных инновационными (УМ1); количество наименований выпущенных учебников и учебных пособий, признанных инновационными (УМ2) [6]. В этом же ряду стоит и проблема оценки деятельности педагога современного вуза, которая основана на критериях профессионализма, включающих как внешние (объективные): публикационная активность, индекс цитирования и т. п., так и внутренние (субъективные) критерии, демонстрирующие в первую очередь степень инновационной образовательной деятельности педагога.

Как отмечают исследователи, нынешние условия функционирования системы ВПО предъявляют повышенные требования к педагогической компетентности преподавателей вуза, а именно: преподаватель должен уметь разрабатывать модульные образовательные программы с ориентацией на компетентностный результат подготовки студентов, владеть активными и интерактивными формами преподавания (к ним относятся компьютерные симуляции, деловые и социально-ролевые игры, разбор конкретных ситуаций, тренинги и т. п.), уметь организовывать научно-исследовательскую, проектную и иную самостоятельную деятельность студентов [8, с. 72]. К сожалению, как отмечают исследователи, «большинство преподавателей... испытывают трудности при решении инновационно-педагогических задач» [Там же].

Под инновационностью большинство исследователей понимают «разработку и внедрение новшества в определенный процесс» [1, 14]. Поскольку в качестве процесса выступает педагогический, будем говорить о педагогической инновационной деятельности и конкретно о лингводидактической педагогической инноватике.

В качестве обобщения и безусловного принятия данной точки зрения сошлемся на опре-

деление инновационной деятельности, данное В.С. Лазаревым и Б.П. Мартиросяном, которые под ней понимают «целенаправленное введение новшеств (нововведений) в педагогическую систему с целью повышения качества образования» [10, с. 17]. Большинство современных исследователей трактуют инновационное обучение и как процесс, и как результат учебной и образовательной деятельности [9, с. 87]. Суть данной деятельности состоит в формировании готовности личности к изменениям в обществе, при этом личность сама подвергается определенным изменениям, проявлению качественных новообразований, отражающих ее (личности) позитивное развитие. Обратим внимание на тот факт, что изменениям подвергаются все участники образовательного процесса. Позитивные новообразования в личностных характеристиках педагога отражают его инновационную готовность, которая определяется как внутренними, так и внешними мотивами. Инновационная готовность педагога также отражает его интенцию сформировать ряд характеристик обучаемого, таких как способность к творчеству, разнообразным формам мышления, способность к толерантному взаимодействию и коммуникации с людьми разных культур и т. п. Данные характеристики должны формироваться в рамках *инновационной образовательной среды*, которая должна быть содержательно и организационно *инновационно емкой*.

Под инновационно емкой образовательной средой мы понимаем такое содержательное наполнение образовательного контекста и такие виды деятельности всех участников образовательного процесса, которые ориентированы не столько на передачу и приобретение знаний, сколько на способность актуализировать данные знания, порождать новые [11], инициировать новые нестандартные решения, демонстрировать рефлексию и критическое мышление. Данные характеристики могут и должны быть сформированы в условиях *управляемой образовательной среды*.

Долгое время в качестве инновационных технологий в иноязычном образовании рассматривались такие активные методы обучения, как деловые и ролевые игры, различные сценарии, кейс-метод, дискуссии, проекты (индивидуальные и групповые) и т. п. Действительно, данные виды деятельности формируют

ряд личностных и профессионально значимых характеристик, которые и указываются методистами в качестве целевых ориентиров. К ним прежде всего относятся рефлексия, самостоятельность, ответственность, умение работать в команде и другие характеристики, отражающие способность обучаемого формировать субъектную позицию. При этом наблюдается повышение мотивации к обучению вообще и к иностранному языку в частности.

Иностранный язык, как учебная дисциплина, был, на наш взгляд, одной из первых дисциплин вузовского цикла, в рамках которой были апробированы данные технологии. Коммуникативно заданный характер дисциплины неизбежно ориентировал педагога на данные виды деятельности. Немалый вклад внесли и зарубежные издания учебной литературы, которые задолго до отечественной лингводидактики включали такие виды упражнений, как «Case studies», «Simulation games», «Role plays» и т. п. В настоящее время данные виды деятельности в рамках иноязычного образовательного процесса, несомненно, играют свою роль при реализации основополагающих образовательных целевых установок, но они стали общим местом. И что дальше?

Сегодня, на наш взгляд, расширение понятия инновационности в лингводидактике связано с понятием *продуктивности*, рассматриваемой как смыслообразующий концепт продуктивного подхода, весьма успешно разрабатываемого современными исследователями [13]. В концепции продуктивности данная характеристика рассматривается и как процесс, и как конечный совокупный результат становления и развития личности, способной к самообразованию и саморазвитию. Понятие продуктивной иноязычной образовательной среды соотносимо в данном подходе с понятием инновационной образовательной среды, инновационная емкость которой обеспечивается системой продуктивных лингводидактических технологий (технология автономного продуктивно-модульного обучения иностранному языку; технология продуктивных лингвокогнитивных задач; технология модульного обучения продуктивному филологическому чтению на иностранном языке и ряд других).

Расширение понятия инновационности также связано с понятием поликодовости, ко-

торое обусловлено наличием информационно-образовательного пространства, включающего в себя медиа- и Интернет-ресурсы. О возрастающей роли информационно-коммуникационных технологий говорят многие исследователи [17, с. 13]. О способности данного информационного ресурса влиять на умы и характеристики потребителей информации говорится много позитивного и негативного. Мы твердо убеждены, что из данного *информационного ресурса* педагог-новатор должен сделать *информационно-дидактический ресурс*, и в этом состоит основной вызов современной лингводидактике и преподавателям-новаторам. Еще древние греки считали, что знание должно воспитывать, и рассматривали школу как институциональную форму воспитания гражданина. Как отмечают исследователи, «субъектам образования должны быть предложены образовательные технологии, реализация которых в учебном процессе обеспечивает одновременно целенаправленное формирование и конкретных знаний, и конкретных структур личности будущего профессионала [12, с. 37].

Анализ многих современных диссертационных исследований, а также учебно-методических ресурсов, посвященных использованию поликодовых материалов [2–4] позволяет сделать вывод о необходимости и целесообразности включения данного ресурса в практику лингводидактики, более того, рассматривать поликодовость как одну из характеристик, отражающих современный иноязычный образовательный процесс. Инновационность поликодовых технологий достаточно очевидна, но их лингводидактический потенциал раскрыт еще не полностью, при этом нулевой или даже негативный результат также может быть обнаружен исследователями. Не претендуя на обобщенные характеристики подобных дидактических ресурсов, остановимся на тех, которые представляются важными в рамках определения их инновационности:

- *адаптивность*, т. е. способность адаптироваться к индивидуальности каждого студента;
- *способность к актуализации личностных характеристик* обучаемого, т. е. обращенность к процессам самореализации личности;

- *равноправное партнерство* субъектов образовательного процесса, т. е. соблюдение принципа «диалогового равенства»;

- *методическая целесообразность*, определяющая баланс усилий педагога и конечного результата;

- *вариативность форм и видов деятельности*, обусловленная поликодовым характером современной коммуникации.

Таким образом, опираясь на достаточно известное определение педагогической инновации, под которой принято понимать «инновационные процессы, затрагивающие организационно-правовые аспекты образования, технологии, формы взаимодействия субъектов образовательного процесса и направленные на создание педагогических новшеств, их внедрение и освоение, применение и распространение» [16, с. 32], позволим себе дополнить его следующей характеристикой. Любое новшество должно способствовать эффективному достижению цели, при этом эффективность понимается и как процесс *интенсификации*, и как процесс *оптимизации*, и как процесс *мотивированной вовлеченности* всех участников образовательной деятельности. Если содержание информации, способы ее обработки, виды деятельности, предлагаемые педагогом, отвечают данным критериям, вероятно, можно говорить о некоем новаторстве. Современный образовательный контекст, охарактеризованный нами как полипарадигмальный образовательный контекст, немислим без инновационности как деятельности, осуществляемой на уровне целевых установок, на уровне менеджмента образовательного процесса, на уровне взаимодействия всех участников образовательного процесса и на уровне формирования процессуально-содержательных компонентов.

Таким образом, нами определен полипарадигмальный характер современного образовательного контекста иноязычного образования в высшей школе, определены принципы современных подходов, формирующих данный полипарадигмальный контекст, отражено наше понимание инвариантной характеристики современного образовательного процесса – инновационности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Адольф, В.А.** Инновационная деятельность педагога в процессе его профессионального становления [Текст]: моногр. / В.А. Адольф, Н.Ф. Ильина. – Красноярск: Поликом, 2007. – 204 с.
2. **Алмазова, А.Б.** Английский язык [Текст]: практ. курс для студ. неязыковых фак. / А.Б. Алмазова. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – 127 с.
3. **Алмазова, Н.И.** Английский язык [Текст]: учеб. пособ. для магистрантов гуманитар. профиля / Н.И. Алмазова [и др.]. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – 215 с.
4. **Она же.** Английский язык [Текст]: практ. курс для магистрантов техн. профиля / Н.И. Алмазова [и др.]. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – 271 с.
5. **Бондаревская, Е.В.** Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания [Текст] / Е.В. Бондаревская. – Ростов н/Д: Учитель, 1999. – 563 с.
6. **Гаффорова, Е.Б.** Формирование системы показателей оценки качества и эффективности научно-инновационной деятельности вуза [Текст] / Е.Б. Гаффорова [и др.] // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – № 27 (84).
7. **Гурулева, Т.Л.** Формирование личности новоевразийского типа в системе высшего языкового востоковедческого образования [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Т.Л. Гурулева. – Улан-Удэ, 2011. – 52 с.
8. **Дружилов, С.А.** Кафедра вуза в новых условиях: проблемы и перспективы [Текст] / С.А. Дружилов // Инновации в образовании. – 2013. – № 3. – С. 60–74.
9. **Кофанова, Е.В.** Проблемно-исследовательский подход как необходимое условие обеспечения эффективной химической подготовки студентов-экологов в техническом вузе [Текст] / Е.В. Кофанова // Там же. – С. 86–96.
10. **Лазарев, В.С.** Нормативный подход к оценке инновационной деятельности школы [Текст] / В.С. Лазарев, Б.П. Мартиросян // Педагогика. – 2003. – № 3.
11. **Наливайко, Н.В.** Инновационное образование в России: внедрение или изучение зарубежного опыта [Текст] / Н.В. Наливайко, В.В. Петров // Философия образования. – 2011. – № 2. – С. 63–64.
12. **Околелов, О.П.** Интеграционные процессы в профессиональном образовании [Текст] / О.П. Околелов // Alma Mater. – 2013. – № 4. – С. 36–39.
13. **Рубцова, А.В.** Концептуально-методологические основы продуктивного подхода в пространстве профессионального иноязычного образования [Текст] / А.В. Рубцова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – 151 с.
14. **Сластенин, В.А.** Педагогика: инновационная деятельность [Текст] / В.А. Сластенин, Л.С. Подымова. – М.: Магистр, 1997. – 224 с.
15. **Федорова, М.А.** Мировой социально-экономический контекст научного образования [Текст] / М.А. Федорова, А.М. Завьялов // Alma Mater. – 2013. – № 4. – С. 7–10.
16. **Хуторской, А.В.** Педагогическая инноватика: методология, теория, практика [Текст] / А.В. Хуторской. – М.: Изд-во УНЦ ДО, 2005. – 222 с.
17. **Higher Education, Research and Innovation: Changing dynamics [Text]: Report on the UNESCO Forum on HE, Research and Knowledge 2001–2009 // Kassel, 2009. – 242 p.**

REFERENCES

1. **Adol'f V.A., Il'ina N.F.** Innovatsionnaia deiatel'nost' pedagoga v protsesse ego professional'nogo stanovleniia. Monografiia. Krasnoiarsk, Polikom, 2007. 204 p. (rus.)
2. **Almazova A.B.** Angliiskii iazyk. Prakticheskii kurs dlia studentov neiazykovykh fakul'tetov. St. Petersburg, Publ. Politechnical Univ., 2012. 127 p. (rus.)
3. **Almazova N.I., Nikitenko O.A., Popova N.V., Stepanova M.M.** Angliiskii iazyk. Uchebnoe posobie dlia magistrantov gumanitarnogo profilja. St. Petersburg, Publ. Politechnical Univ., 2012. 215 p. (rus.)
4. **Almazova N.I., Kogan M.S., Nikitenko O.A., Popova N.V., Stepanova M.M.** Angliiskii iazyk. Prakticheskii kurs dlia magistrantov tekhnicheskogo profilja. St. Petersburg, Publ. Politechnical Univ., 2012. 271 p. (rus.)
5. **Bondarevskaja E.V.** Pedagogika: lichnost' v gumanisticheskikh teoriiah i sistemakh vospitaniia. Rostov-na-Donu, Uchitel', 1999. 563 p. (rus.)
6. **Gafforova E.B., Eliseeva T.I., Repina E.Ia., Sindeeva T.V.** Formirovanie sistemy pokazatelei otsenki kachestva i effektivnosti nauchno-innovatsionnoi deiatel'nosti vuza. *Natsional'nye interesy: priorityty i bezopasnost'*, 2010, nr 27 (84). (rus.)
7. **Guruleva T.L.** Formirovanie lichnosti novoevrazijskogo tipa v sisteme vysshego iazykovogo vostokovedcheskogo obrazovaniia. Avtoref. dis. ... dokt. ped. nauk. Ulan-Ude, 2011. 52 p. (rus.)
8. **Druzhilov S.A.** Kafedra vuza v novykh usloviiakh: problemy i perspektivy. *Innovatsii v obrazovanii*, 2013, nr 3, pp. 60–74. (rus.)
9. **Kofanova E.V.** Problemno-issledovatel'skii podkhod kak neobkhdimoe uslovie obespecheniia effektivnoi khimicheskoi podgotovki studentov-ekologov v tekhnicheskome vuze. *Innovatsii v obrazovanii*, 2013, nr 3, pp. 86–96. (rus.)
10. **Lazarev V.S., Martirosian B.P.** Normativnyi podkhod k otsenke innovatsionnoi deiatel'nosti shkoly. *Pedagogika*, 2003, nr 3, p. 17. (rus.)

11. **Nalivaiko N.V., Petrov V.V.** Innovatsionnoe obrazovanie v Rossii: vnedrenie ili izuchenie zarubezhnogo opyta. *Filosofia obrazovaniia*, 2011, nr 2, pp. 63–64. (rus.)
12. **Okolelov O.P.** Integratsionnye protsessy v professional'nom obrazovanii. *Alma Mater*, 2013, nr 4, pp. 36–39. (rus.)
13. **Rubtsova A.V.** Kontseptual'no-metodologicheskie osnovy produktivnogo podkhoda v prostranstve professional'nogo inoiazыchnogo obrazovaniia. St. Petersburg, Publ. RGPU im. A.I. Gertsena, 2012. 151 p. (rus.)
14. **Slastenin V.A., Podymova L.S.** Pedagogika: innovatsionnaia deiatel'nost'. Moscow, Magistr, 1997. 224 p. (rus.)
15. **Fedorova M.A., Zav'ialov A.M.** Mirovoi sotsial'no-ekonomicheskii kontekst nauchnogo obrazovaniia. *Alma Mater*, 2013, nr 4, pp. 7–10. (rus.)
16. **Khutorskoi A.V.** Pedagogicheskaiia innovatika: metodologiia, teoriia, praktika. Moscow, Publ. UNTS DO, 2005. 222 p. (rus.)
17. **Higher Education, Research and Innovation: Changing dynamics.** Report on the UNESCO Forum on HE, Research and Knowledge 2001–2009. Kassel, 2009. 242 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

КИКОТЬ Владимир Яковлевич – начальник Управления Президента РФ по вопросам государственной службы и кадров, член-корреспондент государственной академии наук «Российская академия образования», доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор.
v.y.kikot@gmail.com

КИКОТ' Vladimir Ya. – Head of the Department of Service and Human Resources of the President of the Russian Federation; Associate Member of the Russian Academy of Education, PhD (Juridical Science), PhD (Pedagogy), Professor.
v.y.kikot@gmail.com

АЛМАЗОВА Надежда Ивановна – заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор педагогических наук, профессор.
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
almazovanadia1@yandex.ru

ALMAZOVA Nadezhda I. – Chair, Institute of Applied Linguistics, PhD (Pedagogy), PhD (Philology), Professor; St. Petersburg State Polytechnical University.
Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
almazovanadia1@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 338.24

*А.И. Александрова***ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ РОССИИ***Ariadna I. Aleksandrova***MODERNIZING GOVERNANCE MECHANISM
OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIA**

Аннотация

В статье раскрываются проблемы инновационного развития в России. Автором отмечаются факторы, препятствующие инновационному развитию предприятия: сформировавшаяся система концентрированной корпоративной собственности, неблагоприятный инвестиционный климат и др. В качестве итога приводятся задачи, которые должен решать современный механизм государственного управления инновационным развитием.

Ключевые слова

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ, ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ, МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, КОРПОРАТИВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Abstract

In clause problems of innovative development in Russia reveal. The author marks the factors interfering innovative development of the enterprise. Among them the generated system of the concentrated corporate property, a unsuccessful investment climate, etc. As a result are resulted problems which the modern mechanism of the government innovative development should solve.

Keywords

INNOVATIVE DEVELOPMENT, THE PROBLEM OF MODERNIZATION, GOVERNANCE MECHANISMS THE CORPORATE PROPERTY.

Кардинальные структурные сдвиги в мировой экономике в последние 20–30 лет обусловлены многими факторами, но ключевым среди них является усиление экономической роли инноваций. Это сопряжено с возросшим влиянием науки и техники на общественную жизнь, что и стало причиной изменения состава основных источников экономического роста. Сфера науки и интеллектуальный капитал признаются существенными причинами подъема экономики. Генеральным направлением модернизации экономических систем становится конвергенция технологий, таких как нано- и биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии. В стратегических документах развитых стран определяются цели в области науки и инноваций.

В России формирование инновационной деятельности проходило параллельно с рефор-

мированием государственного управления. С 1997 года начался период перехода на качественно новую ступень:

- 31 марта 1997 года правительство РФ утвердило программу «Структурная перестройка и экономический рост в 1997–2000 годах» [1];

- 6 мая 1998 года приказом Министерства науки и технологий РФ утверждена Межведомственная программа активизации инновационной деятельности в научно-технической сфере России [2];

- 24 июля 1998 года правительство РФ приняло постановление «О концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы» [3].

Эти документы сыграли роль инструмента, с помощью которого были запущены инновационные процессы. В 2000 году был создан Союз инновационно-технологических цент-

ров (ИТЦ) России, объединивший 21 ИТЦ из 8 регионов РФ с целью содействия в их развитии в России. В этих ИТЦ расположились малые технологические предприятия, функционирующие более чем в 20 секторах экономики. Процесс активизации инновационных процессов продолжал развиваться:

- 5 августа 2005 года правительство РФ утвердило «Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года» [4];

- 15 февраля 2006 года Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике утверждена «Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года» [5];

- 8 декабря 2011 года правительство РФ утвердило «Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [6];

- 11 января 2012 года президентом Российской Федерации утверждены «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» [7];

- 29 марта 2013 года правительство РФ утвердило государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» [8].

Стратегическая цель государственной политики в области развития науки и технологий на направлениях, которые определены национальными научно-технологическими приоритетами, формулируется следующим образом: обеспечить к 2020 году мировой уровень исследований и разработок и глобальную конкурентоспособность Российской Федерации.

Характерной особенностью российской предпринимательской среды является сконцентрированность больших капиталов в отдельных отраслях экономики и финансовая бедность других отраслей. Большими капиталами обладает нефтегазовая отрасль, дефицит же испытывает промышленность и другие отрасли, в то время как именно промышленность имеет природную возможность и техническую необходимость инновационного развития.

Спецификой российской экономики является наглядный дисбаланс между природными возможностями и технической необходимостью,

с одной стороны, и финансовыми возможностями реализации — с другой. В этих условиях и в контексте построения жизнеспособного механизма активизации инновационной деятельности одна из приоритетных задач государства — соединить интеллектуальный капитал, техническую востребованность и финансовый капитал, причем важно сбалансированно объединить возможности и усилия всех регионов.

Разбалансированность интересов субъектов экономики, обусловленная сформированной системой концентрированной корпоративной собственности, является еще одним серьезным препятствием для инновационного развития предприятий.

В мировой экономической системе при общем развитии многообразия форм собственности наблюдается увеличение доли предприятий с частичной или полной собственностью работников на средства производства. Это свидетельствует о становлении производственных отношений на основе двухфакторной экономической системы. Сущность и преимущества двухфакторной экономики подробно исследовались О.Н. Бучинской [9].

Двухфакторная экономика представляет собой систему, в которой происходит объединение труда и капитала в руках трудового коллектива путем передачи каждому работнику прав долевого участия в собственности и управлении своим предприятием. В результате каждый член трудового коллектива не только участвует в производстве в качестве носителя рабочей силы, но также является ответственным собственником доли предприятия, результативность работы которого, таким образом, напрямую зависит от труда непосредственных производителей.

При внедрении двухфакторной экономики как основополагающей экономической концепции произойдет качественно новый скачок экономического развития, в котором даже с учетом современного уровня развития производительных сил общества могут быть достигнуты экономические цели, в частности производство и рациональное распределение в обществе прибавочного продукта, достижение устойчивого экономического роста, обеспечение экономической свободы и полной занятости [10, с. 44].

Соотношение форм собственности на средства производства, типичное для развитых стран [11], приведено в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Соотношение форм собственности на средства производства в развитых странах

Форма собственности на средства производства	Доля, %
Частная	10–15
Корпоративная (коллективно-кооперативная, кооперативная, акционерная, общественная и т. п.)	60–70
Государственная	10–15

Процесс интегрирования различных форм собственности обусловлен влиянием совершающейся в мире научно-технической и управленческой революции. Та форма собственности, которая в большей степени обеспечивает мотивацию человека к труду и к жизни, дает максимальный эффект в создании социальных условий для жизни каждого совокупного национального продукта, получает приоритет. Таким видом собственности является корпоративная, позволяющая наиболее полно связать результаты хозяйственной деятельности с ее социальным смыслом, а следовательно, и смыслом человеческого существования вообще.

Если социалистический и капиталистический методы хозяйствования – две противоположности, то корпоративный метод является их синтезом. Корпоративное хозяйство – это общественное согласие, при котором каждый обретает доступ к владению собственностью и распоряжению ею через участие в собственности местного сообщества.

Мировой опыт подтверждает: если право собственности на средства производства, на основе совладения и соучастия в управлении общественными делами, принадлежат работникам, а не капиталу и не государству, то это является источником экономического и общественного роста и мотивацией творческого труда, который становится в наше время определяющим [12, с. 63–79].

Основой инновационного развития предприятия и эффективности управления является человеческий капитал, низкое качество которого предопределяет кризис в области социально-трудовых отношений, что также является еще одной значительной преградой для инновационного развития предприятий. Кризис

обусловлен неадекватным уровнем оплаты труда, что является препятствием для выполнения стимулирующей роли заработной платой.

Низкий уровень заработной платы – причина незначительного уровня эффективности использования трудовых ресурсов и ограничитель увеличения покупательной способности населения, что предопределяет сужение и деформацию потребительского рынка, способствуя падению объемов производства и занятости в отраслях с передовыми технологиями и квалифицированными работниками. Дешевизна рабочей силы препятствует внедрению новой техники, поскольку низкая цена человеческого капитала финансово оправдывает низкий технологический уровень производства.

Таким образом, с одной стороны, недостаточный уровень заработной платы является причиной низкой эффективности работы промышленных предприятий, с другой – низкая заработная плата препятствует повышению эффективности использования инновационного потенциала предприятия и повышению технологического уровня производства.

Очевидно, что в наше время особенно остро ощущается необходимость построения двухфакторной модели экономики, основной концепцией которой является наделение правами собственности работающее население. Однако в прямом смысле вернуться назад посредством национализации и проведения повторной массовой приватизации, ориентированной на каждого работающего, не получится. Обратной дороги нет. Поэтому в целях обеспечения общности интересов сегодняшних собственников и наемных работников целесообразно внедрить в практику создание внутрикорпоративных имущественных фондов.

Не менее важным условием инновационного развития является благоприятный инвестиционный климат. По этому показателю Россия отстает от первенствующих в инновационном развитии стран, что подтверждается данными, приведенными в табл. 2

Одна из основных причин такой ситуации – невысокий уровень инвестиций в инновации, которые позволили бы обеспечивать непрерывное обновление технической и технологической базы производства, снижать себестоимость, осваивать и выпускать новую конкурентоспособ-

Т а б л и ц а 2

**Характеристика инвестиционного климата
 в России**

Показатель	Значение показателя	
	Россия	Другие страны
Удельный вес инновационно активных предприятий	9–10 %	Германия – около 80 %, Финляндия – более 50 %, Литва – более 30 %
Доля в мировом наукоемком экспорте продукции гражданского назначения	0,5 %	США – 36 %, Япония – 30 %, Германия – 16 %, Китай – 6 %
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной промышленной продукции*	6,1 %	Нет свед.

* Минимальный показатель для современной конкурентоспособной экономики – 15 %.

ную продукцию, проникать на мировые рынки товаров и услуг. Поэтому не менее важным в процессе повышения инвестиционной активности в России является решение вопросов, связанных с развитием конкуренции.

Однако отсутствие комплексной системы показателей состояния конкурентной среды на товарных рынках в Российской Федерации является препятствием для дальнейшего инновационного развития. Необходима собственная система оценки состояния конкурентной среды в России. Такая оценка не только позволит отслеживать эффективность реализации государственной конкурентной политики, но и определять причины, препятствующие развитию конкуренции на товарных рынках.

Не отвечает задачам модернизации и сложившаяся отраслевая структура российского малого и среднего бизнеса, которая качественно отстает от уровня развития малого и среднего бизнеса в европейских странах, где количественный показатель и вклад производственных компаний значительно выше и доминирует неторговый сектор экономики.

Созданные элементы инновационной системы и увеличение государственного финансирования не запустили в должной степени

модернизационные процессы и пока не привели к необходимым структурным изменениям и диверсификации экономики.

Не удалось изменить негативные тенденции, значимые для инновационного развития. Необходимо ускорение процесса интеграции национальной инновационной системы в глобальную, а также повышение инновационной активности и эффективности работы компаний, в том числе государственных. Требуется более тесное взаимодействие науки и бизнеса в целях повышения уровня коммерциализации научных разработок до уровня развитых стран – членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Ключевая проблема для российской экономики – неудовлетворительный спрос на инновации и его неэффективная структура, о чем свидетельствует излишняя доля закупки готового оборудования за рубежом взамен внедрения собственных новых разработок.

Нерешенными остаются и ряд других серьезных проблем, сохранение которых может свести к нулю результативность деятельности правительства Российской Федерации и бизнеса в плане инновационного развития экономики страны. В первую очередь это:

- высокие риски ведения предпринимательской деятельности в России (так, по месту в рейтинге Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing Business) Российская Федерация занимает лишь 112-е место);
- наличие коррупции и излишних административных барьеров, прежде всего для развития малого и среднего бизнеса, в том числе инновационного;
- незаинтересованность кредитных организаций в финансировании рискованного инновационного бизнеса;
- фрагментарность национальной инновационной системы, отсутствие должных взаимосвязей между ее элементами, надлежавшей интеграции образования, науки и бизнеса;
- неразвитость рынка интеллектуальной собственности, неурегулированность распределения прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные за счет бюджетных средств, недостаточный уровень защиты прав интеллектуальной собственности (по данному показателю в соответствии с Отчетом о мировой конкурентоспособности за 2012 год Все-

мирного экономического форума Россия занимает 125-е место в мире);

- недостаточный уровень предсказуемости направлений развития государственного регулирования и государственной политики, сохраняющиеся проблемы межведомственной и межуровневой координации при планировании и реализации стратегических документов развития, недостаток оперативной и достоверной официальной статистической информации для принятия управленческих решений и корректировки государственной политики;

- недостаточное развитие механизмов государственно-частного партнерства, ограниченная эффективность государственных инвестиций;

- недостаточный кадровый, в том числе управленческий, потенциал для развития инновационных секторов экономики и модернизации традиционных отраслей;

- отсутствие для предприятий стимулов к повышению производительности труда.

Перечисленные факторы негативным образом отражаются на инвестиционной привлекательности нашей страны и степени ее национальной конкурентоспособности на мировом уровне.

Только неуклонное и последовательное решение перечисленных проблем позволит осуществить радикальный прорыв в инновационном развитии России.

В западных странах одним из основных источников финансирования инновационных проектов является венчурный капитал. В России же существует ряд проблем, препятствующих развитию венчурной индустрии. К ним относятся следующие:

1. Отсутствие механизма стимулирования осуществления инвестиций на ранних стадиях инновационного проекта.

2. Отсутствие стимулирующего механизма, направленного на удержание венчурного капитала в проекте до стадии расширения.

3. Отсутствие регламентированной методики оценки справедливой стоимости венчурного финансирования, что обуславливает разногласия между менеджментом и венчурными инвесторами по поводу стоимости доли венчурного инвестора в инновационном предприятии.

Проблемой инновационного развития в России является также отсутствие профессиональных экспертов, которые могли бы выяв-

лять и оценивать инновационные возможности предприятий, регионов и отраслей.

Произошедший в период проводимой массовой приватизации распад большей части научно-исследовательских институтов, занимавшихся разработкой новых технологий, еще более усугубил ситуацию. Дефицит рабочих мест для приложения высококвалифицированного труда стал причиной снижения престижности инженерного образования, что обусловило низкий спрос на получение высшего инженерного образования. Это способствовало резкому снижению проходного балла на инженерные специальности в высших учебных заведениях, что объясняет набор абитуриентов с низким уровнем знаний и, как следствие, низкий уровень выпускаемых специалистов. Этим объясняется и проблема дефицита высококвалифицированных инженерных кадров.

Очевидно, что исправить ситуацию с дефицитом высококвалифицированных инженерных кадров можно только путем обеспечения рабочих мест. Заключение договоров о будущем сотрудничестве, что гарантирует достойное рабочее место по окончании вуза, обеспечит приток лучших учеников в вузы на инженерные специальности. Безусловно, решить эту задачу можно только с участием государства. Для этого необходима перестройка государственного механизма управления инновационным развитием.

Препятствием для инновационного развития России является также открытость внешних границ рынка для импорта. Эта проблема еще более обострилась с вступлением России в ВТО. Приобретение импортной техники и оборудования для отечественных предприятий сегодня выгоднее, чем разработка своих аналогов. Российским инженерным специалистам старшего поколения, которые по своей квалификации значительно выше, чем выпускаемые молодые специалисты, по приведенным выше причинам, под силу сделать отечественные аналоги более высокого качества, однако их изготовление чаще обходится дороже, чем приобретение импортных. Отечественный рынок сейчас располагает к дешевому импорту. Российские товары, выигрывающие по качеству, не могут пока конкурировать по цене.

В эту ситуацию также необходимо вмешательство государства. Важно обеспечить оптимальное тарифно-таможенное регулиро-

вание ввоза в Россию импортных аналогов. Посредством повышения таможенных пошлин на импортные аналоги следует воздействовать на механизм ценообразования на отечественном рынке. Данная мера позволит повысить конкурентоспособность отечественных аналогов и обеспечит условия для их продвижения на рынке. Она должна применяться и к импортным аналогам, замена которым постепенно будет появляться на российском рынке. В противном случае поднятие российской промышленности и значительное инновационное развитие России невозможны.

Таким образом, приведенные выше факты свидетельствуют о необходимости модернизации механизма государственного управления инновационным развитием. Посредством данного механизма должны решаться следующие задачи: 1) активизация инновационной деятельности в России; 2) создание условий для повышения ценовой конкурентоспособности отечественной продукции; 3) увеличение числа рабочих мест; 4) диверсификация российской и региональной экономики; 5) диверсификация структуры собственности; 6) увеличение ВВП и ВРП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Программа** Правительства Российской Федерации «Структурная перестройка и экономический рост в 1997–2000 годах» [Электронный ресурс]: [утв. Постановлением Правительства РФ от 31.03.1997 г. № 360]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/search> (дата обращения: 01.07.2013).
2. **Межведомственная** программа активизации инновационной деятельности в научно-технической сфере России [Электронный ресурс]: [утв. Приказом М-ва науки и технологий РФ от 06.05.1998 г. № 58] // Там же.
3. **О концепции** инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы [Электронный ресурс]: [утв. Постановлением Правительства РФ от 24.07.1998 г. № 832] // Там же.
4. **Основные** направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года [Электронный ресурс]: [утв. Правительством РФ от 05.08.2005 г. № 2473п-П7] // Там же.
5. **Стратегия** развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года [Электронный ресурс]: [утв. Межведомственной комиссией по науч.-инновац. политике, протокол от 15.02.2006 г. № 1] // Там же.
6. **Стратегия** инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электрон-

ный ресурс]: [утв. Распоряжением Правительства от 08.12.2011 г. № 2227-р] // Там же.

7. **Основы** политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]: [утв. Президентом Российской Федерации 11.01.2012 г. № Пр-83] // Там же.

8. **Государственная** программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» [Электронный ресурс]: [утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.03.2013 г. № 467-р] // Там же.

9. **Бучинская, О.Н.** Развитие бинарных форм экономической деятельности в странах с транзитивной экономикой [Текст]: автореф. дис. ... канд. экон. наук / О.Н. Бучинская. – Челябинск, 2006.

10. **Бурова, Н.В.** Социальная статистика [Текст] / Н.В. Бурова [и др.]; под ред. И.И. Елисевой. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 480 с.

11. **Хасбулатов, Р.И.** Государство и экономика: проблема оптимальности в соотношениях форм собственности [Текст] / Р.И. Хасбулатов // Междунар. экономика. – 2010. – № 12. – С. 5–17.

12. **Иванов, В.Н.** Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления [Текст] / В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 2001. – 327 с. – (Энцикл. управленческих знаний).

REFERENCES

1. Programme of the Government of the Russian Federation “Structural Change and Economic Growth in 1997–2000” (approved by the RF Government Decree of 31.03.1997, nr 360). Access mode: <http://www.consultant.ru/search> (reference date: 01.07.2013).
2. Interagency program innovative activities in science and technology Russia (approved by Order of the Ministry of Science and Technology of the Russian Federation of 06.05.1998 nr 58). Access mode: <http://www.consultant.ru/search> (reference date: 01.07.2013).

3. On the concept of innovation policy of the Russian Federation for 1998–2000 (approved by the RF Government Decree of 24.07.1998, nr 832). Access mode: <http://www.consultant.ru/search> (reference date: 01.07.2013).

4. Main policies of the Russian Federation in the field of innovation system development for the period up to 2010 (approved by the Government of the Russian Federation 05.08.2005, nr 2473p-P7). Access mode: <http://www.consultant.ru/search> (reference date: 01.07.2013).

5. The strategy of development of science and innovation in the Russian Federation for the period up to 2015 (approved by the Interdepartmental Committee on Science and Innovation Policy Protocol of 15.02.2006 nr 1). Access mode: <http://www.consultant.ru/search> (reference date: 01.07.2013).

6. The strategy of innovative development of the Russian Federation until 2020 (approved by the Decree of the Government of 08.12.2011 nr 2227-р). Access mode: <http://www.consultant.ru/search> (reference date: 01.07.2013).

7. The policy framework of the Russian Federation in the field of science and technology for the period up to 2020 and beyond (approved by the President of the Russian Federation 11.01.2012 nr Pr-83). Access mode: <http://www.consultant.ru/search> (reference date: 01.07.2013).

8. The State Program of the Russian Federation, “Economic Development and Innovation Economy” (approved by the RF Government Decree 29.03.2013 nr 467-р). Access mode: <http://www.consultant.ru/search> (reference date: 01.07.2013).

9. **Buchynska O.N.** The development of binary forms of economic activity in the countries with transitive economy. Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Chelyabinsk, 2006.

10. **Burova N.V., Vasilyeva E.K., etc.** Social Statistics, ed. by I.I. Eliseeva. Moscow, Finance and Statistics, 2002. 480 p.

11. **Khasbulatov R.I.** The state and the economy: the problem of optimality in the ratio of ownership. *International Economics*, 2010, nr 12, pp. 5–17.

12. **Ivanov V.N., Patrushev V.I.** Innovative social technologies of Public Administration. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Economy, 2001. 327 p. (Encyclopedia of knowledge management).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

АЛЕКСАНДРОВА Ариадна Иосифовна — доцент кафедры политической экономики Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
aariadna@mail.ru

ALEKSANDROVA Ariadna I. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
aariadna@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 327

Е.А. Манжула

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ КОСМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Katerina A. Manzhula

PERMANENT THREATS FOR SPACE SECURITY

Аннотация

В статье рассматриваются негативные последствия, вызванные «второй космической гонкой», грозящие пересмотром принципов использования космического пространства, что неизбежно поставит под угрозу космическую и соответственно национальную безопасность каждого государства. Автор делает вывод о необходимости защиты международных принципов по использованию космоса в мирных целях, укрепления международной космической безопасности, прежде всего путем юридического решения существующих угроз.

Ключевые слова

КОСМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, КОСМОС, КОСМИЧЕСКИЙ МУСОР, ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, «ВТОРАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ГОНКА».

Abstract

At the beginning of the XXI century at the political level there was realization of the space programs role in national security ensuring, defense capability, transport and communication development and socio-economic sphere of states. Possession of its own resources and technologies, as well as independent access to space has regained strategic importance for each state. In the struggle for leadership, along with the opportunities offered by the practical exploration of outer space, new threats have arisen and existing ones have strengthened. The article discusses the negative effects caused by the „second space race” threatening the revision of outer space use principles which will inevitably endanger space and therefore national security of every state. The author makes a conclusion that there is a need to protect international principles of outer space use for peaceful purposes, to strengthen international space security, primarily through legal solutions of existing threats.

Keywords

SPACE SECURITY, SPACE, SPACE DEBRIS, SECURITY MEASURES, INTERNATIONAL LAW, “SECOND SPACE RACE”.

Вторая половина XX столетия ознаменовалась вступлением человека в космическую эру. Долгие десятилетия развитие этой сферы осуществлялось благодаря активной борьбе супердержав СССР и США за место лидера. Первенство в космической сфере как тогда, так и сейчас означает для любого государства доминирование не только в космосе, но и во всем мире. В Национальной политике США в области космической деятельности говорится: «В новом веке тем, кто эффективно использует космическое пространство, будут в большей мере доступны процветание и безопасность, и они получают значительное преимущество над теми, кто его не использует» [1]. Подобное осознание роли аэрокосмических технологий

произошло на политическом уровне и в других странах мира, в том числе и в России, для которой космос является одним из приоритетов ее государственной политики [2].

Аэрокосмические технологии дают возможность обеспечивать национальную безопасность, способствуют развитию научно-технического, социально-экономического прогресса. От них зависит как конкурентоспособность государственной экономики, так и «вес» государства на международной арене. Таким образом, успешное участие в освоении космоса имеет стратегическое значение для современных государств.

При этом наряду с возможностями, которые дает освоение космоса, появилась новая проблема в сфере глобальной безопасности –

ее возрастающая зависимость от надежной работы космической инфраструктуры, вызванная возникновением ряда новых угроз вследствие возобновившейся борьбы за космос.

Космическая безопасность перестала быть исключительно способностью одного государства иметь военное превосходство в космосе над другим, теперь это «способность субъекта контролировать часть космического пространства и осуществлять в нем определенную деятельность, не подвергаясь при этом внешнему давлению, угрозам или нападению со стороны оппонентов» [3, с. 32]. Глубокое проникновение космических информационных систем в различные сферы жизни, в том числе и в военную, привело к тому, что прекращение их функционирования как могло, так и по сей день может привести к эскалации конфликта в ядерную войну. Это породило стремление государств защитить их, что, в свою очередь, спровоцировало «вторую космическую гонку».

Существуют различные точки зрения относительно даты ее начала. Так, одни специалисты говорят о 2002 году, когда США вышли из Договора по ПРО и завершили ряд американо-российских космических инициатив (программа РАМОС и др.) [Там же. С. 33]. Другие специалисты придерживаются мнения, что она началась в 2003 году с успехов Китая в области космонавтики [4, с. 34]. За этим последовали изменения в космических программах других стран мира, направленные либо на ускорение развития космических программ, либо на достижение такого уровня развития в этой области, которое не позволит Китаю занять лидирующие позиции.

Отличительной особенностью «второй космической гонки» стало, с одной стороны, стремление международного сообщества сформировать международную космическую политику для поиска новых и эффективных форм сотрудничества между странами, участвующими в освоении космоса, которые при этом не несли бы угрозу их национальной безопасности (проект «Воздушный старт», проект МКС, системы ГАЛИЛЕО-ГЛОНАСС и др.). А с другой стороны, возникла тенденция, заключающаяся в стремлении каждого государства к единоличному освоению и практическому использованию космоса, обладанию своими независимыми активами. Использование собственных ресурсов, технологий и независимый доступ в

космос стали превалировать над международным сотрудничеством.

Участниками космической деятельности являются более 120 стран мира [5, с. 7]. Лидирующие позиции в освоении космоса в настоящее время занимают страны, входящие в «Большой космический клуб» (БКК): Россия, США, Франция, Япония, КНР, Великобритания, ЕКА, Индия, Израиль, способные самостоятельно осваивать и использовать космос в практических целях. Наряду с ними существуют страны – «кандидаты» в члены: Бразилия, ЮАР, Иран и др., не обладающие достаточным потенциалом для реализации своих космических программ в масштабах стран БКК. Членство может дать им новые возможности в политической, военной, научно-технической и социально-экономической сферах [Там же].

Однако с увеличением количества участников, развитием науки и техники, усилением борьбы за космическое пространство возникают все новые проблемы, грозящие пересмотром принципов использования космического пространства и порождающие угрозу космической безопасности и, как следствие, национальной безопасности.

Одна из первоочередных проблем заключается в том, что нормотворчество в международном космическом праве не соответствует современным темпам освоения космического пространства, а уже существующие нормы имеют серьезные правовые лакуны.

В международном праве отсутствуют такие понятия, как «космическое оружие» и «космическое пространство». Существует два подхода к определению последнего. Так, большинство стран совместно с Международной федерацией аэронавтики считают, что на высоте 100–120 км над уровнем моря заканчивается воздушное и начинается космическое пространство. А США и Канада, в своих интересах, «различают авиационную и космическую деятельность в зависимости от типа используемого аппарата. Это, в свою очередь, открывает возможности для провозглашения государствами суверенитета над пограничными слоями космоса, выдавая их за «верхние слои атмосферы» [3, с. 33]. Это позволяет выводить в космос оружие на новых физических принципах (ОНФП) и ударные боевые платформы. Последние, по американской классификации, являются системами

«заатмосферного» перехвата, т. е. обычными вооружениями, не подпадающими под Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства 1967 года.

Также отсутствуют нормы и правила касательно коммерческой деятельности, проводимой в космосе, а существующие нормы космического права не распространяются на новых акторов космической деятельности — транснациональные корпорации (ТНК). Если на заре космической эры освоением околоземного космического пространства имели возможность заниматься только государства, то в настоящее время такой возможностью обладают и ТНК. Они владеют своими спутниками, выполняют госзаказы, покупают у государств услуги, предоставляемые его орбитальной группировкой.

Все большую значимость приобретает проблема загрязнения космического пространства, глобальный характер которой был признан мировым сообществом только в конце XX века. В международном праве также нет определения понятия «космический мусор», но в юридической литературе можно встретить следующее: «этот вид объектов включает любые искусственные объекты на орбите вокруг Земли, которые являются нефункциональными и в отношении которых нельзя ожидать начала или возобновления их предполагаемого функционирования, которое санкционировано или в дальнейшем будет санкционировано, включая фрагменты и их части. Космический мусор включает недействующие космические аппараты, использованные части ракет, материал образований в результате запланированных космических операций, фрагменты, образованные спутниками и верхними ступенями в результате взрыва или столкновения, а также содержащиеся на борту опасные (ядерные, токсичные и т. д.) материалы» [6, с. 119].

Космический мусор несет угрозу не только осуществлению космической деятельности. Имеется также опасность его неконтролируемого схода с орбиты, неполного сгорания при прохождении атмосферы и падения на поверхность Земли в районах большого скопления людей, на стратегические объекты и территории опасных производств. Помимо этого существует угроза его использования для прикрытия целенаправленных враждебных действий од-

ного государства против космических средств другого и выведения из строя его космических информационных систем. Это, в свою очередь, представляет угрозу не только национальной, но и глобальной безопасности в целом.

С каждым годом количество космического мусора возрастает в связи со взрывами отработанных космических аппаратов и случайными столкновениями объектов космического мусора.

На международном уровне проблемой засорения космического пространства занимаются в основном в Научно-техническом подкомитете Комитета ООН по космосу и в Межагентском комитете по космическому мусору.

Кроме того, Россия, США, Япония, Европейский союз обладают своими системами мониторинга околоземного пространства для наблюдения, каталогизации и анализа экологической обстановки и предупреждения столкновений в космосе.

В существующих международных документах в области освоения космоса отсутствуют четкие правовые решения, применяемые к космическому мусору, в том числе в части международной ответственности за ущерб, им причиненный. Существующие же меры по уменьшению интенсивности засорения космоса, направленные на предотвращение образования новых объектов космического мусора, а также на ликвидацию уже имеющихся (например, Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора [7]), не являются юридически обязательными, и их реализация зависит исключительно от доброй воли того или иного государства.

Главной угрозой космической безопасности является милитаризация космоса. «Вторая космическая гонка» привела к тому, что проблема милитаризации космического пространства вновь вышла на первый план в международной повестке дня, несмотря на международные соглашения по ограничению использования космоса в военных целях, а также по обеспечению защиты космических аппаратов от враждебных воздействий.

С развитием научно-технического прогресса создаются такие виды и системы оружия, на которые не распространяются международно-

правовые запреты. Например, стал возможным вывод в космос ударных боевых платформ, классифицирующихся как системы «заатмосферного» перехвата, т. е. обычные вооружения с точки зрения функционального подхода к определению космоса.

Возобновление борьбы за космос отмечено и возобновлением испытаний противоспутникового оружия КНР и США.

В январе 2007 года КНР уничтожила свой гидрометеорологический спутник баллистической ракетой с целью демонстрации всему миру, и прежде всего США, своей способности нарушить космическую связь. В связи с внедрением США систем спутниковой навигации в вооруженные силы, а также переводом на эти системы высокоточного оружия при нарушении космической связи большая часть американских вооруженных сил столкнется с серьезными проблемами. Поэтому США заявили о готовности применить военную силу для защиты своей космической системы. За этим последовало обострение отношений между странами. США сбили свой шпионский спутник для демонстрации силы и проверки своего космического оружия. По данным разведки США, в январе 2010 года КНР произвела уничтожение своих ракет на высоте 150 миль. США расценили это как испытание противоспутникового оружия [8].

Эти события привели к тому, что между Россией и КНР была подписана совместная декларация по основным международным вопросам, включающая пункт о мирном использовании космоса, недопущении размещения в нем оружия и прекращении гонки вооружений [9]. Но дальнейшая милитаризация космоса может заставить Россию выйти из моратория 1983 года. А в случае запуска ею проектов космической обороны подобные шаги предпримет и КНР, что приведет к усилению военно-космического развития других стран мира.

Несмотря на сохранение согласия стран мира о немилитаризации космоса и на существующие договоренности, последние все больше размываются. В противовес тенденциям по недопущению использования космоса в военных целях выступают действия отдельных государств, направленные на достижение исключительно своих национальных интересов.

Россия, выступая против милитаризации космоса, начиная с 2001 года предприняла се-

рию шагов и инициатив, основной из которых стало представление в ООН в 2007 году проекта Договора о предотвращении размещения оружия в космосе, применения силы или угрозы применения силы в отношении космических объектов. Годом позднее предполагалось его окончательное утверждение на Конференции ООН по разоружению в Женеве. Но США отказались от его подписания, заявив, что Договор содержит «неустраняемые недостатки, не поддается проверке и не сможет укрепить международную безопасность» [10]. В действительности же такое решение мотивировано необходимостью иметь относительную свободу действий в освоении космоса и развертывании систем ПРО.

Официально США ведут постоянный диалог по обеспечению безопасности в космическом пространстве, но поддерживают исключительно те инициативы, которые не ограничивают их в выборе средств и методов обеспечения своих национальных интересов и не связывают их нормами международного права, например заявляют о стремлении к сотрудничеству для создания Международного кодекса поведения в космосе, не связывающего никого из участников юридическими обязательствами [Там же].

Таким образом, в условиях все возрастающей борьбы за контроль над космосом международное сотрудничество по данной проблеме носит скорее политический, чем разоруженческий характер. Одни страны стремятся воспрепятствовать ограничению военного использования космоса, а другие совместными усилиями пытаются предотвратить его милитаризацию. Это, в свою очередь, может привести к подрыву норм международного космического права, дальнейшей милитаризации космоса и возникновению новых военных конфликтов.

Итак, в условиях «второй космической гонки» возникают новые проблемы и угрозы космической безопасности как составной части национальной безопасности, так и глобальной в целом. Для их решения прежде всего необходимо устранить существующие лакуны в международном космическом праве, а также внести в него коррективы, отражающие современное положение дел в освоении космоса, изменение характера его участников, развитие космических технологий и нацеленные на предотвращение военного использования космоса

отдельными странами в обход международных норм. Необходимо продолжать развивать международное сотрудничество по предотвращению загрязнения и милитаризации космоса, по

упрочению принципов его кооперационного использования в мирных целях. Решение этих проблем в силу различных факторов возможно только усилиями всего мирового сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **National Space Policy of the United States of America**, 2010. The White House [Electronic resource]. – Access mode: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/national_space_policy_6-28-10.pdf (reference date: 21.05. 2013).
2. **Выступление** Путина В.В. на совещании о перспективах развития космической отрасли [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://xn--d1abbgf6aiiy.xn--plai/news/17885> (дата обращения: 21.05. 2013).
3. **Фененко, А.В.** Конкуренция в космосе и международная безопасность [Текст] / А.В. Фененко // *Междунар. процессы.* – 2008. – Т. 6, № 3 (18). – С. 26–41.
4. **Bruce, W. Macdonald.** China, Space Weapons and U.S. Security [Text] / W. Bruce. – Washington: Council on Foreign Relations Press, 2008. (ISBN-10: 087609406X).
5. **Афанасьев, И.** Большой космический клуб [Текст] / И. Афанасьев, А. Лавренов. – М.: Новости космонавтики, 2006.
6. **Васьков, С.А.** Нормативно-правовое обеспечение космической деятельности [Текст]: моногр. / С.А. Васьков, С.П. Малков. – СПб., 2003.
7. **Руководящие** принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора. Приложение к документу А/АС.105/С.1/Л.260 [Текст]. – Нью-Йорк, 2007.
8. **US warned China of military action over space missiles** [Electronic resource] // StratPost. – 2011. – Access mode: <http://www.stratpost.com/us-warned-china-of-military-action-over-space-missiles> (reference date: 19.05.2013).
9. **Совместная** декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2008/05/201196/201220.shtml> (дата обращения: 30.05. 2013).
10. **Шестаков, Е.** Кодекс поведения. В США считают, что России угрожают баллистические ракеты [Текст] / Е. Шестаков // *Рос. газ.* – 2012. – № 5752.

REFERENCES

1. **National Space Policy of the United States of America**, 2010. The White House. Access mode: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/national_space_policy_6-28-10.pdf (reference date: 21.05. 2013).
2. Meeting on developing the space sector. *President of Russia*: [website]. Access mode: <http://xn--d1abbgf6aiiy.xn--plai/news/17885> (reference date: 21.05. 2013).
3. **Fenenko A.V.** Competition in Space and International Security. *International trends*, 2008, vol. 6, nr 3 (18), pp. 26–41.
4. **Bruce W. Macdonald.** China, Space Weapons and U.S. Security. Washington, Council on Foreign Relations Press, 2008. (ISBN-10: 087609406X).
5. **Afanas'ev I., Lavrenov A.** The big space club. Moscow, *Novosti kosmonavтики*, 2006.
6. **Vas'kov S.A., Malkov S.P.** Legal Regulation of Space Activities. Monograph. St. Petersburg, 2003.
7. Space Debris Mitigation Guidelines of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Annex A/AC.105/C.1/L.260. N. Y., 2007.
8. US warned China of military action over space missiles [website]. *StratPost*, 2011. Access mode: <http://www.stratpost.com/us-warned-china-of-military-action-over-space-missiles> (reference date: 19.05.2013).
9. Joint statement of The People's Republic of China and the Russian Federation on major international issues. *President of Russia* [website]. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2008/05/201196/201220.shtml> (reference date: 30.05. 2013).
10. **Shestakov E.** Code of conduct. In the United States believes that Russia threatened by ballistic missiles. *Rossiiskaia Gazeta* (Federal fascicle), 2012, nr 5752.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МАНЖУЛА Екатерина Александровна — аспирант кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета.

191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 8-й подъезд
manzhula.katerina@yandex.ru

MANZHULA Katerina A. — *St. Petersburg State University.*

Smol'nogo Str., 1/3, Entrance 8, St. Petersburg, Russia, 191060
manzhula.katerina@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 32.019.51

А.В. Тощева

ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ

Anna V. Toscheva

TECHNOLOGIES FOR ORGANIZING POLITICAL COMMUNICATION IN WEB

Аннотация

В статье рассматриваются способы ведения политической коммуникации в сети, ставшие востребованными в начале второго десятилетия 2000-х годов, когда мировую и российскую общественную жизнь захлестнула волна уличных протестов. Рекрутирование участников уличного протеста в электронной среде – сторонников официальной власти или «демократической оппозиции» – происходило с помощью веб-технологий, эволюционировавших от концепции веб 1.0 – односторонней коммуникации, направленной от политика к электорату (корпоративные сайты партий и страницы публичных политиков, кандидатов), к концепции веб 2.0, знаменующей переход к двусторонней политической коммуникации: диалогу и полилогу.

Ключевые слова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ВЛАСТЬ, ОППОЗИЦИЯ, ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ, ВЕБ 2.0, ТЕХНИКА, ТЕХНОЛОГИИ.

Abstract

The article examines methods of political communication in web, which has become popular in the beginning of the second decade of 2000 years, when world and Russian social life was stroked with wave of street protests. The recruiting of street actions' participants in electric environment – official authorities' followers or "democratic opposition" – was conducting by means of web-technologies, which has evolved from web 1.0 concept – one-sided communication, directing from political figure to voters (political parties' corporate web-sites or web-pages of public statesmen or candidates) to web 2.0 concept, marked the transition to two-sided political communication: dialog and polylogue.

Keywords

POLITICAL COMMUNICATION, WEB-RESOURCES, AUTHORITY, OPPOSITION, WEB 2.0, TECHNIQUE, TECHNOLOGIES.

Эволюция от односторонней к двусторонней коммуникации (веб 2.0) вооружила субъектов политики различными способами привлечения внимания к деятельности государственных институтов, политических партий и движений, рекрутирования сторонников своих идей и участников акций. В середине 2000-х годов оппозиция и власть, как и большинство акторов политического процесса, начали осознавать неполноценность коммуникации, если их оффлайновую деятельность не сопровождает активность в сети, и поспешили переориентироваться с технологии 1.0 (корпоративные сайты) на технологию 2.0 (корпоративные бло-

ги на различных платформах; участие в обсуждении политики партии и состояния дел в различных отраслях государственного управления посредством комментариев на сайтах изданий, в микроблогах; привлечение ботов).

Воплощением веб 2.0 является Википедия, иллюстрирующая главную особенность концепции – усиление вебтехнологии за счет так называемого «коллективного разума»: возможности получателя информации быть одновременно ее производителем и потенции политического заказчика хотя бы на время, предшествующее модерации статьи опытными редакторами, стать проводником идей от выдвигаемого лиде-

ра к избирателям. По мнению идеолога веб 2.0 Т. О'Райли, определяющее отличие между веб 2.0 и веб 1.0 заключается в следующем: пришедшая на смену эпохе официального Интернета эпоха веб 2.0 интенсивно привлекает пользователей к созданию контента [1].

Суммируя вышесказанное, можно привести перечень доступных политическим акторам в Интернете средств и техник коммуникации:

1. *Традиционный веб-сайт (1.0)*. Хотя он не гарантирует наличие обратной связи с электоратом, тем не менее пользователь получает возможность самому выбирать интересную ему информацию вне зависимости, например, от сетки вещания. Кроме того, два очевидных плюса наличия веб-ресурса для политических субъектов заключаются в способности более точно оценить его качественные и количественные характеристики с помощью средств аналитики, чем у других медиаканалов, и относительно низкой (по сравнению с другими СМИ) стоимости публикации материалов. Интернет позволяет представлять аудитории информацию в разных форматах: текстовом, аудио- и видеоконтенте.

На сайтах политиков предусмотрена регулярно обновляемая лента новостей, повышающая информированность общественности о реализуемых проектах и проводимых мероприятиях, митингах, переговорах, программных выступлениях.

Правозащитница М. Литвинович считает, что сайт политика – это в первую очередь инструмент коммуникации с разными категориями людей: готовящими и принимающими решения, транслирующими мнения, меняющими собственное мнение в процессе получения информации (или дезинформации). На каждую из этих категорий должна быть разработана отдельная коммуникативная стратегия, позволяющая политику реализовывать свои задачи [2].

2. *Блоги* – персональные дневники, к записям в которых сторонним пользователям можно оставлять комментарии, организовывая при этом дискуссию. Контент корпоративных блогов (ведущихся от имени партии или иной политической организации) и персональных дневников лидеров правительства, представителей политической элиты и других лиц генерируется PR-специалистами или самими персонами, которым принадлежит аккаунт. Формат

этого коммуникационного средства предоставляет возможности неформального подхода к взаимодействию с электоратом и получения обратной связи, а также отличается высоким уровнем доверия читателя к публикуемой информации: постам в блогах приписывают эффект истинности слова – люди склонны верить человеку, ставшему жертвой определенных обстоятельств и описывающему происшедшее из личного опыта, нежели тому, кто явился лишь очевидцем события.

В условиях веб 2.0, спровоцировавшего рост субъективности (каждый гражданин может высказать мнение по любому вопросу в своем профиле в социальных сетях, блогах, микроблогах, может опубликовать текст, фото и видео, выражающие его политические взгляды и отношение к проблеме), стало необходимым бороться со скептицизмом избирателей, с их негативными высказываниями о вашей программе, лозунгах, идеях, курсе, методике принятия решений и действий. Блогер А. Навальный превратил Интернет в инструмент контроля – механизм, ранее приписываемый средствам массовой информации. Блоги рунета представляют собой экспозицию политических вкусов российского общества 2000-х годов, инструмент создания имиджа и управления репутацией личности политика, а также бюджетную версию корпоративного сайта. По мнению Ю. Сапрыкина, «если в 70-е и 80-е было важно читать толстые журналы, сейчас важно иметь свой блог» [Цит. по: 3, с. 34].

3. *Микроблоги* – по аналогии с блогами личный дневник, ограничивающий литературную фантазию пользователя 140 печатными символами.

Наиболее популярным в мире сервисом микроблогов является американский Twitter. В функционал сервиса заложены одновременно две задачи – общение и распространение информации; он объединяет в себе площадки для знакомства с актуальными событиями, коммуникации и продвижения идей среди единомышленников. Ключевое понятие в раскрытии темы микроблогов – хештег. Это пометка, относящая твит (сообщение) к определенной теме, аналог обычных тегов или ключевых слов в ЖЖ, Wordpress, Flickr и других сервисах. По хештегу производится поиск всех твитов других пользователей по определенной тематике.

Свежая история о том, как после сфабрикованного телеканалом НТВ документального фильма «Анатомия протеста» об акциях российской оппозиции «За честные выборы» и «Большой белый круг» после выборов 2011–2012 годов пользователи российского Твиттера с помощью протестного импульса стремительно вывели в топ хештег #НТВлжет, тем самым познакомив с проблемой фальсификаций смыслов аполитичных пользователей сервиса и ответив сопернику в информационной войне с помощью новой эффективной технологии.

4. *Социальные сети* — способ создания официального представительства политической организации в комфортном для пользователя коммуникационном пространстве: среднестатистический россиянин имеет профиль в соцсети, куда он выкладывает контент (фото, видео, записи) и где общается с друзьями, комментарии которых пользователь периодически просматривает, — значит, у него есть история отношений с этим сообществом и ему закономерно не хочется отсюда уходить.

На корпоративных сайтах политических фракций обновляется информация: появляются новости, закачиваются видео, публикуются отзывы или комментарии. Тем не менее многие официальные сайты можно посетить единожды — быстро изучить их структуру и найти всю нужную для себя информацию: предвыборную программу, биографию лидеров, анонсы акций. Вполне разумно, что партия не желает терять контакт с теми, кто зашел на сайт и за один раз выяснил все ответы на актуальные вопросы. Как можно продолжить общение? Один из законных способов — показать, что она существует в других местах, например в социальных сетях. Если на сайте партии расположена ссылка на Facebook и у человека есть профиль на Facebook, в случае заинтересованности он присоединится к сообществу партии на этом ресурсе и будет продолжать общение с ней в удобном ему месте, не заходя на сайт. Сайт партии от этого, разумеется, проиграет, но контакт с электоратом не будет потерян.

Сегодня российские SMM-менеджеры (специалисты в сфере маркетинга в социальных медиа) организуют присутствие политических заказчиков на следующих площадках: Facebook, VKontakte, LinkedIn, «Одноклассники», «Мой мир», Google+, «Мой Круг», Instagram; также к

этой группе относят видеохостинг YouTube. Они создают новые и ведут действующие аккаунты, привлекают массовую аудиторию соцсетей в сообщества, приложения, на страницы политических организаций и гражданских движений. Для реализации этой задачи SMM-менеджеры руководствуются правилами подачи контента в социальных сетях: он должен быть оригинальным, регулярно обновляться, служить поводом для беседы. Тогда можно смело рассчитывать, что такой контент пользователь возьмется распространять по законам вируса и подключит друзей к совместным действиям по продвижению партийных лозунгов и идей.

5. *Реклама в Интернете*: контекстная и медийная. Контекстной рекламой называется способ генерации трафика к корпоративному сайту, когда пользователю показываются рекламные объявления, соотносящиеся с его ключевыми запросами (у поисковых систем есть свои сервисы контекстной рекламы: Google Adwords, «Яндекс Директ», на российском рынке контекстной рекламы присутствует также независимый игрок — система «Бегун», приобретенная Rambler). Рекламодатель платит за количество переходов по этой рекламе на его веб-ресурс — клики уникальных пользователей («уников»). Важно, что контекстная реклама призвана привлекать на сайт строго целевую аудиторию, ведь показ объявления привязан к запросу пользователя.

В соответствии с пунктом 6 статьи 23 Федерального закона о политических партиях, с 1 января 2012 года более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее 400 членов [4]. В остальных региональных отделениях численность каждого из них не может составлять менее 150 членов. Вопрос: как малоизвестным партиям рекрутировать сторонников в региональные отделения? Ответ один — контекстная реклама, ведущая на официальный сайт партии и сайты региональных отделений, по примеру ЛДПР, КПРФ и Справедливой России.

Медийная реклама в отличие от контекстной не нацелена на конверсию — увеличение количества целевых действий пользователя (подписка на рассылку новостей партии, заполнения регистрационных форм для вступления в члены фракции, участие в сборе под-

писей, благодаря которым кандидат может баллотироваться и т. д.), ее назначение имиджевое — для информирования о каком-либо лице или организации, если они не пользуются популярностью и никто не догадывается запрашивать их в поисковике. В основе медийной рекламы лежит демонстрация баннеров — графических элементов страницы, содержащих гиперссылку на сайт рекламодателя или страницу с дополнительной информацией. Размещая на своей площадке баннер, один сайт рекламирует другой, генерируя таким образом трафик к нему. Основными площадками, предоставляющими возможность разместить баннер, сегодня являются: поисковые системы (под строкой поиска или в виде контекстного баннера рядом с результатами поиска), новостные и информационные ресурсы, социальные сети (VK, «Живой Журнал» и т. п.).

В надежде побудить читателя кликнуть и совершить переход на свой сайт материалы преподносятся в настолько провокативной манере, насколько это позволительно серьезным сетевым изданиям. Поэтому часто посетитель, заинтересовавшийся баннером о светском скандале с участием В. Жириновского, после перехода на сайт ЛДПР не готов знакомиться с содержанием других страниц и изучать программу либерально-демократической партии, которая на нем размещена.

6. *Каналы на видеохостингах* (YouTube, RuTube) — создание именного аккаунта, куда «заливаются» ролики, раскрывающие деятельность политического объединения.

Наличие видеоканала влияет на эффективность продвижения кандидата или партии. Рейтинг видеоразмещения измеряется количеством просмотров ролика. Здесь, как и в остальных социальных сетях, срабатывает «эффект очереди» — если какое-либо видео набрало много лайков и имеет хорошую статистику просмотров, то на него кликнут раньше остальных и, возможно, досмотрят до конца. Поэтому нередко для увеличения посещаемости канала используются боты — IT-программы и виртуальные пользователи.

Видеохостинги ориентированы на особый формат общения с клиентом — вирусный. Информацию тиражируют сами пользователи, отправляя ссылку на материал по своим контактам. Явление вирусного видео существу-

ет только в пределах Интернета и носит такое название потому, что распространяется молниеносно, как вирус, благодаря возможности Интернета сообщать информацию от одного пользователя другому через ссылки в социальных сетях, блогах, по электронной почте. Однако далеко не каждое видео имеет потенциал вирусного. Для того чтобы онлайн-публика пересылала ссылку на запомнившийся ей ролик по социальным контактам, он должен обладать яркой идеей. Бюджет вирусного видео существенно ниже, чем рекламного ролика для ТВ. Это достигается за счет наиболее популярного жанра — любительской съемки. К нему прибегают в первую очередь потому, что в вирусе важен эффект достоверности — ощущение того, что показанное событие имело место в реальности. В действительности далеко не каждое видео является таковым.

Один из удачных примеров российского вирусного видео последних лет — предвыборные ролики петербургского отделения КПРФ. В кампании 2011 года коммунисты наряду с другими оппозиционными силами внесли свой вклад в создание вирусного контента, агитирующего избирателей прийти на выборы и отдать голос против партии, олицетворяющей существующий государственный строй. Остроумный ролик, смешавший телевизионные хроники соревнования в популярности двух российских лидеров с кадрами мирового блокбастера «2012», набрал миллионы просмотров на YouTube. Видео посеяли в сети до сентября 2011 года, когда еще было не до конца ясно, кто из тандема будет принимать решения в стране в ближайшее время. А под слоганом «Выбери Аврору, а не Титаник» кадры из голливудской картины «Титаник» смонтировали вперемешку с видеосъемкой съезда «Единой России» и обращением тогдашнего премьера Путина к правительству, где оба государственных лица объявили о «рокировке». Крушение лайнера, аллегорически изображавшего Россию, красноречиво говорило о том, что ждет избирателя в случае неправильного выбора — выбора партии «Единая Россия». С ключевой задачей обращения к технике вирусного видео — вовлечение аудитории до той степени, чтобы пользователи сами принялись распространять ролики по списку своих контактов в социальных сетях, — КПРФ справилась блестяще.

Вступление политических акторов в веб 2.0 облегчает управление репутационными рисками, помогает политическим институтам следовать в русле тенденции смещения официальных форматов с более демократичными: сопровождение очередного заявления на съезде, выступления на митинге, комментария к

принятому закону видеофайлом или ссылкой на Youtube, а также предоставляет пользователям возможность подписаться на новости политической организации в социальных сетях через СМС-сообщение или стать членом партии, оформив билет с помощью электронного сервиса на сайте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Литвинович, М.** Политики будут бороться за аудиторию Рунета [Электронный ресурс] / М. Литвинович. – Режим доступа: <http://www.sps.ru/?id=43086&PHPSESSID=90a5ebe8536fe1b18e2ef187e7df923a>.

2. **Новикова, И.** Ренессанс интеллигенции происходит [Текст] / И. Новикова // Московские новости. – 2012. – 29 февраля.

3. **Тошева, А.В.** Реклама и связи с общественностью в Интернете [Текст]: учеб. пособие / А.В. Тошева. – М.: Изд-во НИУ – ВШЭ, 2013.

4. **Федеральный закон** «О внесении изменений в Федеральный закон „О политических партиях” в связи с поэтапным снижением минимальной численности членов политических партий» № 75-ФЗ от 28 апреля 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/195435/>.

REFERENCES

1. **Litvinovich M.** Politics will fight for Runet' auditory. Access mode: <http://www.sps.ru/?id=43086&PHPSESSID=90a5ebe8536fe1b18e2ef187e7df923a>.

2. **Novikova I.** The clerisy revival is in process. *Moscow news*. February 29, 2012.

3. **Toscheva A.V.** Advertising and public relations in the Web. Study guide. Moscow, NRU – HSE, 2013.

4. Federal Law from the 28th of April 2009 nr 75-FZ “Introduction of amendments to Federal Law “On political parties” associated with gradual decreasing in minimal number of political parties’ members”. Access mode: <http://base.garant.ru/195435/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ТОШЕВА Анна Витальевна – аспирант Национально-исследовательского института «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник научно-учебной Лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций НИУ ВШЭ, преподаватель Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
fest06@bk.ru

TOSCHEVA Anna V. – National Research University “Higher School of Economics”.

Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russia, 101000
fest06@bk.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

Правовые аспекты государственного управления

УДК 340.15

В.С. Ковин

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ТИПОЛОГИИ ГОСУДАРСТВ

Vladimir S. Kovin

TOPICAL ISSUES OF MODERN APPROACHES TO TYPOLOGY OF THE STATES

Аннотация

В юридической науке критерии типологии государств являются одним из самых сложных объектов для исследования в силу многогранности данного правового явления. Среди подходов традиционными являются формационный и цивилизационный, однако в настоящее время существует много современных подходов, основанных на критериях, которые не рассматривались ранее. При систематизации и анализе автор использует традиционные критерии, которые присущи формационному, информационному и цивилизационному подходам. Рассмотрены проблемы применения теоретических знаний на практике, уделено внимание современной политико-правовой ситуации. Дан анализ многообразия современных способов типологизации, рассмотрены и систематизированы базовые критерии.

Ключевые слова

ТИПОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВ, ПОДХОДЫ, КРИТЕРИИ ТИПОЛОГИИ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА, ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ТИПОЛОГИИ.

Abstract

In jurisprudence criteria of typology of the states are one of the most difficult objects for research in force versatility of this legal phenomenon. Today there is a set of ways of development of criteria for a tipologization of the states.

Among variety of approaches traditional are formational and civilization, however now there is a set of the modern approaches based on criteria which weren't considered earlier.

The analysis of variety of modern ways of a tipologization, and consideration of basic criteria which the author systematizes in the article allows to allocate, both strong, and weaknesses of a taken-up question.

Keywords

TYPOLOGY OF THE STATES, APPROACHES, CRITERIA TYPOLOGY, THEORY AND PRACTICE, PUBLIC LEGAL FORM, THEORETICALLY CRITERIA TYPOLOGY.

В истории человеческого общества сменилось множество государств, которые возникали, развивались и исчезали как естественным путем, так и в результате завоеваний, разделений и объединений. В ходе развития взглядов на природу исторического прогресса, место и

значение личности в социальных процессах появились различные теории, в которых обосновываются классификации государства и их критерии [1].

В науке о праве государство является одним из самых трудных объектов для исследе-

дования из-за многосторонности его проявлений. Ученые прошлого и современности спорят относительно понятия, основных признаков, происхождения, а также иных аспектов существования государства [2]. Методология исследования состоит из различных способов, приемов, средств научного познания. Ученые, как правило, используют сравнительно-правовой, исторический, логические и иные методы [3, с. 44].

Первые попытки типологизации государств предпринимались уже в древности, когда юридическая наука только начинала свое развитие. Античные мыслители (Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон и др.) делили формы государства на правильные и неправильные. К группе правильных форм относились те формы государства, где власть осуществлялась на основе законов и в общих интересах, а к неправильным формам – те, где власть действовала вопреки законодательству и отстаивала при этом собственные интересы [4].

Опираясь на такой подход, Платон выделял три правильные формы: царскую власть, аристократию и законную демократию [5]. В качестве неправильных форм мыслитель отмечал тиранию, олигархию и незаконную демократию. На основании тех же критериев Аристотель выделял царскую власть, аристократию, политику и противоположные им тиранию, олигархию, демократию. Такую классификацию с некоторыми видоизменениями использовали многие мыслители Средневековья и Нового времени. Так, например, Н. Макиавелли делил государства на две группы: 1) государства, где подданные привыкли повиноваться государям; 2) государства, где подданные жили исконно свободно [6].

Начиная со Средневековья государства делятся на монархии и республики. Такая классификация занимала доминирующее положение в юридической науке до XIX века [7]. Она не утратила своего значения и в более поздний период, однако в силу геополитических изменений наряду с такой классификацией сформировались и иные подходы, которые раскрывали различные стороны государства.

Анализируя исторический опыт, некоторые ученые подразделяют на виды сами типологии и классификации. Они могут быть как структурными, так и генетическими, выражать как

типы развития, так и типы существования [8]. Такое разграничение обусловлено тем, что любое явление обладает статикой и динамикой, организацией и развитием.

М.Н. Марченко в своих научных работах отмечает, что типология представляет собой необходимый логичный процесс познания естественно-исторического развития государства и права как следствие процесса исторически последовательной смены одних типов другими [9]. Социальную значимость и назначение типологии, по его мнению, можно отразить в следующем.

1. Создаваемые при построении типологии идеи о типах государства и права дают возможность правильного понимания процесса развития анализируемых явлений и поэтапного перехода их от одной ступени к другой, от одного типа к другому.

2. Типология выдает исследователю набор приемов и способов для понимания внутренней логики и закономерности процесса развития государственно-правовых явлений, выступает как основа научного предвидения их будущности.

3. Процесс типологии систематизирует исследование общих закономерностей государства и права, их развития и особенностей.

4. Процесс типологии дает возможность осуществлять государственно-правовую модернизацию на научной основе.

Систематизируя все вышесказанное, можно сделать интересный вывод: без четкого определения понятия «типология» рассмотрение государства как элемента научного познания невозможно.

«Типология (типизация) – это естественный, закономерный процесс познания характера естественно-исторического развития государства, неизбежностью для которого является смена одного типа другим» [10]. Тип права и государства – это основные исторические формы признания и организации свободы людей, выражающие этапы прогресса свободы. Государство может исследоваться и как динамическое явление, и как статическое, однако в первом случае будут раскрываться не только особенности явления, но и закономерности его развития [11].

Анализируя многообразие классификаций государства, государствовед В.Е. Чиркин отмечает, что все типы государств объединяются

в три группы: социальные, динамичные и формализованные [См.: 12].

Социальные классификации базируются на характере того общества, в котором находится государство. Их основные элементы, как правило, соотносятся с характеристиками государства: его функциями, целями и задачами государственной деятельности. К социальным классификациям можно отнести такие разграничения, в которых проявляется социальная сущность государственности [13]. В качестве примера можно привести следующие типы: демократический и антидемократический, социальный и антисоциальный, светский и религиозный, правовой и не правовой, а также формационный и цивилизационный подходы к типологии государства.

Вторым элементом, по мнению Чиркина, являются динамичные классификации. К ним можно отнести те разграничения, в которых раскрывается развитие государственности на основании определенных критериев [См.: 14].

Формализованные классификации связаны с государственными формами по различным основаниям: форма правления, форма территориального устройства, структура государственных органов.

Как уже отмечалось, в юридической науке выработано множество типологических и классификационных систем, каждая из которых основана на особых критериях. Многообразие нетрадиционных подходов к типологии требует систематизации.

Так, например, Р.Э. Севортьян, выделяя количественные и качественные различия государственной власти, разделяет государства на два типа: бюрократические и плюралистические [См.: 15].

Многогранность и разветвленность существующих формальных классификаций, отсутствие единой, всеохватывающей классификации – существенный пробел в государствоведении. Исследователь должен формировать собственную классификацию, типы которой отражают особенности трех основных элементов. Все это ведет к образованию все новых и новых концепций, что пагубно скажется на исследуемом объекте [16].

Необходимо заметить, что, по мнению В.Е. Чиркина, надо объединить следующие признаки для дифференциации государств:

1) социальные – характер государственной власти;

2) формальные – способы организации власти;

3) виды государственного режима – методы осуществления государственной власти;

4) способ возникновения – соединение, разделение одного государства на несколько новых.

В результате напрашивается вывод, что можно выделить следующие типы государства: монархический, поликратический и сегментарный.

Для *монархического типа* характерна высокоцентрализованная единовластная система управления – сосредоточение государственной власти в одном центре (монарх – в Султанате Оман; правящая семья – в Саудовской Аравии; военный совет после очередного переворота – в Нигерии, верхушка партийно-государственной номенклатуры во главе с лидером) [17]. В таких государствах есть конституции, выборные представительные органы, но все эти элементы демократии фиктивны. Население не может реализовать своего права на участие в управлении государственными делами. Установленные ценности и приоритеты основываются на узкогрупповых интересах.

Политическая воля в монархическом государстве осуществляется методами принуждения, при этом нередко применяются открытые формы насилия [18]. Что касается территории государства, то ее организация основана на принципах централизации: она представляет собой единое, не раздробленное на субъекты целое.

Монархический тип государств имеет несколько разновидностей:

1) теократическое государство (в странах мусульманского фундаментализма);

2) экстремистское государство (существовало при фашизме);

3) милитаристское государство (в условиях военных переворотов);

4) монархическое государство (в странах тоталитарного социализма).

Поликратический тип характерен для многих развитых демократических государств [19]. Его отличительными признаками являются: разделение властей, размежевание полномочий по управлению государством (как по горизонтали, так и по вертикали), закрепление и обеспечение реальной автономии государст-

венно-территориальных образований. Реализация власти осуществляется исключительно на демократических основах и демократическими способами и методами. Граждане активно и беспрепятственно участвуют в управлении государством.

Сегментарный тип занимает промежуточное положение между двумя описанными выше типами, так как государства этого типа сочетают некоторые демократические, авторитарные и тоталитарные признаки [3]. В законодательстве таких государств отражены принципы демократии, однако в реальности они не действуют. Это предопределено тем, что большинство правовых норм носит фиктивный характер и не реализуется в жизни в полном объеме. Например, в таких государствах конституционно признается разделение властей, но оно не действует эффективно из-за фактического отсутствия реальной системы сдержек и противовесов. Верховная власть принадлежит группе лиц, которые самостоятельно определяют методы реализации государственных полномочий [1]. В зависимости от ряда обстоятельств реализация может осуществляться как демократическими, так и авторитарными методами. В сегментарном государстве допускается разделение полномочий между федеральными органами и органами субъектов федерации, что подтверждает наличие на территории некоторых элементов автономии субъектов [2].

В критериях разработанной В.Е. Чиркиным классификации учитываются три элемента формы государства, но не все они равнозначны. Первостепенную роль для определения типа государства играет характер высшей государственной власти: ее принадлежность, методы деятельности.

Следует отметить, что Чиркин, используя в своих исследованиях типологию и классификацию, определяет их как способы обобщения и систематизации научного знания, но при этом не разграничивает их, считая тождественными процессами [См.: 14].

Классификация государства, построенная Л.П. Рожковой, также раскрывает особенности государственной власти. Исходя из этого можно выделить два типа в зависимости от того, кто является источником суверенитета государственной власти и как он выражается [См.: 15].

С этой точки зрения все государства делятся на автократию и политократию. Под автократией понимается такое государство, которое характеризуется формально неограниченным, юридически бесконтрольным полномочием одного лица — главы государства, являющегося и источником и выразителем суверенитета государственной власти.

Автократии, в зависимости от способа замещения поста главы государства, подразделяются на наследственные, легальные и автократии, возникающие в результате насильственной узурпации власти.

В политократии в качестве источника суверенитета государственной власти признается население, но фактически не всё, а только господствующий класс. При этом выразителем государственного суверенитета является соответствующий аппарат, который в результате выборов приобретает это право от населения [8]. Как правило, это представительные органы, осуществляющие законодательную власть и контролируемые нижестоящие подсистемы.

Подводя итоги, можно сделать вывод: приведенная выше типология основана на особенностях формы правления, а именно на правовом статусе главы государства. Объем его прав и обязанностей непосредственно влияет на правовое положение остальных членов общества: чем больше власти у первого, тем меньше возможностей осуществлять ее у вторых.

Рассматривая типологию и классификацию как методы систематизации научного знания, Л.П. Рожкова считает, что классификация — это «расчленение хаотической массы... на части по определенным признакам» [20]. Это первый этап логического действия, в котором открывается сущность исследуемого явления. На втором этапе полученные знания синтезируются. Типология же есть вид научной классификации, отличительное свойство которой заключается в том, что ее типологические единицы — типы — рассматриваются как элементы целостной системы. Поэтому Рожкова обоснованно заменяет термин «типология» термином «классификация», а «тип» — «классом».

В современной юридической науке были выработаны два основных подхода к типологии государства: формационный и цивилизационный. Однако государственность — явление многогранное, поэтому данные подходы не

представляются исчерпывающими. Некоторые ученые, используя значимые, на их взгляд, критерии, разработали собственные концепции относительно данной проблематики. Тенденция на разработку и развитие иных способов обобщения и анализа данных актуальна. Уче-

ные-юристы отмечают необходимость формирования подхода, который соединит в себе положительные стороны традиционных подходов. Но этот подход в науке еще не полностью сформирован из-за отсутствия четких критериев для типологизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Общая** теория государства и права [Текст] / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 2009. – 588 с.
2. **Марченко, М.Н.** Проблемы теории государства и права [Текст]: учебник / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2005. – 768 с.
3. **Сальников, В.П.** Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ [Текст]: моногр. / В.П. Сальников, С.В. Степашин, А.Г. Хабибулин. – СПб.: Университет, 2011.
4. **Hechter, M.** Introduction: Reflection on historical prophecy in social sciences [Text] / M. Hechter // *Amer. j. of sociology*. – Chicago, 1995. – Vol. 100, nr 6.
5. **Хабибулин, А.Г.** Соотношение типов и форм государства [Текст]: автореф. дис. ... канд. юр. наук / А.Г. Хабибулин. – М., 1981.
6. **Тойнби, А.** Постигание истории [Текст] / А. Тойнби. – М., 1991.
7. **Марченко, М.Н.** Относительная самостоятельность буржуазного государства [Текст] / М.Н. Марченко // *Вестн. МГУ. Сер. II. Право*. – 1980. – № 2.
8. **Чиркин, В.Е.** Элементы сравнительного государственоведения [Текст] / В.Е. Чиркин. – М., 1994.
9. **Марченко, М.Н.** Сравнительное правоведение [Текст] / М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2000. – 120 с.
10. **Claessen, H.J.M.** Ubi Sumus The Study of the State Conference in Retrospect. The Study of the State [Text] / H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague etc., 1981.
11. **Крашенинникова, Н.А.** История права Востока [Текст]: курс лекций / Н.А. Крашенинникова. – М., 1994.
12. **Хабибулин, А.Г.** Теоретико-методологические проблемы типологии государства [Текст]: дис. ... д-ра юр. наук / А.Г. Хабибулин. – СПб., 1997.
13. **Теория** государства и права [Текст]. Ч. 1. Теория государства / под ред. А.Б. Венгерова. – М., 2005.
14. **Мачин, И.Ф.** Проблемы теории государства в современной французской политической науке [Текст]: автореф. дис. ... канд. юр. наук / И.Ф. Мачин. – М., 1994.
15. **Бондаренко, Д.М.** Бенинское общество накануне первых контактов с европейцами (стадиальные и цивилизационные особенности) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д.М. Бондаренко. – М., 1993.
16. **Марксистско-ленинская** общая теория государства и права. Исторические типы государства и права [Текст]. – М., 1971.
17. **Мишин, А.А.** Конституционное (государственное) право зарубежных стран [Текст] / А.А. Мишин. – М., 1996.
18. **Комаров, С.А.** Общая теория государства и права [Текст] / С.А. Комаров. – 4-е изд. – М., 2008.
19. **Денисов, А.И.** Методологические проблемы теории государства и права [Текст]: учеб. пособие / А.И. Денисов. – М., 1975.
20. **Рожкова, Л.П.** Принципы и методы типологии государства и права [Текст]: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Л.П. Рожкова. – Саратов, 1980. – 19 с.

REFERENCES

1. **General Theory of State and Law.** Ed. V.V. Lazarev. Moscow, Lawyer, 2009. 588 p.
2. **Marchenko M.N.** Problems of Theory of State and Law. Textbook. Moscow, Prospect, 2005. 768 p.
3. **Sal'nikov V.P., Stepashin S.V., Khabibulin A.G.** Statehood as a phenomenon and object typology: theoretical and methodological analysis. Monogr. St. Petersburg, Foundation "University", 2011.
4. **Hechter M.** Introduction: Reflection on historical prophecy in social sciences. *Amer. j. of sociology*. Chicago, 1995, vol. 100, nr 6.
5. **Khabibulin A.G.** The ratio of the types and forms of government. Abstract of PhD Thesis. Candidate. jurid. Science. Moscow, 1981.
6. **Toynbee's A.** A Study of History. Moscow, 1991.
7. **Marchenko M.N.** The relative autonomy of the bourgeois state. *Bulletin of Moscow State University. Series II, Law*. 1980, nr 2.
8. **Chirkin V.E.** Elements of the comparative gosudarstvod. Moscow, 1994.
9. **Marchenko M.N.** Comparative Law. Moscow, Mirror, 2000. 120 p.
10. **Claessen H.J.M., Skalnik P.** Ubi Sumus The Study of the State Conference in Retrospect. The Study of the State. The Hague etc., 1981.
11. **Krasheninnikova H.A.** Legal history of the East. The course of lectures. Moscow, 1994.

12. **Khabibulin A.G.** Theoretical and methodological problems of typology of the state. Doctoral Thesis. jurid. Science. St. Petersburg, 1997.

13. Theory of State and Law. Pt. 1. The theory of the state. Ed. by A.B. Vengerov. Moscow, 2005.

14. **Machin I.F.** Problems of the theory of the state in modern French political science. Author. dis. Candidate. jurid. Moscow, 1994.

15. **Bondarenko D.M.** Beninese society on the eve of the first contacts with Europeans (stadial and civilizational identity). Author. dis. Candidate. hist. Science. Moscow, 1993.

16. The Marxist-Leninist theory of the state and the common law. Historical types of state and law. Moscow, 1971.

17. **Mishin A.A.** Constitutional (state) law of foreign countries. Moscow, 1996.

18. **Komarov S.A.** General Theory of State and Law. 4th ed. Moscow, 2008.

19. **Denisov A.I.** Methodological problems in the theory of state and law: the manual. Moscow, 1975.

20. **Rozhkova L.P.** The principles and methods of typology of State and Law. Author. dis. Candidate. jurid. Science. Saratov, 1980. 19 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КОВИН Владимир Сергеевич – аспирант юридического отделения Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29
golden.law@gmail.com

KOVIN Vladimir S. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
golden.law@gmail.com

УДК 304.42

А.В. Сергачев

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ
О ГОСУДАРСТВЕ ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ
(вторая половина XX века)**

Arvid V. Sergachev

**BASIC STAGES OF SCIENTIFIC THOUGHT DEVELOPMENT
ON THE WELFARE STATE
(the second half of the XXth century)**

Аннотация

Анализируются концепции социального государства, формирующиеся в XX веке в странах развитого капитализма. Автором сделаны выводы о преемственности и эволюции взглядов на государство всеобщего благосостояния в зависимости от социально-политической конъюнктуры рассматриваемого исторического периода. Актуальность статьи обусловлена динамикой социального-политического и экономического развития ряда стран Европейского союза в свете модернизации общества и последствий мирового финансового кризиса 2008 года. Выделяются ключевые подходы к изучению общественного развития в политической социологии, которые позволяют объяснить ход реализации социальных программ в различных странах и регионах мира.

Ключевые слова

ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА, РАЗВИТОЙ КАПИТАЛИЗМ.

Abstract

In the article are discussed the basic stages in the development of scientific thought concerning welfare state appearance existing by the second half of the XXth century. In the theories' review the continuity and evolution of the views depending on the socio-political conjuncture of the considered historical period is traced.

Keywords

WELFARE STATE, POLITICAL SOCIOLOGY, SOCIO-POLITICAL THEORY, THEORETICAL APPROACH, MODERNISATION OF SOCIETY, ADVANCED CAPITALISM.

Расцвет практической реализации концепции государства всеобщего благосостояния пришелся на третью четверть XX века. К середине 1970-х годов эта политическая система промышленно развитых стран стала объектом фундаментальных научных исследований. Таким образом, к концу XX века в политологии появился ряд теорий, объясняющих происхождение и некоторые особенности развития социальных государств. Рассмотрим наиболее влиятельные теории, составившие основу современных научных представлений о раз-

витии социальной сферы в различных странах и регионах мира.

Государство благосостояния появляется как часть «логики индустриализации». Ранние теории стремились адаптировать структурный или функциональный подход к развитию государств благосостояния. В появлении государства благосостояния они видели возможность удовлетворить потребности общества в определенный период индустриализации, модернизации и развитого капитализма. В рамках функционального подхода в 60-х годах XX века

был сформирован тезис о масштабном переходе стран мира от предшествовавшего сельскохозяйственного или коммерческого общества в эпоху тотальной индустриализации. Ключевая роль в ней отводилась становлению промышленных трудовых ресурсов, что способствовало развитию социального обеспечения и социального государства.

В начале развития индустриальных обществ работник, как правило, оказывался лишен государственной поддержки в случае травмы, болезни либо по достижении предельного возраста. Однако по мере прогресса индустриализации развитые промышленные общества вводили формальные программы компенсации несчастных случаев, пособий по болезни, безработице и пенсий по старости для промышленных рабочих. Для поддержки работников, которые не могут работать по независящим от них причинам, стало призываться общество. Таким образом, ответственность за гарантию минимального социального обеспечения и защиту рабочего на производстве в значительной степени делегировалась его начальству и государству [3, с. 153].

Дж. Милез и Дж. Куадагно провели различие между сильной и слабой версиями теории индустриализации. Они утверждают, что слабая версия данной теории, по которой «индустриализм и его корреляты (экономический рост, возраст населения) необходимы для расчета общей линии тренда в расширении социального государства», редко используется. Однако сильная версия теории, которая «строится на предположении, что государственная политика является продуктом огромной, безличной экономической силы» и что политика, «если имеет какое-либо значение, то незначительное», намного более содержательна [9, с. 37].

Государство благосостояния появляется как ответ на развитой капитализм. Функционализм подчеркивал положительную роль, которую должны были играть социальные расходы в обеспечении бесперебойного функционирования индустриального общества. Однако марксистский подход, также принимающий в высшей степени функционалистское понимание государства благосостояния, в свою очередь, выделял, что социальные расходы представляли собой противоположный процесс.

Согласно сторонникам данного подхода, капиталистическое государство должно стараться выполнять две базовые и часто взаимно противоположные функции — аккумулятивную и законодательную [6]. Таким образом, государство благосостояния в развитии капиталистическом обществе способствует как продолжительности, стабильности и эффективной работе экономической системы, так и обеспечению интеграции социальных классов и групп, а также поддержке общественного порядка. [Там же].

Ряд исследователей данного направления, в частности Дж.О. Генри (1973), подобно представителям функционального подхода, однако в несколько отличном аспекте видели связь развития государства благосостояния с актуальной ступенью капитализма. Ими было отмечено, что рост государственного сектора и государственных расходов все более выступает в качестве основы для роста монопольного сектора и общих объемов производства, и напротив, «рост государственных расходов и государственных программ есть результат роста монополистской промышленности» [5, с. 7–8]. По мнению исследователей данного направления, «аккумуляция общественного капитала и социальных расходов представляет собой противоречивый процесс, создающий предпосылки к экономическому, социальному и политическому кризису» [Там же. С. 9].

Государство благосостояния — продукт модернизации обществ. Как «логика индустриализации», так и обозначенный выше марксистский подход функционализма работали при значительном уровне обобщения. Они не давали подробного объяснения различным путям развития государств благосостояния. Более тонкий функциональный подход был разработан в рамках концепции модернизации. В нем государство благосостояния рассматривалось в качестве основного феномена модернизации, как продукт увеличивающейся дифференциации и растущего размера обществ и как процесс социальной и политической мобилизации [2, с. 41].

Согласно П. Флора и Дж. Албер [Там же], развитие государства благосостояния может быть проанализировано по трем следующим аспектам: 1) процессы дифференциации индивидуальных домохозяйственных доходов, странства для работы и проживания, которые

создали специфические проблемы на рынке труда и должны быть решены государством; 2) эволюция социальных прав как следствие или компенсация институционализации политических прав; 3) увеличивающийся контроль, замена и дополнение рынков (и в некоторой степени ассоциаций) государственной бюрократией.

В рамках модернизационного подхода была обнаружена зависимость между уровнем политической мобилизации рабочего класса и общим уровнем социально-экономического развития страны. П. Флора утверждает, что в Западной Европе «современное социальное государство возникло в качестве ответа на специфические проблемы нового промышленного рабочего класса» и что «факт возникновения государства благосостояния в конце XIX века в Европе может быть просто объяснен сравнительно высокими уровнями индустриализации и демократизации, достигнутыми в этом регионе мира.

В ряде последующих работ, проведенных в рамках структурного подхода, присутствовала критика особенного акцента на функциональных потребностях индустриализма и состава населения. При этом в них больше внимания уделялось роли политики и общественного класса в определении структуры государства благосостояния [4]. В частности, позднее была отмечена важность мобилизации рабочих, социал-демократов и левых партий. Один из наиболее теоретически обоснованных подходов в этой традиции – подход, выделенный В. Корпи в ряде исследований.

Государства всеобщего благосостояния сформированы общественной организацией производства. Детальная теория развития государства всеобщего благосостояния, основывающаяся на структурном неомарксистском подходе, но учитывающая также роль общественных классов и государства, была развита Дж. Куадагно (1988). Согласно Куадагно, программы социального государства не являются уникальной особенностью передовых капиталистических стран. По крайней мере, с XVI века государственные пособия по социальному обеспечению оказывали поддержку уязвимым группам населения, в том числе в распределении труда [9, с. 6]. Таким образом, социальные программы развивались в ответ на развитие промышленного капитализма, и природа и форма государств

всеобщего благосостояния определялись общественной организацией производства. В рамках подхода считается, что в условиях развитого капиталистического государства связь между развитием социального государства и формами общественного производства может быть изменена, однако только в случае, если труд получает политические ресурсы для выведения социальных программ из рыночных механизмов.

Политический социолог Н. Пуланзас, развивая данный подход, утверждает, что капиталистическое государство имеет «точную роль политического организатора и объединителя и также является фактором создания „неустойчивого равновесия компромиссов”, чья роль в значительной степени связана с относительной автономией» [7, гл. 4; 8, с. 71]. Конкретная форма, взятая для этой относительной автономии, зависит от «точной конъюнктуры классовой борьбы в любой момент времени». Принципы марксистской теории государства ограничивают данную автономию. Они проявляются в том, что государство в конечном счете может отвечать только интересам доминирующего класса либо классов. Но в этих пределах степень, масштабы и формы автономии могут быть изучены только в рамках данного государства и определенной конъюнктуры соответствующей классовой борьбы (специфическая конфигурация силового блока, степень гегемонии внутри этого блока, отношения между различными классами и фракциями) [8, с. 72]. Н. Пуланзас не учитывает такие факторы, как раса и пол, которые сегодня также должны быть включены в анализ.

С. Оффе изучает подход общественной организации производства через анализ природы политического процесса, в котором принимаются политические решения. Он выделяет в данном анализе три уровня (или три кумулятивные арены конфликта). Первым и наиболее видимым уровнем является арена принятия политических решений на уровне государственного аппарата. Здесь действующим субъектом являются политические элиты, которые соревнуются друг с другом за победы на выборах и ограниченные ресурсы, принимают программы социальной политики, законодательство и бюджеты. Это наиболее поверхностный и видимый уровень политики. Второй уровень представляет собой пространство возможных решений политических элит. Это уровень, на котором

определена политическая повестка дня и относительный приоритет проблем и их решений [6, с. 159]. На нем труднее идентифицировать конкретных субъектов и «работающими здесь силами чаще всего являются агрегированные результаты множества анонимных участников и действий» [Там же]. На третьем уровне происходят изменения в матрице общественной власти, например изменения в относительном весе, которыми пользуются коллективные субъекты для формирования политической повестки.

Государство благосостояния определено структурой и интересами государства или правительства. Государственно ориентированный подход подчеркивает роль государства (или политики) в развитии государства благосостояния [1]. В его рамках выделяются два аспекта. Первый аспект состоит в отличии от неомарксистской теории, создающей представление о государстве в большей степени как о субъекте политики, а не как об институте, отражающем интересы и потребности социальных групп, классов или обществ [Там же. С. 9]. Второй аспект состоит в определении государства с позиций отношений с обществом. В значительной степени «токвильский» взгляд рассматривает государство как конфигурации организации и действий, которые влияют на значения и методы политики для всех групп и классов общества [Там же. С. 28].

Основные сторонники государственно-центристского подхода развили свои теории дальше, оформив их в рамках более широкого институционального подхода. При этом подходе рассматривается не только государство, но также «партийные организации» и «политически активные группы» как часть политики; обращается внимание на четыре типа процессов: 1) формирование и трансформация государства и партии; 2) влияние политических институтов на личности, цели и потенциал социальных групп; 3) соотношение между целями и возможностями групп и точками доступа и рычагами, допускаемыми политическими институтами; 4) влияние политической обратной связи.

Изменение данного подхода, с токвильанской точки зрения, подчеркнуло то, каким образом формальные и неформальные конституционные структуры влияют на развитие государства всеобщего благосостояния [2]. Более поздняя работа в «институциональном» ключе имела тенденцию больше сосредотачиваться на природе политических институтов, чем на концепции «государства как субъекта». В это же время Е. Хубер и Дж. Стефенс (2001) в их сравнительном исследовании, посвященном развитию послевоенных государств всеобщего благосостояния, утверждали, что политические структуры играли ключевую роль в развитии благосостояния [3].

Теории, рассмотренные в данной статье, безусловно, отражают то представление о социальном государстве, которое соответствовало социально-политическим реалиям тех или иных государств на период их появления. На волне возникновения новых социальных проектов господствовавшие ранее теории часто получают переоценку и либо продолжают свое развитие в рамках новой теории (как теория общественной организации производства, разрабатывавшаяся на основе структурного неомарксистского подхода), либо подвергаются критике. При этом сами рассмотренные подходы не представляются исчерпывающими и указывают основные направления развития теории в рамках концепции государства всеобщего благосостояния.

Кроме того, следует отметить существование большого числа важных аспектов теории социального государства, которые невозможно включить в выделенные выше подходы, но которые, однако, были изучены позднее. Например, уже в 1990-е годы появились исследования, рассматривающие фактор семьи и религии в широком спектре общественно-политических задач, где его роль сопоставляется с социально-экономическими и политическими факторами. Также позднее, на рубеже XX–XXI веков, другие исследователи уделяли внимание вопросам гендерного аспекта, перспективам поддержки аграрного общественного класса и роли общественных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. **Baldwin, P.** The Politics of Social Solidarity: Class Bases of the European Welfare State 1875–1975 [Text] / P. Baldwin. – Cambridge University Press, 1990. – P. 9–28.
2. **Flora, P.** Modernization, Democratization and the Development of Welfare States in Western Europe [Text] / P. Flora, J. Alber // Flora P., Heidenheimer A.J. The Development of welfare states in Europe and America. – New Brunswick; London, 1981. – 417 p.
3. **Huber, E.** Development and Crisis of the Welfare State [Text] / E. Huber, J. Stephens. – The University of Chicago Press, 2011.
4. **Kerr, C.** Industrialism and Industrial Man: The Problem of Labor and Management in Economic Growth [Text] / C. Kerr. – Harvard University Press, 1960.
5. **Offe, C.** Contradictions of the Welfare State [Text] / C. Offe. – The MIT Press, 1984. – P. 6–9.
6. **Idem.** Some Contradictions of the Modern Welfare State [Text] / C. Offe // Alcock P., Powell M. Welfare Theory and Development. – SAGE Publications Ltd., 2011. – 1678 p. – P. 147–162.
7. **Poulantzas, N.** Classes in Contemporary Capitalism [Text] / N. Poulantzas. – NLB, 1973. – 348 p.
8. **Idem.** The Crisis of the Dictatorships: Portugal, Greece, Spain [Text] / N. Poulantzas. – Humanities Press, 1976.
9. **Quadagno, J.** The Transformation of Old Age Security: Class and Politics in the American Welfare State [Text] / J. Quadagno. – University Of Chicago Press, 1988.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

СЕРГАЧЕВ Арвид Владимирович – аспирант Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
arvid-s@yandex.ru

SERGACHEV Arvid V. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
arvid-s@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 94(510).092

М.А. Гулева

КОНСТИТУЦИЯ КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1947–1949 ГОДАХ

Mariia A. Guleva

REPUBLIC OF CHINA CONSTITUTION IN 1947–1949

Аннотация

В статье рассматривается конституционная реформа, предпринятая китайским правительством под руководством партии Гоминьдан в 1947 году. Исполнение норм конституции и след, оставленный ею в китайской истории, показаны на примере исполнительных и законодательных ветвей власти.

Ключевые слова

КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА, ГОМИНЬДАН, КОНСТИТУЦИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ЮАНЬ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЮАНЬ, ТРИ НАРОДНЫХ ПРИНЦИПА.

Abstract

The article studies constitutional reform undertaken by Chinese government led by Kuomintang in 1947. Implementation of the constitution and the trace it left in Chinese history is shown through the research of executive and legislative branches.

Keywords

REPUBLIC OF CHINA, KUOMINTANG, CONSTITUTION, LEGISLATIVE YUAN, EXECUTIVE YUAN, THREE PEOPLE'S PRINCIPLES.

Гражданская война, охватившая Китай после победы над Японией, стала фоном сложных политических реформ, предпринятых Национальным правительством Китая под руководством партии Гоминьдан (ГМД). В конце 1946 года была разработана и принята Конституция Китайской Республики, а спустя год, 25 декабря 1947 года, она вступила в силу. Целью ее принятия было урегулирование обстановки в стране, но воплощение принципов Конституции осложнялось военной обстановкой и новизной гоминьдановской политической модели. Теория государственного строительства, разработанная Сунь Ятсеном, предопределила главные особенности Основного закона: а) систему пяти ветвей власти (осуществляемую так называемыми пятью юанями, или палатами, т. е. принятыми в западной практике законодательным, исполнительным и судебным органами, а также традиционными для Китая экзаменационным и контрольным); б) закрепление за гражданами четырех политических прав (права на избрание представителей и их отзыв, права на законодательную инициативу и

на пересмотр решений, также называемый референдумом); в) существование национальных автономий при их подчинении центральному правительству и пр. Этот комплекс именуется тремя народными принципами, которые новая Конституция и провозгласила основой государственности [1].

Система органов государственной власти, принципы парламентаризма и управления, механизмы взаимодействия общества и государства, права и свободы человека, изложенные в Конституции 1947 года, предполагали новаторскую для Китая и всего мира концепцию с заимствованиями из западной теории сдержек и противовесов и с укорененными в китайской философии понятиями пяти элементов, всеобщего благоденствия и национального единства. Исполнение норм такой Конституции могло повести Китай по уникальному в мировой политической истории пути. Однако гражданская война, начавшаяся вскоре после победы над Японией, искажила восприятие нового закона, помешала его выполнению и, в целом, лишила правящую партию ГМД возможности продол-

жать собственный курс. Падение гоминьдановского Национального правительства в 1949 году и его эвакуация на Тайвань вывели конституционное право последних лет республики на материке из области научных интересов и позволили исследователям говорить, что Конституция 1947 года не осталась в политической памяти [2, с. 14]. Представляется все же необходимым прояснить судьбу принятой Конституции, сформированных парламента и правительства в эволюции китайской государственности.

В рамках настоящей статьи не предполагается рассматривать государственный строй, существующий сейчас на Тайване, хотя именно непризнанная республика на Тайване, по сей день живущая по принципам Конституции 1947 года, является непосредственной правопреемницей гоминьдановской Китайской Республики. Нам видится более интересным воплощение норм Конституции на территории всего Китая, для которого закон и составлялся, а потому предлагаемое исследование ограничивается лишь периодом до поражения Гоминьдана в гражданской войне, т. е. до 1949 года.

Первоочередной в 1947 году была задача проведения в жизнь подготовительных мер и непосредственно Основного закона страны. Для этого в начале года были опубликованы Программа подготовки к осуществлению Конституции, законы о порядке избрания и снятия депутатов Национального собрания, президента, вице-президента, членов Законодательного и Контрольного юаней, а также Органические законы Национального собрания и пяти юаней. Казалось бы, все условия для начала конституционной реформы были созданы. По мнению американского исследователя Дж. Тэйлора, популярность Чан Кайши в начале 1947 года достигла «очередного пика» [3, с. 367], и применительно к центральным районам страны это было справедливо, особенно в свете антиинфляционных мер правительства и обнародования Конституции. Однако в областях, подконтрольных Компартии Китая (КПК), оппозиционная пропаганда создавала полностью противоположную атмосферу. Разрыв отношений с КПК в результате созыва Национального собрания, опасный сам по себе, ухудшил обстановку еще и тем, что американский посредник Дж. Маршалл отбыл из Китая, объявив о невозможности продолжать переговоры между ГМД и

КПК [Там же. С. 365]. Надо сказать, на родине Маршалла ждало назначение государственным секретарем, поэтому отъезд его из Китая не выглядел столь тесно связанным с политической обстановкой в стране, но китайское население, безусловно, восприняло это как симптом разочарования США в Чан Кайши и его правительстве, в перспективах демократических реформ и мирного развития страны. Именно такую интерпретацию произошедшему дали китайские неправительственные газеты [4]. Обстановка для реализации Конституции выглядела не слишком оптимистично. При этом отступление ГМД от взятых обязательств по политическим реформам только усугубило бы положение Национального правительства.

Обсуждение насущных проблем происходило на III пленуме ЦИК ГМД 6-го созыва, открывшемся 15 марта 1947 года. Наряду с указами о политических и экономических реформах, о реорганизации Центрального политического совета – высшего органа по разработке стратегического курса ГМД – и о роспуске Высшей конференции по обороне, была опубликована декларация о прекращении сотрудничества с КПК. В своем выступлении на пленуме Чан Кайши, глава ГМД и председатель правительства страны, заявил, что «надежд на политическое разрешение проблем [с КПК] больше не осталось» и теперь главная задача партии – укреплять единство страны и улучшать экономическую обстановку; он признал, что бедственное положение населения и трудности в экономике и промышленности есть крупнейшее несчастье Китая [5, с. 1088]. Иными словами, реализация Конституции как основное средство против бед страны при продолжающейся борьбе против КПК объявлялась делом Национального правительства, ГМД и их сторонников.

Здесь важно подчеркнуть, что в деле конституционных реформ предполагалось сотрудничество с «прочими мирными законными партиями». Наиболее остро стоял вопрос о проведении выборов, и этой проблеме в решениях пленума уделялось особое внимание: оговаривалась возможность всемерного содействия «миролюбивым законным политическим партиям». Также отмечалась необходимость борьбы с правонарушениями, заявлялось о намерении в срочном порядке провести регистрацию населения с целью уточнения списков голосующих [Там же.

С. 1102–1103]. Но важно в решениях пленума и то, что все изложенные меры по-прежнему воспринимались ГМД как его обязанность; хотя прочие партии и получали возможность действовать законно, только ГМД нес основное бремя управления страной. Общим итогом пленума стало такое решение: «Гоминьдан продолжит прикладывать все усилия к завершению той работы, которая не была завершена в период политической опеки» [5, с. 1105]. И если с точки зрения самого ГМД это было верным, даже само собой разумеющимся подходом, то с позиций КПК, Демократической лиги и даже тех сил, которые были нейтральны или склонялись в сторону ГМД, решения подобного рода означали продолжение однопартийного правления.

Стремясь расширить социальную базу правительства и привлечь средние партии на свою сторону, ГМД в апреле 1947 года учредил давно обсуждавшееся коалиционное правительство. 18 апреля Чан Кайши выступил с заявлением, в котором говорилось: «Реорганизация Комитета Национального правительства, предпринимаемая сегодня, является следующим шагом в переходе от политической опеки Гоминьдана к конституционному правлению в Китае» [6, с. 798]. В Комитете коалиционного правительства 12 мест выделялось представителям ГМД, 4 – членам Демократической социалистической партии (ДСП) и по столько же мест Партии молодежи (ПМ) и выдающимся общественным (беспартийным) деятелям; еще 5 мест закреплялось за главами пяти юаней [Там же]. Очевидное численное превосходство ГМД (все главы юаней на тот момент были членами ГМД, что давало партии 5 дополнительных голосов в Комитете) оправдывалось в речи Чан Кайши тем, что главами юаней со временем станут представители иных сил. Дополнительным аргументом его было право КПК и Демократической лиги участвовать в работе правительства, для чего за ними было зарезервировано 11 мест из 40 [7, с. 631]. Но для этого Компартия должна была сменить курс с военной конфронтации на политическое сотрудничество во имя «страдающего мирного населения страны» [6, с. 799, 801]. На деле вероятность участия КПК в работе Комитета была очень мала, и преимущество сохранялось за ГМД.

Оценивая исполнение решений пленума в части о коалиционном правительстве, нель-

зя не отметить явно завышенную роль ЦИК ГМД, партийного органа, который назначал председателя правительства страны. Председатель, с его обширными полномочиями и правом назначать и отзывать глав юаней, был непосредственно связан с партией. На практике это означало, что о представительности или хотя бы о нейтральности кандидатуры не могло быть речи. В рамках такой системы назначения неудивительно, что возглавил Национальное правительство Чан Кайши, а его заместителем стал Сунь Фо – видный деятель ГМД, сын Сунь Ятсена. Во главе Исполнительного юаня стоял Чжан Цюнь (член ГМД, участник переговоров ГМД и КПК при посредничестве Маршалла), Законодательного – Сунь Фо (по совместительству), Судебного – Цзюй Чжэн (член ГМД, сторонник борьбы против КПК), Экзаменационного – Дай Цзитао (один из старейших членов ГМД, идеолог и теоретик партии), Контрольного – Юй Южэнь (также из числа старых членов ГМД, известный каллиграф и поэт своего времени, один из основателей ряда китайских университетов). Все ключевые посты в Исполнительном юане занимали также члены ГМД: министром внутренних дел был Чжан Лишэн, министром иностранных дел – Ван Шицзе, министерством обороны заведовал Бай Чунси, министерством финансов – Юй Хунцзюнь. Само собой, оппозиция, и прежде всего КПК, никак не могла согласиться с тем, что такое правительство было коалиционным. И все же в нем появилось некоторое количество членов не из ГМД. Представителям малых партий и независимым деятелям достались имеющие более узкую специализацию и меньшие фактические полномочия посты. От беспартийных деятелей Ван Юнью назначался заместителем главы Исполнительного юаня, Юй Давэй – министром транспорта, Чжоу Ичунь – министром здравоохранения; члены ПМ Ли Хуан и Цзо Шуньшэн стали соответственно министрами экономики и сельского и лесного хозяйства, Чан Найдэ (ПМ), Мяо Цзямин (независимый), Ли Дамин (ДСП), Цзян Юньтянь (ДСП) получили должности министров без портфеля [8].

Чан Кайши, занимая посты председателя Национального правительства и президиума Центрального политического совета, а также цзунца партии (т. е. президента партии – титул, аналогичный титулу цзунли, присвоенно-

му ГМД только Сунь Ятсену), сосредоточил в своих руках контроль над правительством. Коалиционное правительство по-прежнему оставалось частью политического режима ГМД, подвластного ему.

Объяснить такое жесткое утверждение своих прав на власть со стороны ГМД можно с нескольких точек зрения. Во-первых, по сравнению с предшествующим периодом ужесточения как такового не было: до решений III пленума к непосредственной работе правительства допускались только члены ГМД, и поэтому включение ДСП, ПМ и независимых деятелей все же было расширением политической базы правительства. Во-вторых, ГМД (в лице Чан Кайши в первую очередь) считал переход к конституционализму своей ответственностью, по меньшей мере, до момента, когда Конституция вступит в силу. Подготовительные мероприятия воспринимались как политическое бремя ГМД и никакой иной силы. Действительно, в обстановке продолжающейся гражданской войны отказ от политической монополии был чрезвычайно опасен; если же учитывать, что фракционная борьба внутри ГМД ожесточалась с каждым днем, то сосредоточение Чан Кайши реальной власти было необходимо, чтобы сохранить единство партии. Конституция и коалиционное правительство были необходимы, чтобы удержать сторонников правительства, а жесткая централизованная власть — чтобы не дать ГМД превратиться в несколько независимых группировок. Гомиьдан после смерти Сунь Ятсена и до эвакуации на Тайвань не был целостной организацией. Военные генералы и крупные финансисты, состоявшие в партии, обладали собственными интересами, сторонниками и, в случае генералов, армиями. Среди наиболее опасных для Чан Кайши фракций были гуансийская клика (коалиция милитаристов юго-восточных провинций во главе с Ли Цзунжэнем и Бай Чунси), группировка Си-си («Центральный клуб», консервативный альянс, опиравшийся на братьев Чэнь Гофу и Чэнь Лифу). Создавал угрозу партийной стабильности Союз молодежи трех народных принципов, своего рода молодежная фракция ГМД, и конфликтные тенденции во фракции Вампу (ассоциация выпускников военной академии Вампу, возглавляемой Чан Кайши, но не во всем ему подчинявшейся). Кроме того, существовали

меньшие по числу сторонников и влиянию, но многочисленные локальные группы. И можно не сомневаться, что при слабости Чан Кайши в ГМД вспыхнула бы неприкрытая борьба за власть. Поэтому, как ни важна была Конституция для демократического строительства страны, отказ от жестких мер контроля привел бы к мгновенному внутривнутрипартийному расколу на фоне неумещающейся активности КПК.

Ярким проявлением внутривнутрипартийного раскола стал процесс избрания вице-президента Китайской Республики. После вступления Конституции в силу в декабре 1947 года было созвано Национальное собрание, основной задачей которого было избрание президента и вице-президента страны. Кандидатура президента не вызывала сомнений: хотя Чан Кайши и отказался от участия в борьбе за пост в начале апреля 1948 года, уже 19 апреля он был избран президентом Китая, легко обойдя второго кандидата — уже упоминавшегося ранее Цзюй Чжэна. Но за второе место, за пост вице-президента, готовы были побороться многие, и это отразилось на ходе заседаний Национального собрания. Согласно закону об избрании и отзыве президента и вице-президента, если в первом туре голосования ни один из кандидатов не набрал более половины депутатских голосов, назначался второй тур, в котором принимали участие три кандидата, набравшие наибольшее число голосов в первом туре. Если во втором туре ни одним из претендентов вновь не было набрано более половины голосов, проводился третий тур, а если и в нем не определялся победитель, то два кандидата, набравшие большее число голосов, участвовали в четвертом туре. Предусматривалась возможность и пятого тура, если в четвертом за каждого кандидата было отдано одинаковое количество голосов [6, с. 833–834]. Эта непростая схема пригодилась при определении первого вице-президента Китайской Республики. В предвыборной гонке участвовали Ли Цзунжэнь, Сунь Фо, Юй Южэнь, Чэн Цянь, Мо Дэхуэй и Сюй Фулинь. Стоит пояснить, чьи интересы представляли эти кандидаты, чтобы понять, насколько глубокими стали противоречия в ГМД.

Ли Цзунжэнь, представитель гуансийских милитаристов, пользовался поддержкой не только своих земляков, но и тех, кто выступал за поиск компромисса с КПК: страна уже устала

от войны, и наиболее популярным из лозунгов был призыв к перемирию. Кроме того, Ли Цзунжэнь обещал широкие права национальным автономиям и предлагал провести реформы в политической, военной и экономической сферах. Но решающим фактором послужила почти неприкрытая борьба между Ли Цзунжэнем и Чан Кайши: первый выступал противником многих предложений второго, стремился к увеличению своей роли в партии и стране. Чан Кайши не одобрял участия Ли Цзунжэня в выборах.

Сунь Фо, хотя и выступал порой против Чан Кайши, все же пользовался его поддержкой на выборах вице-президента, поскольку выступал с менее радикальными лозунгами по вопросам реформ, отношений с КПК и гражданской войны. Главным преимуществом Сунь Фо была помощь Чан Кайши. Также на сторону Сунь Фо стали группировка Си-Си и некоторые старые гоминьдановцы, верные идеалам Сунь Ятсена.

Чэн Цянь отстаивал интересы военных групп Центрального Китая, прежде всего провинции Хунань. Являясь одним из старых кадров партии, он пользовался уважением в ГМД, в годы антияпонской войны занимал высокие военные посты, позже вошел в состав ЦИК ГМД. Выступал против сотрудничества с КПК. Поддержка Чэн Цяня была не так широка, как первых двух кандидатов, он не имел пространной политической программы.

Юй Южэнь был кандидатом научной и творческой интеллигенции. Мо Дэхуэй выступал как независимый общественный деятель, имея опыт работы в политических консультативных органах, возникавших по инициативе ГМД в 1930–1940-х годах. Сюй Фулинь выдвигался от ДСП. Эти три кандидата едва ли рассчитывали на победу и участвовали в выборах скорее для того, чтобы подтвердить многопартийный характер создаваемой системы. В основном борьба шла между первыми тремя кандидатами.

23 апреля по итогам голосования в Национальном собрании Ли Цзунжэнь набрал 754 голоса, Сунь Фо – 559, Чэн Цянь – 522, Юй Южэнь – 493, Мо Дэхуэй – 218, Сюй Фулинь – 214 [9]. Ни один из кандидатов не набрал необходимой половины голосов присутствующих депутатов, и потому на следующий день прошел второй тур, в котором участвовали только первые три кандидата. Но и в нем победитель не определился: Ли Цзунжэнь получил 1163 голо-

са, Сунь Фо – 945, а Чэн Цянь – 616 [10]. Оказавшись в тупике, кандидаты один за другим отказались участвовать в выборах. Чан Кайши был вынужден созвать Постоянный комитет ЦИК ГМД, на котором добился возвращения всех трех кандидатов в предвыборную борьбу. В третьем туре, 28 апреля, за Ли Цзунжэня отдали голоса 1156 депутатов, за Сунь Фо – 1040, за Чэн Цяня – 515 депутатов [11]. Необходим был четвертый тур. Только 29 апреля, благодаря тому, что Чэн Цянь выбыл из гонки и его сторонники распределились между двумя кандидатами, избрание состоялось. За Ли Цзунжэня было отдано 1438 голосов, за Сунь Фо – 1295 [12]; это означало, что с небольшим перевесом Ли Цзунжэнь все же сумел победить.

Избрание Ли Цзунжэня отразило две важные тенденции в ГМД: углубление фракционного раскола, уходившего корнями еще в годы милитаризма, и заметное снижение роли Чан Кайши, который не сумел добиться победы Сунь Фо. Такая острая борьба вокруг второстепенной должности и протестный итог голосования говорили о явном недовольстве работой правительства и стремлении многих членов партии освободиться от влияния Чан Кайши.

Следующее столкновение внутрипартийных сил в рамках так называемого конституционного строительства произошло в связи с назначением главы Исполнительного юаня. Конституция предусматривала, что президент выдвигает кандидатуру на этот пост, а Законодательный юань одобряет ее. По итогам выборов, проходивших в 1947–1948 годах, в Законодательном юане оказались сильны позиции группировки Си-си, стремившейся влиять на политику и экономику страны. Теперь Чан Кайши нужно было сдержать влияние этой фракции. Предложенный им кандидат Чжан Цюнь оказался противопоставлен претенденту от Законодательного юаня, генералу Хэ Инциню. Спор велся вокруг толкования Конституции: Законодательный юань считал, что не может одобрить никакой кандидатуры, пока не будет знать политическую программу и предлагаемый состав кабинета министров, с которыми выступает кандидат на должность главы Исполнительного юаня; президент выступал за обратную последовательность. В тексте Конституции (в статьях 56, 57 и 59) действительно устанавливалось, что глава Исполнительного юаня с одобрения пре-

зидента формирует кабинет министров, а также предлагает Законодательному юаню основные направления политико-административной деятельности [1]. Но нигде не говорилось, что кандидат на пост главы Исполнительного юаня должен сформулировать свои планы до назначения. Не трудно понять, что Законодательный юань стремился контролировать назначение кабинета министров, а для этого ему нужно было заранее знать, какую программу и каких министров он принимает вместе с той или иной кандидатурой. Президенту же выгоднее было не посвящать Законодательный юань во все тонкости правительственной работы. Обсуждение грозило зайти в тупик. С момента избрания Чан Кайши президентом 19 апреля до его инаугурации 20 мая прошел месяц, а вопрос с главой Исполнительного юаня все еще оставался открыт; более того, Законодательный юань провел предварительные выборы по кандидатурам Чжан Цюня и Хэ Инциня, итог которых показал явное превосходство последнего — кандидата от законодателей [13, с. 123]. Хэ Инцинь, опасаясь оказаться между Чан Кайши и группировкой Си-си, заявил, что вовсе не собирался занимать пост главы юаня [14]. Ввиду происхождения Чан Кайши попросту выдвинул другого кандидата, который не вызывал так много противоречий, — Вэн Вэньхао. Законодательный юань одобрил эту кандидатуру, и 25 мая он был назначен главой Исполнительного юаня.

Несмотря на конфликт между законодательной и исполнительной ветвями власти, первый состав правительства должен был сосредоточиться на решении острейших проблем: инфляции, экономической нестабильности, военных поражений. 19 августа 1948 года, когда Законодательный юань находился в отпуске, президент и правительство приняли указ об эмиссии новой денежной единицы — *цзинь-юаньцюаня*, а также об изъятии у населения иностранной валюты, золота и серебра. Обход Законодательного юаня стал возможен благодаря «Временным положениям о всеобщей мобилизации для подавления беспорядков», принятым одновременно с избранием президента и позволявшим главе государства принимать экстренные указы в опасные для страны минуты. К числу таких опасностей относились и финансово-экономические проблемы. Чтобы предотвратить новый виток инфляционной

спирали, правительство Вэн Вэньхао установило жесткий порог на эмиссию юаня, заморозило на августовском уровне цены и зарплаты. Однако вопрос было невозможно решить административными методами. Очевидным проявлением этого стало недовольство банкиров, финансистов и предпринимателей, вынудившее партию применить военную силу, — Чан Кайши терял поддержку этого слоя общества. Через два месяца после запуска реформы, в октябре того же года, в Шанхае было сорвано замораживание цен и заработных выплат, а эмиссия юаня превысила заявленный максимум в 8 раз [7, с. 650]. Реформы первого состава правительства потерпели поражение, и 26 ноября 1948 года кабинет Вэн Вэньхао ушел в отставку в полном составе. 22 декабря был сформирован кабинет под руководством Сунь Фо. Кратковременное пребывание Вэна на посту главы Исполнительного юаня подтвердило, что эта должность не давала фактической власти, оставаясь в подчинении президента. Премьеру Вэн Вэньхао в 1948 году досталась роль «громоотвода» в условиях распадающейся гоминьдановской системы.

Дальнейшее чередование премьер-министров (Сунь Фо был сменен на этом посту Хэ Инцинем в марте 1949 года, с июня того же года обязанности главы Исполнительного юаня исполнял Янь Сишань, а весной 1950 года премьером стал Чэнь Чэн) и уход Чан Кайши с поста президента в январе 1949 года подтвердили невыполнимость Конституции в условиях гражданской войны и отход ГМД от идеи политической реформы. С эвакуацией ГМД на остров Тайвань история суньятсеновского конституционного строительства в масштабах всего Китая угадала. Конституция 1947 года была перенесена на остров и сама по себе повлияла в основном на него, а не на китайский материк. Но процесс ее разработки, принятия и осуществления стал своего рода трамплином для КПК в формировании собственной государственности. Система, ориентированная на власть одной партии, стала плодородной почвой для Китайской Народной Республики, а опыт конституционных дискуссий, приобретенный за время подготовки к реформе 1947 года, лег в основу законодательства КНР.

Еще одним важным элементом, унаследованным КПК от изгнанного Национального правительства, оказалась внешняя многопар-

тийность – Единый фронт, так называемая коалиция демократических сил. Ни суньятсеновским, ни демократическим в западном понимании слова режим КПК в КНР назвать нельзя, но существование Единого фронта и механизма политических консультаций коренным образом отличает коммунистический Китай и от советской модели, придавая ему уникальные черты. Значимость Народного политического консультативного совета Китая –

органа Единого фронта – подчеркивается в речах китайских лидеров по сей день. Теория Сунь Ятсена дала КПК идеологическое обоснование при установлении партократического режима с жестким представлением о национальном суверенитете, а конституционные реформы второй половины 1940-х годов дополнили советскую систему органов государственной власти механизмом многопартийных консультаций при монополии КПК на власть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Чжунъян** жибао [Текст]. – 1946. – 26 декабря.
2. **Гудошников, Л.М.** Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978–2005) [Текст] / Л.М. Гудошников, Э.З. Имамов, Н.Л. Мамаева [и др.]. – М., 2007.
3. **Taylor, J.** The Generalissimo. Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China [Text] / J. Taylor. – Harvard University Press, 2009.
4. **Дагунбао** [Текст]. Сиань: Жэньминь чубаньшэ. – 1947. – 8 января.
5. **Материалы** съездов и пленумов Гоминьдана Китая [Текст] / под ред. Жун Мэньюаня. – Т. 2. – Пекин: Гуанмин жибао чубаньшэ, 1985.
6. **Важные** исторические материалы Китайской Республики [Текст] / под ред. Цинь Сяои. – Тайбэй: Комитет партийной истории Центрального комитета

- Гоминьдан Китая, 1988. – Ч. 7, т. 2: Период анти-японской войны.
7. **Полная** биография Чан Кайши [Текст]. Т. 2 / под ред. Чжан Сяньвэня, Фан Цинцю. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2010.
8. **Чжунъян** жибао [Текст]. – 1947. – 24 апреля.
9. **Там же.** – 1948. – 24 апреля.
10. **Там же.** – 1948. – 25 апреля.
11. **Там же.** – 1948. – 29 апреля.
12. **Там же.** – 1948. – 30 апреля.
13. **Чжан Хао.** Борьба за власть между Чан Кайши и группировкой Си-си в «Конституции Китайской Республики» [Текст] / Чжан Хао // Истор. архивы. – 2008. – № 2.
14. **Чжунъян** жибао [Текст]. – 1948. – 23 мая.

REFERENCES

1. **Zhongyang** ribao. 26 Dec. 1946.
2. **Gudoshnikov L.M., Imamov E.Z., Mamaeva N.L. et al.** Political system and law in PRC under reforms (1978–2005). Moscow, 2007.
3. **Taylor J.** The Generalissimo. Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China. Harvard University Press, 2009.
4. **Dagongbao.** Xi'an, Renmin chubanshe. 8 Jan. 1947.
5. Zhongguo Guomindang lici daibiao dahui ji zhongyang quanhu zilia. Rong Mengyuan bian. Vol. 2. Beijing, Guangming ribao chubanshe, 1985.
6. **Zhonghua** minguo zhongyao shiliao chubian. Qin Xiaoyi bian. Taibei, Zhongguo Guomindang zhongyang

- weiyuanhui dangshi weiyuanhui, 1988. Pt. 7, vol. 2: Diqi juan, di'er ce: duiri kangzhan shiqi.
7. Jiang Jieshi quanzhuan. Vol. 2. Zhang Xianwen, Fang Qingqiu bian. Beijing, Renmin chubanshe, 2010.
8. **Zhongyang** ribao. 24 Apr. 1947.
9. **Zhongyang** ribao. 24 Apr. 1948.
10. **Zhongyang** ribao. 25 Apr. 1948.
11. **Zhongyang** ribao. 29 Apr. 1948.
12. **Zhongyang** ribao. 30 Apr. 1948.
13. **Zhang Hao.** Jiang Jieshi yu CC xi zai "Zhonghua minguo xianfa" xia de quanli zheng. *Lishi dang'an*, 2008, nr 2.
14. **Zhongyang** ribao. 23 May 1948.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ГУЛЕВА Мария Анатольевна — ассистент кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, аспирант.

195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 28
mangul@mail.ru

GULEVA Mariia A. — *International Relations Department, Institute of International Educational Programs, St. Petersburg State Polytechnic University.*

Grazhdansky pr., 28, St. Petersburg, Russia, 195220
mangul@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 378.1

В.В. Краснощечков, С.Н. Погодин

**ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ И ФОРМЫ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-РЕГИОНОВЕДОВ**

Victor V. Krasnoshchekov, Sergei N. Pogodin

**INNOVATION METHODS AND FORMS OF ACADEMIC ACTIVITIES
FOR REGION STUDIES SPECIALISTS TRAINING**

Аннотация

Проанализированы необходимость и возможность педагогических инноваций при подготовке специалистов в области регионоведения. Описаны мультикультурные компоненты интерактивных лекций и уровни их использования.

Ключевые слова

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ, РЕГИОНОВЕДЕНИЕ, ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ, ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЛЕКЦИИ, МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ.

Abstract

The necessity and the possibility of implementation of pedagogical innovations for region studies specialists training are analysed. The multicultural components of interactive lectures for undergraduate students are described together with the levels of the use of above components.

Keywords

PEDAGOGICAL INNOVATIONS, REGION STUDIES, FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS, INTERACTIVE LECTURES, MULTICULTURAL COMPONENTS.

Необходимость внедрения инновационных методов и форм учебной деятельности в основные процессы подготовки по направлению «Зарубежное регионоведение» диктуется прежде всего общедидактическими причинами. Ю.К. Бабанский выдвинул и обосновал принцип сочетания различных методов и средств обучения в зависимости от задач и содержания [1, с. 173–174]. Можно опираться также на дидактический принцип создания необходимых условий обучения [Там же. С. 175].

Обязательства вуза по внедрению инновационных методов и форм учебной деятельности закреплены в нормативных документах высшей школы Российской Федерации. ФГОС

ВПО по направлению подготовки магистров 032000 «Зарубежное регионоведение» предписывает, что в вузе должно быть предусмотрено применение инновационных технологий обучения, развивающих навыки работы в команде, межличностной коммуникации, лидерские качества (чтение интерактивных лекций, проведение групповых дискуссий и проектов, анализ деловых ситуаций на основе имитационных моделей, проведение ролевых игр, тренингов и компьютерных симуляций) [2]. ФГОС ВПО по направлению подготовки бакалавров 032000 «Зарубежное регионоведение» определяет широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм

проведения учебных занятий (компьютерных симуляций, ролевых и деловых игр, разборов конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов) [3].

Глобальной целью внедрения инновационных методов и форм проведения занятий в вузе является повышение качества подготовки студентов. Кроме того, можно установить следующую систему целей:

- активизация учебной и познавательной деятельности студентов, что, в свою очередь, повышает эффективность профессионального обучения;
- повышение мотивации их к учебному процессу;
- наработка навыков анализа ситуаций;
- развитие умений работы с информацией, в том числе умения затребовать дополнительную информацию;
- представление различных подходов к разработке планов действий, ориентированных на конечный результат;
- наработка умения принимать оптимальное решение на основе индивидуального или группового анализа ситуации;
- формирование навыков четко и точно излагать собственную точку зрения в устной и письменной форме, убедительно отстаивать и защищать ее;
- выработка навыков критического оценивания различных точек зрения, самоанализа, самоконтроля и самооценки.

Педагогические инновации можно разделить на инновационные принципы и подходы к организации учебного процесса, инновационные методы педагогического взаимодействия и инновационные формы и методы учебной деятельности [4].

К *инновационным принципам и подходам* относятся: примат качества, ориентация на студента, ориентация на практику, ориентация на международную образовательную среду, модульная организация, информационные технологии. Можно добавить также асинхронный подход к формированию индивидуального учебного плана [5].

Инновационные формы и методы педагогического взаимодействия воплощают идеи личностно-деятельностной, субъект-субъектной педагогики [6, с. 308]. Традиционное учебное взаимодействие преподавателей и студентов

дополняется или заменяется учебно-профессиональным взаимодействием, наставничеством, коучингом. Например, в ходе работы над совместными проектами естественным становится использование технологии коучинга, т. е. преподаватель играет роль коуча, фактического руководителя бизнес-тренинга для студентов – участников проекта.

Инновационные формы и методы учебной деятельности в целом известны и описаны. Три из них можно объединить инновационной формой организации учебного материала и инновационными формами контроля: кейс-метод, метод учебных проектов и метод портфолио. Еще три характеризуются инновационной формой проведения занятий: тренинг, интерактивная лекция, онлайн-лекция и их модификации. Лекции приглашенных профессоров распространены в европейских и американских университетах, являются неотъемлемой частью многих учебных курсов, однако требуют значительной подготовки для соблюдения холистических принципов подачи учебного материала. Важную роль среди инновационных форм проведения занятий играют учебные визиты.

Возможность внедрения педагогических инноваций в подготовку регионоведов. Направление подготовки бакалавров и магистров «Зарубежное регионоведение» обладает рядом характеристик, делающих не только необходимым, но и возможным применение инновационных форм и методов учебной работы.

Во-первых, это *широкий спектр видов профессиональной деятельности* выпускников-бакалавров, определяемый ФГОС ВПО по направлению подготовки бакалавров 032000 «Зарубежное регионоведение» [3]:

- организационно-коммуникационная деятельность по обеспечению дипломатических, внешнеэкономических, и иных контактов с зарубежными странами и регионами, а также контактов органов государственной власти, заинтересованных ведомств и организаций на территории РФ с представителями соответствующих стран и регионов мира;
- информационно-аналитическая деятельность, связанная с исследованием тенденций развития политических систем и экономик зарубежных стран и регионов, их социально-политических, военных, торгово-экономических и культурных связей, международной деятель-

ности отдельных зарубежных и региональных организаций;

- редакционно-издательская деятельность, связанная с освещением проблематики зарубежных стран и регионов в средствах массовой информации, периодических изданиях, а также в общественно-политической, научно-популярной и художественной литературе;

- культурно-просветительская деятельность в области культурных обменов и гуманитарного взаимодействия, связанная с систематизацией библиотечных, архивных и музейных фондов, организацией выставок, презентаций, аукционов и иных мероприятий в сфере культуры;

- научно-исследовательская и преподавательская деятельность в области изучения прикладных проблем развития зарубежных стран и регионов, включая языки, историю, политику, экономику, демографию, религию, культуру населяющих их народов.

Столь же широки сферы профессиональной деятельности магистров-регионоведов. Согласно ФГОС, они охватывают те же самые направления с более детальным указанием функций.

Перечисленные направления деятельности позволяют в полной мере реализовать положения ФГОС ВПО по организации в рамках учебного процесса встреч с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций. Разумеется, в Москве и Санкт-Петербурге проведение занятий в такой форме не встречает серьезных преград. На наш взгляд, именно эти положения ФГОС должны быть подкреплены такой инновационной формой учебной деятельности, как учебный визит.

Во-вторых, следует отметить *высокий уровень владения иностранными языками*, в частности английским языком, характерный для большинства студентов, обучающихся по направлению подготовки «Зарубежное регионоведение». Этот фактор позволяет:

- 1) обучающему подразделению организовывать лекции приглашенных иностранных специалистов – как преподавателей, представителей компаний, так и официальных лиц (дипломатов, консульских работников). Студенты могут слушать приглашенных лекторов без переводчика, участвовать в непосредственной коммуникации с ними. Российский опыт показывает, что студенты

других направлений подготовки в значительной мере не готовы к восприятию лекций на иностранных языках, даже читаемых специалистами-профессорами. Использование же услуг переводчиков значительно сокращает объем доступной информации, лишает лекции интерактивного характера;

- 2) студентам участвовать в международных образовательных программах как в своем вузе, так и за рубежом. Даже участие в совместных программах в стенах родного вуза существенно расширяет кругозор студентов, способствует принятию ими ряда позитивных жизненных ценностей (мультикультурализм, патриотизм), а также формированию и развитию общих и профессиональных компетенций [3]:

- уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным ценностям народов России и зарубежья, толерантно воспринимать социальные и культурные различия (ОК-1);

- владеть культурой мышления и речи, основами профессионального и академического этикета (ОК-2);

- свободно осуществлять устную и письменную коммуникацию на иностранном языке международного общения, отличном от языка региона специализации, на бытовом и деловом уровне (ОК-3);

- следовать учебной и трудовой дисциплине, нести персональную ответственность за результаты своей образовательной и профессиональной деятельности (ОК-16).

В-третьих, гуманитарный характер образования, отсутствие непрерывных циклов лабораторных работ, связанных с эксплуатацией сложного или уникального оборудования, дает *возможность внедрения гибких схем организации учебного процесса*. Это значит, что интерактивные лекции, онлайн-лекции, «мастер-классы экспертов и специалистов» [Там же], организуемые ими тренинги могут быть без труда включены в ткань учебного процесса без нарушения рабочих планов, без накладок с использованием лабораторного оборудования. Это касается и учебных визитов. Также студенты в рамках учебного процесса могут становиться участниками совместных международных программ и проектов.

Примером может служить реализация совместных образовательных проектов типа «Тан-

дем». В Санкт-Петербургском государственном политехническом университете, в частности, на 2013 год запланированы два тандемных проекта – с университетом Хаага-Хелия (Финляндия) и университетом Готфрида Лейбница (Германия). В первом из проектов примут участие студенты, обучающиеся по направлению подготовки бакалавров «Зарубежное регионоведение», специализация «Страны Северной Европы». Группа финских студентов, изучающих русский язык, в течение недели будет участвовать в занятиях вместе со студентами-регионоведами, изучающими финский язык. Занятия будут вести как российские, так и финские преподаватели. Вернее сказать, они явятся модераторами, задающими темы дискуссий и направляющими познавательную и коммуникативную активность студентов. Несмотря на то что формально участие финских студентов в рабочем учебном плане направления «Зарубежное регионоведение» не предусмотрено, участие в программе «Тандем», несомненно, сыграет более важную роль в формировании профессиональных языковых и этнокультурных компетенций российских студентов по сравнению с занятиями в традиционной форме.

Интерактивные занятия с мультикультурным компонентом. Инновационной формой проведения занятий в мультикультурной аудитории является активное использование преподавателем возможностей поликультурного контингента студентов. Помимо формирования предметных компетентностей, цель таких занятий – подготовка российских студентов к участию в формах академической мобильности, характеризующихся более высокой степенью вовлеченности в мировой образовательный процесс, например к обучению в зарубежном вузе.

Другой целью интерактивных занятий является формирование ряда ценных личностных качеств, которые входят в структуру социальной компетентности личности, а при определенных условиях могут стать элементами и компетентностей профессиональных. Это готовность к участию в межкультурном общении и способность осуществлять межкультурную коммуникацию. Кроме того, реализация интерактивных занятий нацелена и на другие позитивные трансформации структуры личности. Например, студенты в ходе проведения занятий усваивают важную в современном мире цен-

ность – мультикультурализм, повышают степень национальной самоидентификации, укрепляющей патриотизм.

Прежде всего, необходимо определить группы дисциплин, при подготовке по которым межкультурные аспекты являются естественной и неотъемлемой их частью. Это в первую очередь межкультурная коммуникация, психология и педагогика, культурология, международные отношения, мировая экономика, международный бизнес. Именно для этих дисциплин использование фактора поликультурности контингента будет наиболее эффективным.

Фактор интерактивности необходим для раскрытия педагогических задач занятия, поскольку необходима немедленная оценка студентами положений, высказанных преподавателем и представителями других этнических групп. Возможна организация интерактивных занятий с мультикультурным компонентом на трех уровнях (см. таблицу).

Итак, можно сделать вывод, что в результате реализации интерактивных занятий с мультикультурными аспектами:

а) совершенствуются предметные компетенции студентов;

б) развиваются их межкультурные компетенции;

в) повышается уровень сформированности национальной идентичности студентов всех этнических групп, воспитывается патриотизм.

Примером реализации рассматриваемой педагогической технологии может служить инновационная краткосрочная образовательная программа по международному бизнесу для российских преподавателей, которая была проведена в Лондоне в рамках проекта CPD (Continue Professional Development) на базе бизнес-школы Касс университета Сити [7].

На основании полученного опыта внедрения инновационных технологий можно сделать несколько выводов.

1. В полной мере педагогические цели достигаются при построении занятия с учетом мультикультурности контингента группы учащихся. Наивысшую результирующую оценку получили интерактивные занятия по кросс-культурной психологии бизнеса, в ходе которых все этнические группы студентов и преподавателей выступали в роли референтных групп по тематике занятия.

Уровни проведения интерактивных занятий с мультикультурным аспектом

Уровень проведения занятий	Действия		Характеристика уровня использования фактора мультикультурности среды
	преподавателя	студентов различных этнических групп	
I	В ходе занятия приводит примеры, связанные с этническими особенностями феномена (экономического, политического, культурного, психологического), в соответствии с этнической принадлежностью студентов в аудитории	Выступают в качестве референтной группы, т. е. выражают согласие или несогласие, комментируют и корректируют информацию, полученную от преподавателя	Низкий
II	Заранее выдает задания, связанные с проявлением этнических аспектов в исследуемом феномене (обычно на предыдущем занятии). В ходе занятия организует выступления студентов, является модератором дискуссии	Выполняют домашнее задание, готовят выступление или небольшую презентацию. В ходе занятия выступают, участвуют в дискуссии, отстаивают собственную точку зрения, обращаясь за помощью к представителям своей этнической группы	Средний
III	Заблаговременно формирует команды для выполнения проектов с мультикультурным аспектом (монокультурные или мультикультурные). Контролирует ход выполнения проекта. В ходе занятия дает или резюмирует оценку проекта, уровень его подготовки и представления, оценивает степень использования этнических аспектов, сформированность мультикультурной компетенции участников проекта	Выполняют проект, используя в том числе сформированные мультикультурные компетенции и одновременно совершенствуя их. Проводят презентацию, защищают проект, отвечают на вопросы, в том числе по мультикультурным аспектам содержания проекта. Сопоставляют мультикультурные и надэтнические аспекты проекта	Высокий

2. Необходимо отбирать для участия в международных программах таких учащихся, для которых поликультурное обучение может дать ощутимые результаты для формирования и совершенствования профессиональных компетенций. Так, большее удовлетворение от участия в совместной программе было зафиксировано у студентов, в наивысшей степени мотивированных к совершенствованию компетенций в сфере международного бизнеса. Именно эти студенты дали самую высокую оценку и интерактивным компонентам занятий, работе в группах над проектом.

3. Наивысшие оценки были поставлены представителями всех этнических групп тем курсам и тем преподавателям, которые активно использовали интерактивные компоненты при проведении занятий. Низкие оценки получили

курсы по финансовым дисциплинам, где преподаватели мало использовали интерактивные компоненты. По этой причине указанные курсы не были описаны выше.

4. Проводить интерактивные занятия следует, основываясь на ценностях толерантности и мультикультурализма. Например, одна из преподавательниц допускала прямые сравнения некоторых этнических характеристик участников программы, ставя своей целью выявить соответствие британскому эталону. Даже такое невольное и, возможно, ненамеренное ослабление толерантного поведения привело к резкому снижению общих оценок педагогических характеристик этой преподавательницы, в то время как содержание ее курса было оценено достаточно высоко — выше среднего уровня оценок за курсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Педагогика** [Текст] / Ю.К. Бабанский, В.А. Слостенин, Н.А. Сорокина [и др.]; под ред. Ю.К. Бабанского. — М.: Просвещение, 1988. — 479 с.
2. **Федеральный** государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 032000 — Зарубежное регионоведение (квалификация (степень) магистр) [Электронный ресурс]. Введ. 2010-01-13. — Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/hj-gosudarstvo/v3g.htm>.
3. **Федеральный** государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 032000 — Зарубежное регионоведение (квалификация (степень) бакалавр) [Электронный ресурс]. Введ. 2009-12-22. — Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/hj-praktika/t3n.htm>.
4. **Краснощеков, В.В.** Внедрение инновационных методов и форм учебной деятельности при реализации международных краткосрочных образовательных программ [Текст] / В.В. Краснощеков // Науч. обозр. — 2012. — № 6. — С. 619–626.
5. **Арсеньев, Д.Г.** Современные подходы к реализации образовательных программ в вузе [Текст] / Д.Г. Арсеньев, А.И. Сурыгин, Е.В. Шевченко. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. — 82 с.
6. **Зимняя, И.А.** Педагогическая психология [Текст] / И.А. Зимняя. — М.: Логос, 1999. — 384 с.
7. **Александрова, Т.В.** Проведение занятий по межкультурным аспектам бизнеса в интернациональных группах студентов интернациональной командой преподавателей [Текст] / Т.В. Александрова, В.В. Краснощеков // Междунар. сотрудничество в образовании и науке. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. — С. 130–135.

REFERENCES

1. **Babanskii Iu.K., Slastenin N.A., Sorokina N.A. et al.** Pedagogics. Moscow, Prosveshchenie, 1988, 479 p.
2. Russian Federal State Educational Standard of Higher Professional Education. 2010-01-13. Access mode: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/hj-gosudarstvo/v3g.htm>.
3. Russian Federal State Educational Standard of Higher Professional Education. 2009-12-22. Access mode: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/hj-praktika/t3n.htm>.
4. **Krasnoshchekov V.V.** Vnedrenie innovatsionnykh metodov i form uchebnoy deiatelnosti pri realizatsii mezhdunarodnykh obrazovatelnykh program. *Nauchnoe obozrenie*, 2012, nr 6, pp. 619–626. (rus.)
5. **Arseniev D.G., Surygin A.I., Shevchenko E.V.** Sovremennye podkhody k realizatsii obrazovatelnykh program v vuze. St. Petersburg, Publ. Polytechnical Univ., 2009, 82 p. (rus.)
6. **Zimnyaya I.A.** Pedagogicheskaya Psikhologiya. Moscow, Logos, 1999. 384 p. (rus.)
7. **Aleksandrova T.V., Krasnoshchekov V.V.** Provedenie zanyatii po mezhkulturnym aspektam biznesa v internatsionalnykh gruppakh studentov internatsionalnoi komandoi prepodavatelei. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v obrazovanii i nauke*. St. Petersburg, Publ. Polytechnical Univ., 2008. P. 130–135. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

КРАСНОЩЕКОВ Виктор Владимирович — заместитель директора Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат технических наук, доцент.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
victor@imop.spbstu.ru

KRASNOSHCHKOV Victor V. — St. Petersburg State Polytechnical University.

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
victor@imop.spbstu.ru

ПОГОДИН Сергей Николаевич — заведующий кафедрой международных отношений Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор исторических наук, профессор.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
pogodin56@mail.ru

POGODIN Sergei N. — St. Petersburg State Polytechnical University.

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
pogodin56@mail.ru

УДК 378.147:811

М.А. Одинокая

ТЕХНОЛОГИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В ИНТЕРАКТИВНОМ РЕЖИМЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Maria A. Odinskaya

INTERACTIVE TECHNOLOGY OF INDEPENDENT STUDENT WORK IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Аннотация

Рассмотрена двухэтапная технология интерактивного обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Особое внимание обращено на проблему структурирования и алгоритмизации самостоятельной работы. Выявлены пути усиления интерактивности, разработан алгоритм учебно-речевых действий в интерактивном режиме. Установлено, что введение структурированной алгоритмизации с использованием социального сервиса «ВКонтакте» может эффективно использоваться для обучения слабо подготовленных студентов.

Ключевые слова

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА, ИНТЕРАКТИВНОСТЬ, КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД, ДИАЛОГОВОЕ ОБУЧЕНИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА.

Abstract

The two-stage technology of online learning a foreign language is considered. Particular attention is drawn to the problem of structured algorithmic homework. The ways of enhancing interactivity and an algorithm for teaching speech acts were developed. It is established that structured algorithmization can be useful for teaching non-language university majors.

Keywords

STUDENTS' INDEPENDENT WORK, INTERACTIVE ACTIVITIES, COMMUNICATIVE-COGNITIVE APPROACH, DIALOGUE-BASED EDUCATION, SOCIAL NETWORKS, PROBLEM SOLVING, PEDAGOGICAL SUPPORT.

В настоящее время в центре внимания педагогов стоят вопросы, связанные с совершенствованием условий организации самостоятельной работы студентов (СРС), целью которой является развитие аналитического и творческого мышления, повышение уровня ответственности за результаты учебной деятельности. Это должно способствовать решению задачи обеспечения непрерывного формирования профессионального уровня выпускника, отвечающего современным требованиям общества. Под самостоятельной работой мы понимаем целенаправленное изучение студентами учебного материала, развитие и совершенствование их умений и навыков; процесс, организуемый преподавателем на основе формирования и акти-

визации приемов, методов и средств самостоятельной работы обучаемых, направленных на усвоение знаний и самоорганизацию.

С введением стандартов третьего поколения реальный учебный процесс в вузе изменяется, поскольку усилия преподавателей направляются на формирование профессионально значимых компетенций обучающихся. Это означает, что главным ориентиром становится не столько получение знаний, сколько «формирование способности к самоорганизации в учебной, профессиональной деятельности» [1, с. 74]. Исследователи считают организацию самостоятельной работы настолько важным аспектом компетентностного учебного процесса, что относят образовательную самоорганизацию

и самообразование к наиболее значительным ключевым компетенциям [2].

Положение об изменении статуса самостоятельной работы находит подтверждение в учебных программах нового поколения. Так, в новых программах компетентностного формата в СПбГПУ самостоятельная работа градуируется на 16 категорий с выделением творческой самостоятельной работы в отдельную категорию.

Нужно отметить, что большинство студентов учится ниже своих возможностей из-за отсутствия навыков самостоятельной работы [3, с. 45]. Результаты диагностических срезов показали, что большое количество студентов-первокурсников (приблизительно 60-70 %) изначально не обладает тем уровнем обученности по иностранному языку (ИЯ), который необходим для формирования иноязычной коммуникативной компетенции и ее профессионального компонента. У них ограниченный лексический запас, возникают трудности при запоминании лексико-грамматического материала и правил построения видовременных форм глагола и областей их использования, трудности с полным пониманием при чтении адаптированного текста, трудности при передаче содержания прочитанного на ИЯ, слабо развиты навыки и умения аудирования. Они демонстрируют также отсутствие способности и готовности свободно пользоваться ИЯ, особенно в плане устной речи [4, с. 79].

Для совершенствования СРС необходимо, чтобы преподаватель структурировал деятельность студентов, знал уровень усвоения ими учебного материала и мог научить их приемам самостоятельного выполнения заданий. Основная стратегия преподавателя при организации СРС состоит в том, чтобы вовлекать студента в активную самостоятельную деятельность, которая интересна для обучающихся. При этом необходимо позаботиться об усилении контроля за этой работой и за качеством выполнения заданий.

Применение в обучении компьютера в качестве средства организации и управления СРС может существенно повысить эффективность обучения. Автоматизация процедуры контроля знаний позволяет обеспечить более полную проверку уровня обученности студентов. При традиционном способе организации контроль и самоконтроль знаний носят эпизодический

характер, значительная часть учебного материала, подлежащего усвоению, контролируется бегло либо вообще не контролируется из-за недостатка времени. Применение интерактивных образовательных технологий может помочь преподавателю решить проблему формирования прочных лексико-грамматических навыков. Предоставление студентам возможности закрепить и активизировать объясненный преподавателем материал при выполнении алгоритмизированной СРС во внеаудиторное время дает реальные перспективы для повышения качества обучения. Созданная нами технология самостоятельной работы в интерактивной информационной среде предоставляет студентам тренировочные задания и упражнения, оказывает оперативную помощь в демонстрации степени обученности студентов.

Рассмотрев различные подходы к обучению ИЯ, и к формированию навыков самообучения в частности, мы пришли к выводу, что наиболее приемлемым для обучения говорению и лексическому оформлению высказывания студентов неязыковых вузов является принятый в современной отечественной методике преподавания ИЯ коммуникативно-когнитивный подход. А.Н. Шапов, А.В. Щепилова и другие исследователи считают, что коммуникативно-когнитивный подход является безусловной необходимостью при обучении ИЯ в разных типах образовательных учреждений [5].

Коммуникативный аспект деятельности связан с формированием рецептивно-продуктивных умений студентов, ориентированных не только на восприятие, осмысление, анализ и обобщение языкового и речевого материала, заключенного в тексте, но и активного использования в практике межличностного (межкультурного) непосредственного общения. Реализация когнитивного аспекта содержания коммуникативно-когнитивной деятельности предполагает сознательное, осмысленное и креативное участие студента в опосредованном общении с последующим переходом к реальной коммуникации. Осознание студентами лингвистических явлений и овладение языковыми средствами происходит через освоение студентом познавательных и речевых действий в процессе решения определенных коммуникативных и когнитивных задач, которые могут быть нацелены на расширение профессионально

ориентированного вокабуляра обучающихся. К основным когнитивным приемам при освоении новой лексики в интерактивной информационной среде можно отнести анализ, синтез, сравнение, сопоставление [6].

Представляется, что необходимым условием для реализации коммуникативно-когнитивного подхода становится в настоящее время интерактивная среда. Широкое использование в учебном процессе интерактивных форм проведения занятий (семинаров в диалоговом режиме, дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбор конкретных ситуаций и др.) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся предусмотрено в Федеральном государственном стандарте (ФГОС) [7, п. 7.3]. Оно требует тщательного осмысления и рассмотрения форм интерактивности и технологий интерактивного обучения применительно к каждой отдельной дисциплине учебного плана.

Термин «интерактивный» означает способность взаимодействовать или находиться в режиме диалога с кем-либо (человеком) или чем-либо (компьютером) [8]. Взаимодействие понимается как специальная форма организации познавательной и коммуникационной деятельности, важнейшей особенностью которой признается способность человека интерпретировать ситуацию и конструировать собственные действия. Таким образом, интерактивное обучение [9] – это прежде всего диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие как преподавателя и студента, так и между студентами непосредственно на занятии в аудитории или дистанционно. Под технологией интерактивного обучения понимается процесс, основанный на системе правил организации взаимодействия студентов, общающихся между собой и с преподавателем, обеспечивающий продуктивную устно-речевую деятельность студентов [10]. Интерактивные технологии ставят перед студентами конкретные и прогнозируемые цели, а также гарантируют их достижение.

Если диалог «студент – преподаватель» является типичным примером учебной деятельности в формате активных методов обучения, то поставленная в настоящее время задача введения интерактивных методов обучения ИЯ может быть решена прежде всего при тщательной раз-

работке формата общения в режиме «студент – студент». Несовершенный монолог неуверенного в себе студента приобретает диалогическое качество, которое является главным атрибутом парной работы при применении интерактивных методов обучения [11]. Самостоятельная работа студентов при этом должна стать гораздо более структурированной, поскольку участники общения могут быть весьма посредственными коммуникантами. Предлагаемая нами технология самостоятельной работы в интерактивной среде представляет собой введение определенного алгоритма диалогической учебной деятельности, который, как показывает проведенная нами апробация, может эффективно использоваться для обучения студентов неязыкового вуза. Алгоритмом при этом считается точное предписание исполнителям совершать последовательность действий, направленных на достижение цели для определенного вида задач [12].

Алгоритмизированная учебная работа студентов особенно актуальна для обучения студентов со средним и низким уровнем языковой подготовки, так как данный контингент испытывает наибольшие сложности при общении. Активный коммуникативно-когнитивный процесс опосредованного общения на занятиях ИЯ, предполагающий последовательный переход к реальной коммуникации в аутентичных ситуациях делового и научного партнерства, обеспечивается различными видами учебной деятельности. Для достижения целей и задач по овладению лексикой рекомендуется специальная группа интерактивных заданий, с помощью которых достигается требуемый уровень автоматизма.

При переходе к обучению студентов интерактивной самостоятельной работе по ИЯ возникает необходимость создания специальных обучающих материалов и их размещения в социальной сети «ВКонтакте». Этот сервис был выбран потому, что абсолютное большинство студентов, согласно итогам анкетирования, выбрали его в качестве наиболее приемлемого для общения. Для организации интерактивного общения студентов в социальной сети нами разработан комплекс дидактических средств, составляющих первый этап технологии интерактивного обучения ИЯ: электронная таблица с дифференциацией на активный и пассивный вокабуляр на основе текстов из программного учебника *Infotech*; автоматический электрон-

ный переводчик терминологических лексических единиц, электронный кроссворд.

Обратимся к наиболее важным формулировкам заданий, предлагаемых для пошагового выполнения в электронном доступе в социальной сети «ВКонтакте» на первом этапе (длительность 20 мин), когда когнитивное начало превалирует над коммуникативным. Студентам предлагается вспомнить значения слов из текста учебника. Для этого в их распоряжение в папке «Documents» в ресурсе сети «ВКонтакте» поступают список слов, подлежащих усвоению, и аудиофайл, содержащий их озвучивание. Студент регистрирует подтверждение выполнения задания, высылая скриншот преподавателю. Студент также проверяет, совпадает ли его пассивный и активный запас с предлагаемыми вариантами группировки слов (таблица Актив-Пассив), и записывает те слова, которые ему нужно перевести в активный запас. Далее студент регистрирует свое подтверждение выполнения задания. Следующее задание – это разгадывание кроссворда в интерактивном режиме и отправление отчета с указанием процентов правильности выполнения задания. Скриншот и отчет о выполнении кроссворда позволяют преподавателю контролировать выполнение первого этапа технологии интерактивного обучения.

На втором этапе технологии, занимающем 25 мин, студенту предлагается ознакомиться со списком выражений для составления диалога и зарегистрировать свое подтверждение. Затем студенты составляют диалог, в котором им следует использовать новую лексику учебника *Infotech* и при этом использовать слова из активного и пассивного запаса. Студенты завершают выполнение задания, распечатывают диалог и предъявляют распечатанный скриншот диалога преподавателю на занятии. Кроме этого, студенты читают диалог вслух, создают аудиофайл и отправляют его преподавателю на электронный ресурс «ВКонтакте». Скриншот и аудиофайл являются важными для преподавателя формами контроля.

Поскольку в интерактивном режиме предполагается более широкое взаимодействие студентов друг с другом, необходимо сфокусироваться на том, как расширить спектр взаимодействия студентов на ИЯ при составлении диалогов. Нам представляется, что одним из возможных вариантов решения данной проблемы является ис-

кусственное введение в диалог дополнительного стимула или мотива для усиления устно-речевой деятельности обучающихся.

Таким стимулом, по мнению исследователей, может стать проблемная фраза, которая «может породить ряд речевых высказываний и способствовать возникновению обсуждения» среди участников коммуникативного процесса [13], как реального, так и виртуального. Дополнительными стимулами или мотивами для усиления устно-речевой деятельности обучающихся могут стать *конфликтные ситуации* или *противоречия*, которые обучающимся необходимо разрешить в процессе диалога. Познавательная деятельность студента при этом заключается в творческом воспроизведении и частичном реконструировании структуры приведенной информации. Такое реконструирование предполагает необходимость анализировать приведенное описание, различные возможные пути решения задачи.

Введение дополнительных стимулов в диалогическую речь можно назвать алгоритмом для продуцирования диалога участниками коммуникации, что способствует структуризации диалога и его протеканию в заданном русле в интерактивном режиме. Для усиления интерактивности диалогической речи предлагается использовать разработанный нами алгоритм составления диалога студентами (см. таблицу).

Из этого алгоритма видно, что студентам предлагается обсудить три варианта решения проблемы или разрешения конфликта, прежде чем пойти на компромисс. Ниже дан пример алгоритмизированного диалога 2 на основе приведенного выше задания из учебника *Infotech* [14] (М – менеджер, С – покупатель).

Алгоритмизированный диалог 2

М.: Good Afternoon! It's Digital Computer Shop. Can I help you?

С.: I hope so. I'm going to complain about the PC that was delivered by your courier yesterday.

М.: Sorry to hear that. What are the problems exactly?

С.: **The sound quality is just awful.**

М.: Well, this is not our problem, I am afraid. You'd better contact our supplier...

С.: **Besides that the camera is always flickering and ...**

М.: Our camera man is on vacation at the moment, so we can't fix it real fast. Anything else?

Алгоритм учебно-речевых действий в интерактивном режиме

Порядок реплик	Формулы вежливости	
	Первый участник	Второй участник
1	Обобщенная констатация проблемы или конфликтной ситуации: ключевые слова	Уточнение с повторением ключевых слов и выражение эмоций (удивление, недовольство и т. п.)
2	Первый вариант решения проблемы / трактовки конфликта	Выражение несогласия / нежелания решать проблему, объяснение причины несогласия
3	Второй вариант решения проблемы / трактовки конфликта	Выражение несогласия / нежелания решать проблему, объяснение причины несогласия
4	Третий вариант решения проблемы / трактовки конфликта	Выражение несогласия / нежелания решать проблему, объяснение причины несогласия
5	Окончательный вариант решения проблемы / трактовки конфликта (компромисс)	Выражение согласия, объяснение причины согласия, создание эмоционального фона (удовлетворение, радость и т. п.)
6	Уточнение мнения второго участника	Дополнительные заверения в том, что мнение окончательное

C.: **There's a dark line down the left-hand side of the monitor.** Could you just replace this computer or give me a refund?

M.: I'm afraid it isn't our policy to change computers, sir.

C.: What? Are you joking? This PC costs a fortune! It took me three years to save money on it!

M.: I'm sorry about the problems, of course. *Could you please leave it here until tomorrow when our specialists can examine it.* Is it OK?

C.: Great! Let's hope they will find the solution.

Из этого алгоритмизированного диалога видно, что, несмотря на некоторую искусственность его содержания, он становится более подробным и продуктивным в сравнении с диалогом без установки на алгоритмизацию и искусственное усложнение. Три проблемы клиента, за которыми следуют полные равнодушия реплики менеджера, выделены жирным шрифтом, а компромиссное решение обозначено курсивом. В этом диалоге, обладающем большей степенью интерактивности, чем обычные диалоги слабо подготовленных студентов, студенты произносят больше реплик и в большей мере используют лексический и грамматический материал изучаемого материала учебника.

Педагогическая поддержка в виде предоставления обучающимся конкретного и понятного для них алгоритма учебной деятельности способствует повышению интерактивности диалогической речи в режиме парной работы. Нужно, однако, отметить, что создание ал-

горитмизированного диалога требует больше времени, которого не всегда достаточно на аудиторном занятии, особенно в слабых группах. В связи с этим подготовка данного задания перенесена на самостоятельную работу студентов. Учитывая то, что многие современные студенты интенсивно пользуются социальным сервисом «ВКонтакте», который дает возможность вести переписку в синхронном режиме на ИЯ, студентам дается задание подготовить алгоритмизированный диалог в интерактивном режиме в процессе вечернего досугового общения. Как показывает наш небольшой опыт апробации этого задания, студенты охотно его выполняют и приносят на занятие распечатанные скриншоты диалога, который может быть представлен на занятии. Отметим, что при подготовленных заранее интерактивном диалоге и аудиофайле студентам требуется меньше времени на занятии для подготовки диалога.

Понимая, что рассмотренный нами формат домашнего задания в интерактивном режиме парной работы требует дальнейшей апробации и исследования, мы можем, однако, сделать предварительные выводы. Данный режим самоподготовки нам представляется достаточно эффективным. Во-первых, он занимает мало времени и не отвлекает студентов от других заданий. Во-вторых, это задание позволяет экономить аудиторное время и использовать его более эффективно. Кроме этого, интерактивный режим подготовки к занятию по ИЯ можно легко проконтролировать

вать, что особенно важно при работе в больших группах неязыкового вуза.

Интересно отметить, что формат синхронной переписки для выполнения внеаудиторной самостоятельной работы оказался привлекательным и для тех студентов, которые весьма неохотно участвуют в аудиторном интерактивном общении в силу своего характера, лени или плохого знания ИЯ.

Подводя итоги, можно сказать, что самостоятельная работа студентов в интерактивной среде будет более эффективной при ее струк-

туризации и введении алгоритмизированного диалога. В процессе осуществления самостоятельной работы в интерактивной среде студент и преподаватель получают информацию о степени усвоения знаний в результате выполнения этапов рассмотренной технологии. При условии соблюдения алгоритмизированной работы студент получает возможность более успешно выполнения задания, преподаватель, в свою очередь, держит слабых студентов под контролем, а значит, обучение ИЯ становится для студента более продуктивным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Компетентностный** подход: пути реализации [Текст]: моногр. / Г.П. Гагаринская, В.П. Гарькин, Е.Н. Живицкая [и др.]; Самар. гос. ун-т [и др.]. – Самара: Универс групп, 2008.
2. **Баранников, А.В.** Компетентностный подход и качество образования [Текст] / А.В. Баранников. – М.: Моск. центр качества образования, 2008. – 144 с.
3. **Туриева, С.М.** Педагогические условия совершенствования самостоятельной работы студентов с использованием современных технологий [Электронный ресурс] / С.М. Туриева // Вестн. Сев.-Осетин. ун-та им. К.Л. Хетагурова. – 2010. – № 3. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/91417977.pdf> (дата обращения: 14.09.2013).
4. **Землянская, Н.В.** Об использовании индивидуальных образовательных траекторий при обучении иностранному языку студентов с низким уровнем обученности [Электронный ресурс] / Н.В. Землянская // Вестн. Костр. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. – 2008. – № 1. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/79694192.pdf> (дата обращения: 07.09.2013).
5. **Шепилова, А.В.** Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному [Текст] / А.В. Шепилова. – М.: Владос, 2005. – 245 с.
6. **Шамов, А.Н.** Лингводидактические основы когнитивного подхода в организации обучения лексике на уроках немецкого языка [Текст]: моногр. / А.Н. Шамов. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2004. – С. 98–109.
7. **Федеральные ГОС ВПО** третьего поколения [Электронный ресурс] // Департамент методического обеспечения СПбГПУ: [сайт]. – СПб., 2011. – Режим доступа: <http://uap.spbstu.ru/fgos> (дата обращения: 31.01.2013).
8. **Мельников, С.В.** Лекция и семинар в вузе: интерактивные методы обучения [Текст]: учеб.-метод. пособие / С.В. Мельников; под ред. Е.А. Сигиды; ФГОУВПО «РГУТиС». – М.: Изд-во Степаненко, 2011. – 138 с.
9. **Борисова, Т.С.** Интерактивные методы обучения в профессиональной подготовке будущих педагогов [Текст]: учеб.-метод. пособие / Т.С. Борисова. – Владимир: Изд-во ВГГУ, 2010. – 124 с.
10. **Информационная война.** Информационное противоборство: теория и практика [Текст]: моногр. / В.М. Щекотихин, А.В. Королёв, В.В. Королёва [и др.]; под общ. ред. В.М. Щекотихина. – М.: Изд-во Академии ФСО России, ЦАТУ, 2010. – 999 с.
11. **Попова, Н.В.** Пути повышения интерактивности в обучении иностранному языку студентов неязыкового вуза (на примере делового дискурса) [Текст] / Н.В. Попова, М.А. Одинокая // Культура и деловой иностранный язык: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. и Всерос. науч.-метод. конф. «STUDIUM: педагогика высш. шк.». Санкт-Петербург, 14–15 марта 2013 г. / М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств; науч. ред. Л.А. Девель, Н.В. Попова; ред.-сост. Л.А. Девель. – СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2013. – С. 133–144.
12. **Рогозин, С.А.** Алгоритмы. Основные алгоритмические конструкции [Текст]: сб. задач / С.А. Рогозин. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. – 42 с.
13. **Селютин, А.А.** Коммуникативная природа социальных сетей: статус как элемент коммуникативной структуры [Электронный ресурс] / А.А. Селютин // Знак: проблемное поле медиаобразования: [сайт]. – СПб., 2010. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/87074258.pdf> (дата обращения: 01.09.2013).
14. **Remacha, E.S.** Infotech. English for computer users [Text]: Student's Book / E.S. Remacha. – Cambridge Univ. Press, 2008. – 168 p.

REFERENCES

1. **Gagarinskaia G.P., Gar'kin V.P., Zhivitskaia E.N.** et al. Kompetentnostnyi podkhod: puti realizatsii. Monografiia. Samara, Unvers grupp, 2008. (rus.)
2. **Barannikov A.V.** Kompetentnostnyi podkhod i kachestvo obrazovaniia. Moscow, Mosk. tsentr kachestva obrazovaniia, 2008. 144 p. (rus.)
3. **Turieva S.M.** Pedagogicheskie usloviia sovershenstvovaniia samostoiatel'noi raboty studentov s ispol'zovaniem sovremennykh tekhnologii. *Vestnik Severo-Osetinskogo univ. im. K.L. Khetagurova*, 2010, nr 3. Access mode: <http://elibrary.ru/download/91417977.pdf> (reference data: 14.09.2013). (rus.)
4. **Zemlianskaia N.V.** Ob ispol'zovanii individual'nykh obrazovatel'nykh traektorii pri obuchenii inostrannomu iazyku studentov s nizkim urovnem obuchennosti. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo univ. im. N.A. Nekrasova. Seriiia Pedagogika. Psikhologiiia. Sotsial'naia rabota*, 2008, nr 1. Access mode: <http://elibrary.ru/download/79694192.pdf> (reference data: 07.09.2013). (rus.)
5. **Shepilova A.V.** Teoriia i metodika obucheniia frantsuzskomu iazyku kak vtoromu inostrannomu. Moscow, Vlos, 2005. 245 p. (rus.)
6. **Shamov A.N.** Lingvodidakticheskie osnovy kognitivnogo podkhoda v organizatsii obucheniia leksike na urokakh nemetskogo iazyka. Monografiia. Nizhnii Novgorod, NGLU im. N.A. Dobroliubova, 2004. Pp. 98–109. (rus.)
7. **Third Generation Federal State Educational Standard of Higher Education.** *Department of Methodological Support* [site]. St. Petersburg, 2011. Access mode: <http://uap.spbstu.ru/fgos> (reference date: 31.01.2013).
8. **Melnikov S.V.** A lecture and a seminar at Institution of Higher Professional Education: Interactive training methods: study guide. Ed. by E.A. Sigidi, FSEIHPE «RGUTiS». Moscow, Publishing Company Stepanenko, 2011. 138 p.
9. **Borisova T.S.** Interactive training methods in professional preparations of prospective teachers: study guide. Vladimir: VGGU, 2010. 124 p.
10. **Shchekotihin V.M., Koroliiov A.V., Koroliiova V.V.** and others. Information war. Information confrontation: theory and practice: monogr. Ed. by V.M. Shchekotihin. Moscow, Academy FGS of the Russian Federation, TTAC, 2010. 999 p.
11. **Popova N.V., Odinskaya M.A.** Ways of increasing of interactivity in teaching foreign language of non-linguistic students (the case of business discourse). *Culture and Business English: collected works adapted from international research and practice conf. and all-Russia scientific-methods conference «STUDIUM: education science of higher school»*. St. Petersburg, 14–15 March 2013. Ed. by L.A. Devel', N.V. Popova; compl. ed. L.A. Devel'. St. Petersburg, SPbGUKI, 2013. Pp. 133–144.
12. **Pogozin S.A.** Algoritms. Basic algorithmic constructions: problem book. Cheliabinsk, Cheliabinsk State Pedagogical University, 2008. 42 p.
13. **Selutin A.A.** Communicative nature of social networks: status as an element of communicative structure. *Sign: problem mediaeducation sphere*: [site]. St. Petersburg, 2010. Access mode: <http://elibrary.ru/download/87074258.pdf> (reference date: 01.09.2013).
14. **Remacha E.S.** Infotech. English for computer users: Student's Book. Cambridge Univ. Press, 2008. 168 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ОДИНОКАЯ Мария Александровна — старший преподаватель стратегического менеджмента Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
World.Maria@hotmail.com

ODINOKAYA Maria A. — St. Petersburg State Polytechnical University.

Politekhnicheskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
World.Maria@hotmail.com

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 811.111:378.147.311.4

*А.И. Дашкина, А.Я. Фёдорова***НАСТАВНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ
КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УСВОЕНИЯ
ИНОЯЗЫЧНОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА***Alexandra I. Dashkina, Alexandra Y. Fyodorova***ENHANCING THE EFFICIENCY OF MASTERING FOREIGN LANGUAGE
GRAMMATICAL MATERIAL VIA STUDENTS' MENTORSHIP ACTIVITY,
RAISING EFFICIENCY****Аннотация**

В статье рассматриваются дидактические возможности наставнической деятельности студентов в парах или малых группах на занятиях по иностранному языку. Повышение эффективности усвоения иноязычного грамматического материала демонстрируется с помощью пилотного эксперимента.

Ключевые слова

НАСТАВНИЧЕСТВО, ИНОЯЗЫЧНЫЙ ГРАММАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ, ГРУППЫ СОТРУДНИЧЕСТВА, УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ УСВОЕНИЯ.

Abstract

The didactic potential of students' mentorship activity in pairs or small groups in a foreign language class is described in the article. Enhancing the efficiency of mastering foreign language grammatical material is illustrated by the probe experiment.

Keywords

MENTORSHIP, FOREIGN LANGUAGE GRAMMATICAL MATERIAL, COOPERATIVE GROUPS, LEVELS OF COMMAND OF A LANGUAGE, EFFICIENCY OF MASTERING.

Учебное взаимодействие студентов является одной из наиболее целесообразных форм работы на аудиторных занятиях по иностранному языку в больших учебных группах с разным уровнем языковой подготовки. Эта форма организации занятия может использоваться не только для выполнения творческих проектных заданий, но и для повседневной аудиторной работы, например такой, как усвоение нового грамматического материала. Рассмотрим пилотный эксперимент, демонстрирующий возможность повышения эффективности усвоения грамматического материала при наставнической деятельности студентов.

Совместная учебно-познавательная деятельность при изучении грамматики не только благотворно влияет на усвоение учебного материала, но и оказывает на учащихся воспита-

тельное воздействие, меняя характер взаимоотношений внутри учебной группы. Студенты приобретают такие социальные навыки, как «такт, ответственность, умение строить свое поведение с учетом позиции других людей, гуманистические мотивы общения» [1, с. 365]. Действительно, на основании личных наблюдений мы пришли к выводу, что учащиеся с более высоким уровнем владения языком ощущают ответственность за качество объяснения материала более слабым студентам. Кроме того, в учебных группах снижается уровень критичности по отношению к недостаточной начальной языковой подготовке, поскольку сильные студенты оказываются в роли педагога, что само по себе исключает нетерпимость к недостаточной информированности других участников учебного процесса.

С другой стороны, мы наблюдали возрастание популярности учащихся с более высоким уровнем языковой подготовки среди других студентов. Как нам представляется, это обусловлено повышением успеваемости более слабых студентов в результате наставнической деятельности учащихся, владеющих иностранным языком на более высоком уровне, что позволяет всем участникам учебного процесса положительно оценить работу наставников. Кроме того, роль менеджеров учебного процесса, которую принимают на себя учащиеся с более продвинутым уровнем владения языком, сама по себе способствует возрастанию уважения к ним со стороны остальных студентов в группе.

Действительно, роль менеджеров учебного процесса является неотъемлемой частью профессионального роста студентов. Принимая на себя функции наставников при выполнении групповой работы, учащиеся приобретают ценные организационно-управленческие навыки, которые им потребуются в процессе последующей трудовой деятельности. Из этого следует, что групповая работа способствует «постепенному развитию специалистов-организаторов, которым предстоит решать производственные, социальные и другие проблемы с большим количеством партнеров в будущем с различных психологических позиций: на равных, в роли руководителей, либо подчиненных» [2, с. 9]. Приобретение организационно-управленческих навыков представляется особенно значимым для студентов, обучающихся по направлению «Экономика» и «Менеджмент», поскольку по окончании вуза им предстоит руководить трудовым коллективом. Именно поэтому мы проводили пилотный эксперимент на факультете экономики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Наставническая деятельность представляется особенно целесообразной на аудиторном занятии по иностранному языку в больших группах с разным уровнем языковой подготовки. Одним из ее основных преимуществ является «повышение учебного эффекта вследствие высокой ангажированности студентов» [3, с. 18]. Основная проблема проведения занятий по иностранному языку в большой группе – недостаточное участие всех учащихся в учебном

процессе. При традиционной фронтальной организации занятия в то время как преподаватель вступает в диалог на иностранном языке с одним студентом, остальной аудитории не предоставляется возможности участвовать в иноязычном коммуникативном процессе. Если учесть, что значительная часть времени на аудиторном занятии уделяется объяснению нового материала, то на иноязычную речевую деятельность каждого студента иногда остается не более 2 мин, а в больших группах некоторым учащимся вообще не предоставляется возможности высказаться. При работе в парах или небольших группах все студенты получают возможность вступить в диалог на иностранном языке и активно применять имеющиеся знания в процессе диалогического общения. Однако групповая форма работы имеет существенный недостаток: педагог не имеет возможности контролировать каждого учащегося индивидуально, вследствие чего неизбежны ошибки.

Наставничество является формой групповой работы, позволяющей решить эту проблему, поскольку учащийся с более высоким уровнем владения языком, выступающий в роли наставника, корректирует неправильно выполненные задания и повторно объясняет недостаточно усвоенный материал. Деятельность учащегося в роли наставника может быть еще более эффективной, если ему предоставляется дополнительный учебно-методический материал в качестве инструкции. Примером такого материала могут быть ключи на английском языке с подробным объяснением материала. При разработке авторских учебных пособий мы считаем необходимым прилагать к ним такие ключи, чтобы предоставлять учащимся-наставникам возможность получить дополнительную языковую практику.

Учебно-методический материал может предоставляться студентам-наставникам для их совместной работы с учащимися с более низким уровнем подготовки по любому языковому аспекту. Это могут быть как пояснения к выполнению творческих проектных заданий, так и ключи к лексическим или грамматическим заданиям репродуктивного типа. Основными требованиями к объяснительному материалу являются простота, четкая структурированность и понятные инструкции. Указанный материал должен быть изложен в

более доступной форме, чем в обычной книге для учителя, поскольку он рассчитан не на педагога, а на учащегося. Например, в рамках пилотного эксперимента студенты-наставники использовали в качестве учебно-методического материала грамматические приложения, являющиеся частью их основного учебника по деловому английскому языку.

Пилотный эксперимент проводился нами в осеннем семестре 2012 года на факультете экономики и менеджмента СПбГПУ среди 64 студентов первого и второго курса на базе грамматического материала, содержащегося в учебнике «New Insights into Business». Как правило, этот материал не прорабатывается достаточно глубоко, поскольку внимание на аудиторных занятиях по указанному учебному пособию в основном направлено на деловой английский язык. В рамках нашего эксперимента на первом курсе как в контрольных, так и в экспериментальных группах изучались времена (Present Perfect и Past Simple, а также Present Simple и Present Continuous), на втором курсе во всех группах – косвенная речь и модальные глаголы. Мы предположили, что наставничество позволит повысить эффективность усвоения указанного материала, поскольку введение новой организационной формы сделает занятие более интересным и разнообразным.

Необходимо отметить, что обучение грамматике в современных условиях состоит в «формировании грамматических навыков, являющихся компонентами разных видов речевой деятельности» [4, с. 243]. Грамматический материал может усваиваться продуктивно (для овладения говорением и письменным выражением мыслей) и рецептивно (для понимания устной и письменной речи). Учитывая незначительное количество времени, отводимое на изучение грамматики на занятиях по деловому английскому языку, в рамках нашего пилотного эксперимента мы решили сосредоточиться на рецептивном усвоении грамматического материала в ограниченном объеме. Студенты должны были научиться узнавать грамматические конструкции, дифференцировать и идентифицировать грамматические явления и соотносить значение грамматических конструкций с контекстом.

Обучающий пилотный эксперимент имел несколько этапов (см. таблицу).

Этапы обучающего пилотного эксперимента, проведенного на факультете экономики и менеджмента СПбГПУ

Этап	Время выполнения	Виды деятельности в группах	
		контрольных	экспериментальных
I	6 мин	Фронтальное объяснение материала преподавателем	Объяснение материала студентами-наставниками в парах или группах
II	6 мин	Самостоятельное выполнение упражнений	Выполнение упражнений в парах или группах
III	3 мин	Фронтальная проверка результатов преподавателем	

Перед занятиями, на которых изучались указанные ранее грамматические темы, все учащиеся в контрольных и экспериментальных группах, независимо от уровня языковой подготовки, получали домашнее задание просмотреть грамматический материал, подлежащий изучению. В контрольных группах педагог проводил фронтальное объяснение грамматического материала в течение 6 мин, затем 6 мин отводилось на самостоятельное выполнение упражнений каждым студентом. В экспериментальных группах учащиеся, не имеющие достаточной языковой подготовки, работали в тандеме со студентами, владеющими языком на более высоком уровне: в течение 6 мин студенты с продвинутым языковым уровнем объясняли грамматический материал остальным учащимся, в течение следующих 6 мин студенты-наставники оказывали помощь другим участникам пар или групп в выполнении практических заданий. Проверка результатов выполнения упражнений проводилась педагогом с помощью фронтального опроса по упражнениям в течение 3 мин.

Презентация грамматического материала в экспериментальных группах проводилась по возможности на английском языке, но в случае необходимости использовался русский язык. Материал объяснялся с использованием дедуктивного подхода, при котором анализируется форма, употребление и формулируется соответствующее правило. Мы решили не использовать индуктивный подход, заключающийся в наблюдении и анализе учащимися того или иного явления и выведении на этой основе пра-

вила. Хотя индуктивный подход в большей мере способствует развитию мыслительной деятельности, он требует значительных временных затрат. Таким образом, введение грамматического материала было максимально адаптировано к условиям проведения пилотного эксперимента и особенностям восприятия учащихся.

Хотя каждый член группы / пары нес ответственность за результаты работы, мы в основном давали возможность выступить учащимся с недостаточным уровнем владения языком. Действительно, согласно наблюдениям за ходом занятий, в процессе фронтальной проверки после работы в малых группах сотрудничества «учитель спрашивает не сильного ученика, который поднимает руку, а слабого или среднего ученика» [5, с. 336]. В конце эксперимента было проведено тестирование усвоения грамматического материала на базе проверочных заданий из секции «Revision» учебника «New Insights into Business». Оценка усвоения материала проводилась путем подсчета баллов, которые студенты контрольных и экспериментальных групп набрали при выполнении тестовых упражнений (см. рисунок).

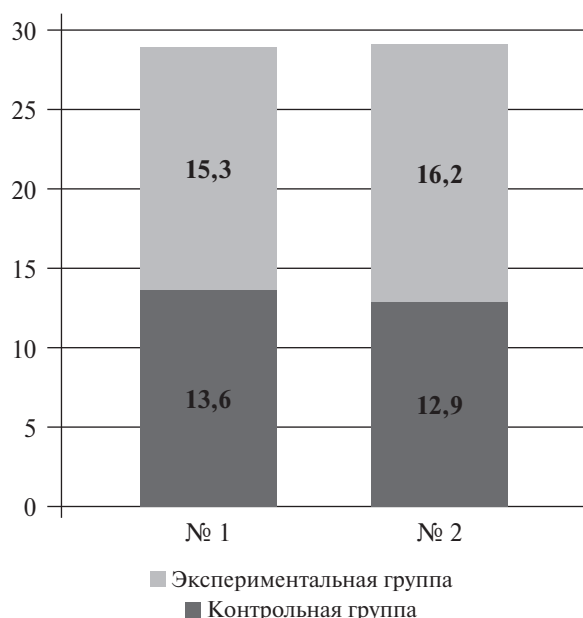
На рисунке виден перевес в результатах усвоения грамматического материала в экспериментальных группах. Этот перевес незначителен, поскольку эксперимент являлся пилотным и наставнической деятельности учащихся отводилось лишь небольшое количество времени на аудиторных занятиях. Однако полученные результаты позволяют предположить, что если проводить эксперимент на протяжении всего учебного года, то эффективность усвоения материала в экспериментальных группах будет намного выше, чем в контрольных.

В экспериментальных группах учащиеся с недостаточным уровнем владения языком усваивают материал лучше, чем при традиционном фронтальном объяснении, поскольку студенты-наставники часто имеют более полное представление об особенностях восприятия других членов учебной группы, чем педагог. Это объясняется тем, что, во-первых, между ними не существует возрастного разрыва, а во-вторых, учащиеся проводят намного больше времени в общении между собой.

Более эффективное усвоение материала при совместной работе людей, принадлежащих к одной возрастной категории, объясняется особенностями психических функций, при-

сущих разным возрастам. Если в младшем периоде (18–25 лет) самым мощным, по данным корреляционного анализа, является показатель долговременной памяти, то в более старшей возрастной группе важное место занимает логическое мышление, за ним следует внимание, что свидетельствует о возрастающей роли произвольной регуляции [6, с. 80]. Указанное различие между разными возрастными категориями позволяет предположить, что объяснение учебного материала представителем своей возрастной категории может быть более эффективно, поскольку на подсознательном уровне в процессе объяснения упор будет делаться на доминирующие психические функции.

Еще одним существенным фактором, способствующим усвоению материала, является его введение и закрепление в небольших группах из двух или трех человек. При фронтальном введении грамматического материала педагогом некоторые учащиеся могут быть недостаточно сосредоточены, что приводит к неполному восприятию. При индивидуальном объяснении студенты с недостаточной языковой подготовкой полностью задействованы в учебном

Результаты пилотного эксперимента (оценка усвоения материала):
 контрольная группа № 1 – 13,6 балла,
 экспериментальная группа № 1 – 15,3 балла;
 контрольная группа № 2 – 12,9 балла,
 экспериментальная группа № 2 – 16,2 балла

процессе. Кроме того, при недостаточном понимании объясняемого материала они более склонны задавать вопросы своему сверстнику, чем педагогу. Таким образом, студенты более добросовестно относятся к аудиторной работе, возрастают их «познавательная активность и творческая самостоятельность» [3, с. 13].

Для учащихся-наставников работа по обучению студентов с более низким уровнем языковой подготовки также представляется целесообразной и полезной, поскольку их знания «актуализируются, конкретизируются, приобретают гибкость, закрепляются именно при объяснении своему однокласснику» [7, с. 260]. Действительно, хотя большинство учащихся-наставников уже усвоили объясняемый ими грамматический материал из школьного курса английского языка, наставническая деятельность дает им возможность закрепить уже имеющиеся знания. Кроме того, объясняя материал другим учащимся, студенты-наставники получают информацию не от педагога, а «в процессе лично значимой деятельности» [8, с. 99], что повышает их мотивацию к совершенствованию языковых навыков. За счет осознания необходимости передачи своих знаний другим учащимся у студентов-наставников происходит «сдвиг мотива на коммуникативно-обучающую деятельность» [9, с. 8], поэтому они более четко формулируют объясняемый ими материал, стремятся к более глубокому пониманию сути объясняемых ими грамматических явлений.

Более эффективному усвоению материала способствует также переход от жестко управляемой учебной деятельности, в которой доминирующая роль отводится педагогу, «к частично управляемой и свободной практике общения» [10, с. 15]. На занятии создается благоприятный климат, обычно сопутствующий совместной учебно-познавательной деятельности, возрастает

сплоченность группы, «при этом само- и взаимоуважение растут одновременно с критичностью, способностью адекватно оценивать свои и чужие возможности» [1, с. 365]. Умение оценивать возможности людей и результаты их труда будет необходимо студентам факультета экономики и менеджмента не только на этапе обучения, но и в их последующей профессиональной деятельности.

Проанализировав результаты проведенного нами пилотного эксперимента, мы пришли к выводу, что более высокие показатели эффективности усвоения грамматики в экспериментальных группах объясняются несколькими факторами. Во-первых, возрастает мотивация не только учащихся с низким уровнем владения языком, которые испытывают меньшую скованность в ситуации учебного взаимодействия со своими сверстниками, но и студентов-наставников, позитивно воспринимающих свою руководящую роль в группах сотрудничества. Во-вторых, учащиеся-наставники закрепляют уже имеющиеся знания в процессе объяснения, а учащиеся с более низким уровнем владения языком получают индивидуализированное объяснение материала. В третьих, отступление от традиционной формы проведения аудиторного занятия является сменой видов деятельности, способствующей повышению интереса студентов к изучаемому материалу и более успешному его усвоению.

Описанный нами обучающий эксперимент носит пробный характер, но более высокие результаты в экспериментальных группах указывают на целесообразность проведения дальнейшего исследования в данной области. Наставническая деятельность может использоваться как дидактический прием не только при обучении любым аспектам на занятиях по иностранному языку, она может экстраполироваться на другие учебные дисциплины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зимняя, И.А.** Педагогическая психология [Текст] / И.А. Зимняя. – 3-е изд., пересм. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. – 448 с.

2. **Гришин, В.Н.** Организация самостоятельной работы студентов в процессе группового взаимодействия [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / В.Н. Гришин. – Елец, 2000. – 16 с.

3. **Ивлев, А.В.** Условия и методика развития у студентов университета навыков работы в ко-

манде [Текст]: учеб.-метод. пособие / А.В. Ивлев, Л.И. Савва. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2006. – 58 с.

4. **Миролюбов, А.Л.** Обучение студентов грамматической стороне речи [Текст] / А.Л. Миролюбов, Н.А. Спичко // Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А.Л. Миролюбова. – Обнинск: Титул, 2012. – 464 с. – Гл. 7. – С. 242–257.

5. **Полат, Е.С.** Современные педагогические технологии [Текст] / Е.С. Полат // Там же. – Гл. 1. – С. 330–381.

6. **Рыбалко, Е.Ф.** Возрастные аспекты онтопсихологии [Текст]: учеб. пособие / Е.Ф. Рыбалко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.

7. **Педагогика** [Текст]: учеб. пособие / под ред. П.И. Пидкасистого. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2011. – 502 с.

8. **Санникова, С.В.** Болонские реформы: обучение иностранным языкам в рамках компетентностно-деятельностного подхода [Текст] / С.В. Санникова // Школа-ВУЗ: компетентностный подход и преподавание иностр. языков: материалы Всерос.

науч.-практ. конф. / Межрегион. лингвист. центр YELC; «Лаборатория иностр. языков»; Сиб. гос. ун-т путей сообщения. – Вып. 2. – Новосибирск: НИПК и ПРО, 2009. – 156 с.

9. **Землянская, О.В.** Профессиональная речь учителя как средство организации оптимального педагогического общения на уроках иностранного языка [Текст] / О.В. Землянская. – М.: Спутник+, 2007. – 51 с.

10. **Путистина, О.В.** Развитие коммуникативно-когнитивной автономии студентов на продвинутом этапе обучения иностранному языку через использование интерактивных форм работы [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / О.В. Путистина. – Петрозаводск, 2008. – 22 с.

REFERENCES

1. **Zimniaya I.A.** Pedagogical psychology. The third ed., rev. Moscow, MPSI; Voronezh, MODEK, 2010. 448 p.

2. **Grishin V.N.** Organizing the students' independent work in the process of coordinated action within the group. Abstract of thesis for a Candidate degree in Pedagogics. Yeletz, 2000. 16 p.

3. **Ivlev A.V., Savva L.I.** Conditions and methods of developing university students' team skills. Scientific-methodical textbook. Magnitogorsk, MaGU, 2006. 58 p.

4. **Mirolubov A.L., Spitchko N.A.** Teaching students the grammatical aspects of speech. *Foreign language teaching methods: traditions and the present time*. Ed. by A.L. Mirolubov. Obninsk, Titul, 2012. 464 p. Chapter 7, pp. 242–257.

5. **Polat E.S.** Modern pedagogical technologies. *Foreign language teaching methods: traditions and the present time*. Ed. by A.L. Mirolubov. Obninsk, Titul, 2012. 464 p. Chapter 1, pp. 330–381.

6. **Rybalko E.F.** Age aspects of ontopsyhology. Textbook. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 1993.

7. **Pedagogics**. Textbook. Ed. by P.I. Pidkasisty. The second edition, amended and supplemented. Moscow, Urait, 2011. 502 p.

8. **Sannikova S.V.** Bologna reforms: foreign language teaching within the framework of competence-activity approach. *School-university: Competence approach and foreign language teaching*. Materials of All-Russian scientific practical conference. Interregional linguistic center YELC; „Foreign language laboratory”; Siberian state university of transport communications. Iss. 2. Novosibirsk, NIPK and PRO, 2009. 156 p.

9. **Zemlianskaya O.V.** The teacher's professional speech as a means of organizing optimal pedagogical communication at foreign language lessons. Moscow, Sputnik company+, 2007. 51 p.

10. **Putistina O.V.** Development of advanced foreign language students' communicative-cognitive autonomy via applying interactive forms of work. Abstract of thesis for a Candidate degree in Pedagogics. Petrozavodsk, 2008. 22 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

ДАШКИНА Александра Игоревна – старший преподаватель кафедры лингводидактики и перевода Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат педагогических наук.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
wildroverprodigy@yandex.ru

DASHKINA Alexandra I. – St. Petersburg Polytechnical University.

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
wildroverprodigy@yandex.ru

ФЁДОРОВА Александра Яковлевна – старший преподаватель кафедры лингводидактики и перевода Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

FYODOROVA Alexandra Y. – St. Petersburg Polytechnical University.

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251

УДК 378.147:004:81

*Н.А. Кабанова***ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ВУЗА
В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ***Nadezhda A. Kabanova***DEVELOPING IT AND METHODOLOGY COMPETENCY
OF A UNIVERSITY TEACHER OF FOREIGN LANGUAGES
WITH THE HELP OF FURTHER EDUCATION COURSES****Аннотация**

В статье уточняется определение информационно-методической компетентности преподавателя иностранных языков в техническом вузе, раскрываются ее структура и содержание. Дается обоснование необходимости формирования и развития данной компетентности в системе повышения квалификации преподавателей вузов. Рассматриваются андрагогические принципы обучения, понятия непрерывного образования и системы повышения квалификации преподавателей вуза.

Ключевые слова

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ, ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ, НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, АНДРАГОГИКА.

Abstract

The concept of competency in IT and methodology of a foreign language teacher at technical universities is defined in the article. The structure and content of the IT and methodology competency are described. The necessity of the development of the above mentioned competency with the help of the system of further education is proved. Andragogic principles of teaching are stated. The notion of life-long learning in relation to further education courses for EFL university teachers is discussed.

Keywords

IT AND METHODOLOGY COMPETENCY, FURTHER EDUCATION, PROFESSIONAL COMPETENCES, LIFE-LONG LEARNING, ANDRAGOGY.

В Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года были описаны цели высшего профессионального образования, основной из которых провозглашалась подготовка квалифицированного работника, «конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности» [1].

Очевидно, что выпускники вузов, получившие диплом в 2010 году, уже в течение трех лет должны успешно функционировать на рынке труда, реализовывая свои способности и приобретенные в высшем учебном заведении компетенции. Однако на практике мы наблюдаем несколько иную тенденцию, заключающуюся в недовольстве работодателей качеством образования современных выпускников, в частности касающегося практических умений в профессиональной сфере. Полагаем, что причиной сложившейся ситуации отчасти является недостаточное внимание к совершенствованию методики обучения в вузах и уровню развития

профессиональных компетентностей преподавателей вузов.

Данное утверждение ни в коей мере не ставит под сомнение квалификацию современного преподавателя, тем не менее стоит признать, что методы и формы обучения, используемые в вузах, не всегда соответствуют современным требованиям к процессу обучения, не учитывают психологические особенности современного поколения студентов, свободно ориентирующихся в информационно-коммуникационных технологиях, легко и естественно использующих технические достижения для решения своих бытовых и образовательных задач.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что в сфере преподавания в вузах на данный момент сложилось противоречие между существующим социальным заказом, диктующим высокие требования к выпускникам (конкурентоспособность, профессиональная мобильность, соответствие мировым стандартам и т. п.), и состоянием методики преподавания в вузах, тяготеющей к сохранению традиционных классических форм и методов обучения, с помощью которых невозможно в полной мере сформировать ключевые профессиональные компетенции будущих специалистов.

Таким образом, возникает необходимость использования преподавателями в своей практике современных методов, приемов обучения, а также уверенного владения навыками работы со всеми доступными средствами обучения, включая высокотехнологичные решения для образования, существующие в мире. Тенденции развития современной системы высшего образования и уровень развития информационных технологий предполагают необходимость создания гибкой информационно-коммуникационной образовательной среды вуза, которая обеспечит всестороннее развитие личности выпускника – будущего специалиста, востребованного в условиях инновационной экономики и знаниевого общества.

Под информационно-коммуникационной средой вуза (далее – ИКС вуза) мы понимаем совокупность условий, обеспечивающих осуществление деятельности пользователя (студента, преподавателя) с информационным ресурсом, а также информационное взаимодействие с другими пользователями (студентами и преподавателями) с помощью интерактивных

средств информационных и коммуникационных технологий, взаимодействующих с ним как с субъектом информационного общения и личностью [2].

Для успешного функционирования в указанных условиях преподаватель вуза должен обладать рядом профессиональных компетентностей, которые требуют постоянного развития в ходе осуществления профессиональной деятельности, поскольку напрямую связаны с быстро меняющимися внешними условиями и чрезвычайно высоким темпом развития современных технологий.

Уточним, что в данном контексте речь идет именно о компетентности, а не о компетенции, и вслед за ведущими учеными в области дидактики (О.Е. Лебедевым, Дж. Равен, А.В. Хуторским и др.) под компетентностью мы будем понимать состоявшееся личностное качество (характеристику) индивида и, по меньшей мере, минимальный опыт деятельности по отношению к заданной сфере. Ключевая компетенция же, по мнению вышеуказанных авторов, понимается как совокупность наиболее общих (универсальных) способов действия, позволяющих человеку понимать ситуацию, достигать результатов в личной и профессиональной жизни в конкретных условиях профессионального или общественного сообщества.

Таким образом, будем понимать профессиональную компетентность преподавателя вуза как совокупность ключевых компетенций плюс опыт преподавательской деятельности, связанный с реализацией компетенций на практике.

Среди важнейших компетенций, лежащих в основе профессиональных компетентностей преподавателя иностранного языка (далее – ИЯ) современного вуза, отметим информационно-коммуникационную компетенцию, определяемую крупнейшим специалистом по компьютерной лингводидактике М.А. Бовтенко как способность решать профессиональные проблемы и задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной педагогической деятельности преподавателя ИЯ, с использованием информационных и коммуникационных технологий [3].

Информационно-коммуникационная компетентность преподавателя ИЯ включает, на наш взгляд, широчайший круг практических умений в области применения информаци-

онно-коммуникационных технологий (ИКТ), подкрепленных профессиональным опытом, позволяющих решать задачи научного, поискового, учебного, контролирующего, мотивационного, рефлексивного, познавательного характера. Остановимся на тех из них, которые непосредственно связаны с обучением студентов, т. е. с методикой обучения ИЯ и ее задачами. Для их решения преподавателю ИЯ требуется компетентность, которую мы выделяем как самостоятельную единицу в поле профессиональных компетентностей, связанных с использованием ИКТ, так как именно от ее уровня зависит в первую очередь сформированность компетенций будущих выпускников. Поскольку речь в данном случае пойдет о методических умениях, реализуемых с помощью ИКТ, введем понятие **информационно-методической компетентности преподавателя ИЯ** (далее – ИМК преподавателя ИЯ), являющейся составной частью более широкого понятия информационно-коммуникационной компетентности, описанной выше.

Под ИМК преподавателя ИЯ технического вуза будем понимать способность и готовность решать проблемы и задачи, возникающие в процессе обучения студентов иностранному языку с использованием ИКТ. Мы выделяем данную компетентность из общего поля информационно-коммуникационной компетентности, поскольку полагаем, что для ее формирования и развития необходимы специальные условия и особым образом организованная деятельность преподавателя.

Для определения этих условий следует рассмотреть структуру и содержание ИМК преподавателя ИЯ технического вуза. Как и любая компетентность, она включает в себя три взаимосвязанных аспекта:

- когнитивный (знаниевый),
- операциональный (деятельностный),
- аксиологический (ценностно-мотивационный).

Когнитивный и операциональный аспекты настолько взаимосвязаны, что их содержательное наполнение интегрировано и может быть описано следующими умениями, подкрепленными профессиональным опытом преподавателя ИЯ:

1) осуществлять продуманную, структурированную, организованную деятельность по поиску, обработке, передаче, классификации

информационного ресурса на ИЯ (например, находящегося в сети Интернет), предназначенного для обучения;

2) отбирать и использовать в своей профессиональной деятельности иноязычные электронные издания научного и образовательного назначения, находящиеся на локальных носителях информации и в сети Интернет;

3) продуцировать структурированную, построенную в соответствии с принципами и методами обучения ИЯ, технически оформленную информацию (информационный ресурс), в том числе с целью усовершенствования информационно-методического обеспечения процесса обучения ИЯ (информационно-методический ресурс);

4) использовать отобранные в сети Интернет и разработанные преподавателем иноязычные ресурсы в таком сочетании, которое позволит решать профессиональные задачи максимально эффективно;

5) планировать, разрабатывать и проводить диагностирующие, промежуточные и итоговые контрольные мероприятия для оценивания уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции обучаемых с использованием ИКТ (в частности, ИКС вуза);

6) организовывать обмен информацией учебного и научного характера (включая общение и совместную работу по созданию и усовершенствованию информационно-методических ресурсов, проектную деятельность, решение учебных задач) между участниками учебного процесса посредством ИКС вуза.

Говоря о ценностно-мотивационном аспекте ИМК, следует рассмотреть понятие *профессиональной готовности* преподавателя к использованию средств ИКТ в процессе обучения студентов. Готовность преподавателя к тому или иному аспекту деятельности определяется В.А. Слостениным как особое психическое состояние, как наличие у субъекта образца структуры определенного действия и постоянную направленность на его выполнение [4].

Готовность отражает требования к свойствам личности и способностям, включая *познавательные* (например, целеполагание, оценка значимости профессиональных задач), *мотивационные* (интерес к предмету и его преподаванию, стремление к саморазвитию и самосовершенствованию в профессиональной сфере)

и *волевые* (преодоление трудностей, умение преодолевать кризисные состояния, мобилизовывать свои силы) компоненты личности преподавателя.

Быстрое развитие информационных технологий, рынка технических устройств и программного обеспечения для нужд образования, в том числе обучения ИЯ, обуславливает необходимость развития и совершенствования ИМК преподавателя ИЯ в непрерывном, постоянном режиме. По мнению известного ученого, исследовавшего особенности образования взрослых, С.И. Змеёва, для практической реализации непрерывного образования, т. е. образования в течение всей жизни, важно различать два основных его этапа: базовый (первоначальный) и послебазовый (последующий).

Обозначенные этапы имеют различные цели, задачи, принципы организации процесса обучения, содержание, формы и методы обучения. Целью базового этапа является подготовка специалиста к профессиональной деятельности, а теоретическую основу первоначального этапа определяют педагогические принципы обучения.

Последующее образование – второй этап непрерывного образования, на котором происходит развитие полученных и приобретение новых знаний, навыков, умений, качеств, т. е. компетенций и компетентностей, необходимых для реализации потенциала личности (в данном случае личности преподавателя ИЯ), в меняющихся внешних условиях. К последующему образованию относится и повышение квалификации – одна из форм организации непрерывного образования, представляющая собой особый целенаправленный образовательный процесс, организованное взаимодействие обучающегося с обучающим и обучающихся между собой, в целях совершенствования их профессиональных компетентностей. По мнению В.В. Краевского, повышение квалификации можно охарактеризовать как «получение дополнительных знаний на базе специальности и совершенствование профессиональных умений на основе осмысления собственной деятельности в свете полученных знаний» [5].

Этап послебазового непрерывного образования основывается на теоретических положениях андрагогики – науки об обучении взрослых.

С.И. Змеёв формулирует основные *андрагогические принципы обучения* – общие правила организации процесса обучения взрослых людей:

1. Принцип приоритетности самостоятельного обучения.

2. Принцип совместной деятельности (обучающегося с обучающим, а также с другими обучающимися) по планированию, реализации и оценке процесса и результата обучения).

3. Принцип опоры на имеющийся опыт обучающегося (бытовой, социальный, профессиональный).

4. Принцип индивидуализации обучения (в идеале – создание осознанно выбранной индивидуальной образовательной траектории, учитывающей конкретные образовательные потребности, цели обучения, опыт, уровень подготовки, психологические, когнитивные особенности обучающегося).

5. Принцип системности обучения (соответствие целей, форм, методов, содержания, средств обучения лично значимым результатам обучения).

6. Принцип контекстности обучения (учет пространственных, временных, профессиональных, бытовых факторов и условий обучающегося).

7. Принцип актуализации обучения (применение на практике приобретенных обучающимся компетенций, совершенствование компетентностей).

8. Принцип элективности (свобода выбора целей, содержания, форм, методов, средств, сроков, условий обучения, а также обучающихся).

9. Принцип развития образовательных потребностей (процесс обучения строится с учетом формирования у обучающихся новых образовательных потребностей).

10. Принцип осознанности обучения (осмысление обучающимся целей, задач, результатов процесса обучения и своих действий, направленных на их достижение) [6].

Краткосрочное повышение квалификации в области использования ИКТ в преподавании ИЯ в вузе, построенное с учетом принципов андрагогики, с использованием последних научных и технических достижений, отчасти может решить проблему развития ИМК преподавателей ИЯ. Однако для устойчивого результата и актуализации полученных знаний и умений необходимо соблюдение условия непрерывности

развития ИМК, о котором говорилось выше. С этой целью важно вовлечь преподавателей в постоянное профессиональное общение в период между блоками курсов повышения квалификации. Возможными видами деятельности, поддерживающими ИМК преподавателей на необходимом уровне, могут стать, например:

- использование ресурсов ИКС вуза, а также открытых интернет-источников в своей работе;
- изучение отечественного и зарубежного опыта преподавания иностранных языков с использованием ИКТ;
- общение со специалистами в области применения ИКТ в обучении ИЯ в режиме online-консультаций, семинаров, форумов по профессиональным вопросам;

- участие в сетевых тематических конференциях, ведение блогов, членство в профессиональных сетевых сообществах.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что достаточно высокий уровень сформированности информационно-методической компетентности преподавателя ИЯ в неязыковом вузе будет, по нашему мнению, способствовать повышению качества подготовки выпускников, формированию у них ключевых компетенций в области ИЯ с помощью современных методов, средств и технологичных решений, что в дальнейшем повысит конкурентоспособность выпускника технического вуза России в соответствии с потребностями современной экономики и социальным заказом общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Концепция** модернизации российского образования на период до 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2002/04/57884.shtml>.

2. **Роберт, И.В.** Толкование слов и словосочетаний понятийного аппарата информатизации образования [Текст] / И.В. Роберт // Информатика и образование. – 2004. – № 6. – С. 63–70.

3. **Бовтенко, М.А.** Профессиональная информационно-коммуникационная компетенция преподавателя иностранного языка [Текст]: моногр. / М.А. Бовтенко. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2005.

4. **Сластенин, В.А.** Педагогика [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2002. – 576 с.

5. **Краевский, В.В.** Основы обучения: дидактика и методика [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.В. Краевский, А.В. Хуторской. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 352 с.

6. **Змеёв, С.И.** Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых [Текст] / С.И. Змеёв. – М.: Пер Сэ, 2007. – 272 с.

REFERENCES

1. The strategy of the development of Russian system of education till 2010. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2002/04/57884.shtml>.

2. **Robert I.V.** The description of key terms and definitions of informatization in education. *Computer Science and education*, 2004, nr 6, pp. 63–70.

3. **Bovtenko M.A.** Professional ICT competency of a foreign language teacher. Novosibirsk, NSTU Publ. office, 2005.

4. **Slastenin V.A., Isaev I.F., Shiiianov E.N.** Pedagogy: textbook for university students. Ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Academia, 2002. 576 p.

5. **Kraevskii V.V., Khutorskoi A.V.** The fundamentals of education: Didactics and methodology: textbook for university students. 2nd ed. Moscow, Academia, 2008. 352 p.

6. **Zmeiev S.I.** Andragogy: theory, history and methods of teaching adults. Moscow, Per Se, 2007. 272 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КАБАНОВА Надежда Александровна – старший преподаватель кафедры лингводидактики и перевода Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29 kabanova@bk.ru

KABANOVA Nadezhda A. – Senior Lecturer, Department of Linguodidactics and translation, Institute of Applied Linguistics – St. Petersburg State Polytechnical University. Politekhnicheskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251 kabanova@bk.ru

УДК 316.774

Ю.О. Обухова

РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ В ЭФФЕКТИВНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Iuliia O. Obukhova

THE UNIVERSITY LECTURERS PARTICIPATION IN THE EFFECTIVE MANAGEMENT OF NEW INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES APPLYING IN EDUCATIONAL PROCESS

Аннотация

Настоящая статья имеет своей целью анализ проблемы реагирования преподавателей на появление и использование новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовательном процессе. Актуальность исследуемой темы связана с тем, что данные технологии существенно модифицировали современный учебный процесс во всех его аспектах: изменились особенности преподавания, специфика аттестации студентов, характер коммуникации между преподавателем и студентами; остро встала проблема плагиата. В то же время до сих пор нет единого стандарта, полностью и всесторонне регламентирующего использование ИКТ в образовательном процессе. В связи с этим целесообразно проанализировать практическую деятельность преподавателей по регулированию процесса использования ИКТ в своей профессиональной деятельности и учебной деятельности студентов, которая в сложившихся условиях носит творческий и индивидуальный характер.

С помощью опросных методов (полуструктурированных интервью с преподавателями и студентами вузов) автору удалось выяснить, каким образом преподаватели используют новые ИКТ в своей профессиональной деятельности, как относятся к использованию ИКТ студентами и какие способы борьбы применяют для решения проблем, возникающих в результате использования студентами ИКТ в учебном процессе, в частности проблемы плагиата.

Ключевые слова

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, КОММУНИКАЦИЯ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС, ПЛАГИАТ.

Abstract

This article has as a goal analyzing the problem of university lecturers' response to the emergence and applying of new information and communication technologies in educational process. The relevance of the topic is related to the fact that these technologies extremely modified modern educational process in many aspects: features of teaching and attestation and specific of communication between lecturers and students have changed; the problem of plagiarism have become very sharp. At the same time, there is not the uniform standard, fully and comprehensively regulating the applying of ICT in educational process. In according to this, appropriate to analyze lecturers' practical activity in regulation of applying of new technologies in their professional practice and students' educational working.

Using polling methods (semi-structured interviews with teachers and students of universities), we have learned, how lecturers apply new information and communication technologies in their professional practice, what do they think about the applying this technologies by students and what kind of methods they use to solve the problems arising from student use of ICT in the learning process.

Keywords

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES, COMMUNICATION, EDUCATIONAL PROCESS, PLAGIARISM.

Сегодня использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является важным аспектом в образовательном процессе, поскольку выполняет множество значимых функций, как непосредственно связанных с обучением, так и вспомогательных. И действительно, применение компьютерных технологий, использование сети Интернет, а также эксплуатация мобильных версий этих средств коммуникации (планшетов, мобильных телефонов с доступом к сети Интернет и т. д.) обеспечивает множество возможностей – помогает оперативно находить нужную информацию, предоставляет доступ к иностранной научной литературе, упрощает обработку статистических данных и математические расчеты, построение чертежей.

Кроме того, ИКТ облегчают процесс оформления работ и презентаций, а коммуникативная функция ИКТ, т. е. использование сети Интернет в коммуникативных целях в процессе обучения, – взаимодействие преподавателя и студента, делает его более интенсивным при меньших временных затратах.

Однако любой прогресс помимо очевидных позитивных изменений вызывает и негативные последствия. Актуальность темы косвенно связана со множеством проблем, которые стоят сегодня перед высшим образованием. Современная система высшего образования находится в сложном положении, что обусловлено снижением спроса на услуги вузов, которое началось с 2007 года вследствие как демографических, так и экономических причин [1, с. 2, 7]. Эта проблема усугубляется отмечаемой исследователями необходимостью повышать эффективность высшего образования [2]. И все это происходит именно на фоне бурного развития ИКТ, которые стали неотъемлемой частью образовательного процесса и не только создают новые возможности, но и обостряют ряд существующих проблем в рамках образовательного процесса. Так, одним из следствий развития и активного использования ИКТ в современном высшем образовании в последнее десятилетие стала их активная эксплуатация студентами с целью осуществления негативных учебных практик (списывание, плагиат), что, безусловно, не способствует повышению эффективности образования.

Соответственно перед современными преподавателями высших учебных заведений вста-

ет не только задача активно осваивать постоянно меняющиеся новые технологии, делающие процесс образования более эффективным, но и проблема, связанная с необходимостью так или иначе бороться с практиками, распространяющимися в студенческой среде и напрямую связанными с возможностями современных ИКТ.

И нам важно узнать мнение самих участников образовательного процесса о роли ИКТ в современном образовательном процессе и выяснить опыт их непосредственного взаимодействия с новыми технологиями в процессе преподавательской деятельности, особенно если мы рассматриваем преподавателя как основной потенциал инновационного развития вуза [3, с. 102], как это предлагается в современном профессиональном сообществе.

Исследование, рассматриваемое в данной статье, имело своей основной целью выявить наиболее распространенные практики использования ИКТ основными субъектами учебного процесса в вузе (студентами и преподавателями), а также выяснить их отношение к использованию новых коммуникационных технологий в обучении и к проблемам, связанным с эксплуатацией ИКТ в учебном процессе. Остановимся подробнее на том аспекте исследования, который связан с отношением преподавателей к проблеме использования ИКТ.

Выявление отношения преподавателей и студентов к используемым методам осуществлялось с помощью качественной методологии. Как метод проведения исследования был избран экспертный опрос преподавателей вузов, который проводился с помощью полуструктурированного интервью на основании гайда, состоявшего из 21 вопроса. Например: «Как Вы используете современные технологии (компьютер, Интернет, телефон) в своей учебной практике?»; «Как рекомендуете (и рекомендуете ли) использовать их студентам?»; «Расскажите о том, как и когда Вы столкнулись с необходимостью использовать новые технологии в образовательном процессе?»; «Есть ли, на Ваш взгляд, взаимозависимость между использованием ИКТ и качественными результатами образовательного процесса?» и др.

В процессе исследования было проведено 6 полуструктурированных интервью в 2008 году и повторно 6 интервью в 2013 году с преподавателями вузов в возрасте от 25 до 52 лет, работаю-

шими в вузах Санкт-Петербурга и Новосибирска на факультетах различной направленности. В исследовании приняли участие преподаватели таких вузов, как Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, а также Новосибирский государственный университет, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирский институт экономики и менеджмента. Следует отметить, что различий между общей направленностью ответов информантов в 2008 и 2013 годах не наблюдалось.

Стоит начать с того факта, что опрошенные преподаватели в целом считают ИКТ неотъемлемой частью своей профессиональной жизни. Не только студенты, но они сами нуждаются в них постоянно: *«Компьютер вошел в жизнь людей. ...Вошло постепенно в правила... хорошего тона... то, что надо уметь им пользоваться»* (муж., 36 лет, преподаватель экономики).

Информанты связывают это с тем, что многие сферы профессиональной и, особенно, исследовательской деятельности сейчас без компьютерных и интернет-технологий оказываются невыполнимы: *«Всю свою диссертацию я рассчитывал с помощью специальных программ... Таких, которые моделируют химические процессы без пробирок»* (муж., 29 лет, преподаватель химии). Такую позицию разделяют и их коллеги, занимающиеся проблемами образования как исследователи [4].

Естественно, используемые возможности компьютера разнятся в зависимости от характера преподаваемой дисциплины: это и *«расчеты с помощью специальных программ»*, как у упомянутого преподавателя химии, и использование лишь *«для общения, для хранения данных, для почты»* (муж., 48 лет, преподаватель экономики), и применение возможностей программирования. Если преподаватели гуманитарных предметов используют компьютер преимущественно для работы с текстовым редактором и выхода в Интернет, то, как подтверждают информанты, преподаватели технических и естественно-научных специальностей применяют его для специальных математических (и статистических) расчетов и для программирования.

Информанты во многом связывают ИКТ с облегчением труда преподавателей и повышением эффективности образовательного процесса. Тем более интересно отношение опрошенных преподавателей к распространившемуся в последнее время использованию на занятиях технологии «Power Point». Некоторые по-прежнему полагают, что эта возможность уступает традиционным способам презентации информации на занятии: *«Power Point... только на конференциях»* (муж., 33 года, преподаватель химии); *«...Мне он не нравится... Отвлекает»* (жен., 47 лет, преподаватель истории).

Таким образом, можно отметить достаточно критическое отношение к технологиям, т. е., на наш взгляд, информанты понимают, что у каждой из них свое предназначение. Так, технология «Power Point» применима, когда требуется демонстрация значимой информации, которая во все время изложения должна быть у слушателя перед глазами либо не предназначена к восприятию на слух (таблиц, графиков, определений). Превращение традиционной лекции в демонстрацию слайдов с тезисами не способствует сосредоточению студентов на смысле произносимого лектором, а конспект, сделанный не самим студентом, не способствует пониманию материала, что отмечают и сами опрошенные преподаватели.

Что касается использования интернет-возможностей, то преподаватели применяют достаточно широкий их спектр: от поиска необходимой в профессиональной деятельности информации до осуществления коммуникации в профессиональной среде.

Этот факт представляется немаловажным, поскольку сеть Интернет представляет собой специфический способ коммуникации, асинхронный. Дело в том, что, как пишут исследователи, существуют два способа получения информации. При исторически сложившемся синхронном способе ее получатель должен присутствовать при самом событии, например при разговоре или на лекции, при показе телефильма или радиопередаче. Соответственно человек в этом случае должен синхронизироваться по времени с передачей информации, иначе он ее не получит. Традиционный асинхронный способ передачи информации, например через учебники, не требует синхронизации, но такая информация быстро устаревает [5]. Система

Интернет, на наш взгляд, снимает эту проблему, позволяя человеку ознакомиться с необходимой ему учебной информацией, но при этом оставляет возможность время от времени обновлять устаревшую информацию, заменяя ее на более свежую, тем самым сочетая в себе преимущества обеих систем передачи информации.

На основании данных исследования можно сделать общий вывод о том, что отношение опрошенных преподавателей к использованию сети Интернет, скорее, позитивное. Они полагают, что интенсификация информационно-коммуникативных потоков в конечном итоге интенсифицирует и сам процесс образования, делая более эффективной учебную деятельность: *«Они могут больше и быстрее общаться, им легче работать над заданиями, проще искать информацию»* (муж., 36 лет, преподаватель экономики); *«Меньше сил уходит на чисто технические вещи, общаться проще»* (жен., 27 лет, преподаватель социологии).

Интернет в их представлении является возможностью быстро и оперативно взаимодействовать со студентами в учебных целях: *«...Завел правило, что студенты могут писать мне „на ящик“. И я выкладываю некоторые материалы „на ящик“ студенческой группы. У них есть специальный»* (муж., 36 лет, преподаватель экономики).

По сути дела, возможности сети Интернет используются преподавателями не только для непосредственной коммуникации, но и для контроля за студентами и для того, чтобы гарантировать определенную успеваемость по предмету: *«...Отправляю им задания... еще присылаю учебники в электронном виде, которые нашла, чтобы они не могли сказать, что не нашли ничего»* (жен., 26 лет, преподаватель социологии). В описанном случае преподаватель пытается в процессе своей педагогической деятельности обеспечить студентов учебными материалами, чтобы хоть каким-то образом стимулировать выполнение ими учебных заданий. Данный пример демонстрирует, что, используя возможности ИКТ, преподаватель фактически берет на себя часть обязанностей студентов.

Данное отношение к Интернету как источнику информации, хранилищу знаний, которое необходимо активно использовать в учебном процессе, также представляется весьма значимым показателем включенности современных

педагогов высшей школы в современное информационное общество, поскольку сегодня объем знаний на планете удваивается каждые пять лет. Информации уже накоплено так много, что ни один человек не способен удержать ее в голове. Как отмечает М. Кастельс, в нынешних условиях обладать знанием означает уметь быстро ориентироваться в потоке новой информации, легко отыскивая в хранилище знаний необходимые сведения. При этом важно, чтобы затраты на поиск нужной информации не превышали экономическую выгоду от ее использования. Справиться с этой задачей под силу только компьютерам. Компьютерные сети, и в особенности глобальная сеть Интернет, становятся главным средством хранения и передачи данных [6].

И действительно, почти все преподаватели, принявшие участие в исследовании, специально поощряют освоение студентами различного рода информационных технологий, включая использование сети Интернет. Некоторые преподаватели сами снабжают студентов литературой в электронном виде и ссылками в сети Интернет на учебную литературу и просто полезные материалы, другие отмечают, что в их вузе система обучения студентов поиску информации в сети институционализирована — проводятся специальные занятия, например в рамках курса библиографии.

Время, проводимое студентами в сети Интернет, не рассматривается большинством наших информантов как время, отнятое от познавательной деятельности.

Но даже при позитивной в целом оценке новых технологий некоторые преподаватели-эксперты не могут не отмечать определенных проблем, связанных ролью ИКТ в образовании и социальной жизни вообще: *«Одно настораживает: эти... технологии... все продолжают развиваться и усложняться... Это имеет коммерческую ценность, но для жизни не нужно совершенно»* (муж., 33 года, преподаватель химии).

Преподавателей настораживает то, что потребность в использовании информационных технологий возрастает, так же как и их сложность. Существует опасность, что на увеличение сложности технологий и на овладение ими будет требоваться все больше и больше времени.

Кроме того, эксперты отметили, что в связи с существующей конъюнктурой рынка об-

разования, когда студент выступает в качестве покупателя образовательной услуги и может высказывать определенные требования к содержанию получаемого образования, возможен вариант развития событий, при котором овладению компьютерными технологиями будут учить как первостепенной вещи, составляющей основу профессиональных навыков специалиста. При этом собственно пониманию предметов, например законов химии или математической статистики, будет отводиться все меньше и меньше времени в учебном плане: «...*Студенты просят научить их SPSS. И при этом на экзамене мне девочка заявляет: „А мне вообще социология не нужна, я социологом работать не буду...“ И они не думают, как они потом будут работать, если в целом ничего не понимают*» (жен., 25 лет, преподаватель социологии).

Нельзя отрицать, например, и тот факт, что Интернет используется студентами как в целях повышения эффективности обучения, так и для обмана преподавателей. Одна из самых распространенных форм обмана, которая стала возможна благодаря развитию ИКТ, — плагиат, т. е. явление, когда студенты результаты чужой работы выдают за свои собственные. Причем, по мнению преподавателей-экспертов, не все преподаватели владеют современными технологиями в достаточной мере, чтобы обнаружить обман: «*И далеко не все преподаватели „Антиплагиатом“ или чем-то аналогичным пользуются. Кто постарше... те и не знают, что студенты не сами пишут... Некоторые молодые знают, но ленятся проверять*» (жен., 28 лет, преподаватель социологии).

Как показали результаты опроса, во многом студентов к этому толкает ставшая уже обычной безнаказанность. И причину распространенности подобного явления участники интервью с преподавателями видят в том, что у нас отсутствует система санкций за мошенничество в процессе учебы в отличие, скажем, от западных университетов. У нас пока не отработана система негативных санкций. И действительно, максимальное наказание, которое может предусмотреть преподаватель, — переделка работы: «*Один мальчик... не поменял даже отступы и шрифт. У него абзац — одним шрифтом, абзац — другим. И что с ним было? Ну, что... переписывал...*» (муж., 20 лет, преподаватель истории).

При этом отказ от использования самих технологий, собственно говоря, информантами не рассматривается: «...*Самый глупый способ — это пытаться запретить Интернет вообще... человек все равно не пойдет в библиотеку, он просто сайт, откуда книгу скачал, не укажет*» (муж., 36 лет, преподаватель экономики).

Участники опроса заявили, что пользуются специальными информационными технологиями, в частности применяют ряд программ, направленных на выявление случаев плагиата, например программу «Антиплагиат» или «Advego Plagiatus», а также используют более традиционные методы контроля, не менее эффективные, например дополнительные вопросы и защиту работы. Таким образом, как и в случае с отношением к технологии «Power Point», мы не можем говорить о том, что в представлении современных преподавателей технологии заменяют традиционные способы преподавания.

Один из аспектов нашего исследования касался отношения преподавателей к использованию мобильных технологий, т. е. мобильной связи и мобильного Интернета, в обучении. Следует заметить, что в отношении этих технологий участники исследования проявили единодушие, отозвавшись о них как об источниках проблем. Так, все участники опроса отметили следующую проблему: использование мобильной связи и мобильного доступа в Интернет как источников «вспомогательных» материалов на экзамене. А это, с точки зрения опрошенных преподавателей, значительно хуже списывания с традиционных шпаргалок: «*Ладно бы они их [шпаргалки] писали — тогда хоть что-то бы запомнили. А когда они их просто распечатали, то тут уже ничего не запомнишь*» (муж., 36 лет, преподаватель экономики). Также для мошенничества на экзамене некоторые студенты используют сотовые телефоны с возможностью выхода в сеть Интернет, что, по мнению преподавателей-экспертов, представляет угрозу процессу обучения: «*Мне он [сотовый телефон] дает общение в обычной жизни и головную боль на экзамене*» (жен., 47 лет, преподаватель истории).

Однако и здесь заинтересованные в знаниях студентов преподаватели находят возможности борьбы со списыванием, причем опять же вполне традиционные, такие как дополнительные вопросы. Впрочем, принявшие участие в исследовании преподаватели точных наук и

предметов естественно-научного цикла полагают, что для них проблема и списывания, и плагиата стоит наименее остро, что тесно связано со спецификой их предметов: *«Если человек не может решить задачу – это „два”, а задачу не решишь, если мозгов нет. И подсказки могут из учебника зачитать абзац, а задачу не смогут решить»* (муж., 33 года, преподаватель химии).

И с точки зрения некоторых экспертов, преподающих на гуманитарных и экономических специальностях, современные ИКТ создают не так много проблем, так как те студенты, которые могут наиболее эффективно использовать информационные технологии для мощничества в процессе учебы, поскольку легко осваивают все новое, в этом не нуждаются. А студенты, испытывающие трудности в процессе учебы, не так хорошо знают компьютерные и интернет-технологии, чтобы преподаватель не смог их проконтролировать. Для этого необходимы только некоторые знания и незначительные временные затраты со стороны самого преподавателя.

Также изначально в исследовании присутствовала гипотеза, касающаяся таких аспектов использования мобильной связи в коммуникации, которые исследователи-социологи называют феноменом «отсутствующего присутствия» и разрывом коммуникации «здесь и сейчас». Суть этих аспектов использования мобильных ИКТ в коммуникации связана с тем, что общение лицом к лицу в настоящее время постоянно подвергается разрушительному воздействию со стороны технологий ввиду постоянного нарушения целостности коммуникативного акта использованием технологических средств дистанцированной коммуникации [7, с. 234–237].

Использование мобильных технологий порождает вторжение в естественный и привычный ход вещей в коммуникационной системе, поскольку, как отмечает специалист в области влияния коммуникационных технологий на общество Р. Линг, по завершении звонка всякий раз оказывается необходимо возместить ущерб межличностному взаимодействию, произошедший из-за отвлечения на звонок [8, с. 132]. Причем, если во взаимодействии лицом к лицу это сделать относительно просто, то, на наш взгляд, в публичной коммуникации, например на лекционном занятии, возместить большому количеству

людей коммуникативный ущерб, нанесенный внезапным звонком сотового телефона, превратившим лекцию, будет значительно труднее.

Более того, современные российские пользователи мобильных технологий не соблюдают ставшие вполне традиционными на Западе практики мобильного этикета [9, с. 5], когда для использования телефона необходимо прежде покинуть публичное пространство. Перемещение же студентов по аудитории во время занятия также может отвлекать преподавателя.

При формулировке программы исследования была высказана гипотеза, согласно которой вмешательство в учебный процесс коммуникационных средств, отвлекающих внимание студентов и преподавателя (звонки телефонов, написание SMS-сообщений, игры на планшетах и т. п.), разрушает плодотворный учебный процесс и вызывает негативные эмоции у преподавателей. Однако данная гипотеза неожиданно не нашла подтверждения: как выяснилось, эта проблема беспокоит далеко не всех принявших участие в исследовании преподавателей: *«Мне не мешает. У меня студенты цивилизованные, а с нецивилизованными мы говорим отдельно на экзамене»* (муж., 33 года, преподаватель химии); *«Отвлекает. Впрочем, меня уже не сильно»* (муж., 36 лет, преподаватель экономики).

Еще одна гипотеза касалась возможной проблемы формирования у студентов зависимости от современных информационных технологий, например так называемых интернет-аддикции или SMS-аддикции, когда пользователь отправляет до нескольких сотен сообщений в день, а невозможность использовать сотовый телефон или Интернет вызывает у него фрустрацию [10, 11]. Однако наши информанты не упоминали эту проблему.

Таким образом, на основании произведенного эмпирического исследования можно сделать определенные предположения, касающиеся отношения преподавателей современных российских вузов к использованию ИКТ в образовательном процессе.

Современные условия жизни в социуме, в частности ритм жизни, таковы, что и студенты, и преподаватели уже вряд ли могут обойтись без использования ИКТ в учебном процессе (среди студентов, принявших участие в количественном исследовании, ими так или иначе пользуются 100 % опрошенных).

Преподаватели, принявшие участие в опросе, в целом позитивно относятся к использованию ИКТ в учебном процессе, высоко оценивают их новые коммуникативные возможности.

Некоторые преподаватели считают необходимым поощрять использование ИКТ студентами, учить их правильно использовать возможности этих технологий, особенно их вычислительной составляющей. Более того, ряд преподавателей стимулирует с помощью ИКТ интерес студентов к учебе; они стремятся облегчить работу студентов, связанную с поиском необходимой литературы, снабжают уча-

щихся ссылками на полезные в учебном процессе материалы.

Исследование показало также, что преподаватели-информанты позитивно оценивают необходимость освоения новых технологий в процессе работы, так как они открывают новые возможности и облегчают труд преподавателей.

Кроме того, обнадеживает тот факт, что, согласно ответам информантов, к возможным негативным последствиям использования ИКТ в образовании (таким, как списывание и плагиат) они относятся как к проблемам, имеющим решение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Лебедев, Б.Н.** Система образования в Российской Федерации: современное состояние, проблемы и тенденции развития [Электронный ресурс] / Б.Н. Лебедев // Проблемы науки и образования. – 2008. – № 2. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1941>.

2. **Абанкина, И.В.** Реструктуризация высшего образования в современной России [Электронный ресурс] / И.В. Абанкина, Т.В. Абанкина, Л.М. Филатова, Е.А. Николаенко // Сайт программы фундаментальных исследований президиума РАН. – 2012. – Режим доступа: <http://ukros.ru/2012/11/09/реструктуризация-высшего-образования/>.

3. **Нилова, С.В.** Преподаватель как основной потенциал инновационного развития вуза [Текст] / С.В. Нилова // Преподавание информационных технологий в Российской Федерации: материалы XI открытой Всерос. конф. (Воронеж, 16–17 мая 2013 г.). – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 332 с. – С. 102–104.

4. **Антропова, Р.М.** Интернет – образовательное пространство взаимодействия молодежи [Текст] / Р.М. Антропова // Образование – фактор духовного и материального развития общества: материалы Всерос. научно-практ. конф. Борисовские чтения (Но-

восибирск, 6–8 мая 2005 г.). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. педагог. ун-та, 2005. – С. 274–281.

5. **Левин, В.И.** Все об информации [Текст] / В.И. Левин. – М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2003. – 382 с.

6. **Кастельс, М.** Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Текст] / М. Кастельс. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

7. **Gergen, K.J.** The Challenge of absent presence [Text] / K.J. Gergen // Perpetual contact: mobile communication, private talk, public performance. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. – P. 227–242.

8. **Ling, R.** The mobile connection: the cell phone's impact on society [Text] / R. Ling. – San Francisco: s. n., 2003. – 244 p.

9. **Johns, A.** Mobile Phone Users: A Small-Scale Observational Study [Electronic resource] / A. Johns. – Access mode: http://www.aber.ac.uk/media/Jones_A_abj0001.html.

10. **Park, W.K.** Mobile phone addiction [Text] / W.K. Park // Mobile communications: re-negotiation of the social sphere / Redacted by Richard Seyler Ling. – London: Springer, 2005. – P. 256–272.

11. **Srivastava, L.** Mobile mania, mobile manners [Text] / L. Srivastava, P. Glotz, S. Bertschi, C. Locke // Thumb culture: the meaning of mobile phones for society. – Bielefeld, 2005. – P. 199–210.

REFERENCES

1. **Lebedev B.N.** Sistema obrazovaniia v Rossiiskoi Federatsii: sovremennoe sostoianie, problemy i tendentsii razvitiia. *Problemy nauki i obrazovaniia*, 2008, nr 2. Access mode: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1941>. (rus.)

2. **Abankina I.V., Abankina T.V., Filatova L.M., Nikolaenko E.A.** Restrukturizatsiia vysshego obrazovaniia v sovremennoi Rossii. Sait programmy fundamental'nykh issledovaniĭ prezidiuma RAN, 2012. Access mode: <http://ukros.ru/2012/11/09/реструктуризация-высшего-образования/>. (rus.)

3. **Nilova S.V.** Prepodavatel' kak osnovnoi potentsial innovatsionnogo razvitiia vuza. *Prepodavanie informatsionnykh tekhnologii v Rossiiskoi Federatsii*: materialy XI otkrytoi Vserossiiskoi konferentsii (Voronezh, 16–17.05.2013). Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi univ., 2013. 332 p. Pp. 102–104. (rus.)

4. **Antropova R.M.** Internet – obrazovatel'noe prostranstvo vzaimodeistviia molodezhi [Internet – educational environment of youth interaction]. *Obrazovanie – faktor dukhovnogo i material'nogo razvitiia obshchestva*: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferen-

tsii Borisovskie chteniia (Novosibirsk, 6–8.05.2005). Novosibirsk: Izd. Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 2005. Pp. 274–281. (rus.)

5. **Levin V.I.** Vse ob informatsii. Moscow, ROSMEN-PRESS, 2003. 382 p. (rus.)

6. **Kastel's M.** Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura. Moscow, Publ. GU VShE, 2000. 608 p. (rus.)

7. **Gergen K.J.** The Challenge of absent presence. *Perpetual contact: mobile communication, private talk, public performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. Pp. 227–242.

8. **Ling R.** The mobile connection: the cell phone's impact on society. San Francisco: s. n., 2003. 244 p.

9. **Johns A.** Mobile Phone Users: A Small-Scale Observational Study. Access mode: http://www.aber.ac.uk/media/Jones_A_abj0001.html.

10. **Park W.K.** Mobile phone addiction. *Mobile communications: re-negotiation of the social sphere*. Edited by Richard Seyler Ling. London, Springer, 2005, pp. 256–272.

11. **Srivastava L., Glotz P., Bertschi S., Locke C.** Mobile mania, mobile manners. *Thumb culture: the meaning of mobile phones for society*. Bielefeld, 2005. Pp. 199–210.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ОБУХОВА Юлия Олеговна — ассистент кафедры социально-политических технологий Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат социологических наук.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
julie_ob@mail.ru

ОБУКHOVA Iuliia O. — *St. Petersburg State Polytechnical University*.

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
julie_ob@mail.ru

УДК 159.943.8

Ф.И. Валиева

**САМОРЕГУЛЯЦИЯ В АСПЕКТЕ
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ**

Fatima I. Valieva

**SELF-REGULATION IN TERMS
OF SOCIAL AND PROFESSIONAL ADAPTATION**

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы саморегуляции в условиях социально-профессиональной адаптации. Представлена авторская точка зрения на механизм саморегуляции, факторы, саморегуляторные компоненты и связь между ними.

Ключевые слова

САМОРЕГУЛЯЦИЯ, АДАПТАЦИЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ, ФАКТОРЫ, КОНСТРУКТЫ.

Abstract

The article deals with topical issues of self-regulation in the context of socio-professional adaptation. The author's standpoint on self-regulation, basic factors, its components and interdependency is introduced in the work.

Keywords

SELF-REGULATION, ADAPTATION, PROFESSIONAL, FACTORS, CONSTRUCTS.

Развитие саморегуляции – одна из основных предпосылок успешной социальной и профессиональной адаптации молодых специалистов. С одной стороны, это позволяет увеличить эффективность перехода к индивидуализации, персонификации образовательного процесса, что соответствует новым требованиям современной образовательной парадигмы [1]. С другой стороны, саморегуляция индуцирует развитие таких личностных свойств и способностей, как самосознание, самооценка, самоконтроль, прогнозирование себя и своей деятельности. Проблема регулируемого и саморегулируемого поведения является неким психологическим фундаментом для своего «педагогического аналога» – адаптации. В свою очередь, адаптация, как результат адаптационного процесса, обеспечивает накопление положительного опыта,

способствует выработке собственной рефлексивной, критической и самостоятельной позиции, развитию необходимых эмоциональных и социальных компетенций.

Понимание и интерпретация адаптации менялись с течением исторических временных промежутков в соответствии с научной парадигмой, актуальными проблемами. Большой частью исследования по адаптации основывались на особенностях функционирования двух систем: индивида и среды.

Успешность адаптации зависит от множества факторов экстеральной и интернальной направленности: системы целеполагания, мотивации, готовности к той или иной деятельности и др. Но основополагающим принципом для понимания особенностей адаптационного процесса является взаимодействие человека и

среды. Соотношение этих систем может рассматриваться как на общекультурном, так и на профессиональном уровне, когда во внимание берутся ценности, устоявшиеся нормы, коммуникативные традиции и барьеры.

Наиболее сложные аспекты адаптации проявляются в человеческой деятельности на психофизиологическом, поведенческом, когнитивном, субъектно-личностном уровнях. По мнению С.И. Степановой, в основе адаптационного процесса лежат внутренние и внешние противоречия. К внутренним противоречиям она относит противоречия между созиданием и разрушением [4].

Адаптацию в условиях профессиональной деятельности можно рассматривать в двух аспектах: как адаптацию с учетом изменившихся условий реализации деятельности (система ценностей, инновационные технологии, организационная специфика) и как непосредственное вхождение в новую профессиональную деятельность. На особую актуальность и значимость этапа вхождения человека в профессиональную деятельность, особенно в период ее первичного освоения, указывали такие исследователи, как В.И. Слободчиков, Н.А. Исаева [3] и др. Экспериментальные данные авторов данной статьи подтверждают актуальность первичного этапа адаптации. В частности, было выявлено, что молодые специалисты больше ориентированы и мотивированы на освоение нового вида профессиональной деятельности в первые 1,5-2 года. После третьего года работы заинтересованность и гибкость в освоении нового вида деятельности постепенно начинают снижаться.

В качестве исходного определения адаптации возьмем следующее: адаптация — это процесс и результат внутренних изменений, внешнего активного приспособления и самозменения индивида в новых условиях существования [2].

Важным интернальным фактором в индивидуально-личностной подсистеме адаптации, в значительной степени способствующим ее успешности, является саморегуляторная система, которая включает в себя сложный механизм формирования и развития, разноплановые конструкты.

Саморегуляторные механизмы, включая подвижные и устойчивые составляющие, яв-

ляются базовыми для развития резилантности — интегративной характеристики личности, обеспечивающей положительную адаптацию и умение приспосабливаться под перемены различного характера.

Саморегуляция чаще всего определяется как явные и скрытые стремления по реализации комплекса целей с учетом временного и контекстуального факторов. Несмотря на сравнительную простоту рабочего определения, саморегуляция как термин имеет свою историю и множество дискутируемых в научном мире аспектов.

В первую очередь следует вспомнить, что «саморегуляцию» ввели в противовес «детерминизму» и в поддержку философии «доброй воли». Саморегуляция по своему содержанию контрастирует с внешней регуляцией. Это является основанием для разделения между интерперсональными и контекстуальными источниками воздействия, в противовес распознаванию триадного реципрокного механизма в психической, средовой и бихевиористской плоскости. Саморегуляция в определенной степени является противоположностью концепции «автоматизма». Защитники основных аспектов автоматического процесса утверждают, что непринужденные и произвольные привычки оказывают влияние на наши действия, поведение, эмоции и выбор.

Следует отметить, что саморефлексия и сознание, которые являются конструктами саморегуляции, способствуют маргинальному сочетанию других составляющих, чья значимость была незаслуженно выведена на уровень второстепенных. Большинство ученых считает обоснованным принятие дуалистичного характера процесса контроля, основополагающего для автоматической теории, особенно на фоне неоднозначности технических, логических и других аспектов теории автоматизма.

Саморегуляция проявляется в очевидной, сознательной и автоматической формах [9]. Это процесс, зависящий от времени, приходящий в активное состояние и ограничиваемый внешними обстоятельствами, а также работой биогенетической и соматической систем. Одними из важнейших задач саморегуляции являются воздействие и разрешение значимых, адаптивных задач.

Любое действие или вид деятельности предопределяет необходимость наличия конт-

роля над собственным поведением и системы, способной регулировать внимание, возбуждение, эмоции и действия, ориентированные на реализацию осознаваемых задач. Данные аспекты, как было сказано выше, приобретают особую актуальность в рамках исследований по резилиантности. В современной психологии и педагогике развития данная группа саморегуляторных умений часто описывается как «зонтичный концепт» исполнительных функций, которые зависят от нервных сетей, расположенных во фронтальной части человеческого мозга [10]. Исполнительные функции часто определяются как сочетание высокоуровневых процессов, позволяющих планировать текущие действия в соответствии с общей целью, изменять реакцию в зависимости от контекста, избирательно уделять внимание нужным стимулам. *Исполнительные функции* включают оперативную память, избирательное внимание, сдерживания доминантной реакции в пользу адаптивной реакции, откладывание удовольствия и соответствующие способности самоконтроля, которые формируются последовательно, в соответствии с процессом развития мозга.

Внимание и концентрация, равно как контроль собственных эмоций и поведения, часто соотносятся с индикаторами успешной или неудачной адаптации в разнообразных сферах, различных контекстах, в условиях повышенного или пониженного риска. Компетенции, относящиеся к исполнительным функциям, используются для определения готовности к обучению и академическим достижениям, равно как и коммуникации в социуме, коммуникативной компетентности [11].

Неоднократно эксперименты по развитию указанных компетенций из группы исполнительных функций, даже у испытуемых из группы риска, подтверждали немалые скрытые возможности стратегий развития резилиантности [7]. Стрессовая реактивность, возбудимость в соответствии с типом темперамента и неспособность регулировать импульсы предвещают определенные трудности, включая проблемы, связанные с асоциальным поведением.

Эффективное развитие, чувствительность к индивидуальным отличиям темперамента и другим личностным характеристикам являются важнейшими защитными факторами, способствующими формированию из «объектов воз-

действия» людей с достаточным уровнем саморегуляции.

Наиболее отчетливо процесс формирования основ саморегуляции можно проследить у детей. В концепции развития привязанности саморегуляторные способности развиваются из двоичной системы регуляции, которая в первую очередь поддерживается заботой. Когда взаимоотношения, основанные на привязанности, развиваются успешно, и взаимоотношения и поведение заботящегося человека могут выполнять регуляторную функцию для ребенка до тех пор, пока у него самого не разовьются саморегуляторные умения. Если воспитание, забота имеют хаотичный, невосприимчивый характер, оставляя ребенка без регуляции, это существенно снижает успешность развития у него саморегуляторных умений.

Поведенческий самоконтроль в ответ на ожидания взрослых, нередко в форме уступки в отношении родительских указаний и заведенного семейного порядка, как правило, появляется в период раннего развития на этапе начала хождения. Обычно родители ожидают, что в итоге дети должны слушаться и в отсутствии родителей. Это считается формой зрелости, которая характеризуется принятием элементов установленного поведения и культуры. Выявляемые у детей проблемы в развитии навыков поведенческой саморегуляции к моменту начала обучения в школе могут иметь серьезные и часто каскадные последствия для ребенка как в академической сфере, так и в общении с друзьями [8].

Концепция *исполнительных функций* и саморегуляции включает в себя широкий спектр компетенций, в том числе умения и навыки, которые появляются и формируются на протяжении всей жизни. Человеческие возможности рефлексии, планирования, откладывания удовольствий подтверждают наличие процесса поступательного развития и индивидуальных различий. Этот набор умений часто ассоциируется с компетентностью и резилиантностью личности в любом возрасте. Хорошо известно, что адаптация, в целом успех в преодолении неблагоприятных факторов, требует контроля эмоций, побуждений, импульсов в оценке ситуации, определения и выбора наиболее подходящего действия, координации действий и решения возникающих проблем. Безусловно,

саморегуляция может подвергаться воздействию объективных жизненных факторов, таких как возраст и болезнь, что препятствует развитию и существенно снижает резилиантность. Данные исследований в области развития саморегуляции, особенно в отношении развития исполнительных функций, которое сопровождает процесс ментального развития, говорят о наличии так называемых «сенситивных промежутков», обеспечивающих возможность интервенции. Когда составляющие системы подвергаются серьезным изменениям, они демонстрируют пластичность, особенно в аспекте накопления опыта. Такие периоды в первую очередь касаются дошкольного возраста, этапа взросления, некоторых переходных периодов во взрослом возрасте, когда префронтальная часть коры головного мозга включается для развития способностей планирования на дальнюю перспективу, включая различные варианты альтернативных изменений. Сюда же следует отнести оценку жизненных планов и перспектив, что может выражаться в совершенствовании способности принимать решения и оценивать [6].

Прежде чем представить схему саморегуляции в аспекте успешной адаптации, напомним, что для целостного представления данного механизма его необходимо рассматривать с учетом воздействия социокультурных факторов, индивидуально-личностных особенностей, не поддающихся изменениям, и модифицируемых компонентов. Под модифицируемыми компонентами мы понимаем подвижные компоненты системы саморегуляции, которые, несмотря на повседневную включенность, в сравнительно устойчивой форме могут подвергаться взаимовлиянию и результативному воздействию со стороны.

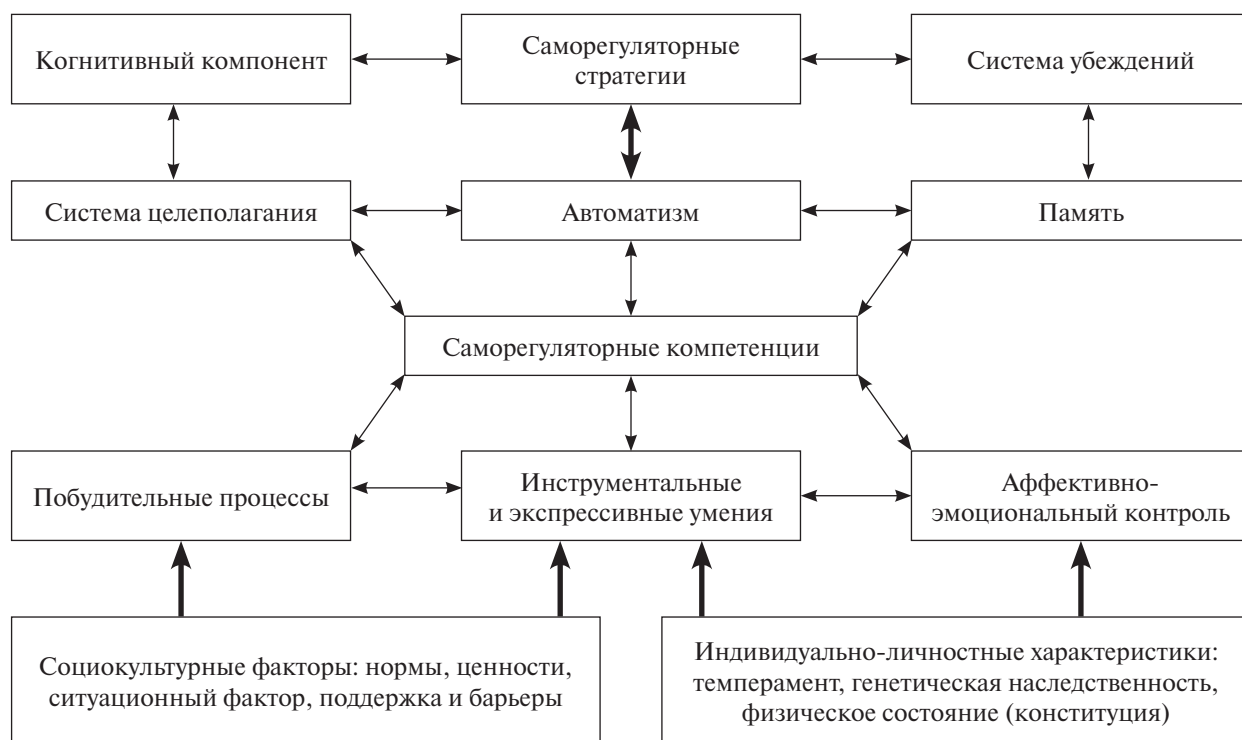
Проанализировав имеющиеся подходы к выделению составных элементов и связей внутри регулируемого процесса, представим информацию в обобщенной схеме. Мы посчитали необходимым выделить периодически модифицируемые, изменяющиеся факторы, которые независимо от актуализации могут находиться под взаимным влиянием. Данные конструкты могут взаимодействовать и односторонне подвергаться воздействию со стороны промежуточных событий, намеренных интервенций, временного фактора. Блок *социокультурных факторов* включает в себя систему ценностей,

социальные нормы, разнообразные формы поддержки, барьеры и другие компоненты. Комплекс неподдающихся модификации *индивидуальных характеристик* включает темперамент, генетическую наследственность, физическое состояние и конституцию человека.

Модифицируемые саморегуляторные конструкции предполагают наличие системы целей (целеполагание), сугубо саморегуляторных компетенций, стратегий, инструментальных и экспрессивных умений, системы побуждений, аффективно-эмоционального контроля, элементов автоматизма, самосознания, системы убеждений и др. (см. рисунок). На представленной схеме отображены базовые составляющие системы саморегуляции в авторской интерпретации.

Анализируя наиболее актуальные целевые объекты в рамках рассматриваемой системы, мы остановили свое внимание на непосредственном действии, состояниях индивида, внимании, ситуативных особенностях и др. Одной из важнейших особенностей работы системы является принцип «петли возврата», другими словами, саморегуляторный процесс носит циклический характер. Именно данный факт, по мнению Д. Форда, является отправным в рамках классической кибернетической модели и модели контроля. Обратная реакция является обязательной для понимания взаимодействия и взаимосвязи между такими составляющими, как внимание, поведение, мышление. Циклический характер предполагает знание результата в условиях средовой информации. Знание результата в рамках саморегуляторной системы необходимо для коррекции действия или подтверждения того, что система работает эффективно. В качестве стимула для включения саморегуляторных механизмов, по мнению большинства специалистов в данной области, может выступать «сигнал об ошибке» — несоответствии или расхождении между тем, что человек ожидает, и тем, что происходит в реальности. Добавим, что в соответствии с традиционным подходом социального научения саморегуляция включается, когда внешняя поддержка становится недоступной или когда привычные формы ответной реакции не достигают желаемых результатов.

В условиях профессиональной деятельности, особенно молодых специалистов, и в жизни человека в целом можно выделить значительные и незначительные расхождения или

Система саморегуляции (в интерпретации автора)

разрывы, которые мы часто называем стрессовыми / стрессогенными жизненными событиями. Подобные ситуации схожи по своему внутреннему наполнению с ситуациями расхождения или рассогласования, которых по опытному сценарию бывает достаточно для включения системы саморегуляции. Стресс может быть определен как реальное жизненное событие или процесс, угрожающий результативности и эффективности действия, производимого человеком. В подобных условиях стресс можно приравнять к сигналу об ошибке в системе саморегуляции. В качестве весомого подтверждения наших аналогий напомним, что базовыми функциями саморегуляции являются уменьшение, устранение или компенсация возникающего несоответствия, а в некоторых случаях даже подавление мощного стимула или сильного побуждения. Таким образом, ролевой конфликт, часто повторяющиеся ошибки в реализации задач, социальное отторжение, конфликт целей, оскорбительные действия со стороны влиятельного контингента или референтной группы могут выступать в качестве стрессоров, способных привести в действие саморегулятор-

ный механизм. Именно в подобных ситуациях роль резилиантности как интегративной характеристики личности, тесно связанной с системой саморегуляции, становится чрезвычайно важной и значимой.

Саморегуляторные функции имеют прямое отношение к развитым когнитивным способностям, которые, в свою очередь, проявляются как некоторая поведенческая реакция, направленная на собственное Я с целью изменения, самосовершенствования или улучшения результатов в будущем. К этой группе можно отнести: сдерживающий контроль (способность сдерживать доминантную реакцию), оперативную память, способность переключаться на разные задачи, способность удерживать внимание, умение находить ошибки и несоответствия в планировании. Сюда же можно отнести инструментальные и экспрессивные умения и побуждающие процессы. Аффективный контроль — контроль над состоянием, на наш взгляд, можно отнести к основным целям саморегуляции. То, каким образом подавляются импульсивные действия, составляется план на будущее, отражаются собственные ошибки и

недочеты, больше соотносится с категорией саморегулятивных стратегий. Одна из основополагающих стратегий саморегуляции и наиболее исследованная сторона данного аспекта — эффективность.

Другим ключевым компонентом, который отвечает за процесс подключения системы сравнения к заданным стандартам, является сравнительно-аналитическая функция [5]. Процесс сравнения и сопоставления редко происходит по точному, машинному принципу. Анализ чьих-либо действий в соответствии со стандартом может быть начат с концентрации внимания или смежных задач. Но аналитический центр не может включаться каждый раз, когда начинается данный процесс. Более того, стандарты, используемые одним человеком или просто кем-то, в сравнении могут быть выше или ниже относительно уровня продуктивного функционирования системы. Но не все оценочные действия (стратегии, релевантные саморегуляции) напрямую соотносятся с процессом регуляции. Так, к категории когнитивных действий можно отнести систему убеждений на трех уровнях — личностном, групповом, социальном. Данная подсистема играет важную направляющую роль в обеспечении результативности системы в целом. Напомним, что одной из целей общения людей является реализация потребности разобраться в вопросах, касающихся их самих, желание узнать о последних достижениях в мире, узнать о склонностях других людей и т. д. Процесс саморегуляции не может не попасть под влияние повседневных человеческих атрибутов, жизненных предпочтений, предубеждений, адекватной и ошибочной самооценки, собственных принципов и подходов.

Для того чтобы глубже понять процесс саморегуляции, как и почему он может прерываться или нарушаться, нужно помнить о роли бессознательного фактора, играющего важнейшую роль, особенно в отношении самосознания и принятия решений.

Непроизвольность или автоматизм часто выводится как противоположность сознательной саморегуляции. Однако при рассмотрении непроизвольности в качестве разновидности саморегуляции непроизвольность оказывается не просто средством сохранения когнитивных ресурсов, но и имеет отношение к механизму

упрощения окружающего мира, столь насыщенного повседневным избытком выбора. Сбой в непроизвольности, равно как и устойчивая приверженность автоматическим паттернам, может привести к серьезным адаптивным проблемам.

Если взять во внимание процесс развития саморегуляции, который можно представить как систему множественных уровней интерактивного контроля, то нам следует признать реципрокный характер системы контроля и ее иерархичной организации, отражающей и высокоорганизованные, сознательные компоненты, и непроизвольные компоненты, основанные на системе стимулов [12].

Наряду с детерминантами целенаправленного действия следует также обратить внимание на его возможный потенциал, особенно когда речь идет о «застывших» в неадаптивном поведенческом паттерне. Особую актуальность в подобных ситуациях приобретает понимание источников системной гибкости. Гибкость относится к способности преодолевать системную инерцию для работы в многоцелевом режиме. Это актуально, когда необходимо переформулирование целей и изменение способов достижения и нейтрализации автоматизма с целью противодействия негативной привычке. Мотивационная или регуляторная гибкость может быть интерпретирована и как постоянный индивидуальный фактор, и как ситуативная системная характеристика. Среди наиболее часто встречающихся негативных предпосылок относительно регуляторной гибкости можно выделить слаборазвитые или «перезагруженные» исполнительные умения и варьируемые структурные аспекты целеполагания, такие как интерференция или конфликт целей или чрезмерная значимость задачи (перенасыщение контента).

Жизнеспособная система саморегуляции является *эффективной системой*, т. е. это система, согласующаяся с основными аспектами устойчивости, что означает способность системы не растрачивать, а сохранять ресурсы и генерировать некоторые ресурсные резервы для использования в будущем. Эффективность удовлетворения требований в рамках повседневных задач является определенной мерой успешности человека, его здоровья и благополучия. Для более четкого представления коэффициента эффективности выделим следующие составля-

ющие: неорганизованное или организованное поведение, продуктивность, как важнейшее условие эффективного действия, а также согласованность или рассогласованность мотивов и условий реализации задач. Все вышесказанное можно представить в следующей формуле:

$$\mathcal{E} = (H/O, P, C/P),$$

где $\mathcal{E}$ – эффективность; H/O – организованное/неорганизованное поведение; P – продуктивность; C/P – согласованность и рассогласованность мотивов и целей.

Таким образом, саморегуляция играет значимую роль в условиях адаптации, в первую очередь социально-профессиональной. Са-

морегуляторный механизм является сложной, многоаспектной системой со своей структурой, включающей устойчивые и гибкие конструкты. Саморегуляция имеет свои функции, принципы работы и факторы, способствующие или мешающие эффективной работе. Наличие стрессогенных ситуаций может быть расценено как определенный толчок к включению саморегуляторного механизма. Эффективность саморегуляции предполагает согласование с основными аспектами устойчивости и определяется мерой успешности человека. Однако эффективность, свидетельствующая о наличии развитого саморегуляторного механизма, значительно снижается в случае рассогласованности мотивов и условий решения поставленной задачи.

Исследование выполнено при поддержке
Министерства образования и науки РФ
(соглашение № 14.В37.21.0545).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Персонализация** профессионально-педагогического образования на пути к самоуправляемому обучению [Текст]: моногр. / под ред. М.Б. Есауловой. – СПб.: Изд-во СПбГУТД, 2010.
2. **Реан, А.А.** Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика [Текст] / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПб.: Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2006. – 479 с.
3. **Слободчиков, В.И.** Психологические условия введения студента в профессию педагога [Текст] / В.И. Слободчиков, Н.А. Исаева // Вопросы психологии. – 1996. – № 4. – С. 72–80.
4. **Степанова, С.И.** Биоритмологические аспекты проблемы адаптации [Текст] / С.И. Степанова. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
5. **Carver, C.S.** On the self-regulation of behavior [Text] / C.S. Carver, M.F. Scheier. – N. Y.: Cambridge University Press, 1998.
6. **Dahl, R.E.** Adolescent brain development: Vulnerabilities and opportunities [Text] / R.E. Dahl, L.P. Spear. – Vol. 1021. – N. Y.: New York Academy of Sciences, 2004.

7. **Diamond, A.** Preschool program improves cognitive control [Text] / A. Diamond. – Science. – Vol. 318. – 2007. – P. 1387–1388.
8. **Patterson, G.R.** A social interactional approach [Text] / G.R. Patterson, J.B. Reid, T.J. Dishion. – Vol. 4. Antisocial boys. – Eugene, OR: Castalia, 1992.
9. **Karoly, P.** Goal systems and self-regulation: An individual differences perspectives [Text] / P. Karoly; ed. by R. Hoyle // The Handbook of Personality and self-regulation. – Malden. – M.A.: Blackwell, 2012.
10. **Rothbart, M.K.** Executive attention and effortless control: linking temperament, brain networks and genes [Text] / M.K. Rothbart, B.E. Sheese, M.I. Posner // Child Development Perspectives. – Vol. 1. – 2007. – P. 2–7.
11. **Rueda, M.R.** Attentional control and self-regulation [Text] / M.R. Rueda, M.I. Posner, M.K. Rothbart; ed. by R.F. Baumeister, K.D. Vohs // Handbook of self-regulation: Research, theory and applications. – N. Y.: Guilford Press, 2004. – P. 283–300.
12. **Toates, F.** A model of the hierarchy of behavior, cognition and consciousness [Text] / F. Toates // Consciousness and Cognition. – 2006. – Vol. 15. – P. 75–118.

REFERENCES

1. Personifikatsiia professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniia na puti k samoupravliaemomu obucheniiu. Monogr. Pod red. M.B. Esaulovoi. St. Petersburg, SPbGUTD, 2010. (rus.)
2. **Rean A.A., Kudashev A.R., Baranov A.A.** Psihologiiia adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriiia. Praktika. St. Petersburg, Praim-EVROZNAK, 2006. 479 p. (rus.)

3. **Slobodchikov V.I., Isaeva N.A.** Psikhologicheskie usloviia vvedeniia studenta v professiiu pedagoga. *Voprosy psikhologii*, 1996, nr 4, pp. 72–80. (rus.)
4. **Stepanova S.I.** Bioritmologicheskie aspekty problemy adaptatsii. Moscow, Nauka, 1986. 239 p. (rus.)
5. **Carver C.S., Scheier M.F.** On the self-regulation of behavior. N. Y., Cambridge University Press, 1998.

6. **Dahl R.E., Spear L.P.** Adolescent brain development: Vulnerabilities and opportunities. Vol. 1021. N. Y., New York Academy of Sciences, 2004.
7. **Diamond A.** Preschool program improves cognitive control. *Science*. Vol. 318. 2007. Pp. 1387–1388.
8. **Patterson G.R., Reid J.B., Dishion T.J.** A social interactional approach. Vol. 4. Antisocial boys. Eugene, OR, Castalia, 1992.
9. **Karoly P.** Goal systems and self-regulation: An individual differences perspectives. Ed. by R. Hoyle. *The Handbook of Personality and self-regulation*. Malden. M.A., Blackwell, 2012.
10. **Rothbart M.K., Sheese B.E., Posner M.I.** Executive attention and effortless control: linking temperament, brain networks and genes. *Child Development Perspectives*, vol. 1, 2007, pp. 2–7.
11. **Rueda M.R., Posner M.I., Rothbart M.K.** Attentional control and self-regulation. Ed. by R.F. Baumeister, K.D. Vohs. *Handbook of self-regulation: Research, theory and applications*. N. Y., Guilford Press, 2004. Pp. 283–300.
12. **Toates F.** A model of the hierarchy of behavior, cognition and consciousness. *Consciousness and Cognition*, 2006, vol. 15, pp. 75–118.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

Валиева Фатима Ивановна — доцент кафедры лингводидактики и перевода Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат педагогических наук.
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
jf.fairways@mail.ru

Valieva Fatima I. — *PhD, Assoc. Prof., Department of Linguodidactics and Translation, Institute of Applied Linguistics of St. Petersburg State Polytechnic University.*
Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
jf.fairways@mail.ru

УДК 37.015.3

Л.А. Минко

МОДЕРАЦИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Lyudmila A. Minko

MODERATION AS TECHNOLOGY OF COMMUNICATION COMPETENCE OF STUDENTS

Аннотация

В статье рассматривается понятие «модерация», а также этапы ее проведения в контексте формирования коммуникативной компетентности студентов. Особое внимание уделено функциям модератора, процессу модерации и модерационным методам.

Ключевые слова

МОДЕРАТОР, МОДЕРАЦИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ, КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД, КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ, ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ.

Abstract

The article discusses the concept of “moderation”, the stages of its holding in the context of formation of communicative competence-students. Special attention is paid as moderator, the process of moderation and Moderation methods.

Keywords

MODERATOR, MODERATION, TECHNOLOGY, COMPETENCE APPROACH, COMMUNICATIVE COMPETENCE, THE FORMATION OF COMMUNICATIVE.

Модерация и модератор — эти термины в последние десять-пятнадцать лет все чаще употребляются не только в современном менеджменте, маркетинге и управленческом консультировании, но и в сфере образования. Эти понятия подразумевают деятельность, связанную с управлением групповым обсуждением, анализом мнений, поиском объединяющих позиций и решений.

При организации учебного процесса в вузах необходимо учитывать принципиальную особенность концепции новых Федеральных государственных образовательных стандартов Высшего профессионального образования — их компетентностную ориентацию. Компетентностный подход — это подход, нацеленный на результат образования, причем в качестве результата рассматривается не только сумма усвоенной информации, но и способность человека действовать в различных ситуациях, использо-

вать полученные знания. В современной ситуации в качестве задачи системы образования отмечается необходимость коренной перестройки содержания и технологий обучения, обеспечивающих достижение ожидаемых результатов и совершенствование средств и процедур их оценки [1, с. 41]. Одним из средств реализации компетентностного подхода в последнее время стала модерация.

В технических вузах в числе значимых требований к результатам освоения дисциплины «Психология и педагогика» выделяется формирование коммуникативной компетентности студентов. Коммуникативная компетентность студента — это интегративное качество личности, дающее человеку возможность успешно взаимодействовать с другими людьми, гармонично и эффективно сочетая свои собственные позиции и интересы с позициями и интересами других членов общества.

При выборе технологий формирования коммуникативной компетентности необходимо учитывать следующее:

- компетентность, как деятельностный результат образования, формируется в деятельности;
- коммуникативная компетентность формируется в совместной деятельности членов общества;
- в силу природы коммуникативной компетентности ее формирование затруднено при индивидуальной форме организации обучения, поэтому при выборе форм обучения предпочтение отдается групповой и коллективной формам;
- в условиях компетентностно ориентированного образования происходит перераспределение активности преподавателя и студентов в пользу студентов, возрастает ответственность студента за результаты образования, акцентируется его самостоятельность в принятии решений;
- преподаватель занимает позицию организатора процесса обучения.

В системе подготовки специалистов с высшим образованием в настоящее время существует противоречие между потребностью внедрения адекватных компетентностному подходу современных образовательных технологий формирования коммуникативных компетенций и его недостаточной разработанностью.

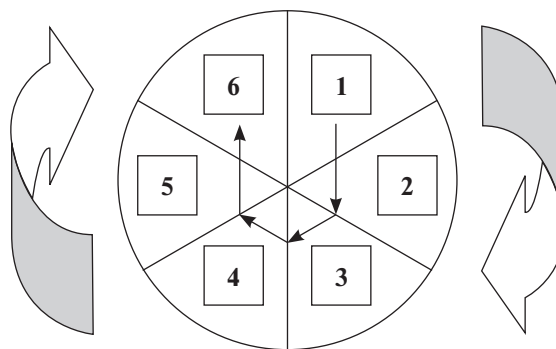
Следует отметить, что модерация отвечает требованиям компетентностного подхода, его целям и задачам и может быть использована как технология формирования коммуникативной компетентности студентов [2, с. 24].

Метод модерации возник в Германии в начале 1970-х годов как составляющая уже широко известного в то время американского метода *brainstorming* (мозговой штурм). В переводе с латинского термин «модерация» означает приводить в равновесие, управлять, регулировать. Таким образом, проясняется смысл термина «модерация» как технология оптимизации процесса обсуждений производственных, профессиональных и прочих проблем путем управления процессами групповой динамики. Модератор содействует гармонизации целей, потенциалов участников и динамики групповых дискуссий. Принципы управления групповым обсуждением и навыки эффективного участия в дискус-

сиях включены в учебные планы большинства бизнес-школ и центров подготовки кадров для менеджмента.

Разработка целей, содержания и методов модерации основывается на психолого-педагогических и социологических аспектах, направленных на создание комфортной атмосферы в группе, ее конструктивного взаимодействия, способствующего решению многих профессиональных задач, а также взаимному обучению. Применение модерации как образовательной технологии имеет целью достижение эффективного уровня деловой коммуникации для решения в кратчайшие сроки конкретных проблем или деловых ситуаций, предложенных преподавателем. Частные целевые установки совпадают с требованиями интерактивного подхода к обучению и связаны с созданием таких условий для студентов, в которых они овладевают навыками активного слушания, открытого обмена идеями, конструктивной критики и самооценки [3, с. 56].

Процесс модерации предусматривает последовательное прохождение следующих шести этапов:

- организация процесса взаимодействия участников модерации; выработка правил работы в группе и регламента работы;
- обсуждение цели занятия;
- интерактивная лекция;
- проработка содержания темы в малых группах;
- презентация работы в группах; ознакомление с предварительными итогами;
- подведение итогов: участники анализируют собственное поведение, получают обратную связь от других членов группы, от преподавателя, совершенствуют собственные мыслительные и коммуникативные навыки.

Одной из распространенных форм метода является модераторский семинар (семинар с использованием техники модерации), реализуемый в соответствии с приведенными шестью этапами. Основными этапами и базовыми процессами модерации являются визуализация, вербализация, обратная связь и презентация. *Визуализация* – это процесс оптического представления мнений, идей с использованием графических схем, модерационных карточек, фломастеров, стикеров, флипчарта, плакатов, пинбордов или обычной классной доски и других наглядных средств. Визуализация поддерживает процесс коммуникации в группе. Все методы модерации сопровождаются визуализацией. *Вербализация* – это процесс вербального сопровождения коммуникации участников групповой работы. Одной из важных составляющих модерации такой работы является техника постановки вопросов и активное слушание. *Обратная связь* – один из базовых процессов модерации, представляющий собой обмен информацией (содержательного и эмоционального плана) между участниками групповой работы. Благодаря обратной связи возможны корректировка дальнейших действий студентов и улучшение эмоционального фона групповой работы. В идеальном случае обратная связь модератора должна служить своеобразной моделью обратной связи для участников групповой работы. *Презентация* представляет собой невербальное сопровождение коммуникации участников групповой работы. Для формирования эффективных стратегий презентации необходимо учитывать следующие факторы: область познания в решении конкретной проблемы участников групповой работы; творческие возможности участников; особенности групповой динамики; профессиональные, личностные, возрастные, половые различия группы; особенности технического, материального сопровождения групповой работы.

В контексте педагогического сопровождения формирования коммуникативной компетентности студентов модератор – это организатор групповой дискуссии, направленной на решение реально существующей или воображаемой проблемы, затрудняющей формирование коммуникативной компетентности студентов, способствующий открытому обмену мнениями и конструктивному взаимодей-

ствию, сохраняющий при этом нейтральную позицию. Следует признать, что функциональная роль модератора освоена еще далеко не всеми преподавателями вузов, поскольку его роль многофункциональна:

- модератор организует и направляет групповую дискуссию, обладая знаниями техник, методов и приемов модерации;
- участвуя в групповой коммуникации, модератор регулирует обмен информацией, идеями и действиями участников, поддерживает и согласовывает их совместные действия, поощряет их к сотрудничеству;
- модератор фасилитирует работу группы: стремится выявить скрытые возможности участников, устраняет напряжение в группе, обеспечивает создание благоприятного эмоционального климата;
- модератор активизирует обмен мнениями и процесс принятия группового решения, побуждает участников к активности.

Преподаватель в процессе проведения модераторского семинара может использовать разнообразные методы модерации [См., например: 4, с. 328].

Опрос-переключка. Модератор представляет группе заранее подготовленный флипчарт с формулировками вопросов, адресованных всем. Участникам предлагается дать свои ответы. Модератор руководит процессом, инициирует и поддерживает высказывания, записывает прозвучавшие предложения. Запись может также вестись вторым модератором или кем-то из участников встречи.

Банк проблем. Меню. Модератор «пролистывает», перечисляет все темы, названные участниками в процессе карточного опроса или опроса-переключки и подлежащие обсуждению на следующих этапах работы группы. Тут же он предлагает участникам определить очередность рассмотрения проблем, точность формулировок, пересечения с ранее обсужденными проблемами и т. п. Высказанные мнения сразу фиксируются с использованием нумерации, стрелок, схем.

Опрос-рейтинг «Маркер – несколько пунктов». Модератор просит поставить заданное количество отметок (2-4 маркера или стикерса) на заранее нарисованной матрице. В матрицу включается несколько альтернатив, для формулировки которых может использоваться ранее

созданный «Банк проблем». Каждый участник «проставляет» свои «голоса» в соответствии с собственными интересами и предпочтениями.

Матрица «Два поля». Модератор представляет группе таблицу, разделенную на две части. Названия рубрик-полей определяются в рамках прорабатываемой темы и соответствуют целям групповой работы. Важно, чтобы участники пытались ответить на сформулированные вопросы как можно конкретнее и четче. Участники индивидуально поочередно отвечают на вопросы каждого из полей. Модератор поддерживает рабочий процесс и фиксирует каждый прозвучавший ответ на плакате.

Таблица «4 поля» = «Перекресток» = «Квадрат альтернатив». Модератор представляет группе заранее подготовленную таблицу, состоящую из четырех полей. Название каждого поля определяется целями обсуждения и необходимостью поиска ответов на определенные вопросы. Важна как можно более конкретная формулировка каждой рубрики-вопроса. Участники поочередно по приглашению модератора отвечают на вопрос каждого квадранта. Модератор поддерживает и инициирует высказывания и фиксирует ответы на плакате.

Барометр настроений. Модератор представляет группе заранее подготовленный плакат или флипчарт, на котором изображается какая-либо шкала, позволяющая отразить актуальное состояние или настроение. Каждому участнику предлагается «маркировать» то настроение, в котором он сейчас находится. Это можно делать с помощью стикеров или отметок фломастером так же, как в процедуре «Опрос – 1 пункт».

Шесть думающих шляп. Формулировка проблемы записывается на доске или флипчарте. Участникам предлагается мысленно менять шляпы, что предполагает фокусировку на размышлениях определенного рода:

- **Информативность.** Белая шляпа: незапятнанно-белый цвет, чистые факты, цифры и сведения;

- **Эмоции.** Красная шляпа: накал страстей, эмоции и чувства, а также предчувствия и интуиция;

- **Критика.** Черная шляпа: адвокат дьявола, рассуждения о бесполезности намечаемого мероприятия;

- **Позитивизм.** Желтая шляпа: солнечный свет, блеск и оптимизм, позитивное и конструктивное мышление, видение благоприятных возможностей;

- **Креативность.** Зеленая шляпа: плодотворное творчество, поиск нарождающихся ростков среди зерен, движение, стимул;

- **Производительность.** Синяя шляпа: хладнокровие и контроль, управление оркестром, мысли о том, как думать.

Одним из модераторских семинаров, проведенных нами в рамках практики по дисциплине «Психология и педагогика» по осуществлению педагогического сопровождения формирования коммуникативной компетентности студентов Инженерно-строительного института СПбГПУ, был семинар по теме «Роль коммуникативной компетентности в профессиональной деятельности инженера-строителя». Целью данного семинара было повышение уровня сформированности коммуникативной компетентности студентов, а продуктом – составленный студентами – участниками семинара портрет коммуникативно-компетентного выпускника Инженерно-строительного института СПбГПУ.

В ходе семинара использовались следующие методы: опрос-переключка, работа в малой группе, мозговой штурм, матрица «Два поля», ассоциации, ранжирование карточек. Семинар продолжался 2 академических часа. В ходе семинара использовались средства визуализации.

Практика использования метода свидетельствует об активном, заинтересованном участии студентов в модераторских семинарах, а результаты экспериментальной работы говорят о том, что модерация является одной из самых эффективных технологий формирования коммуникативной компетентности студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Антипина, Л.Б.** Компетентностный подход в реализации образовательного процесса [Текст] / Л.Б. Антипина // Методист. – 2010. – № 2.
2. **Петров, А.В.** Дискуссия и принятие решений в группе: технология модерации [Текст] / А.В. Петров. – СПб.: Речь, 2005.
3. **Эдмюллер, А.** Модерация: искусство проведения заседаний, конференций, семинаров [Текст] / А. Эдмюллер, Т. Вильгельм. – М.: Омега-Л, 2007.
4. **Чанько, А.Д.** Команды в современных организациях [Текст] / А.Д. Чанько. – СПб.: Высш. шк. менеджмента, 2011.

REFERENCES

1. **Antipina L.B.** Competence approach in the implementation of the educational process. *Methodist*, 2010, nr 2.
2. **Petrov A.V.** The discussion and decision-making in the group: technology moderation. St. Petersburg, Speech, 2005.
3. **Edmyuller A., Wilhelm T.** Moderation: The art of meetings, conferences and seminars. Moscow, Omega-L, 2007.
4. **Chanko A.D.** Teams in modern organizations. St. Petersburg, Graduate School of Management, 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МИНКО Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры инженерной педагогики и психологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
minko.la@mail.ru

MINKO Lyudmila A. – St. Petersburg State Polytechnical University.
Politekhnicheskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
minko.la@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 304.2

А.В. Малинов

**СОВРЕМЕННАЯ «АЛТАЙСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ».
ЭТНОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ**

Alexey V. Malinov

MODERN "ALTAIC CHRONOLOGY". ETNOSOPHY NOTES

Аннотация

В статье рассматривается один из аспектов становления национального сознания современных алтайцев, а именно разработка национальной алтайской философии. Мифологическая основа национального сознания алтайцев, или этнософия, включает в себя своеобразную философию истории, в рамках которой предлагается «алтайская хронология». Этнософские построения «алтайской хронологии» следует считать разновидностью фолк-истории, или конструирования квазиистории. В то же время «алтайская хронология» выступает в качестве опоры современного национального сознания алтайцев.

Ключевые слова

АЛТАЙ, ХРОНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ЭТНОСОФИЯ, НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ.

Abstract

The paper deals with one aspect of the formation of national consciousness of modern Altaians namely the development of a national of the Altai philosophy. The mythological basis of national consciousness Altaians or ethnosophy includes as part of its original philosophy of history, in which the proposed "the Altai chronology". Ethnosophy construction of "of the Altai history" should assume a kind of folk-History and design of quasi-history. At the same time, "the chronology of Altaic" acts as a support of modern national consciousness of the Altai.

Keywords

ALTAI, CHRONOLOGY, HISTORY, ETNOSOPHY, NATIONAL CONSCIOUSNESS.

Становление национального сознания – сложный процесс, занимающий длительное время. Национальное сознание современного алтайского этноса прошло несколько этапов: мифо-эпический период, религиозный период (бурханизм), философский (или, точнее, этнософский) период, начавшийся недавно и еще не заверченный. Сам процесс формирования национального сознания указывает на становление нового этноса – алтайцев. Противоречивость и болезненность этого процесса очевидны, что проявляется, с одной стороны, в стремле-

нии удревнить историю своего народа, найти «престижных» предков, связать национальную историю с историей других древних народов и тем самым вписать ее в контекст всемирной истории, а с другой – в желании отказать в праве на самостоятельное существование ряду соседних автохтонных народов. Особенностью современных философских поисков на Алтае является распространение того философского направления, которое можно назвать этнософией [1]. В состав этнософских взглядов входят и квазиисторические построения, или фолк-исто-

ри, задающие идеологическую интерпретацию исторических фактов, а часто и вовсе не соответствующие известным историческим данным. К ним, в частности, могут быть отнесены публикации Б.Я. Бедурова и «алтайская хронология» Н.А. Шодоева, которые уже оценивались в исследовательской литературе [2, с. 84–88].

Исторические модели этнософии позволяют вернуться к вопросу о монгольском наследстве современной алтайской культуры. Монгольская и русская культуры для современного национального сознания алтайцев оказываются теми культурно-историческими полюсами, с которыми сопоставляется или от которых отталкивается самосознание алтайской культуры. Национальная интеллигенция Алтая неоднозначно оценивает монгольское наследие: от его неприятия до признания единства тюрко-монгольского мировоззрения и форм культурной деятельности. Последняя точка зрения особенно заметна в работах, пытающихся обосновать культуротворческое значение буддизма для формирования алтайской религиозности, а через нее и для алтайского национального сознания. Из недавних работ, написанных в этом ключе, можно указать на содержательное исследование В.А. Клешева «Народная религия алтайцев: вчера, сегодня» [3]. Еще А.В. Анохин упоминал, что шестая часть алтайских родов имеет монгольское происхождение. Л.И. Шерстова деликатно указывает, что в эпоху джунгарского владычества алтай-кижи подверглись значительной монгольской «аккультурации» [4, с. 380–392]. От решения этих вопросов во многом зависит современное национальное сознание и идентичность коренного населения Алтая. В мифологизированном виде сложный процесс формирования нынешних алтайцев представлен в «алтайской хронологии».

Впрочем, надо заметить, история, рассматриваемая с этнософской точки зрения, оперирует крупными историческими периодами, имеет дело с «большим» историческим временем, в котором монголам отводится противоречивая роль в становлении алтайской государственности. Особое чувство времени, характерное для этнософии, проявляется в том, что история человечества, как замечает А.С. Суразаков, длится «миллиарды лет» [5, с. 41]. При этом можно проследить дуальную динамику истории, согласно которой в ней

проявляются созидательное и разрушительное начала. «В общем, — пишет А.С. Суразаков, — если целостно взглянуть на общеисторическую динамику, то она представляла собой, с одной стороны, историю мыслителей, реформаторов, изобретателей, с другой — сокрушающих все завоевателей и отчаянных бунтарей» [Там же. С. 42]. Преодоление этой борьбы возможно через гармонизацию отношений и установление «новой цивилизации». Гармонизация означает также «сотрудничество двух социальных волей — миропознающей интеллектуальной и мироуправляющей политической» [6, с. 45].

В истории действует тот же закон, что и в космосе. А.С. Суразаков называет его «законом пульсирующей эволюции» и поясняет этот закон как «периодически сменявшие друг друга импульсы интеграции и распада» [Там же. С. 47]. Космический «зачин» «алтайской хронологии» можно обнаружить в представлении о цикличности времени, согласно которому, по словам Н.А. Шодоева, «любой процесс развития в итоге возвращается к исходному» [7, с. 101].

Смена исторических эпох происходит «взрывами», т. е. является результатом «драматических событий». Здесь, вероятно, этнософская мысль движется вслед за положением исторического материализма о скачкообразном характере исторического процесса, разнообразя его лишь числовой магией, в основе которой лежит шестеричная система исчисления. В частности, социально-исторические изменения происходят, как правило, в периоды, кратные шести (через 12, 24, 36 лет). Причем чаще всего эти годы приходятся на астрологический год змеи (*дьылан*). Источник исторических перемен надо искать в тех же энергетически-космических процессах, от которых зависит и жизнь на земле. Так, например, смену исторических циклов «регулирует Эне-Джайачы... Мать-Созидательница» [8, с. 64], что позволяет говорить о некотором провиденциализме в истории. Сама цикличность космического времени начинает восприниматься как форма закономерности исторических событий.

Рассмотрим основные исторические эпохи «алтайской хронологии» или «исторической хронологии алтайского билика» в том варианте, который разрабатывает Н.А. Шодоев. Схематично последовательность этих эпох выглядит следующим образом:

Появление билика. Эпоха алтайских Сартакпаев (или арктидов).

Племена сарт-тургут (XII–VI вв. до н. э.)

Племена тургут-јеле (VI–I вв. до н. э.)

Их потомки: желеут-алтай, куманды-алтай, теленгет-алтай, тёлёс, тодош и кыпчак. Это эпоха скотоводства, строительства курганов как мест «общения с параллельным миром» – «места священных сил» (байлу јер, байлу туу). Еще в эпоху сарт-тургут были возведены огромные курганы для общения с «параллельным миром». В следующую эпоху – тургут-јеле местом общения с «параллельным миром» становится аил (шестигранная юрта).

С I века н. э. выходцы с Алтая активно переселяются на запад; эти народы так и стали называть «јюркендер», т. е. ушедшие на запад.

С XVII века наступает алтайско-русская эпоха (элен чак) в Сибири, на Алтае же ее отсчет начинается с XVIII века. Это время смешения и взаимообогащения тюркской и русской культур.

Современность – «эпоха перехода Желтой эры к Белой» [7, с. 19].

В качестве уточнений, приводимых Н.А. Шодоевым, можно указать то, что ближайшими потомками сарт-тургут стал народ скыт, т. е. скифы, а от него уже произошли тургут-јеле. Племена телеутов (јелеут), теленгитов (јеленгет), куманды, тёлёс, кыпчак и тодош сформировались в I–V веках н. э. Всех их вместе Шодоев относит к народу јеле-куманы. В течение IX–XVIII веков к ним присоединились племена ирkit и майман, ставшие сеоками алтайцев. Сейчас на Алтае проживает около 40 сеоков, т. е. алтайских родов. Основные роды алтайцев берут начало от сыновей Улгена – белых духов, располагающихся в районе созвездия Большой Медведицы. Они же выступают и тёлёс, т. е. духом-покровителем, духом прародины конкретных родов. Так, *Бакты-Кан* является тёсом кумандинцев и тёлёсов, *Карчыт-Кан* – телеутов, *Кара-Куш* – мундусов, *Дъажил-Кан* – ирkitов, *Эдье-Кан* – майманов и теленгитов, *Кыргыс-Кан* – тубаларов и шорцев, *Бурча-Кан* – чалканцев и бачатских телеутов. «Крупные и коренные» рода тодошей, кыпчак и кумандинцев также в качестве тёса имеют *Бай-Улгена*. Тёсом у кёбёх (казахов?) является *Ак*. Есть дух-покровитель и у русского старожильческого населения на Алтае – это *Беловодье*, или *Аксу* [8, с. 78].

На «алтайскую хронологию» накладывается и органицистский взгляд на народ и государство. В своем историческом развитии народ проходит те же шесть этапов развития, что и отдельный индивид (шесть 12-летних периодов), причем *энчи чак*, т. е. отпущенный человеку срок активной жизни, равный 72 годам, положен в основу исторической хронологии. Жизнь народа повторяет или уподобляется жизни отдельного человека. «В истории известны *шесть ее циклов*: детство, юность, самостоятельность, ответственность, зрелость, мудрость. Затем происходит угасание былого народа с одновременным зарождением обновления» [7, с. 137]. Но допускается и более упрощенное деление цикла на три этапа: «старший, средний, младший» [Там же. С. 137, 141]. Итак, один период исторической жизни народа отмеряется не 12-летними циклами, а 72-летними. Аналогия между индивидуальным организмом и народом позволяет перенести названия периодов человеческой жизни на народ. Детство народа состоит из двух 72-летних периодов, т. е. продолжается 142 года (вероятно, не полных циклов). В дальнейшем каждый период занимает следующие 72 года. Юность народа продолжается до 216 лет, затем наступает период самостоятельности (до 288 лет), его сменяет период ответственности (до 360 лет), потом приходит период зрелости (до 432 лет) и последний период – мудрости продолжается до 504-го года существования народа. «После 504-летнего возраста народ в целом стареет» [8, с. 61]. При этом Н.А. Шодоев не различает возраст народа и государства, что позволяет ему уточнять, что последний этап мудрости наступает только «если государство народа за это время сыграло в своей истории положительную роль» [7, с. 88]. В более ранней редакции «алтайской хронологии» были приведены несколько иные названия периодов при сохранении их основного смысла: молодость (72 года), возраст самостоятельности народа (144 года), возраст укоренения народа (216 лет), зрелость (288 лет), возраст перемен и исторического выбора (360 лет), возраст перелома (432 года) [8, с. 60–61]. В период самостоятельности (а в более раннем издании – в период зрелости) складывается мировоззрение народа. Сейчас, например, полагает Н.А. Шодоев, идет процесс формирования алтайско-русского мировоззрения, который продлится

еще около 100 лет [7, с. 143]. После 504-го года наступает эпоха «угасания», которая занимает половину уже пройденного срока, т. е. еще 252 года. Таким образом, максимальное время исторической (государственной) жизни народа составляет 756 лет. «Дальше народ и его государственность будет обновляться», — уточняет Шодоев [Там же. С. 88]. Согласно Шодоеву, государственность еленгит-алтайцев начинается с IX века н. э., т. е. современные алтайцы являются, по его словам, «престарелой» нацией, которая «давно обновляется».

Русская нация (ее отсчет Шодоев ведет с 1564 года) вступила в последний период своего государственного развития — период мудрости. В издании 2003 года начало российской государственности отмеряется с 1555 года, т. е. с года присоединения Казанского ханства к Москве. Это время оценивается как «начало формирования великорусской нации как преемницы тюркского суперэтноса и славянских народов... формируется новая общероссийская государственность» [8, с. 62]. Возраст перелома, согласно «алтайской хронологии», наступил в 1987 году, т. е. совпал с началом «перестройки». Российская государственность в ее современном виде может просуществовать до 2059 года, после чего «потребуется полное обновление возрастного состава нации, что может быть связано с массовыми перемещениями населения и другими масштабными изменениями» [Там же. С. 63]. Здесь уже история, даже в форме обновленной хронологии, перерастает в пророчество.

В периодизации истории проявляется и космоцентрическая точка зрения алтайской этнософии. Исторические эпохи являются продолжением космогонических процессов, их названия носят явный натурфилософский оттенок. Так, Н.А. Шодоев выстраивает следующую последовательность периодов (айлу): буря (јоткон), наводнение (чайык), огонь (от), земля (јер), кровь (кан), нынешний период — экология (юйделик), будущие периоды — воздух (кей) и холод (соок). Им вторит цветовая дифференциация эпох (*энчелик*) или эр (*юрюльдъи*): синяя, черная, желтая, белая.

Время мировых эпох: «синяя» (кёк) эра продолжалась «с докембрия в эпоху кумуран — древнейшая до 100–12 тыс. лет до н. э. и в эпохи древней V–IX века н. э.» [7, с. 101]. Вторая эра, которую Шодоев называет «черной», продолжа-

лась до начала XVIII века, т. е. около тысячи лет. Ей на смену пришла «желтая» (сары) эра, которая «близится к концу» и будет сменена «белой» эрой. Все это говорит об убыстрении времени, что свидетельствует об ускорении космических процессов, «вращении Кангья вокруг собственной оси Суда».

«Синяя» эра состояла из двух эпох: древнейшей (*кумуран*) и древней (*дьербен*) и четырех «геологических периодов (*айлу*)»: бури (*дьоткон*), наводнения (*чайык*), огня (*от*) и земли (*дьер*). В «синюю» эру, т. е. период «бури», действия первостихий, формирования земли, были созданы растения животные и люди. Период «бури» — это время формирования вещества из космических импульсов-энергий. Шодоев называет первых людей *јымар-умар* (люди силы отца и матери). Они установили культ поклонения Улгену. В современном алтайском языке сохранились слова, восходящие к языку этих древних людей: Улу Жарык (Великий разлом), Улу Ойдык (Великая яма), Курай (Пустое место), Куру Агаш (Пустой или Полый лес), Алмыс Туу (гора с оборотнем), Кара суу (черное русло), Ак суу (Белая вода), Ак коол (белое русло) [Там же. С. 147].

В древнейшую историческую эпоху жили сменяющие друг друга «племена и народы — богатыри сартакпай, „новые люди“, „стесненные рабы“, тургуты (они дали название стране — Алтай), скифы (скифы), гунны» [8, с. 67]. С эпохи сартакпаев начинается детство человечества, хотя период «бури», т. е. формирования земли, еще продолжается. Согласно Шодоеву, сартакпай называли нынешнюю реку Катунь — *Јымар*, а Обь — *Умар*. Сартакпай имели богатырское телосложение. Рост мужчин достигал 3 м, женщин 2,5 м. Сартакпай занимались земледелием, выращивали злаки (сартак), откуда и произошло название сарты — земледельцы, изготавливали оружие, поклонялись богу Улгену, использовали силу грозы, хотя в основном полагались на свою физическую силу [7, с. 148]. К языку сартакпаев восходят названия *Аба туу* (гора отцовство) и *Аба-кан* (кровное отцовство).

Пришедшее на смену «бури» «наводнение» привело к гибели крупных животных и большинство людей. Спаслись лишь немногие потомки сартакпаев — сарты, построившие плоты. После того как вода ушла на север, наступил пе-

риод оледенения, а за ним — засухи. В это время помимо сартов жили и другие человекообразные существа: алмысы (оборотни); желбеген, питавшиеся мясом животных и человека; болчокбаши (шароголовые карлики), погибшие во время очередного оледенения.

Сарты занимались не только земледелием, но и скотоводством, выплавкой металлов. Они освоили технологию изготовления бронзовых изделий. В эпоху сартов начались войны между людьми (сартакпай были мирным населением), вызванные неурожаями и другими природными явлениями. Сохранилось имя одного из камов — Сартан, вероятно, установившего почитание Кангья. С языка сартов Шодоев переводит имя Кангый как «изобильное плодородие» [7, с. 150]. Из языка сартов сохранились названия Жаан-Кёл, Оймон (моя мудрость), Абай (бабушка), Ак-Туру (белое стойбище), Ак-Ой (белая мудрость), Ак-Кёчкё (белый оползень) и др.

Природные катаклизмы привели к переселению людей, к столкновениям между ними и войнам. Наступила эпоха «огонь». Сарты, жившие на Алтае, стали называться тургутами, т. е. коренными жителями, в отличие от пришедших на Алтай других племен. Именно сарты-тургуты впервые стали употреблять название Алтай, под которым они понимали духа родной природы. Из языка сартов-тургутов сохранились наименования: Сары кобы (желтый лог), Сары чет (желтый молодой лесок), Ёртёнг (погорелый), Алтын-Кёль (Золотое озеро), Сары Турал (желтый город), Улу Сары Чёл (Великая желтая степь), Куда чёл (Гоби), Урал (наросты на камнях), Чамал (живая вода) и др.

В результате военных походов у сартов-тургутов появились рабы, которых стали называть скыт. Так же стали называть и их потомков от смешанных браков азиатов и европеоидов, поэтому слово «скыт», полагает Н.А. Шодоев, означает смешение, метисацию. Так, в результате смешения появился народ скифы. Согласно легенде, после появления на Алтае лиственницы тургуты «частично ушли», а оставшиеся стали называться тургут-желе, что Шодоев переводит как «основа, осевой». Народ тургут-желе возник в результате смешения коренного населения (тургутов) с пришлым. Тургут-желе начали поклоняться лиственнице (вместо осины — бай терек) как байана, т. е. праматери, признавать яйачы в качестве духов живых су-

ществ, называть дух прародины Тёс, а родину в целом — Кан-Алтай. Мировоззрение этого народа нашло отражение в билике — древней мудрости; появились понятия Кангый, Алтай Кангый, имена эпических героев: Маадай-Кара, Алтай-Буучай, Очы-Бала, возникли первые астрологические знания и были построены в горах Алтая обсерватории для наблюдения над звездным небом. Эпоху огонь в целом называют «тургуттын ойн», т. е. времена тюрков, именно в этот период сложились основные роды (сеоки) современных алтайцев [8, с. 67].

Жившие в низинных, равнинных частях и предгорьях Алтая племена тургут-желе стали называть куманами, т. е. бледнолицыми. В результате климатических изменений, прежде всего засухи, и увеличения численности населения куманы вынуждены были перейти к кочевому хозяйству и стали продвигаться на запад, что дало основание называть их желтыми племенами (от цветовой символики частей света). На западе от их самоназвания — скыт — появился этноним скифы. Оставшиеся на Алтае племена в отличие от ушедших на запад стали именоваться черными, что означало «жители родниковой черной речки» [7, с. 157], т. е. оставшиеся у водоемов. Возвращавшиеся назад куманы снова переходили к оседлому образу жизни. От эпохи тургут-желе сохранились названия: Эрчиш (Иртыш, крутящаяся), Чарас (чаран, хариус), Урсул (наплыв, наросты), Себи (очищающая), Беш (пять рек), Жаланай (широкая, светлая), Сайлу-Кем (душа в утробе матери), Ойлу-Кем (мудрая душа), Ак-Кем (белая душа).

От смешения черных (оставшихся в горах у водоемов) и желтых (живших на равнине и предгорьях, а также возвращавшихся с запада) племен возникли новые народы. В результате запутанной этногонии появились телесы, тодоши, jelenгиты, куманы, желеуты, кыпчаки. Телесы, тодоши и jelenгиты были «луноликими», черноволосыми и черноглазыми, т. е., по современной классификации, монголоидами. Куманы, желеуты и кыпчаки, напротив, были бледнолицыми, голубоглазыми, рыжеволосыми, т. е. европеоидами. Самым многочисленным из этих племен были куманы, поэтому и все остальные племена также стали называть желе-куманы. Куманы, оставшиеся на Алтае или возвращавшиеся с запада, т. е. не желающие принимать участия в завоеваниях, были людьми мирными, беруши-

мися за оружие только для защиты своей земли. В V–IX веках желе-куманы создали свое государство во главе с кааном. От куманов на Алтае закрепились многие современные названия: Кадын (Катунь, т. е. меняющая цвет¹), Оп (Обь, т. е. коварный), Кайрукун (Кумир), Элей (Алей, т. е. народный), Энг, Ёнг (Бия, т. е. широкая), Том (сила новолуния), Ом (сила старолуния), Уба-Кан (кровная матушка), Аба-Кан (кровный батюшка), Кин-Алтай (пуп Алтай) и др. «И „элен чак” куманды-желенгит (V–IX вв. н. э.), – подводит итог Н.А. Шодоев, – был одним из ярких циклов в истории предков алтайского народа во всех отраслях билика, в хозяйственной деятельности. Об этом процветании народа в сказаниях говорится: «[В] десять раз лучше стало, чем в прошлом, [в] два раза лучше, чем сейчас» [7, с. 162]. На этом закончилась «синяя» эра.

Наступившая «черная» (*кара*) эра, период «кровь» (*кан*) или «век зла» (*дьаман чак*), «век голода» (*ачана чак*), была отмечена войнами и завоевательными походами на Алтай, продолжавшимися с IX до конца XVI века, т. е. около восьми веков. «Век зла» и «век голода» – это начало «черной» эры, хронологически занимающее время с IX по XIV век. В результате войн и набегов соседей, особенно нашествия монголов, государственность куманов погибла. Выжившее население, по выражению Н.А. Шодоева «часть желенгитов», стало называть себя «алтай кижы», т. е. люди Алтая. В результате продолжительного (около пяти столетий) смещения народились новые племена – иркит и майман. Около 1587 года алтайские роды объединились для борьбы с монголами. Предводитель иркитов Ёскюс-Уул в 1590 году сумел разбить войско хана Чаадака у горы Бабырган, но сам Ёскюс-Уул погиб в одном из сражений. Так была восстановлена государственность на Алтае, просуществовавшая до 1756 года. После гибели Ёскюс-Уула правителем на Алтае стал племянник монгольского хана Тёрбён, который был телеутом по отцовской линии. Он женился на родственнице Ёскюс-Уула. Его потомками, правившими на Алтае, были Ойрот, Шуну Ойрот, Шюню Ойрот и Калдан Ойрот. В 1635 году государство Ойрот-Каан объединяется в союз с западными монголами – джунга-

рами. Начавшаяся в XVIII веке междоусобица в Джунгарии привела к ослаблению государства, страдавшего от нападений китайцев, монголов, казахов. В результате внешних нападений и междоусобицы на Алтае погибло около миллиона человек [Там же. С. 171].

Согласно легенде, хан Шуну отправился на поиск страны, которой можно будет покориться, поскольку сохранить суверенную государственность на Алтае не было возможности. «Шуну Ойрот велел покориться тому кану, где я останюсь» [Там же. С. 167]. Сначала он отправился в Китай, затем через Индию прибыл в Россию. «По легендам, алтайцы покорились Ак-Каан (России) со всей землей по указанию Шуну Ойрота» [Там же. С. 171]. Значительная их часть была переселена на Волгу к калмыкам. Н.А. Шодоев приводит еще одну народную легенду, что «Шуну Ойрот сблизился с Екатериной II, получил чин генерала, фамилию Краснощекин, участвовал в покорении Кавказа. Императрица от генерала Краснощекина родила сына Павла. От Павла были его двое внуков: Константин (Кёстёнкё), Николай (Муклай) Павловичи» [Там же. С. 168].

Любопытно еще одно замечание, относящееся к событиям «черной» эры, – это борьба людей с оборотнями-алмысами, упоминания о которых сохранились в легендах. Алмысы обладали не только сознанием и умели говорить, но и были способны к гипнозу, а питались в том числе мясом человеческих детей. «Человека сделали человеком не только труд, но и соперничество с другим разумным человекообразным существом – алмысом-оборотнем. Между человеком и алмысом шла длительная, трудная, *черная борьба за выживание*, за господство в Природе как существ, имеющих сознание (шоню)», – повествуют современные этнософфы [8, с. 67]. В приведенном фрагменте интересна мифологизация процесса антропогенеза, сочетающая марксизм (трудовая теория) с дарвинизмом (борьба за существование). В период «черной» эры, согласно «алтайской хронологии», преобладали «темные, „низкие” земные энергии», шаманы поклонялись духам нижнего мира. В противовес им появился культ Алтая-Кудая, символом которого стал *дьайык*, представляющий собой белые ленты. Так стала зарождаться белая вера.

«Желтая» (*сары*) эпоха – это время «колесаний» между добром и злом. «Желтая» эпоха

¹ Хотя более распространенной считается версия происхождения названия реки от слова «кадын», т. е. госпожа.

состоит из трех периодов: времени Ойрот хана (*Ойрот каан тушта*) и русских царей (*Арасей каандар*); «острой власти» (*курч дьанг*), т. е. советский период; «пестрого времени» (*чоокур ёй*), т. е. современности. В «алтайской хронологии» указываются две близкие даты начала «желтой» эры: 1583 год (поход Ермака) и 1587 год («формирование самостоятельной государственности алтайцев», просуществовавшей 169 лет и насильственно прерванной) [8, с. 69]. Сейчас, полагают последователи «алтайской хронологии», мы живем в конце «желтой веры».

Ожидаемая «белая» (*ак*) эра должна стать эпохой добра, справедливости, равноправия народов. Она будет состоять из трех периодов: экология (*юйделик*), воздух (*кей*) и холод (*соок*).

Как скоро наступит новая историческая эпоха, однозначно сказать нельзя. Однако, согласно «алтайской народной хронологии», «обновление на Алтае происходит примерно каждые 500 лет» [7, с. 172], причем постепенно этот процесс ускоряется, составляя 432 года, а впоследствии будет занимать лишь 360 лет. При каждом обновлении меняется название народа, хотя его основа остается неизменной. В действительности, что признает и сам Н.А. Шо-

доев, определяющим фактором идентичности на Алтае остается территориальный. Не кровь, а почва делает людей алтайцами, «независимо от национальности, рожденных на этой земле» [Там же. С. 173].

Конечно, приведенные построения «алтайской хронологии» Н.А. Шодоева являются одним из вариантов конструирования квазиистории. Они хорошо иллюстрируют те мифологические модели, на основе которых складывается современное национальное сознание алтай-кижи, а их тиражирование во многом начинает формировать и современное массовое сознание. Сам автор «алтайской хронологии» воспринимается как один из идеологов национального возрождения на Алтае [2, с. 85]. Удревнение истории и даже выведение исторических и этнических «реалий» из космогонических процессов призваны показать изначальность присутствия предков нынешнего коренного населения на Алтае, продемонстрировать его роль в сохранении древней мудрости, частью которой является «алтайская хронология». В мифологизированной форме «алтайская хронология» заявляет исключительные права алтай-кижи на богатое историко-культурное наследие региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Малинов, А.В.** Заметки о философии в Горном Алтае [Текст] / А.В. Малинов // Евразийцы. — № 5. — Горно-Алтайск, 2009.
2. **Самушкина, Е.В.** Символические и соционормативные аспекты современного этнополитического движения Республик Алтай, Тыва, Хакассия (конец XX — начало XXI века) [Текст] / Е.В. Самушкина. — Новосибирск, 2009.
3. **Клешев, В.А.** Народная религия алтайцев: вчера, сегодня [Текст] / В.А. Клешев. — Горно-Алтайск, 2011.
4. **Тюркские народы Сибири** [Текст] / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. — М.: Наука, 2006.

5. **Суразаков, А.С.** Духовный собор народов планеты [Текст] / А.С. Суразаков // Философские размышления (2006–2012). — Кн. 2. — Горно-Алтайск, 2012.
6. **Он же.** Гражданственность и этничность [Текст] / А.С. Суразаков // Там же.
7. **Шодоев, Н.** Основы алтайской философии [Текст] / Н. Шодоев. — Бийск, 2009.
8. **Шодоев, Н.А.** Алтайский билик — древние корни народной мудрости России [Текст] / Н.А. Шодоев, Р.С. Курчаков. — Казань, 2003.

REFERENCES

1. **Malinov A.V.** Notes on the philosophy in the Altai Mountains. *Eurasians*, nr 5. Gorno-Altai, 2009.
2. **Samushkina E.V.** Symbolic and socio-normative aspects of contemporary ethno-political movements of the Republic of Altai, Tuva, Khakassia (end of XX — beginning of XXI century). Novosibirsk, 2009.
3. **Kleshev V.A.** Folk religion Altai: yesterday, today. Gorno-Altai, 2011.
4. **The Turkic peoples of Siberia.** Moscow, Nauka, 2006.

5. **Surazakov A.S.** Spiritual Council of the peoples of the planet. *Philosophical Reflections (2006–2012)*. The second book. Gorno-Altai, 2012.
6. **Surazakov A.S.** Citizenship and ethnicity. *Philosophical Reflections (2006–2012)*. The second book. Gorno-Altai, 2012.
7. **Shodoev N.** Fundamentals of Altai philosophy. Bijsk, 2009.
8. **Shodoev N.A., Kurchakov R.S.** Altai Bilik — the ancient roots of Russian folk wisdom. Kazan, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 28
a.v.malinov@gmail.com

MALINOV Alexey V. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Grazdanskiy avenue, 28, St. Petersburg, Russia, 195220
a.v.malinov@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 947:323

А.Н. Мичурин

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Alexey N. Michurin

**SOME ASPECTS OF CRISIS OF POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE YEARS OF WORLD WAR I**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием политической системы Российской империи в годы Первой мировой войны. Выявляются неизвестные ранее причины кризиса самодержавия, особенности организационной работы правых групп в верхней палате российского парламента во время общественно-политического кризиса 1915 года, влияние отдельных политических и организационных проблем на деятельность этой политической структуры Российской империи.

Ключевые слова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, САМОДЕРЖАВИЕ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ПАРЛАМЕНТ.

Abstract

In article the questions connected with functioning of political system of the Russian Empire in days of World War I are considered. Unknown the reasons of crisis of autocracy, feature of organizational work of the "right" groups in the upper house of the Russian parliament are established earlier during political crisis of 1915, influence of single political and organizational questions on activity of this political structure of the Russian Empire.

Keywords

POLITICAL SYSTEM, RUSSIAN EMPIRE, AUTOCRACY, WORLD WAR I, PARLIAMENT.

Летом 1915 года, в условиях все более разрастающихся общенациональных проблем во взаимоотношениях общественности и власти, правые силы в Российской империи переживали постоянный кризис, который не прекратился даже после роспуска законодательных палат парламента 3 сентября того же года. Вопросы, связанные с политической активностью накануне Февральской революции, продолжают оставаться актуальными в отечественной историографии. Существуют многочисленные расхождения не только в оценках, но и в выявлении персональных действий как деятелей оппозиции, так и представителей правого политического лагеря. Между тем существовал не только структурный кризис, но и кризис идей и даже кризис межличностных отношений в правых группах. Наметившийся раскол между пра-

вой группой и группой правого центра в верхней палате парламента так и не был преодолен вплоть до 1917 года. Более того, наметилось последовательное снижение численности правых членов Государственного совета, связанное не только с бегством части представителей правой группы в другие группы, прежде всего в правый центр, но и поражением на выборах осенью 1915 года всего правого спектра в Государственном совете.

Однако и левые находились в тяжелом положении. Налицо была неопределенная ситуация с правительством, было лишь понятно, что на уступки Прогрессивному блоку, возникшему как оппозиционное парламентское объединение летом 1915 года, правящие круги не пойдут. Можно сказать, это было жестокое поражение оппозиции. В целом кадеты в первые дни

после 3 сентября 1915 года проявляли полную растерянность и желание сохранить хотя бы минимум из того, что с таким трудом удалось соединить в августе того же года. Поэтому на заседании Прогрессивного блока в Думе днем 3 сентября 1915 года говорилось только об одном — о необходимости сохранения полного спокойствия и самообладания. Тот же призыв звучал и во время вечернего заседания Прогрессивного блока с представителями Государственного совета у В.В. Меллер-Закомельского. В ответ на предложение И.Н. Ефремова выйти из Особых совещаний все присутствующие стали уговаривать прогрессистов остаться в них и «не поддаваться чувству естественного раздражения» [1, л. 23]. П.Н. Милюков и Н.А. Маклаков убеждали собравшихся, что убрать главу правительства И.Л. Горемыкина можно только политикой сдержанности. Того же мнения придерживались и члены Государственного совета В.В. Меллер-Закомельский и И.А. Шебеко. Д.Д. Grimm рассказал об обстановке, сложившейся в Государственном совете 3 сентября 1915 года. На заседании президиума верхней палаты с представителями групп вице-председатель Государственного совета И.Я. Голубев предложил составить телеграмму Николаю II и заявление о том, что мир не будет заключен до полной победы, и об объединении сил общественности и правительства. Текст заявления председатель Государственного совета А.Н. Куломзин поручил составить самой нейтральной на тот момент группе — правому центру, но ее председатель А.Б. Нейдгарт отказался. Следующей группой, к которой обратился Куломзин, был центр. Меллер-Закомельский составил заявление, в котором выражалась надежда, что «правительство сумеет объединить и направить общественные силы к победе» [2, с. 155]. Куломзин выступил против предложенного текста, так как в нем давались указания правительству. Не изменил своему «радикализму» и В.Н. Ковцов (кружок внепартийного объединения), не надеявшийся, что данный состав правительства объединит работу общественности. Ввиду непримиримых противоречий Меллер-Закомельский отказался составить текст, и решили обойтись без заявления.

Н.Д. Судавцов пишет о том, что в сложившихся условиях лидеры Прогрессивного блока также решили использовать трибуну Всерос-

сийского земского союза и Всероссийского союза городов в борьбе за власть [3, с. 59–60]. С этим можно согласиться лишь отчасти, так как результаты съездов не так однозначны. В.М. Шевырин считает, что, хотя либеральная общественность и разделяла ряд преобразований программы Прогрессивного блока, это вовсе не значило, что «общественность» союзов «признала Прогрессивный блок своим идейным руководителем», как утверждают В.И. Старцев и, по сути, Н.Д. Судавцов [4, с. 87].

Отказ императора Николая II принять совместную депутацию от земского и городского съездов определил дальнейшую линию поведения блока, тем более что кадеты, озадаченные ходом московских съездов, решили активизироваться независимо от линии поведения остальных участников этого оппозиционного объединения. Поводом к такой активизации стал рассматриваемый в Совете министров законопроект о введении предварительной цензуры. В соответствии с пунктом 7 временного положения о военной цензуре в полном объеме цензура могла быть введена лишь на театре военных действий, а в прочих местностях могла быть введена только частичная военная цензура. Ужесточение цензуры на остальной территории России задевало органы печати, сочувствующие Прогрессивному блоку, и не могло способствовать популяризации его идей. Поэтому кадеты направили к министру внутренних дел Н.Б. Щербатову делегацию во главе с А.И. Шингаревым. 14 сентября 1915 года на заседании ЦК кадетской партии участники этой делегации рассказали о своих впечатлениях. В приемной они встретились с выходящими от министра членами Государственного совета, представителями правой группы А.А. Бобринским и А.И. Мосоловым. Бобринский в духе своих предыдущих заявлений о сотрудничестве с Прогрессивным блоком обратился к Шингареву: «Вы идете нам на смену, но там мы говорили то же, что и Вы» [5, л. 203]. Такая массированная обработка правительства не могла не сказаться на настроении Н.Б. Щербатова, и правительство фактически заморозило рассмотрение вопроса о предварительной цензуре. Ортодоксальные правые, не понимавшие мягкотелости своих сотоварищей из правой группы, негодовали по поводу поведения правительства. Н.А. Маклаков (правый) писал 22 сентября

Н.Ф. Бурдукову в Петроград: «Посмотрите, как власть презренно себя держит. Ни туда ни сюда. Разрабатывают законопроект о предварительной цензуре и отрекаются, когда поднимается шум, созывают Думу и распускают... Борются против программы „желтого блока” и в то же время разрешают соединенный общеземской и городской съезд, который – что должно быть понятно всякому дураку – собирается только с политическими видами» [6, л. 1483].

16 сентября 1915 года Николай II вызвал весь состав Совета министров в Ставку, где произошло окончательное крушение надежд как либеральных министров, так и Прогрессивного блока на сочувствие со стороны императора. От июньской атмосферы сочувствия тому, чтобы правительство работало в полной «согласованности с требованиями фронта и в единении с созываемыми законодательными учреждениями» [7, с. 97], у Николая II не осталось и следа. Министров никто не встретил, и обращение с ними было самым прохладным. А.Н. Яхонтов образно оценил линию поведения царя: «Все получили нахлобучку от Государя Императора за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса» [8, с. 136].

В конце сентября 1915 года последовали увольнения министров Н.Б. Щербатова и А.Д. Самарина и назначение А.Н. Хвостова новым министром внутренних дел. Назначение Хвостова было воспринято в политических кругах, примыкавших к Прогрессивному блоку, неоднозначно. С одной стороны, Щербатов и Самарин не были в числе безусловных фаворитов общественных кругов в «министерство доверия», но их отставка вызвала легкую панику. Левые справедливо видели в назначении Хвостова угрозу для себя, например лидер кадетов и Прогрессивного блока в целом П.Н. Милюков [9, с. 225]. С другой стороны, проявились многочисленные противоречия между членами Государственного совета и Государственной думы. Е.Д. Черменский отмечал благожелательное отношение общественности к назначению Хвостова, делая из этого вывод о снижении накала оппозиционного течения после роспуска законодательных палат [10, с. 134–135]. Но переписка членов Государственного совета, которые в силу своего положения изначально должны были проявлять некоторую умеренность, говорит об обратном. Во-первых, в этот

период проходили выборы в Государственный совет, результаты которых всеми рассматривались как триумфальная победа оппозиционных групп верхней палаты. Во-вторых, назначение Хвостова вызвало отрицательную реакцию среди членов Государственного совета. Слухи о его назначении появились уже 24 сентября 1915 года [11, л. 1504], но в них верили с трудом. Хвостов был неформальным лидером правых в Государственной думе и обладал талантом и чувством такта [12, с. 212]. При этом он с 1912 года был и председателем фракции правых в Государственной думе, но в 1913 году сложил свои полномочия.

Зато после назначения А.Н. Хвостова члены верхней палаты дали волю своим чувствам. А.Д. Оболенский (центр) писал 27 сентября Е.Н. Оболенской о своих впечатлениях от встречи с Хвостовым: «Последнего я видел только один раз, и он мне показался человеком не умным, скорее товаром легковесным, но бойким, несмотря на свою физическую толщину» [11, л. 1538]. Хотя, по определению Оболенского, Хвостов был «принципиальный немцененавистник», он считал, что это назначение явно играет на руку немцам. Парадокс этого заключения выводился, видимо, из того, что усиление правого крыла в правительстве изначально трактовалось оппозиционными кругами как результат деятельности прогерманских сил. М. фон-Брин 7 октября 1915 года писал А.Б. Нейдгарту (правый центр): «С грустью прочел в газетах, что будто бы не согласились с твоими требованиями и твое назначение министром внутренних дел расстроилось. Назначили А.Н.Х. [А.Н. Хвостова], уж это последнее дело, у человека нет ничего святого, отсутствие принципов – грустно. Неужели это надолго?» [13, л. 1612]. В.Ф. Джунковский тоже плохо отзывался о Хвостове и его назначении [14, с. 634].

Этот же вопрос задавали себе и думские представители Прогрессивного блока. Примечательно, что обсуждение И.Н. Ефремовым и П.П. Рябушинским возможности собрания Центрального комитета партии прогрессистов практически совпало с отставками министров и назначением А.Н. Хвостова министром внутренних дел [11, л. 1527]. Началось прощупывание почвы и относительно других перемещений в Совете министров. 1 октября 1915 года граф П.Н. Игнатъев заявил в частной беседе

И.С. Ключеву, что, видимо, остается на посту министра народного просвещения [15, л. 15].

Забавными при этом выглядят и некоторые параллели в оценках правительства правыми и оппозиционными деятелями при сохранении диаметрально противоположной фразеологии. Беспокойство членов оппозиционных групп и фракций, а также членов Государственного совета по назначению являло собой картину совершенно отличную от той, которая складывалась до начала октября 1915 года. До 20 сентября того же года проходили постоянные консультации представителей блока с отдельными министрами, причем министры отделялись общими фразами и не шли на откровенный разговор. Поэтому бюро блока постановило, не предпринимая своей тактики, выждать конкретных шагов правительства, которые определят и дальнейшие шаги блока [16]. В связи с этим может вызывать только недоумение заявление А. Грунта о том, что за два месяца, последовавшими за роспуском Думы, бюро блока даже ни разу не собиралось [17, с. 115]. Отсутствие четкой позиции не является показателем бездействия бюро блока, хотя и осложнило положение различных политических групп, в этот период сконцентрировавшихся на выборах в Государственный совет. Отсутствие четких установок в бюро Прогрессивного блока привело к тому, что М.В. Родзянко во время своего пребывания в Харькове на встрече с горнопромышленниками юга России отметил, что промышленность не оправдала надежд по обслуживанию нужд армии, а промышленные группы своими ссорами фактически прервали нормальную работу по снабжению армии. Эти заявления сродни заявлениям члена Государственного совета П.П. Кобылинского (правый) в августе 1915 года, в которых он обличал промышленников в хищнических наклонностях и отсутствии патриотизма. Н. Манаров, один из корреспондентов Кобылинского, с восторгом писал: «Пусть правительство избавит нас от этих негодяев, пусть правительство ведет войну не только с немцами на полях сражений, но и с пособниками немцев внутри России, с наглыми негодяями-промышленниками!» [18, л. 3]. Сходные по духу заявления Родзянко, сделанные во время выборов в Государственный совет от промышленности П.П. Рябушинского и А.И. Гучкова, говорят о полном отсутствии ко-

ординации между Родзянко и Прогрессивным блоком. Прогрессистская газета «Утро России», всячески способствовавшая проведению Рябушинского в члены Государственного совета, очень быстро напомнила Родзянко, что он «недалеко ушел от пресловутой потребительской психологии... говорил Родзянко-земец и дворянин. Этим многое можно если не оправдать, то объяснить» [19].

В целом правые круги были преисполнены надежды в связи с назначением А.Н. Хвостова, так как он пытался декларативно создать Черный блок и выступал за откровенный союз с крайне правыми [20]. Но насколько эта угроза была реальной, можно судить хотя бы по тому, что Хвостов имел очень натянутые личные отношения как с Н.Е. Марковым, так и с Г.Г. Замысловским [21, с. 78].

Да и некоторые наивные расчеты Хвостова заставляют усомниться в наличии у него какой бы то ни было реальной способности бороться с оппозицией. Хвостов планировал наградить одного из лидеров блока Родзянко орденом, задобив его, с одной стороны, и опозорив в кругах либералов — с другой [22, с. 129]. А.А. Иванов в своем исследовании приводит этот пассаж, как что-то необыкновенное. Однако и А.И. Гучков, один из признанных лидеров оппозиции, тоже получил орден Святого Владимира III степени с мечами в 1916 году — «за труды, понесенные при условиях военного времени», что несколько не опозорило его, так как орден он принял [23, л. 2].

Дальнейшие шаги А.Н. Хвостова, о которых либеральная общественность раздувала слухи, также заставляют усомниться в его политической дальновидности: «Хвостов взял агентом в полицию некоего весьма недвусмысленного Ржевского из Нижнего: это человек, любящий пожить и сотрудничавший одновременно в „Русском слове“, в черносотенном нижегородском листке. Но Белецкий — в то время товарищ министра — приставил, не веря Хвостову, других агентов следить за хвостовским агентом. Проследили и выяснили, что Ржевский по поручению Хвостова ездил в Финляндию — нанимать убийц для Распутина. И Ржевский был арестован. Теперь, как говорит В.Н. Львов, Хвостова держат в министрах только из страха, как бы, вернувшись в депутатское кресло в Думу, он не наделал скандальных разоблачений» [24, л. 11–12 об.].

Сходным образом реагировали на перестановки в правительстве и прогрессисты, заседания которых начались 21 октября 1915 года, причем на этих заседаниях активно выступал князь Е.Н. Трубецкой, член Государственного совета, после своего избрания в верхнюю палату 13 сентября 1915 года от Калужского земского собрания примкнувший к левой группе [25, л. 52]. Абсолютный кризис правых сил на выборах сквозит при этом в письме Трубецкого к М.К. Морозовой от 18 сентября 1915 года, где сообщается о результатах выборов в Государственный совет: «Я долго проверял свою совесть и решил подчиниться на выборах только явной необходимости. Приехав в Калугу, стал интриговать против самого себя за Осоргина; шепнул даже крайне правым, что если они переложат ему записок и шаров, то только этим они могут устранить мою кандидатуру. Это была суцья правда, и правые этим соблазнились, так как Осоргин правее меня и для них приемлемее. Делал и умышленные „бестактности“, которые могли привести к избранию третьего кандидата — Коншина. И все напрасно: записок я получил почти вдвое против Осоргина (у него не оказалось вовсе шансов) и больше всех. Перед тем чтобы выразить согласие баллотироваться, я громко заявил, что иду только на время опасности и по миновании ее сложу полномочия. Не помогло и это: выбрали большинством: 34 против 18, т. е. подавляющим большинством! Признаюсь, что у меня защемило в сердце и было больно!» [26, л. 41–42].

При этом на заседании у прогрессистов господствовало мнение о неспособности Совета министров справиться с продовольственной ситуацией, которое они составили на основании сведений, полученных от соответствующих ведомств, скорее всего Особых совещаний. Эти цифры были предоставлены, видимо, управлением Особого совещания по продовольственному делу о снабжении Петрограда и Москвы продовольствием, но из них совершенно невозможно вывести заключение о катастрофическом состоянии дел с транспортом и продовольствием. Например, с 9 по 13 октября, несмотря на небольшой подвоз хлеба, хлебный рынок был вполне стабилен. Сложнее обстояло дело с маслом, но его нехватка стала ощущаться только из-за запрещения вывоза из Сибири. В Москве с сахаром были ощутимые проблемы

и повышались цены на хлеб, но в то же время на 13 октября 1915 года на железнодорожных станциях Москвы залежи сахара доходили до 317 вагонов [27, л. 7–9]. Поэтому говорить о катастрофе, как это делали прогрессисты из политических соображений, не представляется возможным. Из приведенных сведений видна лишь неспособность Особых совещаний самостоятельно справиться с продовольственной проблемой, а тем более разгрузить московский железнодорожный узел, чем немедленно после своего назначения министром внутренних дел и занялся А.Н. Хвостов.

А. Шторм писал члену Государственного совета Н.Н. Покровскому (кружок внепартийного объединения) о торговле маршрутными поездами на железных дорогах: «Цена такому поезду 8 тыс. рублей. Посредники, устраивающие это дело, назначают 10–12 тыс. рублей за поезд в 40 вагонов» [28, л. 2291]. Но обличительная кампания встретила противодействие со стороны правительства [29, л. 1899], о чем Н.И. Астров и М.В. Челноков информировали Прогрессивный блок уже 25 октября 1915 года на собрании у В.В. Меллера-Закомельского.

С такой политикой общественным кругам и поддерживающему их Прогрессивному блоку справиться тоже было не просто. Поэтому на заседании 25 октября 1915 года возобладало мнение, что «нельзя поднимать настроение для того, чтобы поднимать... Львов премьером не будет» [30, с. 147]. Под влиянием выборов в Государственный совет и заявлений членов верхней палаты, примыкавших к прогрессивным группам, произошло окончательное размежевание между правой группой в верхней палате, сократившейся в этот период до 55 членов, и прогрессивными группами (левой, центром и кружком внепартийного объединения), насчитывавшими 97 членов. Показательно, однако, что правые при этом продолжали пребывать в состоянии организационной беспомощности в Государственном совете, доказательством чему служат воспоминания А.Ф. Редигера о рассмотрении 30 ноября 1915 года государственной росписи на 1916 год. Финансовая комиссия до конца 1915 года имела двенадцать заседаний, на которых в том числе рассматривались вопросы о бесконтрольном выделении государственных средств Общеземскому и Общегородскому союзам. Редигер вспоминал: «Мне не возражали,

но председатель комиссии Дмитриев поспешил перейти к другому вопросу — какая-либо критика деятельности общественных организаций в то время была крайне непопулярной: только от них и ждали той живой и энергичной работы, которой правительство, очевидно, не в состоянии дать! Лишь некоторые члены комиссии (помню, например, Воеводский) потом высказывали мне свое согласие с моими замечаниями, но в комиссии они молчали [31, с. 403–404]. А ведь С.А. Воеводский был стойким правым членом Государственного совета и, мало того, другом Редигера.

Показательно, что уже в середине сентября 1915 года князь А.Н. Лобанов-Ростовский, ранее вышедший из правой группы из-за поползновений ее нового лидера А.А. Бобринского заигрывать с Прогрессивным блоком, вернулся в правую группу. Лобанов-Ростовский даже назвал свой выход из нее ошибкой [32]. Одна из причин, заставившая многих правых одуматься и ужесточить свою позицию, была выражена в письме графа С.Д. Шереметева, пережившего с правой группой самые тяжелые августовские дни, к другому правому, А.Г. Былыгину, который дезертировал из нее в министерский список Государственного совета [33]. 21 октября 1915 года Шереметев писал: «Теперь лозунг — мутить и раздражать в интересах блока. Вот новорожденное учреждение. А о равноправии Государственного совета никто не думает» [34, л. 1772]. Это сродни открытому письму В.Н. Снежкова (правый, в 1916 году покинул фракцию правых) о блоке (после его создания), где говорилось, что нельзя выставлять политические требования во время войны: «Я нахожу возможным лишь один выход: представители блока должны заявить с трибуны Государственной думы: „Мы стремились провести ряд либеральных законопроектов, но около трети Думы и около половины членов Государственного совета отказались к нам присоединиться. Оставаясь верными нашей программе, мы проведем ее по окончании войны. Ныне же, не желая нарушать создавшееся единение всех фракций, обсуждение программы приостанавливаем”» [35, л. 2 об.]. То есть правые тоже не знали, сколько членов Госсовета вошло в Прогрессивный блок. Это понятно, так как этого не знали и сами члены блока.

Произошедшие перемены в правительстве еще более выявили крайнюю необходимость

разработки линии поведения Прогрессивного блока и правых, поскольку складывалась новая ситуация, которую можно было использовать в интересах блока. Отставка А.В. Кривошеина, предложение 1 ноября 1915 года А.Н. Наумову возглавить Министерство земледелия, назначение А.Ф. Трепова министром путей сообщения создавали условия для тесного общения представителей блока с новыми министрами. Правые круги Государственного совета безоговорочно поддержали увольнение Кривошеина и весьма положительно отнеслись к возможному назначению Наумова на пост министра земледелия. Одновременно члены Прогрессивного блока начали активное давление на Наумова с целью заставить его отказаться от занятия министерского поста. Такое давление оказывалось на него со стороны В.Н. Львова и графа А.А. Бобринского, которые советовали Наумову «сохранить себя для будущего» [36, с. 341]. 8 ноября 1915 года во время прощания Наумова с сотрудниками по Следственной комиссии с ним беседовал товарищ председателя Государственной думы С.Т. Варун-Секрет по вопросам образования Прогрессивного блока, который развивал идею об ответственном министерстве после окончания войны.

Дрогнул в этот момент и граф П.Н. Игнатьев, ранее очень оптимистически настроенный и считавший свое положение довольно твердым [15, л. 15]. 2 ноября 1915 года Игнатьев писал графине Игнатьевой в Босый Брод Киевской губернии: «Мне думается, что недолго меня еще будут держать в этой странной компании. А Трепов — министр путей сообщения. Можно ли дальше идти? Человек никогда в жизни двумя курицами не управлял» [29, л. 1880]. А.Г. Булыгин тоже выражал опасения против своего назначения в Совет министров, который он называл «кор де балетом» [37, л. 1912]. Ожидал своей отставки при этом и П.Л. Барк [29, л. 1874]. «А.Ф. Трепов пользовался репутацией весьма способного и умного человека, обладавшего будто бы задатками крупного государственного деятеля. Каким образом установилась за ним эта репутация — остается загадкой» [38, с. 284].

Плохую координацию блока, а точнее противоречия его думской половины с членами Государственного совета, недостаточно улавливали правые в законодательных палатах. Им

продолжал мерещиться единый блок большинства законодательных палат, тем более что реальную силу блока не могли определить и сами его участники. В этой связи совсем фантастическими кажутся собственные подсчеты члена Государственной думы Н.В. Жилина, писавшего 6 ноября члену Думы К.А. Тарасову в Котельнич Вятской губернии: «Но еще велика сила блока. В Госсовете 28 лиц центра (по назначению) состоят в блоке, к ним пристали 6 человек выбранных членов Госсовета. Вот эти 34 человека еще поддерживают блок» [37, л. 1918]. Мало того, что группа центра не насчитывала 28 членов по назначению, так как их было меньше 24 [39, л. 23–24], но получилась просто невероятная картина преобладания оппозиционных настроений среди членов по назначению. Не понятно тогда, почему бюро группы центра очень уклончиво выразило свое отношение к программе Прогрессивного блока, не предвещая вопроса о последовательности проведения и подробностях этой программы [40].

Эта методологическая ошибка в подсчетах сродни такой же ошибке, встречающейся и в современной историографии. Например, А.И. Серков пишет: «Летом 1915 года вокруг требования „правительства доверия“ объединилось 6 фракций Государственной думы («прогрессивные» националисты, группа центра, земцы-октябристы, фракция Союза 17 октября, кадеты, прогрессисты; всего 236 из 397 (422) членов Думы); к блоку примкнули еще 32 депутата и 3 фракции Государственного совета. Всего в Прогрессивный блок, который выступал за либеральные реформы, за войну „до победного конца“, за восстановление профсоюзов и др., вошли более 300 человек. Доминирующую роль в блоке играли члены Партии народной свободы, в бюро Прогрессивного блока от нее вошли масоны А.И. Шингарев и Н.В. Некрасов» [41, с. 198].

Эти данные о членах блока в Государственном совете представляются абсолютно мифическими, как и 32 члена верхней палаты, поддержавшие блок. Три прогрессивные группы включали больше членов и в сумме обладали большинством: 89 членов против 80 членов правой группы и группы правого центра на момент образования Прогрессивного блока [38, л. 13 об.–14]. Но важно даже не это. В Государственном совете сам Прогрес-

сивный блок не располагал большинством, что отмечалось уже в момент его зарождения [42, с. 17]. Установить состав прогрессивных групп в верхней палате парламента по групповым спискам возможно, но личных подписей членов Государственного совета под декларацией блока не существовало, поэтому личное отношение выявить крайне сложно. Многие члены Государственного совета в личной переписке откешиваются от Прогрессивного блока [43], к которому их с упорством причисляет отечественная историография.

Предпринятые правыми выступления на Саратовском совещании уполномоченных монархических организаций 27–29 августа 1915 года с острыми нападками на членов Государственного совета по назначению, примкнувших к блоку, показывают, что правые прекрасно отдавали себе отчет о возможностях Прогрессивного блока в момент его зарождения [44, с. 13]. Но ситуация значительно изменилась к ноябрю 1915 года, а правые продолжали обличать блок, хотя сами находились в глубоком кризисе. Подготавливавшийся съезд правых в Нижнем Новгороде грозил окончиться полным провалом. К. Пасхалов писал 31 октября 1915 года члену Государственного совета Н.А. Маклакову (правый), что сил и средств на организацию Нижегородского съезда почти нет [29, л. 1857]. Об этом же писал 4 декабря председатель астраханской Народно-монархической партии Н. Тиханович-Савицкий председателю одесского отдела Союза русских людей Н.Н. Родзевичу. Он спрашивал совета у Родзевича: звать ли на съезд В.М. Пуришкевича, считая, что Пуришкевич будет вредить съезду. Эти предположения были небезосновательны, если учесть, что В.М. Пуришкевич публично заявлял, что после войны наступит эра крупных либеральных реформ [45, л. 2317]. Противоречия между Петроградским совещанием 21–23 ноября и Всероссийским монархическим совещанием 26–29 ноября 1915 года были все же не так значительны, как представлялось С.А. Степанову, который отмечал значительные отличия этих собраний [46, с. 324–326]. Конечно, отдельные члены Петроградского совещания высказывали осторожные опасения по поводу резких резолюций. А.А. Бобринский писал И.Г. Щегловитову: «Возражения мои зиждятся на том соображении, что съезд монархистов

представляет из себя как-никак — улицу; правую улицу, но все же толпу. Члены законодательных учреждений на съезде — исключение. При таком составе съезда нам следует соблюдать сугубую осторожность во всем, что касается верховной власти» [47, с. 115].

Но не это беспокоило большинство правых деятелей, собравшихся в Петрограде и Нижнем Новгороде. В резолюциях продолжались нападки на «членов Государственного совета по назначению и придворных чинов, которые вступили в соглашение с Прогрессивным парламентским блоком, покусившимся для достижения своих политических домогательств преступно использовать тяжелые военные обстоятельства» [48, с. 29]. Образовался намеченный в Петрограде Совет монархических организаций, возглавленный членом правой группы Государственного совета И.Г. Щегловитовым, который, по определению С.Д. Сазонова, говорил осторожно и мало, но, «благодаря своему уму и научной подготовке, занимал среди своих товарищей по партии, не обладавших этими преимуществами, положение настоящего вождя...» [49, с. 358]. Казалось, что Прогрессивный блок переживает неприятные минуты, так как съезд монархистов удостоился милостивой резолюции Николая II «через председателя своего Щегловитова» [50, л. 2054]. Однако сам И.Г. Щегловитов считал иначе. Охватившее его отчаяние он передал в письме от 24 ноября 1915 года к Д.И. Иловайскому в Москву: «Вчера закончился монархический съезд. Что вы об нем думаете. Как все у нас странно. В монархии монархистов только небольшая кучка» [Там же. Л. 2051]. Еще более безысходное письмо написал К. Пасхалов 19 декабря Н.А. Маклакову. Пасхалов, хотя и хвалил саму идею правых совещаний, отмечал: «После Нижегородского совещания чувствую себя совершенно разбитым. Меня охватило чувство глубокой, безотрадной безнадежности, отнимающей всякую охоту и возможность трудиться. Зачем? Когда наперед уверен, что из этого ничего не будет» [28, л. 2280]. Ни о какой организованной активизации правых в тот период не могло идти речи.

В этой связи вызывают некоторые возражения предположения В.С. Дякина, что «настойчивая атака правых на членов Госсовета возымела свое воздействие. Среди группы центра начались колебания (особенно среди членов

Совета по назначению)» [22, с. 143]. Противоречия в группе центра начались еще в конце августа 1915 года. Новый всплеск беспокойства наметился в начале ноября, до съездов правых, и смущала членов группы центра не агитация правых, а то, что «члены по назначению могут в новом году не получить назначения. Это их смущает и опять усиливает уныние» [37, л. 1918]. Достоверность этих предположений позднее подтвердила и кадетская газета «Речь», отмечавшая 1 января 1916 года, что назначения в Государственный совет, по слухам, могли внести изменения в численное соотношение групп верхней палаты. Еще точнее эта мысль выражена в письме к члену левой группы Д.И. Багалею от 21 ноября 1915 года, в котором отмечается: «В группе центра настроение сейчас очень вялое благодаря давлению, которое оказывают *membres nommes* на *membres elus*. Это — всегдашняя там история — позолоченная зависимость на каждом шагу, а в особенности когда начинает дуть неблагоприятный ветер, дает себя немедленно знать» [50, л. 2028].

Поэтому нет никаких оснований соотносить монархические съезды правых с начавшимися 1 декабря 1915 года заседаниями группы центра в Мариинском дворце под председательством барона В.В. Меллера-Закомельского. Всего на этих заседаниях присутствовало 25 человек из 59 членов списочного состава группы. В целом заседание не выходило за рамки заявления Меллера-Закомельского, сделанного им на собрании бюро блока 15 ноября 1915 года, о том, что министерство доверия не есть парламентское министерство. На заседании 1 декабря 1915 года группа центра указала, что пункт декларации блока «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны» понимается ими отнюдь не как заявление, направленное к изменению порядка избрания и назначения высших сановников Российской империи. Члены группы центра при этом ссылались на свою собственную программу, в которой говорилось: «Группа в основу своей деятельности полагает осуществление, охранение и закономерное развитие выраженных в Высочайше дарованных актах конституционно-монархических начал» [51, л. 1]. Ряд членов группы центра по назначению даже открестились от парламентского блока, а «некоторые сановники зашли так далеко, что даже готовы были

обвинить бюро своей группы в том, что оно самочинно, без уполномочия группы, присоединилось к блоку» [52]. Паника в группе центра была так велика, что левому крылу группы не удалось убедить большинство подождать приезда членов центра из провинции.

Острый политический кризис, завершившийся 3 сентября 1915 года роспуском Государственной думы и Государственного совета, перешел в затяжную борьбу за голоса избирателей и подготовку общественного мнения к новым требованиям Прогрессивного блока уже в 1916 году. Осуществить главное из этих тре-

бований — «министерство доверия» — с ходу не удалось. Власть продемонстрировала, что обладает возможностями для маневра против патриотических лозунгов оппозиции. Но, продемонстрировав возможность к маневру, правительство и правые силы показали удивительную беспомощность в практической работе. Ни вернуть себе большинство, ни расколоть «полуживой» Прогрессивный блок в Государственной думе и «мертворожденную» его часть в Государственном совете в 1915 году правые не смогли, как, впрочем, не смогут сделать этого вплоть до Февральской революции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РО РГБ. Ф. 260. К. 4. Д. 10.
2. Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. — 1932. — Т. 50–51 (1–2).
3. **Судацков, Н.Д.** Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны [Текст] / Н.Д. Судацков. — М.; Ставрополь, 2001. — 719 с.
4. **Шевырин, В.М.** Власть и общественные организации в России (1914–1917) [Текст]: аналит. обзор / В.М. Шевырин; РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел отеч. и заруб. истории. — М., 2003. — 152 с.
5. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32 (5).
6. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032.
7. **Барк, П.Л.** Воспоминания [Текст] / П.Л. Барк // Возрождение. — 1966. — № 170. — С. 82–102.
8. **Яхонтов, А.Н.** Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года) [Текст] / А.Н. Яхонтов. — М.: Терра : Политиздат, 1993. — С. 5–136. [Репринт. изд.].
9. **Милоков, П.Н.** Воспоминания [Текст]. Т. 2 / П.Н. Милоков. — М.: Современник, 1990. — 446 с.
10. **Черменский, Е.Д.** IV Государственная дума и свержение царизма в России [Текст] / Е.Д. Черменский. — М.: Мысль, 1976. — 318 с.
11. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1033.
12. **Ознобишин, А.А.** Воспоминания члена IV Государственной думы [Текст] / А.А. Ознобишин. — Париж, 1927. — 263 с.
13. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1034.
14. **Джунковский, В.Ф.** Воспоминания [Текст]. В 2 т. Т. 1 / В.Ф. Джунковский; под ред. А.Л. Паниной. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. — 736 с.
15. РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 17.
16. **Утро России.** — 1915. — 20 сентября.
17. **Грунт, А.** Прогрессивный блок [Текст] / А. Грунт // Вопр. истории. — 1945. — № 3–4. — С. 108–117.
18. РГИА. Ф. 961. Оп. 1. Д. 26.
19. **Утро России.** — 1915. — 22 сентября.
20. **Речь.** — 1916. — 25 февраля.
21. **Иванов, А.А.** Последние защитники монархии: фракция правых в IV Государственной думе в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917) [Текст] / А.А. Иванов. — СПб.: Дм. Буланин, 2006. — 208 с.
22. **Дякин, В.С.** Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917) [Текст] / В.С. Дякин. — Л.: Наука, 1967. — 363 с.
23. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 682.
24. РО РГБ. Ф. 171.9.1. Е.Н. Трубецкой — М.К. Морозовой. 21.02.1916.
25. РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 7.
26. РО РГБ. Ф. 171.8.3.
27. РГИА. Ф. 1576. Оп. 1. 1915 г. Д. 215.
28. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1040.
29. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1036.
30. **Красный архив.** — 1932. — Т. 52 (3).
31. **Редигер, А.Ф.** История моей жизни. Воспоминания военного министра [Текст]. В 2 т. Т. 2 / А.Ф. Редигер. — М.: Канон-пресс : Кучково поле, 1999. — 528 с.
32. **Утро России.** — 1915. — 19 сентября.
33. **Речь.** — 1915. — 19 августа.
34. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1035.
35. РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162.
36. **Наумов, А.Н.** Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Т. 2 [Текст] / А.Н. Наумов. — Нью-Йорк: Наумова и Кусевицкая, 1955. — 583 с.
37. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1037.
38. **Ключевые** фигуры Российской политики в канун войны и революции. Из воспоминаний Е.Н. Шелькинга [Текст] // Во власти хаоса. Современники о войнах и революции. 1914–1920 / авт.-сост. Л.М. Аринштейн. — М.: Грифон, 2007. — 432 с.
39. РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7.
40. **Речь.** — 1915. — 2 декабря.
41. **Серков, А.И.** История русского масонства XX века [Текст]. В 3 т. Т. 1 / А.И. Серков. — СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009. — 264 с.

42. **Корнилов, А.А.** Парламентский блок [Текст] / А.А. Корнилов. – М., 1915. – 23 с.
43. **Мичурин, А.Н.** «В Госсовете – вавилонское столпотворение»: политические взгляды членов Государственного совета и состав Прогрессивного блока в 1915 г. [Текст] / А.Н. Мичурин // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. – 2011. – № 4. – С. 27–39.
44. **Труды** Всероссийского монархического совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. [Текст]. – Пг., 1916. – 70 с.
45. **ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1041.**
46. **Степанов, С.А.** Черная сотня в России (1905–1914) [Текст] / С.А. Степанов. – М.: Изд-во ВЗПИ: Росвузнаука, 1992. – 329 с.
47. **Из архива И.Г. Щегловитова** // Красный архив. – 1926. – Т. 15 (2).
48. **Совещание** монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановление и краткий отчет [Текст]. – М., 1915. – 45 с.
49. **Сазонов, С.Д.** Воспоминания [Текст] / С.Д. Сазонов. – Париж: Е. Сияльская, 1927. – 399 с.
50. **ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1038.**
51. **РГИА. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 11.**
52. **Биржевые** ведомости. – 1915. – 3 декабря.

REFERENCES

1. **RO RGB. F. 260. K. 4. D. 10.** (rus.)
2. **Progressivnyi blok v 1915–1917 gg.** *Krasnyi arkhiv*, 1932, t. 50–51 (1–2). (rus.)
3. **Sudavtsov N.D.** Zemskoe i gorodskoe samoupravlenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny. Moscow, Stavropol', 2001. 719 p. (rus.)
4. **Shevyrin V.M.** Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Rossii (1914–1917): analiticheskii obzor. RAN. INION. Tsentr sotsial'nykh nauch.-inform. issled. Otdel otech. i zarub. istorii. Moscow, 2003. 152 p. (rus.)
5. **GARF. F. 523. Op. 1. D. 32 (5).** (rus.)
6. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1032.** (rus.)
7. **Bark P.L.** Vospominaniia. *Vozrozhdenie*, 1966, nr 170, pp. 82–102. (rus.)
8. **Iakhontov A.N.** Tiazhelye dni (Sekretnye zasedaniia Soveta ministrov 16 iul'ia – 2 sentiabria 1915 goda). Moscow, Terra, Politizdat, 1993, pp. 5–136. [Reprint. izd.] (rus.)
9. **Miliukov P.N.** Vospominaniia, t. 2. Moscow, Sovremennik, 1990. 446 p. (rus.)
10. **Chermenskii E.D.** IV Gosudarstvennaia дума i sverzhenie tsarizma v Rossii. Moscow, Mysl', 1976. 318 p. (rus.)
11. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1033.** (rus.)
12. **Oznobishin A.A.** Vospominaniia chlena IV Gosudarstvennoi dumy. Parizh, 1927. 263 p. (rus.)
13. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1034.** (rus.)
14. **Dzhunkovskii V.F.** Vospominaniia. V 2 t. T. 1. Pod red. A.L. Paninoi. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1997. 736 p. (rus.)
15. **RGIA. F. 669. Op. 1. D. 17.** (rus.)
16. **Utro Rossii.** 1915. 20 sentiabria. (rus.)
17. **Grunt A.** Progressivnyi blok. *Voprosy istorii*, 1945, nr 3–4, pp. 108–117. (rus.)
18. **RGIA. F. 961. Op. 1. D. 26.** (rus.)
19. **Utro Rossii.** 1915. 22 sentiabria. (rus.)
20. **Rech'.** 1916. 25 fevralia. (rus.)
21. **Ivanov A.A.** Poslednie zashchitniki monarkhii: Fraktsiia pravyykh v IV Gosudarstvennoi dumy v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917). St. Petersburg, Dm. Bulanin, 2006. 208 p. (rus.)
22. **Diakin V.S.** Russkaia burzhuaziia i tsarizm v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917). Leningrad, Nauka, 1967. 363 p. (rus.)
23. **RGIA. F. 1162. Op. 6. D. 682.** (rus.)
24. **RO RGB. F. 171.9.1. E.N. Trubetskoi – M.K. Morozovoi.** 21.02.1916. (rus.)
25. **RGIA. F. 1162. Op. 8. 1915. D. 7.** (rus.)
26. **RO RGB. F. 171.8.3.** (rus.)
27. **RGIA. F. 1576. Op. 1. 1915. D. 215.** (rus.)
28. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1040.** (rus.)
29. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1036.** (rus.)
30. **Krasnyi arkhiv, 1932, t. 52 (3). (rus.)**
31. **Rediger A.F.** Istoriia moei zhizni. Vospominaniia voennogo ministra. V 2 t. T. 2. Moscow, Kanon-press, Kuchkovo pole, 1999. 528 p. (rus.)
32. **Utro Rossii.** 1915. 19 sentiabria. (rus.)
33. **Rech'.** 1915. 19 avgusta. (rus.)
34. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1035.** (rus.)
35. **RGIA. F. 1090. Op. 1. D. 162.** (rus.)
36. **Naumov A.N.** Iz utselevshikh vospominanii. 1868–1917. T. 2. N. Y., Naumova i Kusevitskaia, 1955. 583 p. (rus.)
37. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1037.** (rus.)
38. **Kliuchevye** figury Rossiiskoi politiki v kanun voiny i revoliutsii. Iz vospominanii E.N. Shel'kinga. *Vo vlasti khaosa. Sovremenniki o voynakh i revoliutsii.* 1914–1920. Avtor-sostavitel' L.M. Arinshtein. – Moscow, Grifon, 2007. 432 p. (rus.)
39. **RGIA. F. 1148. Op. 10. 1914. D. 7.** (rus.)
40. **Rech'.** 1915. 2 dekabria. (rus.)
41. **Serkov A.I.** Istoriia russkogo masonstva XX veka. V 3 t. T. 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo im. N.I. Novikova, 2009. 264 p. (rus.)
42. **Kornilov A.A.** Parlamentskii blok. Moscow, 1915. 23 p. (rus.)
43. **Michurin A.N.** «V Gossovete – vavilonskoe stolpotvorenie»: politicheskie vzgliady chlenov Gosudarstvennogo soveta i sostav Progressivnogo bloka v 1915 godu. *Vestnik Rossiiskogo univ. druzhby narodov. Istoriia Rossii*, 2011, nr 4, pp. 27–39. (rus.)

44. **Trudy** Vserossiiskogo monarkhicheskogo soveshchaniia v Nizhnem Novgorode upolnomochennykh pravyykh organizatsii s 26 po 29 noiabria 1915 g. Petrograd, 1916. 70 p. (rus.)
45. **GARF**. F. 102. Op. 265. D. 1041. (rus.)
46. **Stepanov S.A.** Chernaia sotnia v Rossii (1905–1914). Moscow, Izdatel'stvo VZPI, Rosvuznauka, 1992. 329 p. (rus.)
47. **Iz arkhiva** I.G. Shcheglovitova. *Krasnyi arkhiv*, 1926, t. 15 (2). (rus.)
48. **Soveshchanie** monarkhistov 21–23 noiabria 1915 goda v Petrograde. Postanovlenie i kratkii otchet. Moscow, 1915. 45 p. (rus.)
49. **Sazonov S.D.** Vospominaniia. Parizh, E. Siial'skaia, 1927. 399 p. (rus.)
50. **GARF**. F. 102. Op. 265. D. 1038. (rus.)
51. **RGIA**. F. 1668. Op. 1. D. 11. (rus.)
52. **Birzhevye vedomosti**. 1915. 3 dekabria. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МИЧУРИН Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
michurinspb@mail.ru

MICHURIN Alexey N. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
michurinspb@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 94(47)

Б.Л. Шапуро

**ВНЕШНИЙ ОБЛИК РАБОЧИХ В РОССИИ
ПЕРИОДА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

Bella L. Shapiro

**GENERAL APPEARANCE OF WORKERS IN RUSSIA
DURING A PERIOD OF INDUSTRIAL MODERNIZATION
(second half of XIX – early XX centuries)**

Аннотация

В статье анализируется формирование и развитие внешнего облика рабочего класса в России, а также взаимосвязь этого процесса с индустриальной модернизацией и урбанизацией. Костюм рабочего рассматривается как важная деталь, в значительной мере характеризующая его внешний облик.

Ключевые слова

ПОРЕФОРМЕННАЯ РОССИЯ, РАБОЧИЙ КЛАСС, ПАУПЕРИЗАЦИЯ, ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ, УРБАНИЗАЦИЯ, ИСТОРИЯ КОСТЮМА.

Abstract

The article analyzes the formation and development of the appearances of working class in Russia and the correlation of this process and industrial modernization and urbanization. The costume of working population is regarded as the major detail, to a large extent characterizes its general appearances.

Keywords

POST-REFORM RUSSIA, WORKING CLASS, PAUPERIZATION, INDUSTRIAL MODERNIZATION, URBANIZATION, HISTORY OF COSTUME.

История формирования внешнего облика рабочих является отражением изменений, происходивших в России во второй половине XIX – начале XX века. Фактором, определившим историческое своеобразие этого периода, является высокий уровень крестьянской миграции. С началом реформ в города хлынули миллионы сельских жителей. Так, например, среди жителей Санкт-Петербурга в 1900 году число родившихся в этом городе составляло всего 31 %. В среднем за год в него прибывало около 50 тыс. новых жителей. Значительную часть мигрантов составляли крестьяне – 72 % от общей численности некоренного населения [1, с. 317]. В каждой тысяче новоприбывших женщины составляли 368 человек, а в 1914 году уже 480 человек; 75 % крестьянок и 47 % мещанок мигрировали из других мест [2, с. 17].

Подобная ситуация была характерна и для остальных крупных городов Российской импе-

рии. Новоприбывшие горожане и горожанки искали в городе возможность трудоустройства, которое чаще всего осуществлялось в фабрично-заводской промышленности.

Обращение к исследованию взаимосвязи процессов индустриальной модернизации, урбанизации и формирования внешнего облика рабочих продиктовано необходимостью детального изучения истории формирования и развития городского населения России, его социальных, профессиональных, этнических, гендерных и демографических особенностей.

Знание и анализ исторического прошлого позволяют реализовать его прогностические возможности. Обращение к истории формирования и развития отдельных социальных групп российских городов помогает не только воссоздавать историческое прошлое, но и осознать настоящее, обосновать теоретическую модель развития будущего.

Внешний облик отдельной социальной группы рабочих, отражая их менталитет, или миропонимание, включает в себя телесные навыки поведения и бытовые привычки. В значительной мере он обуславливается таким сложным социально-историческим феноменом, как российский городской костюм. Эта взаимосвязь заслуживает глубокого и детального изучения.

Костюм рабочих определялся их квалификацией, профессионально-производственными условиями и материальным положением. Положение рабочих в России периода индустриальной модернизации определялось тремя факторами: «политическим бесправием, все-российским разорением и общими условиями капиталистического хозяйства» [3, с. 185].

Рабочий день трудящихся в конце XIX века продолжался 12 ч и более, доходя в некоторых случаях до 21 ч. Это было характерно, например, для фабрично-заводской промышленности Московской губернии: «На первом месте в этом отношении стоит сверхурочная работа Коломенского машиностроительного завода, где один из наиболее коротких — на бумаге — рабочих дней в 11,5 ч на самом деле сводится обычно к 14,5–16,5 ч, а в экстренных случаях даже к 19,5 и 21,5 ч суточной работы» [4, с. 90]. Подобное происходило и в сфере самозанятости. Так, например, кустарные рабочие немецких колоний Самарской губернии, выполнявшие работу по изготовлению соломенных шляп, летом работали с трех часов утра до десяти вечера, а при срочных заказах и до полуночи [5, с. 352]. За свою работу мастера получали не более 21 к. в день, так как даже при таком графике работы они успевали изготовить за день не более трех шляп стоимостью по 7 к. Рабочие, выполнявшие подготовительную работу для этих мастеров, получали за свой труд еще меньше; обыкновенной считалась сумма 15 к. в день.

Недостаточность заработка вынуждала рабочих искать приработок или еще более увеличивать продолжительность трудового дня. Так, в тех семьях, где имелось три женщины и более трудоспособного возраста, была выработана схема посменной работы, дающая возможность 24-часового рабочего дня. Например, мастерицы Вологодской губернии «кружево начинают на двух подушках и различного рисунка так, чтобы работа не была однообразной; за одной

из подушек всегда кто-нибудь из них сидит, одна отдыхает, одна исполняет хозяйственные дела — если их трое; а если их четверо, работа идет на две подушки, хозяйством они занимаются поочередно» [Там же. С. 124].

Заработная плата рабочего населения в большинстве случаев обеспечивала только часть необходимого прожиточного минимума, который к 1906 году составлял 21 р. для мужчин и 17 р. для женщин [6, с. 178]. Этой суммы достигала средняя заработная плата только у мужчин, трудящихся в машиностроительной промышленности; остальные отрасли доставляли гораздо меньшие средства. Так, например, средняя заработная плата рабочих, занятых в химической промышленности Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов Московской губернии, к концу XIX века достигала только 12 р. 69 к. Рабочие-мужчины ситцебивных фабрик получали в среднем 13 р. 38 к., женщины — только 6 р. 7 к. Работники-мужчины ткацких и сновальных отделов ручных бумаготкацких фабрик и контор для раздачи основ в это же время имели среднюю заработную плату 9 р. 52 к., а женщины, трудящиеся там же, получали 5 р. 54 к. Мастерские фабрик Московской губернии различных отраслей зарабатывали в среднем 17 р. 43 к. [4, с. 134–138].

Хроническая нехватка как денежных средств, так и свободного времени определила основные тенденции в формировании внешнего облика и костюма рабочих. Очевидно, что они только в исключительных случаях могли прибегать к традиционному для России домашнему изготовлению одежды либо к покупке ее в магазинах готового платья, так называемых конфекционных.

Следовательно, в подобных условиях, основным источником формирования костюма рабочих были толкучие рынки. Отметим, что «толкучки» были местом распространения как новой, так и подержанной, даже чиненой, одежды и обуви.

Специфическим местом пополнения гардероба среди рабочих были фабричные и потребительские, или потребительские, лавки, в которых предметы одежды первой необходимости могли выдаваться в кредит.

В сфере самозанятости была широко распространена натурализация оплаты труда. Заказчики часто расплачивались с рабочими «красным

товаром» — мануфактурой и иными вещами, часто сапогами, которые в рабочей среде имели функцию одного из самых статусных предметов одежды. Женщинам в счет заработной платы предлагались платки и шали, кофты.

Важно, что в обоих случаях рабочим сбывались залежалые товары под видом самых модных, к тому же по завышенной на 10–12 % цене. Особенный путь приобретения предметов гардероба объяснял заметное отставание костюма рабочих от общепринятой моды.

Характерной приметой исследуемого периода российской истории является сочетание индустриальной модернизации и отсталого повседневного быта рабочих. Собственное либо арендованное жилье достаточной площади и приемлемого качества было доступно только высококвалифицированным кадровым рабочим. Они имели достаточно средств для приобретения обширного качественного гардероба и условия для ухода за ним. Примером может служить некая Мария Сергеевна Токарева, жительница Сергиевского Посада (ныне — Сергиев Посад) начала XX века, имевшая в своем распоряжении следующие предметы одежды: «...одна шаль большая теплая, одна косынка плетеная черная, два полушалка, один шарф шелковый, четыре платка шерстяные, шесть тоже ситцевых, дюжина платков носовых, дюжина сорочек... четыре [нижних] юбки разные... шесть пар чулок... одно платье шелковое, четыре платья шерстяные, две юбки шерстяные верхние, три платья тканевых, дюжина платьев ситцевых. Одежда зимняя: одно пальто плюшевое на фланели с куньим воротником, одно пальто суконное с котиковым воротником, две жакетки суконные с котиковым воротником. Одежда осенняя: одна жакетка плюшевая, одна жакетка суконная, одна жакетка трековая. Летняя одежда: одна накидка суконная на подкладке, одна жакетка трековая на подкладке, одна жакетка походная, один зонтик шелковый, две пары башмаков, две пары башмаков драповых, одна пара галош резиновых» [7, с. 102–103].

Мастеровые и рабочие низкой квалификации были вынуждены довольствоваться арендой комнаты или мелкой квартиры. В этой группе рабочих встречались и собственники жилья, но качество его было малоудовлетворительным. Чаще всего жилье имело оценочную стоимость от 50 (низший порог налогообложения)

до 100 р. Встречались и собственники строений по 30 р., имелись и владевшие постройками из случайных материалов, которые оценивались в 4–5 р. Рабочие, жившие в подобных строениях, как правило, обладали скромным по размеру гардеробом из нескольких предметов одежды: в него входили два-три платья, столько же рубашек и пар чулок. Эти люди часто не имели сменной домашней одежды и обуви.

Огромным спросом в пауперизированной среде пользовались коечно-каморочные квартиры, число которых в соответствии с требованиями рынка возрастало. Так, по материалам переписи данных квартир, в Москве в 1899 году были зарегистрированы 15 063 коечно-каморочные квартиры с населением в 174 622 человека; к 1912 году число живущих в 24 597 квартирах увеличилось до 326 600 человек; чуть менее скученно жили в Петербурге [8, с. 104]. Согласно статистике начала XX века, на каждого жителя коечно-каморочной квартиры приходилось менее 10 квадратных метров. Таким образом, по скученности они приравнивались к ночлежкам. Сходными были условия и в подвальных и полуподвальных квартирах, антресолях и мансардах. Число жильцов в комнатах доходило до 25 человек.

Рабочие, жившие в подобных условиях, имели для своих жилищных нужд только половину койки, угол, а то и вовсе жили «без места», временно размещаясь на печке или на полу в проходе. Они не могли иметь какой-либо лишней одежды, кроме самой необходимой. В ней и спали.

Важно, что причиной перенаселенности городов, особенно Санкт-Петербурга и Москвы, был стремительный прирост городского населения, не столько естественный, сколько механический. Подобный процесс происходил и в других крупных городах и их окрестностях. Так, например, в 1901 году естественная прибыль населения Сергиевского Посада, типичного среднеразвитого торгово-ремесленного города пореформенной Российской империи, который уже в то время входил в дачную зону Москвы, составила 106 человек, механическая же 442 человека. За последующие 10 лет численность населения города увеличилась на 45 % [9].

Новыми городскими жителями, остро нуждавшимися в жилье, были крестьяне из обнищавших деревень, пришедшие в город на заработки. Именно они, отходники в столич-

ные города, транслировали в регионы модный городской облик общеевропейского типа, привозя вместе с заработками (а иногда и вместо них) отрезки ткани, образцы модных вещей и журналы с выкройками. Современники отмечали, что «парни с торфа приходят в плисовых поддевках и шароварах, в вытяжных сапогах, красных рубахах да с пустыми карманами», а также «весною, когда многочисленные партии рабочих подходили к Петербургу, редкий из них не запасался в Торжке сапогами; осенью на возвратном пути Торжок снабжал их полушубками» [5, с. 46, 193].

Прошлогодние наряды доживали свой век в новом качестве; даже сильно поношенную одежду не выбрасывали, а употребляли на переделку, совсем изношенную использовали на заплатки. Так, старый уличный наряд становился домашним платьем либо нижней юбкой. Приобретенные с рук вещи распарывались, затем перекрашивались в красильнях или дома, после чего перешивались или перелицовывались. Грязный подол и мелкие дефекты при этом закрывались новой декоративной отделкой; ею же маскировались лишние швы, которые появлялись при необходимости удлинить рукав или подол.

Желание соответствовать моде при небольшом бюджете выходного костюма вызвало бытование значительного количества подделок: имитировались и фальсифицировались различные сорта пушнины, ювелирных изделий, дорогостоящей галантереи. Так, например, была широко распространена практика изготовления поддельного каракуля и так называемого брейтшванца, т. е. каракульчи, в красильных мастерских, где прессовали распоротые, перекупленные из вторых рук вещи, придавая плюшевой ткани характерный рисунок.

Умельцы имитировали не только мех, но и перья экзотических птиц для праздничных женских шляпок, с помощью анилиновых красителей получая из пера петухов, сорок и чаек фальшивые «марабу» и «эспри» любых цветов и оттенков.

Красное дерево в наконечниках ручек зонтиков заменялось на дешевые сорта, также подкрашенные анилином, драгоценный жемчуг в ювелирных украшениях имитировался с помощью воска и краски, бриллианты подменялись стразами, а самоцветы — цветным стеклом;

третьесортный перламутр подкрашивался в модные яркие цвета. Только что появившиеся пластмассы бакелит и галалит имитировали слоновую кость и черепаховый панцирь. Кость, рог, дерево после процедуры серебрения и золочения «на глаз» были неотличимы от драгоценных металлов. Таким образом обыватели получали возможность включить в свой выходной костюм престижные предметы одежды, но приобретенные по невысокой цене.

В результате комбинирования купленных в местах отхода предметов остромодной одежды с традиционно-этническими в сочетании с фальсифицированными предметами костюма и вещами, доставшимися из вторых и третьих рук, сформировался достаточно эклектичный специфический внешний облик рабочих.

В силу своей дешевизны и, следовательно, доступности в среде малообеспеченных были популярны не только фальсифицированные предметы гардероба, но и изготовленные из вторичного сырья. Так, самыми популярными материалами для изготовления недорогой теплой одежды были ткани буксин, шодди и мунго, представляющие собой искусственную шерсть, получаемую из слабо свалянного чистощерстяного тряпья и прядильно-ткацких отходов.

Ценовая доступность пальтовых материй достигалась «кнопованием» — процессом набивки сукна, трико и драпа невысокого качества суконной пылью, получавшейся при стрижке сукна (натуральным кнопом) или же при растирании суконной и другой шерстяной ветоши (искусственным кнопом). Из кнопки изготавливали также искусственный барашковый мех, который употреблялся для выделки шапок, опушки верхнего платья, обшивки резиновых калош.

Особым признаком материальной обеспеченности в рабочей среде было наличие в гардеробе сапог либо, что предпочтительнее, сапог с калошами; поэтому жизнь их продлевалась многочисленными приемами починки. Существовали мастера — башмачники и сапожники, — специализировавшиеся только на починке обуви и владевшие многочисленными технологиями ее ремонта. Например, как один из популярных способов обновления предлагалась замена изношенной части сапога — головки, сохраняя еще годные старые голенища. На калоши накладывались заплатки из старой

калоши, порезы заклеивались клеем из резины и сероуглерода.

Несмотря на вышесказанное, обеспеченность элементарной одеждой и обувью в рабочей среде оставалась неудовлетворительной. Обыкновенной была ситуация, когда на несколько человек в семье имелась только одна пара обуви или единственная зимняя вещь.

Отметим, что рабочие, как выходцы из крестьян, сохраняли во внешнем облике некоторые черты своего происхождения. Так, большинство из них, исключая высококвалифицированных рабочих, заправляли брюки в сапоги, под пиджак надевали косоворотку, носили картузы, отращивали бороды, а волосы стригли «в скобку». Все вышеперечисленное роднило их с крестьянами. Но по мере увеличения продолжительности городской жизни облик рабочего все более урбанизировался, не допуская проникновения элементов сельской жизни. Например, рабочие не носили шапки-ушанки, которые считались крестьянским головным убором; ушанки заменялись на более приличествующие городским жителям кепки, фуражки и фетровые шляпы, часто после первой же зарплаты.

Как правило, рабочие стремились использовать в своем быту ткани фабричного изготовления: ситцы, габардин, коленкор, нанку, люстрин, плюш и плис. Кроме фабричных тканей, в повседневном быту городских рабочих использовалось и незначительное количество тканей домашнего изготовления. Домотканый текстиль в этой среде использовался преимущественно ограниченное время, а именно в незначительный промежуток после приезда на заработки в город. Впоследствии одежда из домотканины заменялась на модную, изготовленную из более статусных фабричных материй. Интересно, что дольше прочих видов одежды из домотканой льняной, прочной и приятной, материи изготавливалось именно нательное белье, которое было скрыто от чужих глаз.

Отдельно отметим внешний облик высококвалифицированных кадровых рабочих и

рабочей интеллигенции, которые, благодаря своему образовательному уровню и относительному достатку, стремились копировать моду аристократии, преобразуя ее в соответствии со своими культурными идеалами. Подражание становилось тем более возможным технически, чем шире в этой среде распространялась грамотность, дававшая возможность использовать руководства «Как превратиться в парижанку», «Как выбирать, примерять и носить платье» и т. п. Однако в силу малочисленности данной группы ее культурные стереотипы не оказывали заметного влияния на облик рабочих.

В национальных регионах Российской империи происходили те же процессы, что и в целом по стране. Городской внешний облик был одним из средств ассимиляции и обрусения неоднородного по конфессиональному, национальному и этническому составу населения империи.

История формирования и развития костюма городских рабочих служит прекрасной иллюстрацией формирования мировоззрения рабочего класса, которое сложилось к середине 1890-х годов; до этого рабочий воспринимал себя как крестьянина, отошедшего на заработки [10, с. 34]. Результаты исследования, безусловно, дают нам основание утверждать, что костюм, а следовательно внешний облик, является одним из маркеров, определяющих менталитет рабочего пореформенной России. Усвоение мигрантами из деревни манеры ношения городского костюма было значимым моментом в их адаптации к городской жизни и социальной трансформации.

Рабочий класс, количественно выделяясь в городской среде пореформенной России, оказывал определяющее воздействие на внешний облик городского населения. Главным формообразующим фактором во внешнем облике рабочих был их костюм, на формирование и развитие которого определяющее воздействие оказали процессы, последовавшие за буржуазно-демократическими реформами 1860–1870-х годов, а именно урбанизация и индустриальная модернизация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миров, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского

общества и правового государства [Текст]. В 2 т. Т. 1 / Б.Н. Миров. – 3-е изд., испр. – СПб.: Дм. Буландин, 2003.

2. **Энгел, Б.А.** Из бабы в даму? Преобразование Евдокии Куликовой [Текст] / Б.А. Энгел // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков (Материалы междунар. коллоквиума, Санкт-Петербург, 14–17 июня 2004 года). – СПб.: Европейский дом, 2009.

3. **Кольцов, Д.** Рабочие в 1890–1904 годах [Текст] / Д. Кольцов // Обществ. движение в России в начале XX века. – В 4 т. Т. 1. Предвестники и основные причины движения. – СПб., 1909.

4. **Дементьев, Е.М.** Фабрика, что она дает населению и что она у него берет [Текст] / Е.М. Дементьев. – 2-е изд. – М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина, 1897.

5. **Давыдова, С.А.** Очерк кружевной промышленности в России [Текст] / С.А. Давыдова // Кустарная промышленность России. Женские промыслы в очерках С.А. Давыдовой, Е.Н. Половцовой, К.Г. Беренс и Е.О. Свищерской. – СПб., 1913.

6. **Валетов, Т.Я.** Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX – начала XX века [Текст] / Т.Я. Валетов // Социальная история. – М.: РОССПЭН, 2008.

7. **Роспись** приданого [Текст] // Сергиев Посад: Кукуевка: еще о Красюковке. Т.Н. Шпанькова. – Сергиев Посад: Все для вас, 2010.

8. **Крузе, Э.Э.** Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 годах [Текст] / Э.Э. Крузе; под ред. Т.М. Китаниной. – Л.: Наука, 1981.

9. **Центральный** исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 199. Оп. 2. Д. 574. Об. 38, 41, 43, 45, 128.

10. **Ульянова, С.Б.** История трудовых отношений в России [Текст]. Ч. 1. Трудовые отношения в промышленности / С.Б. Ульянова. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009.

REFERENCES

1. **Mironov B.N.** The Social History of Imperial Russia (XVIII – early XX cent.). The genesis of the individual, the democratic family, the civil society and the rule-of-law state. Vol. 1. St. Petersburg, Dm. Bulanin, 2003.

2. **Engel B.A.** From Peasant Woman into Lady? The Transformation of Evdokia Kulikova. *The Culture of Russian Empire Towns at the turn of the XIX–XX centuries* (Proceedings of the International Colloquium, St. Petersburg, 14–17 June 2004 year). St. Petersburg, Evropejskij Dom, 2009.

3. **Kol'cov D.** Workers in the years 1890–1904. *Social Movement in Russia in the Beginning of XX century*. Vol. 1. Harbingers and the main causes of movement. St. Petersburg, 1909.

4. **Dement'ev E.M.** The Factory, That it Gives to the Population and That it Takes Him. Moscow, Publ. T-va I.D. Sytina, 1897.

5. **Davydova S.A.** Essay Lace Industry in Russia. *Cottage industry of Russia. Women Trades in essays by S.A. Davydova, E.N. Polovcova, K.G. Berens and E.O. Sviderskaya*. St. Petersburg, 1913.

6. **Valetov T.Ja.** Than working people lived in the Russian Empire cities in the late XIX – early XX century. The Social History. Moscow, ROSSPAN, 2008.

7. The List of Dowry. *Sergiev Posad: Kukuevka: More about Krasjukovka*. T.N. Shpan'kova. Sergiev Posad, Vsjo dlja Vas, 2010.

8. **Kruze E.E.** Working and living conditions of the working class in Russia in 1900–1914 years. Ed. by T.M. Kitanina. Leningrad, Nauka, 1981.

9. Central Historical Archive of Moscow. F. 199. Op. 2. D. 574. Ob. 38, 41, 43, 45, 128. (rus.)

10. **Ul'janova S.B.** The History of Labor Relations in Russia. P. 1. The Industrial Relations. St. Petersburg, Publ. Politechnical Univ., 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ШАПИРО Бэлла Львовна – преподаватель кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин Сергиев-Посадского филиала Высшей школы народных искусств (Института).

141300, Сергиев Посад, Северный пр., 5
b.shapiro@mail.ru

SHAPIRO Bella L. – *Sergiev Posad branch of the High School of Folk Arts (Institute)*.

Severnyj pr., 5, Sergiev Posad, Russia, 141300
b.shapiro@mail.ru

УДК 314.174:325.14

А.С. Матвеевская, С.Н. Погодин

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Anna S. Matveevskaya, Sergei N. Pogodin

METHODOLOGICAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF IMMIGRANTS' INTEGRATION IN COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE

Аннотация

Выделены и охарактеризованы основные аспекты интеграции иммигрантов. Рассмотрены аспекты интеграции, оказывающие существенное влияние на процесс включения переселенцев в новое для них общество. Проведен анализ влияния иммиграционных процессов на экономическую и социальную жизнь стран Северной Европы. Оценена эффективность принятых северными странами Европы программ, нацеленных на интеграцию иностранцев в свои общества.

Ключевые слова

ИММИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА, ПРОГРАММЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ.

Abstract

Isolated and characterized the major aspects of immigrants' integration. Considered aspects of integration that has a significant impact on the process of immigrants' integrating into a new society. Carry out an analysis of the impact of immigration processes in the economic and social the Nordic countries' life. Evaluate the effectiveness of the northern countries of Europe programs aimed at the integration of foreigners into their society.

Keywords

IMMIGRATION PROCESSES, POLITICS OF MULTICULTURALISM, SOFTWARE INTEGRATION OF FOREIGNERS.

Миграционные процессы в современном мире внесли значительные изменения в этническую характеристику населения европейских стран. Существующее многообразие культур и наций в них связано прежде всего с возросшими миграционными потоками после окончания Второй мировой войны на фоне роста экономики этих государств. Формы и масштабы миграции обусловили возникновение комплекса сложных социально-экономических, политических, а также морально-психологических проблем. Огромные потоки переселенцев

заставили власти и общественные структуры европейских стран разработать новые подходы к миграционной политике.

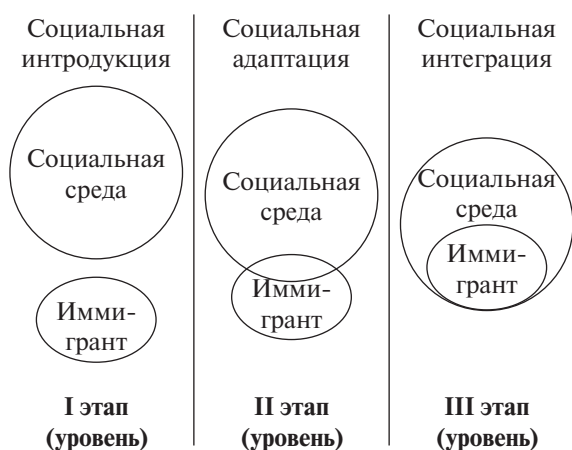
При попадании в иную социальную среду у отдельно взятого человека или даже целой группы людей появляется потребность в приспособлении не только к иной культуре, другой социальной организации, но и к новому физическому пространству жизни с его природно-географическими, экологическими и климатическими факторами. Политические и экономические условия жизни также стано-

вятся новыми для переселенцев. Такой процесс приспособления к комплексу разноплановых свойств новой среды обитания происходит обычно сложно. Успешность включения иммигрантов в новое общество проявляется в разных направлениях. С одной стороны, этот процесс влияет на самочувствие переселенца, а с другой – на социально-экономическую и политическую стабильность в обществе в целом.

Степень вовлеченности переселенцев в образовательные и культурные инициативы, конкурентоспособность, преодоление их дискриминации на рынке труда, обеспечение равных социальных гарантий и другие условия влияют на успешность адаптации этнических меньшинств в мультикультурных обществах. Под адаптацией мигрантов мы понимаем процесс принятия переселенцев в новое сообщество при условии взаимоуважения прав и обязательств как мигрантов, так и принимающего социума, гарантирующего доступ к различным видам услуг, рынку труда и уважение культурных ценностей.

Многие исследователи в своих научных работах, освещающих процесс «вхождения» иммигрантов в новую социальную среду, не дают четкого разграничения терминов «интеграция» и «адаптация». На наш взгляд, рассматривая внешнюю (международную) миграцию, следует различать три уровня «вхождения» переселенцев в новое общество (см. рисунок).

Уровни социальной интеграции

Первый уровень приживаемости иммигрантов на новом месте жительства, по нашему

мнению, – это процесс интродукции. Данный термин может быть использован для определения переселенцев, приехавших в страну с целью первичного знакомства с условиями жизни, выявления перспектив своей работы, а также приезжающих на короткий срок без определенного желания остаться в стране на длительное время.

Как второй уровень приживаемости иммигрантов мы выделяем процесс социальной адаптации с ее основными аспектами: трудовыми, политическими, юридическими и культурно-духовными. Требуются большие усилия для достижения переселенцами уровня приживаемости, при котором мигранты становятся полноправными участниками принимающего их социума.

Интеграция – третий и последний уровень «вхождения» иммигрантов в социум. Его, видимо, следует понимать как окончательный результат приспособления личности или социальной группы к обществу с иными социокультурными и этническими характеристиками. Именно интеграция способна обеспечить полное уважение прав и обязательств с обеих сторон, она обеспечивает доступ бывшим переселенцам к различным видам услуг и рынку труда, гарантирует социальные свободы.

В мировой практике сегодня выделяют три основные модели интеграции иммигрантов.

Французская модель – республиканская – заключается в том, что в основу предоставления гражданства положена идея присоединения к общественному договору («право почвы»). Целью политики Франции по вопросу интеграции является ассимиляция иммигрантов через общественные институты.

Немецкая модель – этническая, при которой гражданская принадлежность основывается прежде всего на родстве («право крови»), а также на языковой, культурной и религиозной общности. Данная модель не принуждает этнические общины иностранцев к ассимиляции, государство не ставит основной задачей превратить иммигрантов в граждан своей страны.

Англосаксонская модель – поликультурная, основывается на том положении, что представители всех групп в обществе обладают равными гражданскими правами на сохранение своей идентичности и культурной самобытности. Эти права могут быть закреплены в законодательных

актах государства. Яркими примерами стран, где развита поликультурная модель интеграции, являются Австралия, Канада, США и Швеция [1].

Многие авторы подразумевают под термином «интеграция» взаимное существование культур мигрантов и местного населения или ассимиляцию переселенцев среди местного населения. П. Стокер, например, понимает под интеграцией иммигрантов «состояние, которое может быть достигнуто через ассимиляцию либо через взаимное сосуществование различных культур, либо через комбинации этих двух состояний» [2, с. 84].

Таким образом, результаты двух основных способов интеграции можно представить в виде схемы (см. таблицу). В данной системе мы исходим из существования различных сфер интеграции: политической, экономической,

культурно-духовной. Как показано на схеме, между некоторыми результатами ассимиляции и взаимного сосуществования культур нет принципиальных отличий, но по некоторым положениям имеется целый ряд расхождений, например отличия, касающиеся культурно-духовной интеграции.

Как идея ассимиляции, так и идея взаимного сосуществования культур имеют своих сторонников и противников. Принцип ассимиляции обвиняют в расизме: считается, что в таком обществе не ценят национальные традиции и культуру этнических меньшинств. Противники взаимного сосуществования культур обвиняются в недемократичности, нарушении идеалов равных прав и поддержке расизма. Существует мнение о появлении риска создания особых гетто по этническому принципу и, сле-

Сферы и способы интеграции иммигрантов в новое общество

Сферы (виды) интеграции	Способы интеграции		Критерии интегрированности
	Ассимиляция	Взаимное сосуществование культур	
Политическая	<ul style="list-style-type: none"> • Натурализация • Отсутствие ограничений на передвижение • Возможность реализации избирательных прав 		<ul style="list-style-type: none"> • Гражданский статус иммигранта
	<ul style="list-style-type: none"> • Замена этнической идентичности на гражданскую 	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность идентифицировать себя с определенной этнической, религиозной или территориальной общностью 	<ul style="list-style-type: none"> • Национальный состав
Экономическая	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность получения работы • Возможность иметь равный доход с местным населением • Возможность получения любых социальных благ • Возможность реализации предпринимательского потенциала • Возможность приобретения недвижимости и реализация имущественных прав 		<ul style="list-style-type: none"> • Уровень занятости • Уровень безработицы иммигрантов • Уровень доходов иммигрантов
Культурно-духовная	<ul style="list-style-type: none"> • Свободный доступ к образованию • Знание и свободное владение языком страны проживания 	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность учить и говорить на родном языке • Возможность получения традиционного национального образования 	<ul style="list-style-type: none"> • Уровень образования иммигрантов • Уровень владения языком страны пребывания • Наличие национальных школ
	<ul style="list-style-type: none"> • Принятие основной религии страны проживания 	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность исповедовать прежнюю религию 	<ul style="list-style-type: none"> • Конфессиональный состав • Наличие культовых учреждений
	<ul style="list-style-type: none"> • Принятие культуры страны проживания • Отказ от национальных традиций 	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность развивать и пропагандировать национальную культуру и искусство • Возможность придерживаться национальных традиций • Возможность компактного проживания с родственниками и представителями своей этнической группы 	<ul style="list-style-type: none"> • Наличие этнических территориальных общностей

довательно, ограничения в правах этнических меньшинств.

Исходя из описанных выше вариантов, следует признать, что в настоящее время достаточно редко интеграция иммигрантов и представителей этнических меньшинств происходит по четко сформулированному плану. На наш взгляд, как ассимиляция, так и взаимное сосуществование культур представляют собой скорее идеализированные модели интеграции иммигрантов, провозглашаемые правительствами различных стран в качестве направления национальной и миграционной политики.

В отдельных европейских государствах существуют различные позиции в отношении интеграции переселенцев. Их условно можно разделить на две группы.

Первую группу государств, придерживающихся в большей степени политики ассимиляции, представляют Франция, Швейцария и Германия. Так, например, получение и сохранение общества, где все индивидуумы были бы свободны и равны, — главная цель политики Франции. Осуществляется это через натурализацию, когда переселенец становится гражданином страны, независимо от места рождения и миграционного передвижения, расовой и этнической принадлежности. Существенную роль в этом процессе играет система школьного образования, при которой обучение детей нацелено на воспитание единого французского народа.

Бельгия, Нидерланды, Великобритания, Финляндия, Дания и Швеция являются представителями второй группы государств, где правительства основываются на политике взаимного сосуществования культур. Так, например, созданный еще в 1962 году в Великобритании Совещательный совет по иммиграции постановил, что «национальное образование должно привести к вечному сосуществованию культур меньшинств» [3, с. 76]. В 1968 году министр внутренних дел Великобритании призвал «не к продолжению процесса сведения всех к однообразию, а к обеспечению культурных различий, соединенных с равными возможностями, в атмосфере взаимной терпимости» [Там же. С. 81].

Сегодня интеграционная политика в основном развита в западных странах, но для большей эффективности данного направления каждое отдельное государство должно найти

свой собственный подход с учетом своих конкретных обстоятельств. В зависимости от того, как принимающая страна и общество рассматривают вопросы национальной принадлежности и культурного своеобразия, должен быть сформирован подход к интеграции, взятый в конкретном контексте.

Скандинавские страны и Финляндия — регион, который обладает значительным опытом по отправлению и приему мигрантов. Однако стремительные перемены в составе населения привели к затруднениям во взаимопонимании местного населения и приезжих. Процесс интеграции переселенцев становится все более актуальным вопросом в иммиграционной политике этих стран.

После Второй мировой войны Данией, Исландией, Норвегией, Швецией и Финляндией был совершен настоящий интеграционный прорыв, ознаменовавшийся подписанием «Северного соглашения», в рамках которого с 1954 года функционирует «Общескандинавский рынок труда», охватывающий в настоящее время все пять стран региона [4, с. 10]. По данному Соглашению установлены взаимные права граждан государств на въезд, проживание и работу без ограничений.

Наряду с этим богатые северные государства привлекают и жителей других стран. Скандинавский рынок труда является одним из самых привлекательных для граждан ЕС, особенно выходцев из Балтийских стран и Польши. Среди прочих иностранных граждан, приезжающих в Скандинавию, можно выделить выходцев из стран бывшего социалистического лагеря, Африки, а также различных арабских государств.

Резкое увеличение числа иммигрантов, рост среди них удельного веса беженцев привели к напряженности в области политики по вопросам миграции. Механизмы, действовавшие в условиях относительно небольших потоков иммиграции, перестают быть эффективными. Начиная с 1970-х годов политика северных государств по отношению к иммигрантам становится все более ограниченной. В настоящее время въезд в эти страны разрешен только для беженцев и для въезжающих в связи с воссоединением семей.

В последнее время Северная Европа из региона, «благоприятного для иностранцев»,

превратилась в крупнейший пункт притяжения переселенцев. Во многом это произошло из-за либеральной политики самих государств, миграционное которых законодательство предоставляет значительные льготы для лиц, въезжающих в страну, делая этот регион своего рода «раем для иностранцев».

Столкнувшись с наплывом «нежелательных» иммигрантов, некоторые из стран, в частности Дания и Норвегия, были вынуждены ужесточать свое законодательство. Миграционная политика Швеции и Финляндии более либеральна. Причинами этого являются старение населения и нехватка квалифицированной рабочей силы. Вторая особенность стран Северной Европы заключается в том, что сегодня в условиях экономического кризиса они вынуждены ужесточать правила приема иностранцев в целом.

В Норвегии миграционное законодательство на современном этапе строится на следующих принципах. Во-первых, главной целью иммиграционной политики этой страны является обеспечение ее стабильного экономического и социального развития. Правительство поставило перед собой задачу работать над созданием терпимого, многонационального общества и бороться с расизмом. Все должны иметь одинаковые права, обязанности и возможности, независимо от этнического происхождения, пола, вероисповедания, сексуальной ориентации или дееспособности [5].

В настоящее время в Норвегии действуют следующие нормативные акты, которые регулируют миграционные вопросы: Закон об иностранцах от 24.06.1988 г.; Закон о гражданстве от 01.09.2006 г.; Закон об интеграции от 04.07.2003 г. Среди основных нововведений в норвежском миграционном законодательстве за последние годы надо выделить следующие:

- полная или частичная реорганизация ведомств, занимающихся вопросами иммигрантов;
- поправки в основные законы, регулирующие иммиграционные вопросы;
- новые законы, например Закон о гражданстве;
- новая программа интеграции иностранцев в норвежское общество [Там же].

Данная программа работает на основе Закона об интеграции (2003). Цели программы: обучение норвежскому языку, предоставление

информации о норвежском обществе и подготовка к выходу на рынок труда или продолжению образования. Обучение норвежскому языку и обществоведению организовано таким образом, чтобы приобретенных знаний было достаточно для участия на рынке труда и в общественной жизни страны. Новые иммигранты имеют право и/или обязаны посетить 300 часов курсов норвежского языка и обществоведения. По новым правилам, иностранец обязан пройти данное обучение или документально доказать знание норвежского прежде, чем сможет получить норвежское гражданство.

Однако настроения норвежцев относительно мигрантов часто крайне негативные. «Мы намерены сократить число беженцев минимум в 10 раз уже за первые 100 дней своего пребывания у власти», – заявила Партия прогресса, за которую, согласно данным выборов, проведенных в сентябре 2009 года, проголосовали 22,9 % избирателей [6]. В целом за последние годы эта партия небывалыми темпами набирает популярность в основном благодаря своим жестким требованиям к иммиграционному законодательству.

В своей «Стодневной программе», выпущенной накануне выборов 2009 года, Партия прогресса официально поставила целью снижение потока новых беженцев на 9 %. В 2008 году она призывала «избегать неграмотных и неблагополучных категорий переселенцев, которые не могут адаптироваться в Норвегии». К таким иммигрантам партия причисляла выходцев из Сомали, Афганистана и Пакистана [Там же].

Представители данной партии К. Андерсен и К. Тюбринг-Йедде полагают, что непродуманная миграционная политика ставит под угрозу само существование норвежской культуры и национальной идентичности. «Мы любим Норвегию и ценим национальную принадлежность и идентичность, которую воплощает ее культурная общность, и мы с удивлением смотрим на то, как эта общность распадается и поддается непродуманной политикой в отношении иммигрантов» [Там же].

По данным Статистического бюро Норвегии, полученным в июле–августе 2012 года в результате опроса, доля норвежцев, положительно настроенных по отношению к приезжим, увеличилась на 5 % по сравнению с 2011 годом. Большинство опрошенных считают, что им-

мигранты вносят важный вклад в экономику страны. По-видимому, это связано с нынешним восстановлением экономики Норвегии в сочетании с высоким уровнем трудовой миграции.

Исследование показало, что более половины норвежцев согласны с утверждением, что «большинство иммигрантов насыщают культурную жизнь страны», а 86 % опрошенных утверждают, что переселенцам должны быть предоставлены такие же условия трудоустройства, какие имеют остальные граждане. Утверждения, что многие иммигранты злоупотребляют системой социального обеспечения, а также являются источником нестабильности в обществе, поддержала одна треть опрошенных граждан, в то время как каждый второй респондент не согласен с этим. В вопросе о статусе беженцев и лиц, ищущих убежище, норвежцы разделились примерно на равные части. Одни (43 %) считают, что процедура получения вида на жительство в Норвегии должна быть усложнена, другие (44 %), напротив, убеждены, что ее нужно оставить в нынешнем варианте, и только 7 % предлагают упростить эту процедуру.

Надо заметить, что данное исследование проводилось в то время, когда в стране 22 июля 2012 года был совершен теракт, направленный против иностранных граждан. В связи с этим можно отследить настроения норвежского общества по отношению к иммигрантам до и после трагедии. Выяснилось, что реакция опрошенных на ряд вопросов после 22 июля оказалась более позитивной, чем за неделю до этого. Наиболее яркий пример: на вопрос «Являются ли иммигранты источником нестабильности в обществе?» отрицательный ответ дали 70 % из респондентов, отвечавших после теракта, и лишь 48 % из отвечавших до этих событий [7].

В Дании действует наиболее жесткое законодательство по регулированию миграции. Из-за ухудшения отношения к мигрантам в политических кругах этой страны и в обществе в целом сложилось убеждение, что проводившаяся политика интеграции потерпела провал. Сама миграция рассматривалась как «угроза будущему благосостоянию страны в экономическом, культурном и религиозном отношении» [8, с. 120].

Парламентские выборы, проходившие в Дании осенью 2012 года, привели к победе социал-демократическую партию во главе с Х. Торнинг-Шмитт, первой в истории страны

женщиной-премьер-министром, которая планирует ослабить миграционное законодательство Датского Королевства. В частности, новое правительство намерено упростить процедуру получения гражданства Дании, отменив прежнюю балльную систему [9]. Правоцентристское правительство, возглавлявшее парламент Дании до 2012 года, разработало систему накопления баллов как меру по снижению уровня миграции. Для того чтобы получить вид на жительство в стране, переселенец должен был набрать 100 баллов, которые накапливались им в зависимости от уровня образования и владения датским языком, возраста, опыта работы, а также способности к адаптации.

Нынешний кабинет предполагает либерализовать миграционную политику Дании. Так, социал-демократы собираются снизить требования к знанию языка, которые необходимы для получения гражданства. Пересмотр миграционных правил был заявлен социалистами еще в их предвыборной кампании. Генеральный секретарь социал-демократов Г. Дам Кристенсен заявил: «Мы сделали очень сложной процедуру получения права на постоянное проживание. И после того, как в конце концов вы его получаете, вам все равно чрезвычайно сложно стать гражданином Дании» [Там же]. Тем не менее правило, в соответствии с которым переселенцы на территории страны не имеют право вступать в брак до достижения ими 24-летнего возраста, новый кабинет пока отменять не намерен. Ввиду таких ограничений многие иммигранты из мусульманских стран предпочитают селиться в соседней Швеции.

В Финляндии главным документом, в котором прописаны основные меры интеграционной политики, является новый Закон об интеграции иммигрантов, вступивший в силу в 2011 году. Основная цель обновленного закона – ускорить процесс интеграции иммигрантов в новое общество. Муниципалитеты наделены новыми обязанностями для осуществления интеграционной деятельности. Так, например, по новому закону, для всех желающих необходимо составить первоначальное исследование, чтобы выявить, в каких именно услугах нуждается переселенец, какие направления развития его больше интересуют и т. д. Планируется также наладить тесное сотрудничество с биржами труда и другими организациями.

Однако следует отметить, что сегодня интеграционная политика Финляндии в известной мере противоречива. В Законе об интеграции главенствует принцип мультикультурализма, но на практике основной тенденцией является приобщение иностранцев к финской культуре, т. е. процесс ассимиляции. Получение иммигрантом финского гражданства возможно лишь при наличии необходимых условий: достижение возраста 18 лет, постоянное проживание в стране более 5 лет, отсутствие судимости, постоянный источник дохода, владение финским или шведским языком.

Согласно результатам исследования, проведенного Британским советом и Брюссельской группой в 2010 году в странах Евросоюза, Швейцарии, Канаде и США, по показателям успешности интеграционной политики Финляндия заняла 4-е место, но, тем не менее, она не поощряет иммигрантов к долгосрочному пребыванию в стране и к переселенцам здесь предъявляются достаточно жесткие языковые требования [10].

Швецию можно отнести к европейским странам, лидирующим по показателям эффективности осуществления социальной политики в отношении мигрантов. Результаты исследования 2010 года в области успешности интеграционной политики определили первенство этой страны: ее «индекс интеграционной политики» (Migrant Integration Policy Index – MIPEX) составил 83 % [Там же]. Для точного расчета было использовано 148 различных показателей, которые должны были отобразить объективную картину в шести основных областях, влияющих на быстроту и успешность адаптации иммигрантов в новой среде: доступность рынка труда; возможность воссоединения семьи; получение вида на жительство; возможность участвовать в политической жизни, выборах, референдумах; получение гражданства; равенство прав иммигрантов и местных жителей. Швеция заняла лидирующие позиции по всем этим критериям и, таким образом, подтвердила статус самой благоприятной страны с идеальными условиями для адаптации иммигрантов.

Министерство по вопросам интеграции иммигрантов было создано в Швеции в 1996 году. Она была признана государством, следующим политике мультикультурализма, однако обсуждалась необходимость сохранения «шведского

культурного наследия». Уже в 1998 году политика интеграции была принята в законодательстве, было создано Национальное управление по вопросам интеграции под лозунгом «Швеция, будущее и поликультурное общество – от иммиграционной политики к политике интеграции» [4, с. 108]. Такая политика интеграции имела ряд целей: сообщество, основанное на разнообразии; равные возможности, независимо от происхождения; взаимное уважение и терпимость в обществе.

Политика индивидуальной интеграции и равенства была поддержана рядом антидискриминационных законов. Швеция не имеет единого закона о не дискриминации – эти положения могут быть найдены в Уголовном и Гражданском кодексах. Кроме того, существует ряд законов, запрещающих дискриминацию, влекущих наказания и ответственность за дискриминационные действия. Некоторые из них прямо или косвенно относятся к иммигрантам: Гендерный Закон о равенстве (1991), Меры по противодействию этнической дискриминации в сфере труда (1999), Закон о равном статусе студентов в системе высшего образования (2001), Запрет на дискриминацию в законе (2003). Незаконная дискриминация рассматривается также в Уголовном кодексе. Существует ответственность за высказанные акты ненависти в средствах массовой информации или на информационных щитах.

Направлениями интеграционной политики Швеции являются, в частности, предоставление помощи нуждающимся в защите, внедрение в общество идей, связанных с доброжелательным и положительным отношением к иностранцам, и устранение всевозможных предрассудков. Работа в этой области поможет улучшить не только социально-политическую обстановку в стране (снизить показатели преступности, повысить число трудоспособного населения, повысить уровень образования иммигрантов), но и экономическую. Например, это поможет привлечь больше иностранных инвестиций, предотвратить утечку из страны капитала и крупных производств из-за высоких налогов.

Несмотря на все усилия правительств государств Северной Европы, проблемы иммигрантов все более волнуют рядовых избирателей, растут националистические настроения, партии, провозглашающие националистиче-

ские лозунги, становятся все более популярными. Особенно это касается Дании и Норвегии, где подобные партии (Партия прогресса в Норвегии и народная партия Дании) не только представлены в парламенте, но имеют успех у избирателей. В сентябре 2010 года правоцентристская партия «Шведские демократы» все-таки преодолела 5-процентный барьер и получила места в риксдаге. Хотя, как известно, ни одна из праворадикальных националистических партий до сих пор не смогла сформировать свое собственное правительство ни в одной из северных стран.

Пример Скандинавских государств и Финляндии демонстрирует, что правительство может взять на себя ответственность путем создания различных программ. Однако само общество должно быть готово к мультикультурализму. В противном случае нагнетания социальной напряженности избежать не удастся. Принятие обществом новичков может и должно быть определено путем создания правовых рамок в области исключения дискриминации и утверждения равенства в социальных правах.

Ценным источником информации для понимания проблем интеграции и разработки эффективной стратегии по их решению является опыт отдельных мигрантов, который можно использовать для идентификации нужд и препят-

ствий, возникающих при внедрении политических программ, и определения эффективных путей включения в новое общество конкретных категорий переселенцев. Внутри правительственных организаций действия необходимы на всех уровнях — национальном, региональном, местном. Основой для развития эффективной интеграционной политики и практических методов является партнерство между участниками на национальном и международном уровнях, причем правительства должны играть центральную роль в содействии и поддержке развития и реализации этих партнерств. Некоторые интеграционные стратегии наиболее эффективно могли бы быть реализованы через международное сотрудничество. Многосторонние соглашения и региональные консультативные процессы обеспечивают дальнейшие возможности для достижения взаимной пользы.

Таким образом, эволюция миграционных процессов явилась одним из определяющих факторов формирования и развития многих глобальных проблем общества в XXI веке. Это определило необходимость разработки и внедрения новых подходов в миграционной политике, которая должна способствовать достижению и поддержанию баланса интересов международных акторов, участвующих в процессах миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Рязанцев, С.В.** Опыт и проблемы регулирования миграционных потоков в странах Западной Европы [Текст] / С.В. Рязанцев; Ин-т социал.-полит. исслед. РАН, Центр соц. демографии. — М.: Изд-во ИСПИ, 2001. — 71 с.
2. **Стокер, П.** Работа иностранцев: обзор международной миграции рабочей силы [Текст] / П. Стокер. — М., 1995.
3. **Рыбаковский, Л.Л.** Миграция населения: прогнозы, факторы, политика [Текст] / Л.Л. Рыбаковский. — М.: Наука, 1987. — 199 с.
4. **Северная Европа.** Регион нового развития [Текст] / под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. — М., 2008. — 508 с.
5. **Рейерсен, Т.** Изменения в миграционной политике Норвегии [Электронный ресурс] / Т. Рейер-

сен // Европейский русский альянс. — 2010. — Режим доступа: <http://eursa.eu/node/1444>.

6. Электронный ресурс. Официальный сайт Партии прогресса Норвегии — *Fremskrittspartiet*. — Режим доступа: <http://www.frp.no>.

7. **Nordic Statistical Yearbook** [Text]. — Vol. 54. — Stockholm, 2012. — P. 73–98.

8. **Денисенко, М.Б.** Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада [Текст] / М.Б. Денисенко, О.А. Хараева, О.С. Чудиновских. — М., 2005. — 324 с.

9. **Denmark will erase the borders.** 5 October 2011 [Electronic resource] // *The Copenhagen post*. — Access mode: <http://cphpost.dk/>.

10. **MIPEX** — Migrant Integration Policy Index [Electronic resource] // Migrant Integration Policy Index. — Access mode: <http://www.mipex.eu>.

REFERENCES

1. **Ryazancev S.V.** The experience and the management of migration flows in Western Europe. Russian Academy of Sciences, Institute of social.-polit. research, Center of social demographics. Moscow, ISPR, 2001. 71 p.
2. **Stoker P.** Job of foreigners: Overview of international labor migration. Moscow, 1995.
3. **Rybakovsky L.L.** Migration of population: projections, factors, policy. Moscow, Nauka, 1987. 199 p.
4. Northern Europe. The region of new development. Ed. J.S. Deryabina, N.M. Antyushina. Moscow, 2008. 508 p.
5. **Reiersen T.** Changes in Norway's immigration policy. European Russian alliance. 2010. Access mode: <http://eursa.eu/node/1444>.
6. Fremskrittspartiet. Access mode: <http://www.frp.no>.
7. Nordic Statistical Yearbook. Vol. 54. Stockholm, 2012. Pp. 73–98.
8. **Denysenko M.B., Kharaeva O.A., Chudinovskikh O.S.** Immigration policy in the Russian Federation and Western countries. Moscow, 2005. 324 p.
9. Denmark will erase the borders, 5 October, 2011. *The Copenhagen post*. Access mode: <http://cphpost.dk/>.
10. MIPEX – Migrant Integration Policy Index. *Migrant Integration Policy Index*. Access mode: <http://www.mipex.eu>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

МАТВЕЕВСКАЯ Анна Сергеевна – старший преподаватель кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; кандидат географических наук.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
Annamatveevskaya@mail.ru

МАТВЕЕВСКАЯ Анна S. – *St. Petersburg State University*.
Universitetskaya nab., 7-9, St. Petersburg, Russia, 199034
Annamatveevskaya@mail.ru

ПОГОДИН Сергей Николаевич – заведующий кафедрой международных отношений Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор исторических наук, профессор.
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
Pogodin56@mail.ru

POGODIN Sergei N. – *St. Petersburg State Polytechnical University*
Politekhnicheskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
Pogodin56@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 340.12=826

В.В. Домаков

**ДЕМОКРАТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ
В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ**

Viacheslav V. Domakov

**SIMILARITIES IMPLEMENTED IN BELARUS DEMOCRACY ITS THEORETICAL
AND LEGAL NOTIONS IN A CHANGING ECONOMIC CONDITIONS**

Аннотация

В статье показано, что в Республике Беларусь реализуется принятая в мире схема западной «квазидемократии», которая по результатам обеспечивает интересы белорусского народа, а потому по своей сути она близка к теоретико-правовому представлению демократии, ориентированному на меняющуюся среду хозяйствования. Отмечено, что в мире любая власть базируется на собственности, поэтому в основе демократии должна лежать публичная и частная собственность, которые и являются теоретико-правовой основой демократии как таковой. Их введение в принципе меняет структуру собственности, исключает фиктивную необходимость деления власти на ветви и четко определяет функции социальных институтов только по управлению (распоряжению) объектами собственности в интересах общества и его предприимчивой части, а также пользованию ею.

Ключевые слова

ВЛАСТЬ, ДЕМОКРАТИЯ, КВАЗИДЕМОКРАТИЯ, ВОЖДЕСТВО, СОБСТВЕННОСТЬ, ПУБЛИЧНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Abstract

The article shows that Belarus has adopted a scheme for world-Western “quasi-democracy”, which provides the results of the interests of the Belarusian people, but because at its core, it is close to the theoretical and legal representation of democracy, centered on the changing economic environment. It is noted that any government in the world is based on the property, and therefore at the heart of democracy, should reap le-public property and private property, which are the theoretical to the legal basis of democracy itself. Their introduction to the principle of changing the ownership structure, eliminates the need for a fictitious division of power in the branches, and clearly defines the roles of social institutions only management (disposal) by the objects of property in the public interest and his adventurous side, as well as the Polishization of it.

Keywords

POWER, DEMOCRACY, QUASI-DEMOCRACY, CHIEFDOM, PROPERTY, PUBLIC PROPERTY, PRIVATE PROPERTY.

Проблемы демократии, как правило, связываются с государством, которое, по Аристотелю, предназначено для реализации трех основных функций:

- обеспечить возможность предприимчивой части общества получать прибыль (наживу) за счет большинства населения;
- поддерживать с учетом менталитета общества жизнедеятельность большинства на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли;

- стабилизировать такую ситуацию в предположении, что после обогащения предприимчивой части общества сразу же наступит благоденствие большинства. В рамках государства демократия всегда обеспечивалась соответствующими государственными режимами, при этом основным критерием классификации государств по признаку демократизма являлись формы и методы осуществления государственной власти, которая базировалась

на собственности на землю и средства производства. К настоящему времени накоплен значительный опыт и активно продолжаются научные исследования именно в этом направлении. Применительно к стабильной направленности социально-экономической сферы, под которой понимаются общество и экономика (хозяйство страны), связанные хозяйственными отношениями и удовлетворяющие жизненные потребности людей, проблемы демократии нашли отражение в работах Н.Н. Алексеева [1], С.С. Алексеева [2, 3], Е.М. Бабосова [4], С.В. Васильева [5], С.Г. Дробязко [9], Г. Еллинека [10], А.Г. Лукашенко [14], В.С. Нерсеянца [17], Ю.К. Толстого [18], В.Н. Хропанюка [20], Й. Шумпетера [21] и мн. др.

Известно, что критерием истины является практика, и пример такого государства, как Республика Беларусь, подтверждает, что, реализуя указанные выше три основные функции государства, можно и при стабильной направленности социально-экономической сферы получить результаты, сравнительно сходные с теми, которые характерны для теоретико-правового представления демократии как таковой. Это подтверждается в частности тем, что реализуемые высшим руководством Республики Беларусь указанные функции государства в тяжелейших кризисных условиях рынка оказались направлены прежде всего на обеспечение интересов белорусского народа.

Сложившееся в Республике Беларусь положение, по сути, является реализацией одного из первых государственных режимов, базирующихся на идее «вождества», которое активно использовалось во времена конунга Рюрика. Тогда «вождество» воспринималось как иерархически построенная власть, исходящая не столько из господства властвующей элиты над обществом, сколько из необходимости служения ему [11, с. 33–35], и представляло собой «автономную политическую единицу, включающую в себя несколько деревень или общин, объединенных под постоянной властью верховного вождя». Ее стабильность зависела от умения правителя служить людям, обеспечивая их жизнедеятельность и воспроизводство. После смерти Рюрика к власти пришел конунг Олег, который, опираясь на идеи «вождества», объединил под своей властью множество языческих славянских племен (полян, древлян,

кривичей, ильменских славян, а также северян и радимичей), а затем отказался от идеи «вождества» как таковой и наложил на славянские племена тяжелую дань. С тех пор с его легкой руки иерархически построенная на Руси власть стала исходить только из господства властвующей элиты над обществом, которая и была реализована в функциях государства. Надежда на появление доброго вождя, заботящегося о своем народе, пережила века, и люди до сих пор мечтают о правителе, который реализовывал бы иерархически построенную власть, исходящую, как и при конунге Рюрике, не столько из господства властвующей элиты над обществом, сколько из необходимости служения ему.

В этом плане реализация функций государства, проводимая президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, вполне подтверждает возможность реализации в отдельно взятой стране «вождества» и в наше время при ориентации на стабильную направленность социально-экономической сферы. На сегодня Республика Беларусь полностью электрифицирована и газифицирована. Каждый год для одного из 16 районов выделяются бюджетные деньги, на которые производится ремонт дорог, жилых зданий, детских садов, ясель, школ и т. д. Показательно также и высказывание президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, который на предложение президента Российской Федерации В.В. Путина о необходимости срочно завершить в стране приватизацию ответил, что Беларусь не против приватизации вообще, но надо посмотреть, насколько она будет полезна белорусскому народу..

В то же время в странах Запада, где «вождество» не было реализовано ни разу, постоянно слышатся высказывания о том, что Республика Беларусь авторитарное государство, а потому в ней нет и вообще не может быть демократии. Безусловно, речь здесь идет не о демократии как таковой, а именно о «западной демократии», которая представляет собой всего лишь квазидемократию, которая является имитационной, управляемой, манипулируемой, декоративной демократией и ничего общего не имеет с общепринятым пониманием демократии.

Цель нашей статьи – выявить практическое сходство результатов реализуемого в Республике Беларусь при стабильной направленности социально-экономической сферы «вождества»

с возможными результатами, которые могут быть получены при использовании общепринятого понимания демократии в условиях меняющейся среды хозяйствования.

Демократия (др.-греч.: *δημοκρατία*) буквально означает «власть народа» и происходит от др.-греч. *δῆμος* — «народ» и *κράτος* — «власть». Именно как «власть народа» с указанным смысловым наполнением эта базовая категория всегда и воспринималась мировым сообществом [7].

Такое понимание демократии восходит к Древней Греции, где в античных городах-полисах верховной властью обладало собрание, включавшее в себя всех равноправных граждан, число которых редко превышало 10 тыс. человек, при этом женщины и рабы гражданских прав не имели, а потому, по сути, были отторгнуты от такой власти. Такие ограничения, накладываемые на отдельные категории жителей полисов, а также рост населения показали, что власть народа с ростом его численности практически трудноосуществима. Кроме того, наличие в любом стабильном классовом обществе его предприимчивой части (рабовладельцев, феодалов, капиталистов, партийно-бюрократического аппарата при социалистическом строе, появившихся капиталистов и бюрократического аппарата при постсоциалистическом строе), которая обеспечивала свою избыточную жизнедеятельность за счет большинства населения [8], требовало учета в рамках демократии прежде всего ее интересов. Поэтому по мере становления сложившейся цивилизации общепринятое понимание термина «демократия» как власти именно народа было незаметно утрачено, и она стала отвечать в целом только интересам предприимчивой части общества.

Вплоть до XX века демократия предполагала, что полноправным гражданством при стабильной направленности социально-экономической сферы обладает меньшинство населения, а потому остальные фактически исключались из процесса реализации власти. Подтверждением этому является приведенное в Википедии определение демократии как «политического режима, в основе которого лежит метод коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса или на его существенные стадии», при этом отмечается, что, «хотя такой метод применим к

любым общественным структурам, сегодня его важнейшим приложением является государство, так как оно обладает большой властью».

Поскольку при указанных подходах идеал народовластия оказался вообще практически недостижим, то предлагалось множество самых различных моделей квазидемократии. Так, например, до XVIII века наиболее известной моделью была «прямая демократия», где гражданам осуществляли свое право принятия политических решений непосредственно путем достижения консенсуса или с помощью процедур подчинения меньшинства большинству. В такой демократии граждане осуществляли то же право через избранных ими депутатов и других должностных лиц путем делегирования им части собственных прав, при этом выбранные руководители принимали решения с учетом предпочтений руководимых и обещали нести перед ними ответственность за свои действия [21].

Многовековой опыт использования указанной квазидемократии неопровержимо показал, что чем больше в ее рамках была концентрация власти в одних руках, тем выше оказывалась степень злоупотреблений и произвола при полном отсутствии ответственности за свои действия. Поэтому на протяжении всей истории человечества шли постоянные поиски путей устранения в этих условиях тенденций такого рода. Одна из наиболее рациональных идей, высказанная еще Аристотелем, состояла в разделе в рамках такой квазидемократии единой власти на три ветви (законодательную, исполнительную и судебную), которые должны были вверяться в разные руки.

Активными сторонниками и популяризаторами этой идеи, внесшими существенный вклад в ее разработку, были английский философ-просветитель, политический мыслитель и педагог Дж. Локк (1632–1704) и французский философ Ш.Л. Монтескье (1689–1755). Так, по мнению Дж. Локка, безусловный суверенитет народа, включающий его право на поддержку или свержение правительства, нарушающего законы, применительно к его времени мог быть реально обеспечен только обязательным отделением законодательной власти от исполнительной и судебной [13]. Конкретизируя эту тему для своего времени, Монтескье писал: «Когда одному и тому же лицу или одному и тому же составу должностных лиц предоставле-

ны вместе законодательная и исполнительная власти, тогда нет свободы, потому что может оказаться, что монарх или сенат будут издавать тиранические законы, чтобы тиранически исполнять их. Нет также свободы, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной. Если бы она была соединена с исполнительной властью, судья обладал бы достаточной силой, чтобы сделаться угнетателем. Все было бы потеряно, если бы один и тот же человек или корпорация высокопоставленных лиц, или сословие дворян, или, наконец, весь народ осуществляли все три вида власти: власть издавать законы, власть приводить их в исполнение и власть судить преступления и тяжбы частных лиц» [16]. Совершенно очевидно, что в рамках такой квазидемократии даже при наличии всеобщей выборности априорное предположение о том, что ветви власти, составляющие единое целое и реализующие указанные выше функции государства, не станут договариваться друг с другом, а будут являться добросовестными оппонентами друг другу, выглядело исключительно наивным условием выполнения идеи разделения власти.

Тем не менее, не имея ничего лучшего на протяжении последней четверти XX века, весь мир характеризовался общей тенденцией распространения квазидемократии, которую повсеместно и стали выдавать за демократию. Во многих странах она стала отождествляться с «либеральной демократией», которая брала за основу честные, периодические и всеобщие выборы наделенных высшей властью лиц, в ходе которых кандидаты честно должны были бороться за голоса избирателей. Такие честные выборы предполагалось базировать: на верховенстве права, которое, однако, обслуживало интересы предприимчивой части общества; разделении власти на ветви, которые, однако, всегда составляли единое целое и реализовывали указанные выше функции государства; конституционных ограничениях власти путем гарантий определенных личных или групповых свобод, которые, однако, никоим образом не меняли сущность государства, и т. п.

Внешние признаки квазидемократии отмечались и в целом ряде авторитарных режимов, когда властью обладала только одна партия, обеспечивающая интересы предприимчивой части общества, а проводимая политика не за-

висела от предпочтений избирателей. Незначительные различия квазидемократии нивелировались общими для нее проблемами, к числу которых относятся сепаратизм, терроризм, миграция людей и т. п.

Естественно, что представление демократии в варианте «квазидемократии» отличалось исключительно высоким уровнем гомоморфизма и, по сути, ничего общего с народовластием не имело. В то же время следует заметить, что в основе понимания демократии как народного правления, так же как и противоположного ей понятия «самодержавие», лежит общее для них понятие «власть», выступающая формой правления. Представляя собой «право, силу, волю над чем-либо; свободу действия и распоряжения, начальствование» [7, с. 226], власть во все времена базировалась на таком могучем материальном фундаменте, в качестве которого могла выступать только собственность.

Однако в условиях квазидемократии народ, который, по сути, является источником власти [12, ч. 1, ст. 3], был отторгнут от собственности, а стало быть, и от самой власти. Это привело к тому, что применительно к квазидемократии при любых общественных режимах собственность как экономический источник власти определялась либо как объекты собственности, либо как отношение определенных лиц к объектам собственности как к своим, как к принадлежащим им (первая часть), и соответственно — отношение всех других лиц к ним как к чужим, не принадлежащим им (вторая часть) [15, с. 479]. Такое урезанное экономическое представление собственности приобретало специфическую, но обязательную для всех при квазидемократии во времени, в пространстве и по кругу лиц ее правовую трактовку в виде права собственности. Оно включало в себя три правомочия собственников со специфическим их смысловым наполнением, буквально означало:

- «а) владеть, т. е. реально обладать;
  - б) пользоваться, т. е. извлекать выгоду, для которой имущество предназначено;
  - в) распоряжаться, т. е. определять его юридическую судьбу: продавать, дарить, сдавать в аренду, отдавать в залог и т. п.» [6],
- а потому весьма односторонне отражало материальную основу власти предприимчивой части общества и делало ее исходной основой для злоупотреблений и произвола.

Отмеченная неопределенность в представлении собственности при квазидемократии компенсировалась ориентацией общества только на создание стабильных, определяющих среду сосуществования антагонистических классов общественных отношений, в которой, прежде всего, была заинтересована именно предприимчивая часть общества, имеющая в этих стабильных условиях гарантированную возможность получения прибыли за счет большинства. По этой причине такая стабильная направленность поддерживалась всеми известными течениями научной мысли, которые, по сути, отражали историческое движение не по ленинской спирали, а фактически только по кругу [19, с. 5].

Если в рамках квазидемократии власть предприимчивой части общества базируется на частной собственности, а применительно к России также и на формах собственности, то естественно предположить, что при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования народовластие должно базироваться на собственности народа на землю, являющуюся средой обитания людей, с ее природными ресурсами, на средства производства и на частной собственности, оптимальное сочетание которых должно создать условия, в которых люди сами себя кормят, поят, одевают, сами заставляют себя работать, чтобы достойно жить.

Наличие граждан, выступающих в роли сособственников, определяет право их общей совместной собственности, которая приобретает статус публичной собственности, при этом каждый член общества становится сособственником народного достояния без выделения его доли. В публичной собственности право каждого сособственника не ограничивается какой-то конкретной частью общего имущества, а распространяется на всю землю и все имущество, в том числе и на доходы, которые оно приносит, и падающие на него обременения.

Поскольку публичная собственность принадлежит всему народу, то по отношению к другим странам она является односубъектной, и все другие государства как несобственники автоматически обязаны воздерживаться от совершения каких бы то ни было действий, препятствующих такому собственнику в осуществлении по его усмотрению его права публичной собственности.

Введение в рамках народовластия публичной собственности, как было отмечено, не исключает наличия частной собственности с ее социальным фактором. Поскольку и публичная, и частная собственность в рамках демократии должны обладать равными правами при обеспечении наполнения бюджета страны, который используется в интересах и общества, и его предприимчивой части, а только «общее» или только «частное», по мнению профессора М.М. Агаркова, являются крайними, вырожденными случаями, то в условиях демократии появляется возможность установления их оптимального соотношения для максимизации наполнения бюджета.

Введение при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования публичной собственности, с ее ярко выраженной социальной направленностью, и включение ее в эффективный хозяйственный оборот в интересах всего общества и его предприимчивой части с полным основанием позволяют говорить о ее конкурентоспособности по отношению к частной собственности, возможности более эффективного создания материальных благ для всего общества и каждого его члена, в том числе и для частных собственников, что, в общем-то, и наблюдается сегодня в Республике Беларусь. Изложенное с полным основанием позволяет сделать вывод о том, что публичную собственность можно рассматривать как частную, участвующую в хозяйственном обороте и имеющую максимальную социальную составляющую, где все граждане выступают в роли сособственников.

Введение новой материальной основы народовластия, безусловно, требует своего структурного уточнения. С учетом этого в основу морфологического представления публичной и частной собственности следует положить понятие «структура», под которой обычно понимается совокупность некоторых элементов, групп элементов и отношений (связей) между ними. Как видно, это понятие объединяет в единое целое урезанно используемые при квазидемократии экономические представления собственности в виде или объектов собственности, или отношений к ним собственников и несобственников к объектам собственности, но требует дополнительной детализации в отношении собственника — народа, частных собственников и несобственников, которые по характеру отно-

шений друг с другом будут делиться на две категории: несобственников, в отношении которых отсутствует волеизъявление собственника, и собственников, в отношении которых есть волеизъявление собственника и есть согласие этих несобственников (см. рисунок).

Морфологическое представление собственности народа (публичной собственности) и предприимчивой части общества (частной собственности)

Полученное новое структурное экономическое представление публичной собственности определяет возможность взаимодействия субъектов и объектов публичной и частной собственности, что придает им эмерджентные свойства, которыми отдельно объекты и субъекты такой собственности не обладали. В рамках такого структурного представления отношения собственника — народа, частных собственников и несобственников к объектам собствен-

ности представляют собой некоторые отношения (функции, отображения, преобразования), определяющие характер использования объектов собственности, а именно:

1) для собственника:

- **владеть**, т. е. иметь в своей собственности, называть объекты собственности по праву своими, непосредственно определять их юридическую судьбу;
- **пользоваться**, т. е. получать, извлекать пользу из объектов собственности;
- **распоряжаться (управлять)**, т. е. создавать условия для извлечения максимально полезных свойств из объекта собственности без возможности изменять их юридическую судьбу;
- **не нарушать** права третьих лиц;
- **нести** бремя по содержанию объектов собственности;
- **отвечать** за неисполнение обязанностей, ненадлежащую реализацию своих прав и исполнение обязанностей;

2) для несобственников при отсутствии волеизъявления собственника:

- **не владеть**;
- **не пользоваться**;
- **не распоряжаться**;
- **не нарушать** права собственников и третьих лиц;
- **не нести** бремя по содержанию принадлежащих собственнику объектов собственности;
- **отвечать** за неисполнение обязанностей, ненадлежащую реализацию своих прав и исполнение обязанностей;

3) для несобственников при наличии волеизъявления собственника и согласия несобственников:

- **пользоваться** переданными ему собственником объектами собственности для наиболее полного удовлетворения потребностей собственника;
- **распоряжаться** переданными ему собственником объектами собственности для наиболее полного удовлетворения потребностей собственника;
- **нести** оговоренное с собственником бремя по содержанию переданных ему объектов собственности;
- **не нарушать** права собственника и третьих лиц;
- **отвечать** за неисполнение обязанностей, ненадлежащую реализацию своих прав и исполнение обязанностей.

Предложенное структурное представление материальной основы народовластия — публичной собственности в полной мере исключает необходимость деления власти на ветви, поскольку использовать объекты публичной и частной собственности в интересах общества и его предприимчивой части могут работающие по найму на договорной основе, специально обученные, высококвалифицированные специалисты, входящие в состав органов управления и социальных институтов. Использовать (пользоваться и распоряжаться — управлять) такие объекты собственности, как показывает опыт «вождества» в Республике Беларусь, становится возможным при наличии волеизъявления собственника — народа, частных собственников и при согласии таких органов управления и социальных институтов, что в полной мере может определяться не результатами выборов, а только квалификацией работников и договорными отношениями. Эти договорные отношения могут быть заключены собственниками с различными органами управления и социальными институтами, которые будут выступать

в таких отношениях уже как несобственники. Поскольку пользоваться и распоряжаться (управлять) народным достоянием, по сути, должны только высококвалифицированные специалисты, то утверждение В.И. Ленина о том, что «каждая кухарка может управлять государством», оказывается несостоятельным. В этом плане практическая деятельность высшего руководства Республики Беларусь, которое уже сегодня использует народное достояние именно в интересах белорусского народа, получает четкое теоретико-правовое демократическое представление.

Таким образом, результаты, которые могут быть получены при ориентации на реальные меняющиеся условия хозяйствования при использовании общепринятого понимания демократии, основанного на оптимальном сочетании публичной и частной собственности, оказываются весьма сходны с частными результатами, которые достигнуты Республикой Беларусь при стабильной направленности социально-экономической сферы с использованием в рамках государства элементов «вождества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев, Н.Н.** Русский народ и государство [Текст] / Н.Н. Алексеев. — М.: Аграф, 1998. — 635 с.
2. **Алексеев, С.С.** Общая теория права [Текст]. В 2 т. Т. 1 / С.С. Алексеев. — М.: Юр. литература, 1981. — 359 с.
3. **Он же.** Общая теория права [Текст]. В 2 т. Т. 2 / С.С. Алексеев. — М.: Юр. литература, 1982. — 359 с.
4. **Бабосов, Е.М.** Основы идеологии современного государства [Текст] / Е.М. Бабосов. — Мн.: Амалфея, 2004. — 351 с.
5. **Васильев, С.В.** Право, политика, экономика на этапе становления правового государства в России: проблема взаимосвязи [Текст] / С.В. Васильев // Право и экономика. — СПб., 1998. — С. 121–125.
6. **Гражданский** кодекс Республики Беларусь [Текст]: [принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Республики Беларусь 19 ноября 1998 г.] / Эталон — Беларусь // Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. — Мн., 2008.
7. **Даль, В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. В 4 т. Т. 1: А — З / В.И. Даль. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 640 с.
8. **Домаков, В.В.** Закономерность изменения эффективности жизнедеятельности общества в условиях вариации среды хозяйствования [Текст] / В.В. Домаков, В.П. Чернолес // Науч. открытие в области эконом. теории и теории права. Материалы заявки. — М.; СПб.: МААННОЙ, 2008. — 40 с.
9. **Дробязко, С.Г.** Политическая общесоциальная справедливость в праве как сущностная основа совершенствования правового законодательства [Текст] / С.Г. Дробязко // Право и демократия: сб. науч. трудов. — Вып. 11 / отв. ред. В.Н. Бибило. — Мн.: Изд-во БГУ, 2001. — С. 3–17.
10. **Еллинек, Г.** Общее учение о государстве [Текст] / Г. Еллинек; вступ. ст. И.Ю. Козлихина. — СПб.: Юр. центр Пресс, 2004. — 752 с.
11. **История** государственного управления России [Текст]: учебник / отв. ред. В.Г. Игнатов. — Ростов н/Д: Феникс, 2002. — 608 с.
12. **Конституция** Российской Федерации [Текст]. — М.: Юр. литература, 1994. — 58 с.
13. **Локк, Дж.** Два трактата о правлении [Текст] / Дж. Локк // Соч. В 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — 668 с.
14. **Лукашенко, А.Г.** Сильная и процветающая Беларусь должна иметь прочный идеологический фундамент [Текст]: доклад на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов по вопросам совершенствования идеологической работы / А.Г. Лукашенко // Республика. — 2003. — № 71 (3222).

15. **Маркс, К.** Сочинения [Текст]. Т. 46, ч. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1968. – 559 с.
16. **Монтескье, Ш.** О духе законов [Текст] / Ш. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
17. **Нерсесянц, В.С.** Общая теория права и государства [Текст]: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.С. Нерсесянц. – М.: НОРМА-ИНФРА*М, 1999. – 539 с.
18. **Толстой, Ю.К.** Собственность и право собственности в условиях перестройки [Текст] / Ю.К. Толстой // Правоведение. – 1990. – № 4.
19. **Хрестоматия** по экономической теории [Текст] / сост. Е.Ф. Борисов. – М.: ЮристЪ, 1997. – 536 с.
20. **Хропанюк, В.Н.** Теория государства и права [Текст] / В.Н. Хропанюк. – М.: Омега–Л, 2008. – 384 с.
21. **Шумпетер, Й.** Капитализм, социализм и демократия [Текст] / Й. Шумпетер; пер. под ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995.

REFERENCES

1. **Alekseev N.N.** Russkij narod i gosudarstvo. Moscow, Agraf, 1998. 635 p. (rus.)
2. **Alekseev S.S.** Obshhaja teorija prava. V 2 t. T. 1. Moscow, Juridicheskaia literatura, 1981. 359 p. (rus.)
3. **Idem.** Obshhaja teorija prava. V 2 t. T. 2. Moscow, Juridicheskaia literatura, 1981. 359 p. (rus.)
4. **Babosov E.M.** Osnovy ideologii sovremennogo gosudarstva Minsk, Amalfeja, 2004. 351 p. (rus.)
5. **Vasil'ev S.V.** Pravo, politika, jekonomika na jetape stanovlenija pravovogo gosudarstva v Rossii: problema vzaimosvjazi. *Pravo i jekonomika*, St. Petersburg, 1998. Pp. 121–125. (rus.)
6. Grazhdanskij kodeks Respubliki Belarus': [prinjat Palatoj predstavitelej 28 oktjabrja 1998: odobren Sovetom Respubliki Belarus' 19 nojabrja 1998]. Jetalon – Belarus'. *Nac. Centr pravovoj inform. Resp. Belarus'*. Minsk, 2008. (rus.)
7. **Dal' V.I.** Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. V 4 t. T. 1: A – Z. Moscow, OLMA-PRESS, 2003. 640 p. (rus.)
8. **Domakov V.V., Chernoles V.P.** Zakonomernost' izmenenija jeffektivnosti zhiznedejatel'nosti obshhestva v uslovijah variacii srody hozjajstvovanija. *Nauchnoe otkrytie v oblasti jekonomicheskoj teorii i teorii prava*. Materialy zajavki. Moscow, St. Petersburg, MAANOI, 2008. 40 p. (rus.)
9. **Drobjazko S.G.** Politicheskaja obshhesocial'naja spravedlivost' v prave kak sushhnostnaja osnova sovershenstvovanija pravovogo zakonodatel'stva. *Pravo i demokratija*. Vyp. 11, otv. red. V.N. Bibilo. Minsk, BGU, 2001. Pp. 3–17. (rus.)
10. **Ellinek G.** Obshee uchenie o gosudarstve. St. Petersburg, Juridicheskij centr Press, 2004. 752 p. (rus.)
11. Istorija gosudarstvennogo upravlenija Rossii. Uchebnik. Otv. red. V.G. Ignatov. Rostov na Donu, Feniks, 2002. 608 p. (rus.)
12. Konstitucija Rossijskoj Federacii. Moscow, Juridicheskaia literatura, 1994. 58 p. (rus.)
13. **Lokk Dzh.** Dva traktata o pravlenii. Sochinenija. V 3 t. T. 3. Moscow, Mysl', 1988. 668 p. (rus.)
14. **Lukashenko A.G.** Sil'naja i procvetajushhaja Belarus' dolzhna imet' prochnyj ideologicheskij fundament: doklad na postojanno dejstvujushhem seminare rukovodjashhih rabotnikov respublikanskih i mestnyh gosudarstvennyh organov po voprosam sovershenstvovanija ideologicheskoy raboty. *Rjespublika*, 2003, nr 71 (3222). (rus.)
15. **Marks K., Jengel's F.** Sochinenija. T. 46, ch. 1. Izd. 2-e. Moscow, Gospolitizdat, 1968. 559 p. (rus.)
16. **Montesk'e Sh.** O duhe zakonov. Moscow, Mysl', 1999. 672 p. (rus.)
17. **Nersesjanc B.C.** Obshhaja teorija prava i gosudarstva. Uchebnik. Moscow, NORMA-INFRA*М, 1999. 539 p. (rus.)
18. **Tolstoj Ju.K.** Sobstvennost' i pravo sobstvennosti v uslovijah perestrojki. *Pravovedenie*, 1990, nr 4. (rus.)
19. Hrestomatija po jekonomicheskoj teorii. Sost. E.F. Borisov. Moscow, Jurist, 1997. 536 p. (rus.)
20. **Hropanjuk V.N.** Teorija gosudarstva i prava. Moscow, Omega–L, 2008. 384 p. (rus.)
21. **Shumpeter J.** Kapitalizm, socializm i demokratija. Per. pod red. V.S. Avtonomova. Moscow, Jekonomika, 1995. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ДОМАКОВ Вячеслав Вениаминович – профессор кафедры национальной безопасности Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор экономических наук, профессор.
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
vvdoma@mail.ru

ДОМАКОВ Vyacheslav V. – St. Petersburg State Polytechnical University.
Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
vvdoma@mail.ru

УДК 327

К.Е. Мещеряков

**ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
В ГОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА В.В. ПУТИНА (2000–2008):
ОТ ВЗАИМНОГО НЕПРИЯТИЯ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ
И СОЮЗНИЧЕСТВУ***

Konstantin E. Mesceryakov

**THE RUSSIAN-UZBEKISTANI RELATIONS
UNDER THE PRESIDENCY OF VLADIMIR PUTIN (2000–2008):
FROM ANTAGONISM TO THE STRATEGIC PARTNERSHIP
AND ALLIED RELATIONS**

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции развития российско-узбекских межгосударственных отношений в годы президентства В.В. Путина (2000–2008). Изучается эволюция межгосударственного сотрудничества от элементов взаимного неприятия и конфронтации к уровню стратегического партнерства и союзнического взаимодействия.

Ключевые слова

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, УЗБЕКИСТАН, СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО, СОЮЗНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ТАЛИБАН, АНДИЖАНСКИЕ СОБЫТИЯ, ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ.

Abstract

The article deals with the main trends and problems in the development of the Russian-Uzbekistani relations under the presidency of Vladimir Putin (2000–2008). It analyses the evolution of the bilateral cooperation from the elements antagonism and mutual confrontation to the strategic partnership and allied relations.

Keywords

RUSSIAN FEDERATION, UZBEKISTAN, STRATEGIC PARTNERSHIP, ALLIED RELATIONS, TALIBAN, ANDIJON EVENTS, ISLAMIC EXTREMISM.

Республика Узбекистан является одним из уникальных государств современного мира. Занимая сравнительно небольшую территорию и будучи одной из наименее развитых республик в составе СССР, Узбекистан за короткий срок сумел снискать репутацию самого мощного, активного и динамично развивающегося государства Центральной Азии, проводящего прагматичную и самостоятельную внешнюю

политику и категорически не переносящего давления извне.

Узбекистан расположен в самом сердце Центральной Азии: он граничит со всеми государствами региона, связь между которыми, как правило, осуществляется через его территорию. Это самая густонаселенная центральноазиатская республика: уже сегодня здесь проживает более 29 млн. человек, и данная цифра продолжает стремительно расти. Узбекистан в наименьшей степени пострадал от последствий распада СССР: экономический рост в республике начался уже в 1995 году, причем она успешно преодолела монокультурный характер своей экономики и еще в начале 1990-х годов

*Статья подготовлена при содействии гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК–696.2013.6).

встала на путь комплексной модернизации, не приведшей к разорению ее населения и ярко контрастировавшей с политикой «шоковой терапии», проводимой тогдашним российским руководством.

На сегодня очевидно, что влияние Узбекистана выходит далеко за рамки центральноазиатского региона, его политический вес на мировой арене намного превосходит возможности его экономики. Примечательно, что все ведущие мировые и региональные державы (Россия, США, Китай, Германия, Турция, Иран, Индия, Япония, Южная Корея) уделяют сотрудничеству с Узбекистаном особое внимание, понимая, что общий успех их дипломатии на центральноазиатском направлении неизбежно будет зависеть от результатов их взаимодействия с Ташкентом.

Все вышесказанное, а также неудачи Москвы в отношениях с Ташкентом в 1990-х годах [16, с. 212–229] обусловили особый интерес российской дипломатии к Узбекистану, четко обозначившийся с приходом к власти в России нового политического руководства во главе с В.В. Путиным.

Некоторое оживление в двусторонних отношениях, с ноября 1998 года по июль 1999 года переживавших глубокий кризис, началось еще в августе 1999 года. Это было обусловлено двумя основными причинами: баткенскими событиями в Киргизии, в ходе которых группа исламских экстремистов захватила несколько высокогорных сел и создала угрозу правящему в республике режиму, также заявив о намерении нанести удар по Узбекистану, и назначением на пост Председателя Правительства России В.В. Путина, которого президент Б.Н. Ельцин официально провозгласил своим преемником. Первое обстоятельство продемонстрировало Ташкенту, что дальнейшая конфронтация с Москвой в условиях усиления в Центральной Азии ваххабитских группировок представляет опасность национальной безопасности Узбекистана. Второй фактор стал важным, учитывая традиционное расположение президента И.А. Каримова к выходцам из силовых структур и спецслужб, что заранее предопределило его позитивное отношение к В.В. Путину.

Убедившись, что в одиночку Бишкек не способен противостоять вторгшимся на ее территорию боевикам, в августе 1999 года Москва

и Ташкент в экстренном порядке возобновили взаимодействие в военно-политической сфере. На основании Декларации о всестороннем сотрудничестве России, Таджикистана и Узбекистана [4] они согласовали порядок поставок Ташкенту российского оружия для уничтожения боевиков в Киргизии. Усилиями Ташкента в октябре 1999 года сопротивление экстремистов было сломлено. Однако в ноябре группа ваххабитов захватила узбекский город Янгиабад, расположенный на стыке границ Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. В ходе операции по освобождению города узбекские спецслужбы обнаружили у боевиков карты местности, сделанные авиацией США во время совместных узбекско-американских учений весной 1998 года. После этого в оборонной политике Ташкента начался очередной разворот в сторону Москвы.

В свою очередь, Россия, учитывая прозрачность границ внутри СНГ и значимость исламского фактора в Центральной Азии, была крайне заинтересована в сохранении в Узбекистане сильного политического режима, способного противостоять натиску экстремистов. Поэтому в декабре 1999 года, в ходе своего первого визита в Ташкент в должности председателя правительства России, В.В. Путин обсудил с узбекским руководством вопросы борьбы с терроризмом. Правительства двух стран подписали Договор о дальнейшем углублении сотрудничества в военной и военно-технической областях. Согласно данному документу, в случае возникновения угрозы нападения на одну из сторон Россия и Узбекистан обязались предоставить друг другу всю необходимую помощь, за исключением стратегических вооружений. Они обязались развивать сотрудничество в военно-технической сфере и в деле подготовки военных кадров [5]. Подписание данного договора было призвано восстановить военно-политические контакты между Москвой и Ташкентом, замороженные в ноябре 1998 года, и продемонстрировать преодоление кризиса в их отношениях.

Дальнейшей нормализации российско-узбекских отношений способствовала поддержка И.А. Каримовым действий Москвы по наведению порядка на Северном Кавказе. В одном из своих интервью, данном в декабре 1999 года, узбекский лидер прямо заявил, что не может предложить более приемлемых методов борьбы

с чеченским терроризмом, чем те, которые применяет руководство России [3]. Это означало достижение сторонами полного взаимопонимания в вопросах сохранения их территориальной целостности и борьбы с сепаратизмом, чему немало способствовали события в Янгиабаде.

В связи с активизацией внешней политики России в Центральной Азии, начавшейся еще накануне избрания В.В. Путина президентом, весной 2000 года свое присутствие в регионе расширили США. Они выделили Ташкенту на борьбу с ваххабитами 100 млн долларов и смягчили требования по демократизации его режима [32]. В результате от России потребовались решительные действия по сохранению своего влияния в регионе, и в мае 2000 года в Узбекистан с первым официальным визитом после вступления в должность президента отправился В.В. Путин. Стороны уделили основное внимание вопросам военно-политического и торгово-экономического сотрудничества. В.В. Путин подтвердил готовность Москвы поддержать южные республики СНГ в случае агрессии исламских боевиков [9]. Одной из приоритетных форм взаимодействия сторон впервые было названо межрегиональное сотрудничество. Важным итогом встречи также стало установление между В.В. Путиным и И.А. Каримовым взаимопонимания, совершенно не типичного для отношений президента Узбекистана с Б.Н. Ельциным; на пресс-конференции, проведенной по итогам визита, И.А. Каримов объявил: «Россия... является страной, которая без сомнения сделает все возможное для защиты территориальной целостности, нерушимости границ, независимости... Узбекистана» [36].

В конце мая министр иностранных дел России И.С. Иванов заявил о возможности нанесения превентивных ударов по лагерям ваххабитов в Афганистане в случае возникновения потенциальной угрозы одной из стран СНГ. В ответ талибы пригрозили Ташкенту акциями возмездия. И.А. Каримов опроверг информацию о готовности узбекской авиации бомбить базы талибов, после чего Узбекистан, опасаясь втягивания в конфликт с «Талибаном», вновь начал дистанцироваться от Москвы. Одновременно он возобновил секретные переговоры с талибами и осенью 2000 года восстановил с ними полуофициальные контакты [14]. Вскоре И.А. Каримов выступил с резким заявлением,

в котором осудил политику России в Центральной Азии и призвал ее «не пугать страны региона талибами» для сохранения своего влияния [18].

В начале 2001 года стало очевидно, что ставка Ташкента на сотрудничество с талибами не оправдалась: Северный альянс перешел в контрнаступление, заручившись поддержкой ООН и ведущих мировых держав. Узбекистан оказался в невыгодном положении и был вынужден вновь обратиться в сторону России. Уже в январе И.А. Каримов, заявив об опасности талибской угрозы, призвал страны Центральной Азии сплотить усилия, чтобы совместно с Москвой противостоять экстремистам. В марте Ташкент посетила российская делегация, достигшая договоренностей о поставках в Узбекистан российской военной техники [31].

В мае 2001 года И.А. Каримов пошел на крайне редкий в мировой практике шаг, посетив Россию со вторым за время своего президентства государственным визитом. Стороны обменялись мнениями по широкому кругу вопросов, вновь уделив основное внимание проблемам экономического и политического взаимодействия. По итогам состоявшихся переговоров президенты сделали Совместное заявление, в котором констатировали, что отношения между их странами вступают в новую фазу. Особое внимание в документе уделялось укреплению стратегического партнерства России и Узбекистана. Россия признала особую роль Узбекистана в Центральной Азии, а Ташкент – наличие у Москвы стратегических интересов в данном регионе, назвав ее надежным гарантом мира и стабильности. В области экономики главы государств отметили позитивную динамику развития двусторонних связей, подчеркнув, что их масштабы пока не в полной мере отвечают реальным возможностям и должны быть увеличены. Также отмечалась необходимость развития межрегионального взаимодействия двух стран, перспективной задачей объявлялось создание зоны свободной торговли и общего экономического пространства России и Узбекистана. Существенно большее внимание, чем в предыдущих документах, в заявлении уделялось гуманитарной составляющей российско-узбекских отношений. Президенты подчеркнули, что отныне она будет иметь приоритетный характер, т. е. Москва и Ташкент более не собирались

увязывать развитие гуманитарного сотрудничества с существующими в их отношениях политическими и экономическими проблемами. Ряд положений документа (о важности изучения русского языка, открытии в Узбекистане филиалов ведущих российских вузов и праве постоянно проживающих в республике русских граждан свободно выражать и сохранять свою самобытность) выразили стремление нового российского руководства обеспечить поддержку русскоязычного населения Узбекистана [26]. Совместное заявление стало первым программным документом, принятым Москвой и Ташкентом после избрания президентом В.В. Путина, и содержало программу развития двусторонних отношений на весь период его пребывания на высшем государственном посту.

Визит И.А. Каримова был оценен в России как начало «оттепели» в отношениях с Узбекистаном. К середине 2001 года значительно расширилось двустороннее экономическое сотрудничество, был достигнут прогресс в проблеме погашения узбекского долга перед Россией. Москва и Ташкент провели широкое обсуждение вопроса о присоединении Узбекистана к «Шанхайской пятерке».

Одновременно Ташкент активизировал свою дипломатию на западном направлении. Особенно четко данная тенденция проявилась после терактов 11 сентября 2001 года в США. В октябре Узбекистан стал первым центрально-азиатским государством, предоставившим свои объекты в пользование войскам союзников для осуществления поисково-спасательных мероприятий и операций по оказанию гуманитарной помощи Афганистану. Тогда же Ташкент заявил о намерении внести свой вклад в ликвидацию баз и лагерей террористов [22], активизировав стратегическое партнерство с США. После этого военно-политическое сотрудничество между Ташкентом и Москвой в очередной раз оказалось замороженным. Вместе с тем позиция России по данному вопросу была предельно осторожной: В.В. Путин заявил, что «мы признаем за всеми государствами право самостоятельно определять формы и уровень своего сотрудничества и выбирать партнеров в борьбе с террором» [24]. Это, а также общая заинтересованность Москвы в скорейшем разгроме талибов способствовали тому, что полного разрыва в российско-узбекских отношениях не произош-

ло, хотя влияние России на Узбекистан вновь стало стремительно падать.

В феврале 2002 года Ташкент с блиц-визитом посетил И.С. Иванов, который провел встречу с И.А. Каримовым. Позднее журналистам стало известно, что центральным на состоявшихся переговорах являлся вопрос о том, «что может Россия предложить странам Средней Азии... когда НАТО создает в Узбекистане... военные базы, платя за это наличными». Согласно официальным заявлениям, во время беседы стороны «подтвердили свое стратегическое партнерство» [30], однако визит И.С. Иванова в Ташкент завершился досрочно. Тем самым Узбекистан продемонстрировал, что в развитии отношений с США для него важна не только политическая, но и финансовая составляющая, после чего Москва и Ташкент более не вели переговоров по данным сюжетам.

До начала 2003 года российско-узбекские отношения оставались стабильно нейтральными. Москва взяла курс на развитие с Ташкентом преимущественно экономического сотрудничества, став жестче реагировать на его демарши и в то же время избегая шагов, способных спровоцировать обострение в двусторонних отношениях. Ташкент, в свою очередь, также старался поддерживать с Москвой цивилизованные отношения. С 2002 года с его стороны ни разу не прозвучало критики в адрес России. Напротив, И.А. Каримов постоянно подчеркивал, что у наших стран «нет никаких политических или торговых проблем, которые не могут быть решены» [35]. Летом 2002 года под предлогом неэффективности ГУУАМ – антироссийской интеграционной группировки, созданной под эгидой США и включившей в свой состав Грузию, Украину, Узбекистан, Азербайджан и Молдавию, – Ташкент приостановил свою деятельность в данной структуре. В октябре президент Узбекистана, выразив поддержку России в связи с захватом заложников в Москве, отметил, что «безопасность России – это наша безопасность, стабильность России – это наша стабильность» [21]. В декабре 2002 года он заявил: «Я глубоко уважаю Президента России Владимира Путина, и мое отношение к нему остается неизменным» [35].

В условиях заметной стабилизации политического и стагнации военно-технического сотрудничества между Москвой и Ташкентом, в 2002 – начале 2003 года небывало высокие

темпы развития получили экономическая и гуманитарная составляющие двусторонних отношений. В области экономики одной из перспективных сфер взаимодействия в это время стала разведка, добыча, транспортировка и переработка российскими компаниями узбекских углеводородов. В декабре 2002 года «Газпром» и компания «Узбекнефтегаз» подписали долгосрочное соглашение о стратегическом сотрудничестве: «Газпром» впервые получил доступ на узбекский энергетический рынок, что означало несомненный успех российской дипломатии. Российско-узбекские отношения в гуманитарной сфере стали активнее развиваться на межрегиональном уровне.

В начале 2003 года в российско-узбекских отношениях обозначился новый рост. Он охватил все сферы двустороннего взаимодействия: политические и военные, экономические и гуманитарные связи. Наиболее заметные успехи в это время были достигнуты в политической и военной областях сотрудничества, прежде пребывавших в состоянии застоя.

Одним из первых шагов на пути активизации политического диалога России и Узбекистана стал визит в Ташкент главы Администрации Президента России А.С. Волошина, состоявшийся в январе 2003 года. Официально цель данной поездки заключалась в передаче И.А. Каримову, которому исполнилось 65 лет, поздравительного послания от В.В. Путина. До сих пор подобная форма поздравлений практиковалась Кремлем крайне редко — обычно президенты ограничиваются телефонным звонком имениннику. Однако накануне по Узбекистану распространились слухи о резком ухудшении состояния здоровья И.А. Каримова и произошел сброс компромата на президента в нескольких интернет-изданиях. Подобная ситуация стала связываться Ташкентом с начавшейся борьбой «наследников» И.А. Каримова за власть, причем инициатором «информационной войны» узбекское руководство сочло российские спецслужбы. В Москве же возникли опасения по поводу возможной дестабилизации обстановки в Узбекистане, если обозначенные слухи окажутся верными [33]. Таким образом, встреча А.С. Волошина с И.А. Каримовым в действительности была призвана развеять взаимные подозрения сторон, способные свернуть российско-узбекские отношения с курса на нормализацию.

В марте неизвестные источники в Москве распространили информацию о смерти И.А. Каримова, резко обострившую ситуацию в Узбекистане и вызвавшую новые опасения в России. Российское руководство сочло подобную информацию делом рук борющихся за власть узбекских кланов и резко ее осудило [17].

В конце мая И.А. Каримов в числе прочих высоких гостей принял участие в неформальном саммите СНГ, приуроченном к 300-летию Санкт-Петербурга. Он тепло поблагодарил российскую сторону за великолепие и гостеприимство.

В августе 2003 года состоялся рабочий визит в Узбекистан В.В. Путина, призванный придать двусторонним отношениям новый импульс. Открывая переговоры, президент России подчеркнул, что у сторон «накопилось много вопросов, которые надо обсудить» [20]. В ходе встречи главы государств рассматривали преимущественно экономические проблемы — вопросы сотрудничества в нефтегазовой сфере, текстильной промышленности, энергетике и водном хозяйстве, отдельно остановившись на поставках в Россию узбекского хлопка. В политической области они обсудили ситуацию в Афганистане и Ираке, при этом И.А. Каримов подтвердил, что «Узбекистан всегда признавал роль и интересы России в Средней Азии» и выразил надежду, что «и Россия понимает роль Узбекистана в регионе» [11]. Главным итогом встречи, по словам И.А. Каримова, стало понимание того, что «много ошибок мы допустили, находясь в состоянии некоторой эйфории. Устоявшиеся связи, взаимовыгодные и для России, и для Узбекистана, надо восстановить» [2].

В сентябре министр иностранных дел Узбекистана С.С. Сафаев сделал ряд заявлений о необходимости углубления российско-узбекского сотрудничества. В одном из интервью он отметил, что после избрания президентом В.В. Путина двусторонние «отношения стали приобретать новый характер», поскольку лидеры двух стран «понимают друг друга с полуслова» [25].

На этом фоне началось увеличение товарооборота между Москвой и Ташкентом, активизировалось продвижение России на узбекский энергетический рынок. В мае 2003 года Узбекистан начал поставки в Россию природного газа, а в апреле 2004 года «Газпром» и «Узбекнефтегаз» подписали соглашение о разделе продукции газового месторождения Шахпахты и обсудили ус-

ловия участия российской стороны в разработке Устюртского газового месторождения.

В июне 2004 года в Ташкенте В.В. Путин и И.А. Каримов подписали Договор о стратегическом партнерстве, ставший новой ступенью в развитии российско-узбекских отношений и естественным результатом работы сторон в течение четырех последних лет. Стороны договорились координировать усилия, направленные на создание эффективной системы безопасности в Центральной Азии, и подтвердили намерение сотрудничать, а не соперничать в региональных делах. В документе было закреплено типичное для более ранних соглашений России и Узбекистана положение о том, что в случае возникновения ситуации, способной негативно отразиться на безопасности одной из сторон, будет приведен в действие механизм консультаций по ее скорейшему урегулированию. Соответствующий механизм уже неоднократно применялся на практике при возникновении угроз безопасности Узбекистана, и намерение сторон при необходимости вновь к нему обратиться говорило об их возвращении к активному взаимодействию в сфере безопасности. Приоритетными направлениями военного сотрудничества договор провозгласил поставки в Узбекистан российской продукции военного назначения, модернизацию имеющейся у республики военной техники, подготовку в российских военных учебных заведениях офицеров для вооруженных сил Узбекистана. Важным для России представлялось положение о готовности сторон в необходимых случаях предоставить друг другу право использования военных объектов, находящихся на их территории. Одним из главных направлений российско-узбекских отношений в договоре объявлялось экономическое сотрудничество. Важнейшими отраслями взаимодействия были названы топливно-энергетический комплекс, в том числе мирное использование атомной энергии, авиастроение, транспорт и коммуникации. Что касается гуманитарной составляющей двусторонних отношений, то она должна была получить дальнейшее развитие, хотя и не объявлялась в договоре приоритетной [8].

Подписание Договора о стратегическом партнерстве стало хорошим фундаментом для углубления всестороннего сотрудничества между Россией и Узбекистаном и продемонстриро-

вало намерение сторон развивать диалог даже в условиях присутствия в Центральной Азии США. При этом позиция Ташкента, помимо экономических соображений, объяснялась и тем, что осторожный режим И.А. Каримова, не уверенный в расположении к нему Вашингтона и не исключавший возможности дестабилизации положения в регионе, стремился поддерживать привилегированные отношения с Россией – государством, с которым Узбекистан связывали десятилетия общей истории и которое демонстрировало ему исключительную лояльность на протяжении всего постсоветского периода. Москву же по-прежнему интересовала возможность сотрудничать с Узбекистаном как ключевой республикой жизненно важного для нее центральноазиатского региона, особенно в условиях расширения там американского присутствия. Соответственно российское руководство всячески поощряло инициативы Ташкента по сближению с Москвой.

После подписания Договора о стратегическом партнерстве с Россией Узбекистан начал прорабатывать вопрос о возвращении в систему Договора о коллективной безопасности, из которого он вышел в 1999 году и на базе которого в 2002 году была создана Организация Договора о коллективной безопасности. С 2004 года отношение Узбекистана к данной структуре стало меняться в лучшую сторону: прекратилась критика организации в неэффективности, вырос интерес к ее деятельности. Существенные перемены произошли и в отношении Узбекистана к СНГ: начав сближение с Россией, он перестал игнорировать работу Содружества, утверждая, что ему нет альтернативы.

В июле 2004 года заметно ухудшились узбекско-американские отношения. Госдепартамент США заявил о намерении прекратить военную и сократить экономическую помощь Узбекистану в связи с отсутствием там прогресса в проведении демократических реформ. И хотя в соответствующем пресс-релизе говорилось, что Ташкент остается важным партнером Вашингтона в борьбе с международным терроризмом [34], Узбекистан сделал вывод о невозможности дальнейшего развития военно-политических связей с США, стремясь еще активнее вести диалог с Россией.

В феврале 2005 года «Газпром» и «Узтрансгаз» подписали соглашение на 2006–2010 годы

на транспортировку туркменского природного газа через территорию Узбекистана с использованием газотранспортных систем «Средняя Азия – Центр» и «Бухара – Урал». Узбекские газопроводы должны были соединиться с российской сетью, что было направлено на установление российской монополии на экспорт центральноазиатского «голубого топлива». В результате сотрудничество в газозенергетике превратилось в главное направление экономического партнерства России и Узбекистана.

5 мая 2005 года Ташкент уведомил руководство ГУУАМ о своем окончательном выходе из данной структуры, что вызвало у Москвы молчаливое одобрение. Серьезное влияние на дальнейшее развитие российско-узбекских отношений оказали события 12–16 мая 2005 года, во время которых в Андижане и его окрестностях произошли массовые беспорядки. Узбекское руководство было вынуждено ввести в город войска, в ходе столкновений с которыми по официальным данным погибло 169 демонстрантов, а по данным узбекской оппозиции – до 1500 человек [29]. События в Андижанской области получили неоднозначную оценку со стороны мирового сообщества. Так, США и Великобритания обвинили И.А. Каримова в чрезмерной жестокости при разгоне мирных шествий и потребовали провести международное расследование произошедшего. Узбекская сторона настаивала на ограниченном количестве жертв и отрицала, что при подавлении бунта погибли мирные жители. В результате сотрудничество Ташкента с Лондоном и Вашингтоном оказалось парализованным, ставка Узбекистана на развитие отношений с Западом не оправдалась. Более того, Ташкент оказался перед угрозой международной изоляции, а то и вмешательства западных держав в свои внутренние дела путем их участия в расследовании андижанских событий. Стремясь не допустить этого, И.А. Каримов обратился за поддержкой к России и Китаю – державам, сохранившим во время андижанских событий предельную лояльность его режиму.

Первой страной, которую президент Узбекистана посетил после подавления бунта, стал Китай. В ходе визита стороны подписали Договор о партнерских отношениях, дружбе и сотрудничестве, ставший аналогом российско-узбекского Договора о стратегическом парт-

нерстве [13]. Однако уровень развития узбекско-китайских и узбекско-российских отношений в то время являлся несопоставимым, поэтому приоритетной задачей для Ташкента оставалось дальнейшее углубление сотрудничества с Москвой. Во время андижанских событий Россия последовательно поддерживала узбекское руководство. МИД России опубликовал заявление, в котором осудил «вылазку экстремистов в Узбекистане» и отметил, что «российская сторона в трудную минуту поддерживает руководство дружественного Узбекистана» [10]. В июне 2005 года, совершая визит в Брюссель, министр обороны России С.Б. Иванов заявил, что Москва не поддержит призывы к международному расследованию андижанских событий [1]. Однозначная позиция России в андижанском вопросе предопределила последующий характер российско-узбекского диалога: Москва вновь стала восприниматься Ташкентом как его главный союзник.

В конце июня И.А. Каримов прибыл в Россию с рабочим визитом. Он официально проинформировал В.В. Путина об андижанских событиях, отметив, что российское руководство продемонстрировало беспристрастное отношение к данной проблеме [19]. В июле 2005 года вблизи американской военной базы в Ханабаде местные жители обнаружили подразделение Вооруженных сил России; таким образом, Ташкент впервые за многие годы предоставил свою территорию в распоряжение российских военных. Вскоре Узбекистан потребовал у США вывести войска с базы «Карши-Ханабад». В сентябре на юге Узбекистана состоялись первые за шесть лет совместные маневры российских и узбекских военнослужащих. В октябре 2005 года президенты России и Узбекистана приняли участие в работе Совета глав государств Организации «Центральноазиатское сотрудничество», на котором с подачи Ташкента было принято решение о слиянии данной структуры с Евразийским экономическим сообществом. Фактически это означало вступление Узбекистана в ЕврАзЭС, что свидетельствовало о его намерении еще активнее интегрироваться в региональные организации, патронируемые Москвой. Важнейшим итогом встречи В.В. Путина и И.А. Каримова стало предложение узбекского лидера о создании военно-политического союза двух стран [15].

В ноябре 2005 года в Москве главы России и Узбекистана подписали Договор о союзнических отношениях. Стороны объявили друг друга союзниками, и, в случае совершения против одной из них акта агрессии, это должно было рассматриваться как агрессия против обеих сторон. Учитывая, что на тот момент Ташкент еще не восстановил своего членства в ОДКБ, это означало выход российско-узбекских отношений на принципиально новую высоту. В целях обеспечения безопасности, поддержания мира и стабильности стороны договорились при необходимости предоставить друг другу право использования военных объектов, находящихся на их территории. Ряд положений договора регулировали российско-узбекские экономические отношения. Основными направлениями взаимодействия сторон в данной сфере объявлялись развитие общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение согласованной налоговой, валютно-финансовой, торговой и таможенной политики, поощрение и защита инвестиций. Приоритетными отраслями сотрудничества были названы научно-техническая, энергетическая, финансовая, инвестиционная, банковская, авиастроительная, коммуникационная области и ядерная энергетика [7]. Таким образом, Договор о союзнических отношениях предусматривал дальнейшее расширение и модернизацию российско-узбекского сотрудничества в торгово-экономической сфере, хотя степень интеграции сторон, предусмотренная новым соглашением, не существенно отличалась от установленной Договором о стратегическом партнерстве.

Заключив союзнический договор, Москва и Ташкент выполнили целый ряд задач. Узбекистан окончательно избавился от перспектив попадания в международную изоляцию, получил гарантии защиты своей территории в случае любой внешней агрессии и возможность рассчитывать на помощь Москвы при повторении кризиса, подобного андижанским событиям. Россия смогла значительно укрепить свое влияние в Узбекистане и тем самым упрочить свои позиции во всем центральноазиатском регионе. Договор вступил в силу в рекордно короткие сроки: все процедуры, связанные с его ратификацией, были выполнены к маю 2006 года.

В январе 2006 года, на внеочередном заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС,

был подписан протокол о присоединении Узбекистана к Договору об учреждении Сообщества. На этом завершилась политическая часть процедуры вступления Узбекистана в ЕврАзЭС. В июне Ташкент снял мораторий на свое участие в работе ОДКБ и стал ее полноправным членом.

На этом фоне заметно активизировалось проникновение российских компаний на узбекский рынок. Интерес к узбекской урановой промышленности и золотодобыче проявил «Интеррос». «Газпром» согласился увеличить закупочные цены на узбекский газ с 60 до 100 долларов за тысячу кубических метров. Существенно возросло привлечение граждан Узбекистана на предприятия субъектов Российской Федерации, бурное развитие получило межрегиональное сотрудничество сторон. В гуманитарной сфере стороны регулярно проводили совместные мероприятия и уделяли приоритетное внимание взаимодействию в области высшего образования.

С 2007 года Россия и Узбекистан стали следить за тем, как идет реализация ранее достигнутых ими договоренностей, не заключая при этом принципиально новых соглашений. В апреле 2007 года правительство России санкционировало открытие Генеральных консульств Узбекистана в Санкт-Петербурге и Новосибирске. Впервые за все годы сотрудничества стороны получили возможность развивать консульские отношения, что также свидетельствовало о выходе их взаимодействия на более высокий уровень. В декабре 2007 года в Узбекистане состоялись очередные президентские выборы, безоговорочную победу на которых одержал действующий глава государства. Само участие И.А. Каримова в данных выборах представлялось неоднозначным: согласно действующей конституции, одно и то же лицо не может избираться президентом Узбекистана более двух сроков подряд. Между тем И.А. Каримов избирался на высший руководящий пост уже дважды – в 1991 и 2000 годах. Тем не менее Москва, связывавшая дальнейшие перспективы углубления сотрудничества с Ташкентом именно с И.А. Каримовым, не стала вмешиваться в ход предвыборной кампании в республике и не подвергла сомнению ее результаты. Уже на следующий день после голосования В.В. Путин тепло поздравил узбекского коллегу с победой [28].

Свой первый официальный визит после переизбрания президентом И.А. Каримов совершил в Россию. Это было воспринято Москвой как признак того, что в ближайшие годы отношения между нашими странами будут развиваться так же конструктивно, как и прежде. Особое значение данный дипломатический шаг приобретал в контексте подготовки России к своим собственным президентским выборам. Чрезвычайно важным он представлялся лично для В.В. Путина, который с первых дней своего руководства уделял особое внимание развитию сотрудничества с Ташкентом, вывел его из глубокого кризиса на чрезвычайно высокий уровень и стремился к сохранению достигнутых результатов после избрания нового президента России. Для И.А. Каримова данный визит также стал последней возможностью обсудить состояние российско-узбекских отношений с В.В. Путиным в должности действующего главы государства. Подобный эмоциональный фон наложил очень сильный отпечаток на весь ход встречи президентов, которые не только обсуждали текущие проблемы, но и подводили итоги совместной работы, пытались определить пути дальнейшего развития российско-узбекского диалога.

По итогам встречи В.В. Путин и И.А. Каримов приняли Совместное заявление, содержащее программу дальнейшего развития российско-узбекских отношений. По своему характеру данный документ являлся абсолютно уникальным, поскольку речь шла о том, что приоритетные направления взаимодействия с другой страной на время руководства следующего главы государства определяет уходящий президент России. Ни одно государство СНГ, кроме Узбекистана, не решилось на подписание столь важных документов в подобных обстоятельствах, предпочитая дожидаться смены власти в России. Это существенно повлияло на содержание заявления: оно оказалось очень подробным, буквально пошагово определившим основные приоритеты российско-узбекского сотрудничества. В документе отмечалось, что стороны придают большое значение продолжению диалога на высшем уровне и совместному поиску решений возникающих в мире проблем. Главы государств впервые высказались за активизацию сотрудничества между Государственной думой России и Законодательной палатой Узбекиста-

на. Примечательно, что ни в России, ни в Узбекистане парламенты не играют заметной роли в формировании внешнеполитического курса, однако данное положение было вынесено в самое начало заявления, что свидетельствовало о его несомненной важности. Вероятно, речь шла о том, что, не будучи полностью уверенными в том, какую политику по отношению к Ташкенту будет проводить следующий президент России, лидеры двух стран создали возможность для развития российско-узбекского сотрудничества по линии парламентов, учитывая, что большинство мест в Государственной думе имела патронируемая В.В. Путиным партия «Единая Россия». В области экономики стороны отметили стабильный рост взаимного товарооборота и заявили, что придают принципиальное значение дальнейшему увеличению темпов и динамики торгово-экономического сотрудничества. Действительно, с 2002 по 2007 год объем товарооборота между Россией и Узбекистаном вырос в 4 раза, достигнув показателя 3,2 млрд долларов. В.В. Путин и И.А. Каримов отметили особую важность дальнейшего расширения межрегионального сотрудничества России и Узбекистана. В гуманитарной сфере они подчеркнули приоритетный характер изучения русского языка в Узбекистане и узбекского языка в России. В области внешней политики стороны отметили совпадение или близость позиций по ключевым международным проблемам [27].

Подтверждением того, что Совместное заявление действительно являлось долгосрочным планом развития отношений между двумя государствами, стало подписание сторонами в ходе визита И.А. Каримова юридически обязывающей Программы по экономическому сотрудничеству, детально определившей основные направления российско-узбекского взаимодействия на 2008–2012 годы. Данный документ пришел на смену не менее масштабному Договору об углублении экономического сотрудничества и программе к нему на 1998–2007 годы [6, 23].

По завершении официальной части визита В.В. Путин и И.А. Каримов сделали заявления для прессы. Выступление узбекского лидера вышло необычайно эмоциональным для этого политика, повидавшего за время своего президентства несколько поколений российских руководителей. И.А. Каримов поблагодарил

В.В. Путина за долгую и продуктивную совместную работу и официально подтвердил, что хотел бы видеть его главой государства в течение следующих четырех лет, выразив сожаление, что он принял решение не участвовать в предстоящих выборах [12].

Безусловно, последнее обстоятельство оказало особое влияние на дальнейшую судьбу российско-узбекских отношений. И.А. Каримов одним из немногих не видел в Д.А. Медведеве продолжателя внутри- и внешнеполитического курса В.В. Путина. Д.А. Медведев, придерживавшийся более либеральных взглядов и пришедший к власти как представитель первого не связанного с советским прошлым поколения российских руководителей, оказался чуждым И.А. Каримову и политически, и идеологически. Между ними сразу возникло непонимание: И.А. Каримов стал единственным центральноазиатским лидером, не поздравившим Д.А. Медведева ни после выборов, ни в день его инаугурации. В результате свой первый зарубежный визит в должности президента Д.А. Медведев совершил в Казахстан — страну, являющуюся главным конкурентом Узбекистана в Центральной Азии. Данный визит имел статус государственного, что не оставляло иллюзий по поводу намерения нового российского лидера изменить установленный В.В. Путиным баланс в отношениях Москвы с Астаной и Ташкентом. В итоге российско-узбекские отношения, формально сохранившие союзнический статус, стали стремительно охлаждаться.

Таким образом, в 2000–2008 годах российско-узбекские отношения демонстрировали весьма противоречивые тенденции: краткий период их роста (август 1999 — сентябрь 2000 года) сменился новым этапом взаимной отчужденности сторон (конец 2000 — конец 2002 года), а затем — очередным подъемом, продолжавшимся вплоть до избрания президентом России Д.А. Медведева (январь 2003 — март 2008 года). При этом различные сферы двустороннего взаимодействия развивались разнонаправленно: в то время как в одних областях сотрудничества имел место прогресс, другие могли испытывать спад. Вместе с тем на протяжении всего рассмотренного нами периода общая логика эволюции российско-узбекских отношений оставалась неизменной: генеральный тренд их развития был восходящим, благодаря чему стороны в максимально сжатые сроки избавились от негативного наследия 1990-х годов и прошли путь от взаимного недоверия с элементами конфронтации к практически ориентированному конструктивному диалогу. В итоге Россия и Узбекистан оперативно вышли на уровень стратегического партнерства, а затем постарались взять еще более высокую планку союзнического взаимодействия. Очевидно, что столь успешным развитием своего сотрудничества стороны были обязаны в первую очередь дипломатии В.В. Путина, с отставкой которого с поста президента между Москвой и Ташкентом исчезло былое взаимопонимание и возникли новые серьезные разногласия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурибаев, А. Иванов за Каримова [Электронный ресурс] / А. Бурибаев // Газета. — 2005. — 6 июня. — Режим доступа: <http://www.gzt.ru/politics/2005/06/09/010500.html>.
2. Встречи Путина и Каримова в Самарканде: избавление от эйфории [Электронный ресурс] // UzLand. — 2003. — 7 августа. — Режим доступа: <http://www.uzland.info/2003/august/07/01.htm>.
3. Гамов, А. Владимир Путин и Ислам Каримов строят мост из хлопка [Текст] / А. Гамов // Комсомольская правда. — 1999. — 14 декабря.
4. Декларация о всестороннем сотрудничестве Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан от 12 октября 1998 г. // Дипломат. вестн. — 1998. — № 11. — С. 33–34.
5. Договор между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан о дальнейшем углублении

всестороннего сотрудничества в военной и военно-технической областях от 11 декабря 1999 г. [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 8. — Ст. 601.

6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан об углублении экономического сотрудничества на 1998–2007 годы от 12 октября 1998 г. [Текст] // Дипломат. вестн. — 1998. — № 11. — С. 28–30.

7. Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 14 ноября 2005 г. [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 44. — Ст. 4542.

8. Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 16 июня 2004 г. [Текст] // Бюл. междунар. договоров. — 2005. — № 7. — С. 75–78.

9. **Заявление** и ответ на вопрос на пресс-конференции по итогам переговоров с президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — 2000. — 19 мая. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/05/121104.shtml>.

10. **Заявление** официального представителя Министерства иностранных дел России А.В. Яковенко в связи с событиями в г. Андижан от 13 мая 2005 г. [Электронный ресурс] // М-во иностранных дел РФ. Департамент информации и печати. — 2005. — 13 мая. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/6bc38aseada6e44b432569e700419ef5/432569d800221466c3257000005e990e?OpenDocument>.

11. **Заявление** президента России В.В. Путина для прессы и ответы на вопросы журналистов в ходе рабочей поездки в Республику Узбекистан от 6 августа 2003 г. [Текст] // Дипломат. вестн. — 2003. — № 9. — С. 22–24.

12. **Заявления** для прессы по итогам российско-узбекистанских переговоров [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — 2008. — 6 февраля. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159344.shtml> (дата обращения: 01.05.2012).

13. **Каримов, И.А.** Узбекистан был и будет для Китая дружественным и надежным партнером [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. — 2005. — 25 мая. — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/3414473.html>.

14. **Он же.** Узбекистан ни на какие авантюры не пойдет! [Текст] / И.А. Каримов // Время новостей. — 2000. — 25 сентября.

15. **Каримов** предложил Путину стать союзником [Электронный ресурс] // Lenta.ru. — 2005. — 7 октября. — Режим доступа: <http://old.lenta.ru/news/2005/10/07/allied/>.

16. **Мещеряков, К.Е.** Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития, пути модернизации с целью повышения эффективности [Текст] / К.Е. Мещеряков. — СПб.: Скифия-принт, 2012.

17. **Министерство** иностранных дел РФ осудило «похоронивших» Каримова [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2003. — 7 марта. — Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20030307/335550.html>.

18. **Наследники** Тимура [Электронный ресурс] // UzLand. — 2002. — 18 октября. — Режим доступа: <http://uzland.info/2002/october/18/01.htm>.

19. **О визите** Президента Узбекистана в Россию [Электронный ресурс] // Пресс-служба Президента Республики Узбекистан. — 2005. — 29 июня. — Режим доступа: <http://www.press-service.uz/ru/gsection.scm?groupId=4421&contentId=11101>.

20. **Панфилова, В.** Владимир Путин вербует нового союзника в Азии [Текст] / В. Панфилова // Независимая газ. — 2003. — 7 августа.

21. **Президент** Узбекистана призвал все миролюбивые страны сообща бороться с терроризмом [Электронный ресурс] // UzLand. — 2002. — 29 октября. — Режим доступа: <http://www.uzland.info/2002/october/29/05.htm>.

22. **Пресс-конференция** президента Ислама Каримова на 8-й сессии Олий Мажлиса (4 апреля 2002 г.) [Электронный ресурс] // Там же. — 8 апреля. — Режим доступа: <http://www.uzland.info/2002/april/08/03.htm>.

23. **Программа** экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан на 1998–2007 годы от 12 октября 1998 г. [Текст] // Дипломат. вестн. — 1998. — № 11. — С. 30–33.

24. **Путин, В.В.** Интервью китайской газете «Жэньминь Жибао» от 4 июня 2002 г. [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Президент России. Официальный сайт. — 2002. — 4 июня. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2002/06/28936.shtml>.

25. **Сафаев, С.** Никаких иностранных военных баз в Узбекистане нет [Текст] / С. Сафаев // Коммерсант-daily. — 2003. — 5 сентября.

26. **Совместное** заявление Президента Российской Федерации и Президента Республики Узбекистан от 4 мая 2001 г. [Текст] // Дипломат. вестн. — 2001. — № 6. — С. 60–61.

27. **Совместное** заявление Президентов Российской Федерации и Республики Узбекистан от 6 февраля 2008 г. [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — 2008. — 6 февраля. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/02/159329.shtml>.

28. **Состоялся** телефонный разговор Владимира Путина с президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — 2007. — 24 декабря. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2007/12/155404.shtml>.

29. **Узбекская** оппозиция: в Андижане погибло до 1,5 тыс. человек [Электронный ресурс] // Информ. агентство Росбалт. — 2005. — 18 мая. — Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/2005/05/18/209105.html>.

30. **Черногаев, Ю.** Средняя Азия, которую мы потеряли [Текст] / Ю. Черногаев // Коммерсант-daily. — 2002. — 11 января.

31. **Он же.** Узбеки встанут под российское оружие [Текст] / Ю. Черногаев // Там же. — 2001. — 2 марта.

32. **Чубченко, Ю.** Олбрайт опередила Путина [Текст] / Ю. Чубченко // Там же. — 2000. — 19 апреля.

33. **Шерматова, С.** Рукопожатие крепкое. Москва получила информацию о ситуации в Узбекистане и здоровье президента Каримова из первых рук [Текст] / С. Шерматова // Московские новости. — 2003. — № 4.

34. **Boucher, R.** Secretary of State Decision not to Certify Uzbekistan. Press Statement. July 13, 2004 [Electronic resource] // US Department of State. – 2004. – 13 July. – Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2004/34363.htm>.

35. **President Karimov** about relations with Russia [Electronic resource] // UzLand. – 2002. – 12 De-

cember. – Access mode: <http://uzland.info/2002/december/13/11.htm>.

36. **Uzbek** – Russian presidents hold news conference in Uzbek capital [Electronic resource] // Ibid. – 2000. – 20 May. – Access mode: http://www.uzland.info/2000/05_20.htm#putin13.

REFERENCES

1. **Buribaev A.** Ivanov za Karimova. *Gazeta*, 2005, 6 June. Access mode: <http://www.gzt.ru/politics/2005/06/09/010500.html>. (rus.)

2. Vstrechi Putina i Karimova v Samarkande: izbavlenie ot eiforii. *UzLand*, 2003, August 7. Access mode: <http://www.uzland.info/2003/august/07/01.htm>. (rus.)

3. **Gamov A.** Vladimir Putin i Islam Karimov stroiat most iz khlopka. *Komsomol'skaia Pravda*, 1999, December 14. (rus.)

4. Deklaratsiia o vstoronnem sotrudnichestve Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Uzbekistan (October 12, 1998). *Diplomaticeskii vestnik*, 1998, nr 11, pp. 33–34. (rus.)

5. Dogovor mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Uzbekistan o dal'neishem uglublenii vstoronnego sotrudnichestva v voennoi i voenno-tekhnicheskoi oblastiakh (December 11, 1999). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2004, nr 8, art. 601. (rus.)

6. Dogovor mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Uzbekistan ob uglublenii ekonomicheskogo sotrudnichestva na 1998–2007 gody (October 12, 1998). *Diplomaticeskii vestnik*, 1998, nr 11, pp. 28–30. (rus.)

7. Dogovor o soiuznicheskikh otnosheniakh mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Uzbekistan (November 14, 2005). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2006, nr 44, art. 4542. (rus.)

8. Dogovor o strategicheskome partnerstve mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Uzbekistan (June 16, 2004). *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2005, nr 7, pp. 75–78. (rus.)

9. Zaiavlenie i otvet na vopros na press-konferentsii po itogam peregovorov s Prezidentom Uzbekistana Islamom Karimovym (May 19, 2000). Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/05/121104.shtml>. (rus.)

10. Zaiavlenie ofitsial'nogo predstavitelia Ministerstva inostrannykh del Rossii A.V. Iakovenko v sviazi s sobytiiami v g. Andizhan (May 13, 2005). Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii. Departament informatsii i pechati. Access mode: <http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/6bc38aceada6e44b432569e700419ef5/432569d800221466c3257000005e990e?OpenDocument>. (rus.)

11. Zaiavlenie prezidenta Rossii V.V. Putina dlia pressy i otvety na voprosy zhurnalistov v khode rabochei poezdki v Respubliku Uzbekistan (August 6, 2003). *Diplomaticeskii vestnik*, 2003, nr 9, pp. 22–24. (rus.)

12. Zaiavleniia dlia pressy po itogam rossiisko-uzbekistanskikh peregovorov (February 6, 2008). Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait. Access mode: <http://archi-ve.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159344.shtml> (01.05.2012). (rus.)

13. **Karimov I.A.** Uzbekistan byl i budet dlia Kitaia družhestvennym i nadezhnym partnerom. Interv'iu gazete Zhen'min' Zhibao (May 25, 2005). Zhen'min' Zhibao [site]. Access mode: <http://russian.people.com.cn/31521/3414473.html>. (rus.)

14. **Idem.** Uzbekistan ni na kakie avantiury ne poidet! *Vremia novostei*, 2000, September 25. (rus.)

15. Karimov predlozhl Putinu stat' soiuznikom. *Lenta.ru*, 2005, October 7. Access mode: <http://old.lenta.ru/news/2005/10/07/allied/>. (rus.)

16. **Meshcheriakov K.E.** Vneshniaia politika Rossii v Tsentral'noi Azii: problemy i tendentsii razvitiia, puti modernizatsii s tsel'iu povysheniia effektivnosti. St. Petersburg, Skiffia-print, 2012. Pp. 212–229. (rus.)

17. Ministerstvo inostrannykh del RF osudil «pokhoronivshikh» Karimova. *RIA Novosti*, 2003, March 7. Access mode: <http://ria.ru/politics/20030307/335550.html>. (rus.)

18. Nasledniki Timura. *UzLand*, 2002, October 18. Access mode: <http://uzland.info/2002/october/18/01.htm>. (rus.)

19. O vizite Prezidenta Uzbekistana v Rossiiu. *Press-sluzhba Prezidenta Respubliki Uzbekistan*, 2005, June 29. Access mode: <http://www.press-service.uz/ru/gsection.scm?groupId=4421&contentId=11101>. (rus.)

20. **Panfilova V.** Vladimir Putin verbuet novogo soiuznika v Azii. *Nezavisimaia gazeta*, 2003, August 7. (rus.)

21. Prezident Uzbekistana prizval vse miroliubivye strany soobshcha borot'sia s terrorizmom. *UzLand*, 2002, October 29. Access mode: <http://www.uzland.info/2002/october/29/05.htm>. (rus.)

22. Press-konferentsiia Prezidenta Islama Karimova na vos'moi sessii Olii Mazhlisa (April 4, 2002). *UzLand*, 2002, April 8. Access mode: <http://www.uzland.info/2002/april/08/03.htm>. (rus.)

23. Programma ekonomicheskogo sotrudnichestva mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Uzbekistan na 1998–2007 gody (October 12, 1998). *Diplomaticeskii vestnik*, 1998, nr 11, pp. 30–33. (rus.)

24. **Putin V.V.** Interv'iu kitaiskoi gazete “Zhen'min' Zhibao” (June 4, 2002). Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2002/06/28936.shtml>. (rus.)

25. **Safaev S.** Nikakikh inostrannykh voennykh baz v Uzbekistane net. *Kommersant-daily*, 2003, September 5. (rus.)
26. Sovmestnoe zaiavlenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii i Prezidenta Respubliki Uzbekistan (May 4, 2001). *Diplomaticheskii vestnik*, 2001, nr 6, pp. 60–61. (rus.)
27. Sovmestnoe zaiavlenie Prezidentov Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Uzbekistan (February 6, 2008). Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/02/159329.shtml>. (rus.)
28. Sostoialsia telefonnyi razgovor Vladimira Putina s Prezidentom Uzbekistana Islamom Karimovym (December 24, 2007). Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2007/12/155404.shtml>. (rus.)
29. Uzbekskaia oppozitsiia: V Andizhane pogiblo do 1,5 tys. chelovek. *Informatsionnoe agentstvo Rosbalt*, 2005, May 18. Access mode: <http://www.rosbalt.ru/2005/05/18/209105.html>. (rus.)
30. **Chernogaev Iu.** Sredniaia Aziia, kotoruiu my poteriali. *Kommersant-daily*, 2002, January 11. (rus.)
31. **Idem.** Uzbeki vstanut pod rossiiskoe oruzhie. *Kommersant-daily*, 2001, March 2. (rus.)
32. **Chubchenko Iu.** Olbrait operedila Putina. *Kommersant-daily*, 2000, April 19. (rus.)
33. **Shermatova S.** Rukopozhatie krepкое. Moskva poluchila informatsiiu o situatsii v Uzbekistane i zdorov'e prezidenta Karimova iz pervykh ruk. *Moskovskie novosti*, 2003, nr 4, pp. 13. (rus.)
34. **Boucher R.** Secretary of State Decision not to Certify Uzbekistan. Press Statement. July 13, 2004. *US Department of State*, 2004, July 13. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2004/34363.htm>.
35. President Karimov about relations with Russia. *UzLand*, 2002, December 12. Access mode: <http://uzland.info/2002/december/13/11.htm>.
36. Uzbek – Russian presidents hold news conference in Uzbek capital. *Uzland*, 2000, May 20. Access mode: http://www.uzland.info/2000/05_20.htm#putin13.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МЕЩЕРЯКОВ Константин Евгеньевич – доцент – заместитель заведующего кафедрой международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат исторических наук, доцент.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
mesce@mail.ru

MESCERYAKOV Konstantin E. – St. Petersburg State University, St. Petersburg State Polytechnical University.
Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
mesce@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 327

К.Е. Мещеряков

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1997–2005 ГОДАХ:
ОТ ДОНОРНО-АКЦЕПТОРНОГО ХАРАКТЕРА
К НОВЫМ ПРИНЦИПАМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ***

Konstantin E. Mesceryakov

**THE RUSSIAN-TAJIKISTANI RELATIONS IN 1997–2005:
FROM THE DONOR-ACCEPTOR MODEL
TO THE PRAGMATIC COOPERATION**

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции и проблемы развития российско-таджикских межгосударственных отношений в 1997–2005 годах. Анализируются причины, ход и последствия перехода двустороннего сотрудничества с донорно-акцепторной схемы на принципы взаимной выгоды и прагматизма.

Ключевые слова

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, ТАДЖИКИСТАН, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1992–1997), СОЮЗНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО, 201-Я РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ БАЗА, РОГУНСКАЯ ГЭС, САНГУДИНСКАЯ ГЭС, «ГАЗПРОМ», «РУССКИЙ АЛЮМИНИЙ».

Abstract

The article deals with the main trends and problems in the evolution of the Russian-Tajikistani relations in 1997–2005. It analyses why and how the bilateral relations switched from the donor-acceptor model to the pragmatic type of cooperation, and describes the results of that transition.

Keywords

RUSSIAN FEDERATION, TAJIKISTAN, 1992–1997 CIVIL WAR, ALLIED RELATIONS, STRATEGIC PARTNERSHIP, 201st RUSSIAN MILITARY BASE, ROGUN HYDROELECTRIC POWER STATION, SANGTUD HYDROELECTRIC POWER STATION, “GAZPROM”, “RUSSIAN ALUMINIUM”.

Несмотря на незначительные размеры своей территории (143,1 тыс. квадратных километров), небольшую численность населения (7,5 млн человек) и ограниченный экономический потенциал, Республика Таджикистан традиционно является одним из приоритетных партнеров России в Центральной Азии и в целом на постсоветском пространстве. Данное обстоятельство объясняется несколькими соображениями.

Во-первых, Таджикистан имеет исключительно важное геополитическое положение. Республика расположена высоко в горах Тянь-Шаня и Памира, являясь своеобразной «крышей мира» для всего центральноазиатского региона, предоставляющей широкие возможности для использования ее ландшафтов в военных целях.

Во-вторых, страна имеет протяженную границу с Афганистаном, в течение уже более 20 лет остающимся главным источником напряженности на Среднем Востоке и местом сосредоточения угроз безопасности государствам Центральной Азии и самой России.

В-третьих, ввиду активного прироста населения, чрезвычайно низкого уровня жизни

*Статья подготовлена при содействии гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК–696.2013.6).

и высоких показателей безработицы Республика Таджикистан является одним из главных на постсоветском пространстве центров трудовой эмиграции. Основным направлением таджикской миграции выступает Россия, что ставит перед Москвой задачу проведения регулярных контактов с Душанбе по вопросам профилактики нелегальной миграции и связанных с нею проблем.

В-четвертых, за годы гражданской войны в Таджикистане (1992–1997) Россия оказала данной стране массивную экономическую и военно-техническую помощь, масштабы которой даже сегодня представляются колоссальными. По существу, само выживание Таджикского государства стало возможным лишь благодаря всесторонней поддержке России, что обусловило формирование особо тесных связей между нашими странами [13, с. 133–157; 14]. Большая часть помощи была оказана Таджикистану безвозмездно, однако по мере урегулирования обстановки в республике у нее стала накапливаться задолженность перед Москвой по ранее предоставленным кредитам. В результате в российско-таджикских отношениях возникла проблема долга, что еще более повысило значимость активного диалога между нашими странами.

Наконец, в-пятых, Таджикистан был, есть и в обозримой перспективе останется самым нестабильным государством в Центральной Азии. Чрезвычайно сложная этнополитическая структура, многочисленные проблемы социально-экономического и внутривнутриполитического характера, постоянное давление со стороны как экстремистов – уроженцев мусульманского Востока, так и западных стран и общественных организаций создают серьезную угрозу повторения в Таджикистане «взрыва», произошедшего в начале 1990-х годов. Между тем реэскалация межтаджикского конфликта будет иметь тяжчайшие, если не катастрофические, последствия для всех соседей республики, а следовательно, нанесет непоправимый ущерб и безопасности России. Поэтому Москва стремится «держать руку на пульсе» и путем углубления своего взаимодействия с Душанбе не допустить подобного развития событий в республике.

Рассмотрим подробнее один из ключевых этапов современной истории российско-таджикских отношений – период с 1997 по

2005 год. Выбор соответствующих хронологических рамок исследования обусловлен тем, что в 1997 году в Таджикистане завершилась кровопролитная гражданская война, и республика начала переход к мирной жизни. Это позволило Москве поставить вопрос о пересмотре фундаментальных принципов своего взаимодействия с Душанбе: если раньше она выступала безусловным донором таджикской экономики, то теперь ею был взят курс на поиск менее убыточной схемы двустороннего сотрудничества. Подобная трансформация вызвала резко негативную реакцию со стороны Таджикистана, категорически не желавшего отказываться от роли акцептора в своих отношениях с Россией. В результате новый порядок взаимодействия сторон был официально согласован лишь осенью 2004 года и начал реализовываться на практике с 2005 года.

После подписания в июне 1997 года. Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане [16] Россия взяла на себя роль главного гаранта реализации его положений. Она продолжала в полном объеме выполнять свои союзнические обязательства перед Таджикистаном: сохранила военное присутствие в республике и на ее границах с Афганистаном и Китаем, неизменно оказывала Душанбе экономическую помощь, не препятствовала дальнейшему притоку в свои города таджикских граждан.

В марте 1998 года Таджикистан присоединился к общему экономическому пространству Казахстана, Киргизии и Узбекистана – Центральноазиатскому союзу, в июле 1998 года преобразованному в Центральноазиатское экономическое сообщество. Это свидетельствовало о начале возрождения таджикской экономики. Вместе с тем в республике еще оставались силы, стремившиеся вернуть ее в хаос гражданской войны. Они провоцировали периодические столкновения с правительственными войсками и совершали покушения на сотрудников международных миссий, работавших на территории Таджикистана. Понимая, что стабильность в республике во многом будет обеспечена лишь при отказе Душанбе от традиционной конфронтации с соседним Узбекистаном, Москва предприняла попытку примирить его с Ташкентом, воспользовавшись тем, что с последним у нее в 1997–1998 годах сложились достаточно теплые

отношения. В результате таджикская тематика стала одной из основных в ходе государственного визита в Москву президента Узбекистана И.А. Каримова, состоявшегося в мае 1998 года. Тогда главы России и Узбекистана констатировали наличие у них общей позиции по вопросу о ситуации в Таджикистане, что существенно отличалось от их прежних заявлений [23]. Одним из важнейших итогов визита стало предложение о создании тройственного союза России, Таджикистана и Узбекистана для борьбы с исламским фундаментализмом. Несмотря на то что полноценное взаимодействие Душанбе и Ташкента в рамках данного объединения изначально воспринималось Москвой как маловероятное, российская дипломатия исходила из того, что заинтересованность таджикской и узбекской сторон в укреплении партнерских отношений с Москвой окажется сильнее их неприязни друг к другу. Создание союза гарантировало, что в ближайшее время между Душанбе и Ташкентом не произойдет серьезных конфликтов, и избавляло Россию от необходимости соизмерять свои действия на узбекском направлении с позицией Таджикистана и наоборот.

«Дух Таджикистана» витал и на встречах Б.Н. Ельцина и И.А. Каримова, состоявшихся в ходе государственного визита президента России в Узбекистан в октябре 1998 года. Вопреки существующей международной практике, при которой государственный визит лидера одной страны в другую предполагает проведение переговоров исключительно между главами этих двух стран, в ходе визита Б.Н. Ельцина в Ташкент прибыл и третий президент – Э.Ш. Рахмонов. Трое руководителей подписали Декларацию о всестороннем сотрудничестве, в которой отмечалось, что стороны будут развивать партнерство в области безопасности и обороны. Целями декларации объявлялись углубление взаимодействия сторон в интересах обеспечения мира и стабильности в региональном и глобальном масштабах, а также оказание поддержки друг другу в вопросах предотвращения угрозы суверенитету и территориальной целостности трех государств. Стороны договорились совместно противостоять религиозному экстремизму и попыткам силовым путем изменить их конституционный строй [7]. В итоге идея создания союза России, Таджикистана и Узбекистана получила документальное оформление.

Просуществовав менее месяца, «тройственный союз» распался. В ноябре 1998 года бывший полковник вооруженных сил Таджикистана М. Худойбердыев, не входивший ни в правительственную коалицию Таджикистана, ни в объединенную таджикскую оппозицию, во главе отряда численностью до тысячи человек вторгся с территории Узбекистана в Худжандскую область Таджикистана. Подконтрольные ему боевики вступили в бой с войсками президента Э.Ш. Рахмонова, угрожая взорвать плотину Кайраккумского водохранилища и затопить Душанбе. Через неделю правительственные войска подавили мятеж, однако факт проникновения отряда М. Худойбердыева с территории Узбекистана, безусловно, являлся нарушением Декларации о всестороннем сотрудничестве России, Таджикистана и Узбекистана и свидетельствовал о том, что Ташкент, по крайней мере, не стал препятствовать выступлению боевиков. Это было крайне болезненно воспринято в Душанбе и сорвало попытки российской дипломатии примирить руководство Таджикистана и Узбекистана. России вновь пришлось выбирать, на какое из двух государств ей следует опираться при проведении своей политики в Центральной Азии. Не желая обострения отношений с Ташкентом, который официально заявил о своей непричастности к мятежу на севере Таджикистана, Москва, тем не менее, предложила Э.Ш. Рахмонову содействие в борьбе с незаконными вооруженными формированиями [18]. Реакция на это узбекского руководства осталась неизвестной, но уже в конце ноября российско-узбекские отношения стали стремительно ухудшаться, что окончательно поставило крест на идее создания «тройственного союза».

Воспользовавшись нарастанием российско-узбекских противоречий и опасаясь дальнейшего усиления давления со стороны Ташкента, Э.Ш. Рахмонов стал активнее демонстрировать свои пророссийские взгляды, что было высоко оценено Москвой. В начале 1999 года Россия, понимая невозможность сохранения своего влияния на Узбекистан, стала рассматривать Таджикистан в качестве главного проводника своих интересов в Центральной Азии (к этому времени в ее отношениях с Казахстаном и Киргизией также произошло некоторое охлаждение). В феврале 1999 года по инициативе

Москвы Душанбе стал пятым участником Таможенного союза наряду с Россией, Беларуссией, Казахстаном и Киргизией. Одновременно началась подготовка к заключению российско-таджикского союзнического соглашения, призванного заменить бездействовавшую Декларацию о всестороннем сотрудничестве.

Договор о союзническом взаимодействии, ориентированном в XXI век, был подписан Б.Н. Ельциным и Э.Ш. Рахмоновым в апреле 1999 года в ходе очередного визита президента Таджикистана в Москву. Он стал вторым подобным документом, заключенным Россией со странами СНГ, после Декларации о вечной дружбе и союзничестве с Казахстаном, принятой в июле 1998 года [6]. При этом в отличие от декларации договор являлся юридически обязывающим документом.

В договоре отмечалось, что Москва и Душанбе будут строить свои отношения на основе союзничества и широкомасштабного сотрудничества в духе взаимного доверия. Соответственно за российско-таджикскими отношениями окончательно закреплялся союзнический статус. Уникальным разделом документа стал пункт о национальном примирении в Таджикистане: стороны с удовлетворением отметили значительный прогресс после подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в республике, при этом Россия как один из его гарантов обязалась и впредь оказывать мирному процессу необходимую поддержку. В области внешней политики стороны констатировали наличие у них совпадающих или близких позиций по международным проблемам. Для устранения угроз безопасности друг друга они подтвердили намерение принимать все доступные меры, отдавая предпочтение дипломатическим методам. В военно-политической сфере Москва и Душанбе обязались взаимодействовать в обеспечении совместной обороны на основе Договора о коллективной безопасности. В контексте предстоящего выхода из ДКБ Азербайджана, Грузии и Узбекистана они подчеркнули, что продление срока действия данного договора станет важной гарантией обеспечения безопасности стран-участниц. Приоритетными направлениями двустороннего взаимодействия Россия и Таджикистан назвали сотрудничество в пограничной, военно-технической сферах, борьбу с

организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом. Стороны оговорили вопрос о положении русскоязычного населения в Таджикистане и таджиков в России, обязавшись без какой-либо дискриминации обеспечивать своим гражданам равные права и свободы. В договоре впервые четко прописывалось, что Москва и Душанбе придают первостепенное значение углублению экономического сотрудничества, планируя расширить взаимодействие в отраслях цветной металлургии, химической промышленности, машиностроения, агропромышленного комплекса и в транспортной сфере. На повестку дня впервые было выдвинуто развитие межрегиональных связей двух государств. В культурно-гуманитарной сфере стороны выразили намерение содействовать установлению прямых контактов между своими исследовательскими центрами и вузами [9].

Договор о союзническом взаимодействии стал первым крупным соглашением, заключенным Москвой и Душанбе после окончания гражданской войны в Таджикистане. Он показал, что стороны по-прежнему настроены на расширение многопланового диалога. Если в годы межтаджикского противостояния они уделяли внимание преимущественно военно-политическому сотрудничеству, то теперь все большее значение стало приобретать углубление их связей в экономической и гуманитарной областях. Помимо союзнических обязательств России и Таджикистана, документ содержал обновленную программу развития их отношений и мог лечь в основу более узких соглашений по конкретным вопросам. Вместе с тем текст договора оставался предельно лаконичным, что свидетельствовало о весьма ограниченных возможностях расширения сторонами своего взаимодействия.

В развитие положений союзнического соглашения Б.Н. Ельцин и Э.Ш. Рахмонов подписали Договор о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Таджикистана. Договор определил, что в течение года после его вступления в силу в Таджикистане будет создана российская военная база, которая, помимо функций защиты интересов России, окажет содействие российским и таджикским пограничникам в охране внешних границ Таджикистана. Срок пребывания базы был определен в 10 лет с возможностью продления

на последующие 5-летние периоды [8]. Таким образом, российская сторона повысила уровень своего военного присутствия в Таджикистане, а Душанбе получил дополнительные гарантии защиты от внешних угроз. Единственной проблемой, связанной с подписанием данного документа, стало то, что российская база могла появиться в Таджикистане лишь по истечении неопределенного срока, хотя таджикская сторона рассчитывала на немедленное преобразование в нее 201-й российской мотострелковой дивизии, расквартированной в Душанбе [35].

Характер визита Э.Ш. Рахмонова и подписанных сторонами соглашений продемонстрировал, что в апреле 1999 года российско-таджикские отношения достигли наивысшего уровня, на котором они пребывали в течение еще некоторого промежутка времени. Вместе с тем приходится констатировать, что союз Москвы и Душанбе во многом стал вынужденным и не имел в своем возникновении особой логики. Уже в течение нескольких лет режим Э.Ш. Рахмонова, имевший массу внутренних проблем и лишенный внешней поддержки, существовал главным образом за счет масштабной помощи со стороны России. В то же время возможности Москвы укрепить свои позиции в Центральной Азии через привилегированные отношения с Душанбе оставались минимальными, поскольку Таджикистан являлся самым слабым государством региона и не мог влиять на позицию остальных стран. Он не был притягателен для России ни в экономическом, ни в гуманитарном плане: его рынок оставался предельно узким, а численность проживавших там русских граждан на порядок уступала Казахстану и Узбекистану. Как уже отмечалось нами, поддерживая Э.Ш. Рахмонова, Россия стремилась не допустить эскалации межтаджикского конфликта и воспрепятствовать созданию на территории Таджикистана исламского государства. К началу 1999 года данные цели были достигнуты: в стране наметилась стабилизация. Тогда же Москва стала видеть в Душанбе своего главного союзника в Центральной Азии, хотя данный поворот ее дипломатии являлся сугубо конъюнктурным и прогнозировался лишь до улучшения ее отношений с Астаной и Ташкентом. Поэтому дальнейшее развитие российско-таджикского сотрудничества на принципах, утвердившихся в годы президентства Б.Н. Ельцина, представ-

лялось для Москвы обременительным, что ставило перед ней задачу выработки новых основ взаимодействия с Душанбе.

Между тем в сентябре 1999 года, с опозданием более чем на год от срока, предусмотренного Общим соглашением об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, на общереспубликанском референдуме были приняты поправки к конституции, легализовавшие деятельность религиозных партий. В ноябре состоялись первые после гражданской войны президентские выборы, в которых участвовали два кандидата: Э.Ш. Рахмонов и выдвинутый оппозиционной Исламской партией возрождения министр экономики Д. Усмон. Явка на выборах превысила 98 %, при этом за Э.Ш. Рахмонова проголосовали почти 97 % избирателей [4]. В ходе предвыборной кампании российское руководство активно поддерживало действующего президента Таджикистана.

На церемонии инаугурации Э.Ш. Рахмонова от России присутствовал председатель правительства В.В. Путин. Встреча В.В. Путина в Душанбе была организована по высшему разряду: его принимали не как главу правительства, а как действующего руководителя страны-союзницы. Выступая с приветственным словом, В.В. Путин зачитал переизбранному президенту поздравление Б.Н. Ельцина и от своего имени добавил, что в восприятии Москвы Э.Ш. Рахмонов занимает одно из ведущих мест среди политиков стран СНГ. Стороны провели обстоятельные переговоры, уделив основное внимание проблемам безопасности. В.В. Путин и Э.Ш. Рахмонов констатировали, что, хотя Россия и Таджикистан не имеют общих границ, их стратегические интересы полностью совпадают: Россия испытывает давление со стороны вооруженных экстремистов в Чечне, а Таджикистан — со стороны афганских боевиков. В связи с этим В.В. Путин пообещал, что российские войска и пограничные части будут присутствовать в Таджикистане так долго, как этого потребуют обстоятельства [34].

После отставки Б.Н. Ельцина Москва сохранила преимущество своего внешнеполитического курса в отношении Душанбе. Уже в первые дни своего президентства В.В. Путин подтвердил союзнические обязательства России перед Таджикистаном [11]. До осени 2000 года основными темами двусторонних переговоров

оставались вопросы взаимодействия в политической и военной областях. В октябре 2000 года Таджикистан в числе прочих участников «Таможенной пятерки» стал соучредителем Евразийского экономического сообщества, что должно было дать ему дополнительные возможности для интеграции в рамках данного объединения.

Вместе с тем в середине 2000 года, когда в отношениях России и Казахстана обозначился новый рост, на таджикском направлении внешней политики Москвы стал намечаться «прагматический поворот». Его начало было положено подписанием Соглашения о предоставлении Россией Таджикистану военных полигонов для проведения боевых стрельб. В отличие от предыдущих лет, когда военное сотрудничество между двумя странами развивалось главным образом за счет Москвы, теперь Душанбе должен был взять на себя все расходы, связанные с проведением соответствующих учений, возмещая их только в денежной форме [26]. Соответственно Россия отказалась от дальнейшего кредитования Таджикистана на безвозмездной основе и от натуральной системы оплаты предоставляемых ему услуг.

В 2001 году активность российско-таджикского диалога несколько снизилась. Одновременно по инициативе Ташкента началось заметное оживление в российско-узбекских отношениях, воспринятое Москвой с явным удовлетворением. После этого Душанбе окончательно утратил роль главного союзника России в Центральной Азии, и дальнейшее оказание ею безвозмездной помощи режиму Э.Ш. Рахмонова оказалось под угрозой. Стремясь повлиять на позицию российского руководства, в преддверии государственного визита в Москву И.А. Каримова, намеченного на май 2001 года, Э.Ш. Рахмонов посетил Россию с рабочим визитом. Встреча президентов России и Таджикистана состоялась в воскресенье вечером [3] и практически не получила освещения в прессе. По официальным данным, главы государств обсуждали вопросы взаимодействия в борьбе с международным терроризмом, экономические проблемы, а также положение дел в Афганистане [31]. Однако таджикскому лидеру не удалось достичь своей главной цели: убедить В.В. Путина в нецелесообразности ускоренного развития российско-узбекского сотрудничества и необходимости вернуть российско-таджик-

ские отношения на прежний идеологический фундамент.

После событий 11 сентября 2001 года руководство США начало переговоры об оказании Душанбе содействия западным странам в проведении антиталибской операции. Объективно из всех центральноазиатских государств события в Афганистане могли оказать наибольшее влияние именно на Таджикистан, поэтому разгром талибов являлся для него жизненно важным. В то время как лидеры других республик, объясняя готовность предоставить свои военные объекты в пользование НАТО, пытались проявить максимальную дипломатичность, таджикское руководство высказалось откровенно: «Америка рано или поздно уйдет, а мы останемся. И мы не сможем противостоять талибам в одиночку... Могла бы помочь Россия, но у России нет ресурсов еще и для войны в Азии» [33]. В результате Душанбе передал боевой авиации НАТО аэродром в Кулябе, заявив, что он не будет иметь статуса иностранной военной базы [5]. При этом Таджикистан обеспечил дополнительные валютные поступления в свой бюджет и впервые заручился поддержкой США, диверсифицировав свою внешнюю политику и немного ослабив свою зависимость от России.

Реакция Москвы на соответствующее решение таджикских властей оказалась сдержанной, однако темпы развития двусторонних отношений после этого еще более снизились: даже телефонные переговоры В.В. Путина и Э.Ш. Рахмонова стали проводиться достаточно редко. В отношениях с Таджикистаном Россия не настаивала на расширении экономического и гуманитарного сотрудничества, что в условиях сокращения политического взаимодействия оставляло сторонам очень узкие возможности для поддержания диалога. В апреле 2002 года В.В. Путин направил Э.Ш. Рахмонову поздравление по случаю 10-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. В нем впервые за несколько лет уровень двустороннего партнерства не был охарактеризован как союзнический [1]. В ноябре 2002 года Москва и Душанбе подписали Соглашение о передаче под контроль Таджикистана китайского участка таджикской границы, ранее охраняемого российскими военнослужащими [28]. Документ не определил конкретной даты завер-

шения соответствующих процедур, дав сторонам возможность осуществить их в спокойном порядке, как это уже было сделано в Киргизии.

В декабре 2002 года правительства двух стран заключили одно из наименее удобных для Душанбе соглашений — об урегулировании задолженности Таджикистана перед Россией. Общая сумма долга была определена в 323,15 млн долларов и подлежала погашению в 33 захода до конца 2018 года [27]. Соответственно Москва настояла на погашении Душанбе задолженности по ранее предоставленным ему кредитам в денежной форме, окончательно отказавшись от бартерной схемы, существовавшей в годы президентства Б.Н. Ельцина. Однако условия погашения долга учитывали реальные возможности таджикской экономики и не могли привести к ее заметному ослаблению.

Преодолев донорно-акцепторный характер своего взаимодействия, в 2003 году стороны вновь активизировали контакты друг с другом. В апреле В.В. Путин посетил Душанбе с рабочим визитом, назвав главным приоритетом российско-таджикского сотрудничества доведение торгово-экономических связей до такого же высокого уровня, на котором находились политические контакты между двумя государствами. Стороны отметили перспективность взаимодействия в сфере гидроэнергетики, в частности необходимость совместного строительства Сангтудинской ГЭС, а также важность увеличения объемов поставок на российский рынок таджикского хлопка и алюминия. Отдельное внимание президенты уделили межрегиональному сотрудничеству. Обсуждая вопросы миграции, В.В. Путин заметил, что Россия нуждается в трудовых мигрантах из Таджикистана, назвав при этом в качестве основных проблем нелегальную миграцию и связанный с нею рост преступности [22].

В целях реализации обозначенных выше решений в мае 2003 года правительство Таджикистана и ОАО «Газпром» заключили соглашение о стратегическом сотрудничестве в газовой отрасли сроком на 25 лет. Оно предусматривало совместное проведение геолого-разведочных работ на газоносных площадях Таджикистана, разработку и эксплуатацию месторождений природного газа, строительство трубопроводов. В итоге Россия активизировала проникновение на таджикский энергетический рынок, что

в перспективе могло стать одним из основных направлений двустороннего взаимодействия. На этом фоне несколько расширились связи между Республикой Таджикистан и российскими регионами.

В 2004 году в оценках таджикским руководством политики России вновь звучали теплые нотки. На июньской встрече с В.В. Путиным в Сочи Э.Ш. Рахмонов заявил: «То, что Россия имеет в Таджикистане, нет ни с одной республикой бывшего Советского Союза» [15]. Стороны решили, что часть задолженности Душанбе перед Москвой будет вложена в крупные инвестиционные энергетические проекты на территории Таджикистана, а остальные долги будут погашены путем передачи в российскую аренду оптико-электронного узла «Нурек» системы контроля за космическим пространством. Президенты договорились, что участки для развертывания в Таджикистане российской военной базы, а также земли, используемые российскими военнослужащими в качестве полигонов, будут безвозмездно переданы Москве в бессрочное пользование [19]. Итоги встречи показали, что российско-таджикские отношения начали выходить на новый уровень, став значительно более конструктивными.

Документальное оформление июньских договоренностей президентов последовало в октябре 2004 года в ходе очередного визита В.В. Путина в Душанбе. Главы государств подписали соглашение о передаче участка таджикско-афганской границы, охраняемого российскими военнослужащими, под контроль Таджикистана [30]. Тем самым Москва полностью завершила выполнение своих обязательств по охране таджикских рубежей. В другом соглашении Россия обязалась оказывать Душанбе техническую и консультативную помощь в охране границ, становлении и функционировании его пограничных структур. В необходимых случаях российские специалисты могли участвовать в мероприятиях по борьбе с противоправными действиями на границах республики [29]. В результате Москва сохранила возможность контроля над взрывоопасной таджикско-афганской границей. Тогда же В.В. Путин и Э.Ш. Рахмонов приняли участие в церемонии открытия российской военной базы в Таджикистане, призванной стать очередным звеном системы коллективной безопасности ОДКБ [21]. Таким

образом, статус российского военного присутствия в Таджикистане стал наивысшим.

В счет сокращения таджикской задолженности перед Москвой на 242,5 млн долларов стороны оформили передачу оптико-электронного узла «Нурек» в российскую аренду сроком на 49 лет [24]. Комплекс «Нурек», находящийся на высоте 2200 метров и предназначенный для обнаружения и распознавания космических объектов, вошел в российскую систему контроля космического пространства, став самым южным и наиболее совершенным из всех принадлежащих России военных объектов [17]. Правительства двух стран подписали соглашение, по которому еще 50 млн долларов таджикского долга реинвестировались в строительство Сангтудинской ГЭС в качестве российских акций, при этом Москва обязалась вложить в строительные работы дополнительно 200 млн долларов [25]. Правительство Таджикистана и компания «Русский алюминий» подписали соглашение о долгосрочном сотрудничестве, предусматривавшее участие «Русала» в строительстве Рогунской ГЭС – в перспективе самой мощной электростанции в Таджикистане – и выделение на эти нужды 560 млн долларов. В течение 7 лет на средства «Русала» также предполагалось соорудить второй в республике алюминиевый завод в Хатлонской области и расширить мощности действующего таджикского алюминиевого завода [12]. Общий объем российских инвестиций в таджикскую экономику до 2012 года должен был составить около 2 млрд долларов [10].

По итогам визита президенты России и Таджикистана сошлись во мнении, что достигнутые ими договоренности по своему масштабу являются абсолютно беспрецедентными: действительно, с другими странами СНГ Россия еще не осуществляла подобного комплексного подхода к решению проблем с выходом на длительную перспективу. В ходе переговоров Москва пошла навстречу Душанбе по проблеме погашения долга, увязав ее с интересными для себя проектами в военной и экономической областях. Главы государств оценили результаты визита как исторические – по словам Э.Ш. Рахмонова, у сторон больше не осталось «никаких проблем, абсолютно никаких вопросов» [Там же].

В конце 2004 года углубилось российско-таджикское межрегиональное сотрудничество.

В ноябре в Душанбе прошел форум деловых кругов двух стран, на котором обсуждались вопросы расширения экономического взаимодействия между регионами и хозяйствующими субъектами России и Таджикистана. Особый интерес к партнерству с Таджикистаном стала проявлять Свердловская область, пожелавшая создать совместные предприятия на базе Яванского химического комбината и Яванской ТЭЦ. Результатом перехода Москвы и Душанбе на новые принципы взаимоотношений также стало увеличение товарооборота в 2002–2004 годах на 93 % (до 259 млн долларов [2, с. 477]).

В апреле 2005 года В.В. Путин и Э.Ш. Рахмонов договорились, что МВД России предоставит своим таджикским коллегам возможность выдавать загранпаспорта гражданам Таджикистана, находящимся на территории России, в специально оборудованных для этого помещениях. Подобные пункты выдачи загранпаспортов было решено открыть в пяти крупных городах. Соответственно граждане Таджикистана, находившиеся в России на законных основаниях, получили возможность существенной экономии средств: если раньше лишь немногие из них могли вернуться на родину для переоформления документов и часто оставались с просроченными паспортами, то теперь все эти проблемы решались прямо в России [20].

Весной 2005 года при активном участии Москвы начались работы по проектированию Рогунской ГЭС и строительству Сангтудинской ГЭС. Осенью в Душанбе с большим успехом прошли Российская национальная выставка и Экономический форум «Россия и Таджикистан: экономическое сотрудничество. Реальность и перспективы», в которых приняли участие представители 23 российских регионов. Определенное развитие получила гуманитарная составляющая двусторонних отношений. Расширилось сотрудничество по линии Российско-Таджикского (Славянского) университета, началось обучение таджикских граждан в военных учебных заведениях России на средства федерального бюджета, прошли Дни культуры Таджикистана в нашей стране.

Таким образом, предпринятый по инициативе В.В. Путина перевод российско-таджикских отношений на прагматическую основу способствовал их общему оживлению и значительному повышению их рентабельности для Москвы.

Вместе с тем Россия утратила роль главного донора таджикской экономики и единственного гаранта сохранения существующего в республике режима. Вслед за этим степень ее влияния на Таджикистан начала снижаться, и Душанбе приступил к поиску альтернативных стратегических партнеров. В результате он начал в одностороннем порядке пересматривать соглашения, заключенные с Россией в октябре 2004 года.

Так, парламент Таджикистана обвинил «Русал» в недостаточном внимании к строительству Рогунской ГЭС и денонсировал соглашение о его участии в достройке данного объекта [32]. Хотя соответствующее решение и не вступило в силу, над наиболее капиталоемким совместным проектом Москвы и Душанбе нависла угроза, и традиционное доверие сторон друг к другу оказалось окончательно подорванным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Владимир Путин** направил поздравление Президенту Таджикистана Эмомали Рахмонову в связи с десятилетием установления дипломатических отношений между Россией и Таджикистаном [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2002/04/146675.shtml>.
2. **Внешняя** торговля Российской Федерации со странами СНГ [Текст] // Россия в цифрах. 2008: стат. сб. – М., 2008.
3. **Волконский, Б.** Президент Рахмонов позвал на помощь [Текст] / Б. Волконский // Коммерсант-daily. – 2001. – 24 апреля.
4. **Он же.** Так избирает советский человек [Текст] / Б. Волконский // Там же. – 1999. – 9 ноября.
5. **Глумсков, Д.** Садитесь, пожалуйста [Текст] / Д. Глумсков, А. Иванов // Там же. – 2001. – 6 декабря.
6. **Декларация** между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие [Текст]: принята 6 июля 1998 г. // Дипломат. вестн. – 1998. – № 8. – С. 32–34.
7. **Декларация** о всестороннем сотрудничестве Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан от 12 октября 1998 г. // Там же. – № 11. – С. 33–34.
8. **Договор** между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан от 16 апреля 1999 г. [Текст] // Бюл. междунар. договоров. – 2006. – № 10. – С. 55–62.
9. **Договор** о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, ориентированном в XXI век, от 16 апреля 1999 г. [Текст] // Дипломат. вестн. – 1999. – № 5. – С. 60–62.
10. **Заявление** для прессы по итогам подписания российско-таджикских документов [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/10/78127.shtml>.
11. **Исполняющий** обязанности Президента России Владимир Путин встретился с Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоновым [Электронный ресурс] // Там же. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2000/01/121547.shtml>.
12. **Колесников, А.** Друг сетей таджик [Текст] / А. Колесников // Коммерсант-daily. – 2004. – 18 октября.
13. **Мещеряков, К.Е.** Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития, пути модернизации с целью повышения эффективности [Текст] / К.Е. Мещеряков. – СПб.: Скифия-принт, 2012. – 372 с.
14. **Он же.** Российско-таджикские отношения в годы гражданской войны в Таджикистане (1992–1997) [Текст] / К.Е. Мещеряков // Клио. – 2012. – № 12. – С. 102–107.
15. **Начало** встречи с Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоновым [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/06/65328.shtml>.
16. **Общее** соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане от 27 июня 1997 г. [Текст] // Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. – S/1997/510.
17. **Объект** «Нурек» – одно из наиболее эффективных средств контроля космоса [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <http://www.rian.ru/science/20050606/40478464.html>.
18. **Панин, Л.** Мятаж в Таджикистане подавлен [Текст] / Л. Панин // Коммерсант-daily. – 1998. – 10 ноября.
19. **Президент** России Владимир Путин и Президент Таджикистана Эмомали Рахмонов продолжили встречу с участием делегаций двух стран [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2004/06/65325.shtml>.
20. **Пресс-конференция** по итогам переговоров с Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоновым [Электронный ресурс] // Там же. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/86362.shtml>.
21. **Путин, В.В.** Выступление на российской военной базе в Таджикистане [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Там же. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/10/78138.shtml>.

22. **Он же.** Заявление для прессы и ответы на вопросы по окончании российско-таджикских переговоров [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Там же. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/04/43747.shtml>.

23. **Совместное** заявление Президентов Российской Федерации и Республики Узбекистан от 6 мая 1998 г. [Текст] // Дипломат. вестн. — 1998. — № 6. — С. 30–31.

24. **Соглашение** между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о передаче в собственность Российской Федерации оптико-электронного узла «Нурек» системы контроля космического пространства и порядке его функционирования от 16 октября 2004 г. [Текст] // Бюл. междунар. договоров. — 2007. — № 4. — С. 42–47.

25. **Соглашение** между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о порядке и условиях долевого участия Российской Федерации в строительстве Сангтудинской ГЭС-1 от 16 октября 2004 г. [Текст] // Там же. — 2005. — № 9. — С. 56–59.

26. **Соглашение** между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о порядке предоставления Российской Федерацией Республике Таджикистан военных полигонов для проведения боевых стрельб воинскими частями и подразделениями Войск противовоздушной обороны Республики Таджикистан от 19 июня 2000 г. [Текст] // Там же. — 2000. — № 11. — С. 50–55.

27. **Соглашение** между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об урегулировании задолженности Республики Таджикистан перед Российской Федерацией по государственным кредитам от 9 декабря 2002 г. [Текст] // Там же. — 2008. — № 12. — С. 58–63.

28. **Соглашение** между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о порядке передачи Республике Таджикистан участка государственной границы Республики Таджикистан с Китайской Народной Республикой, охраняемого Пограничной службой Российской Федерации, и имущества, используемого Пограничной службой Российской Федерации, от 17 октября 2002 г. [Текст] // Там же. — 2003. — № 3. — С. 70–72.

29. **Соглашение** между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве по пограничным вопросам от 16 октября 2004 г. [Текст] // Там же. — 2006. — № 10. — С. 66–77.

30. **Соглашение** о порядке передачи под охрану Республике Таджикистан участка государственной границы Республики Таджикистан с Переходным Исламским Государством Афганистан, охраняемого российскими пограничными органами и Пограничными войсками, от 16 октября 2004 г. [Текст] // Там же. — 2005. — № 2. — С. 93–95.

31. **Состоялась** встреча Владимира Путина и Президента Таджикистана Эмомали Рахмонова [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2001/04/136706.shtml>.

32. **Черкасова, М.** «Русал» не взял таджикскую высоту [Текст] / М. Черкасова // Коммерсант-daily. — 2006. — 30 октября.

33. **Черногаев, Ю.** Владимир Рушайло замирил Центральную Азию [Текст] / Ю. Черногаев // Там же. — 2001. — 22 сентября.

34. **Черногаев, Ю.** Рахмонов тоже наш президент [Текст] / Ю. Черногаев, Б. Волхонский // Там же. — 1999. — 17 ноября.

35. **Чубченко, Ю.** Ельцин и Рахмонов не подписали договор [Текст] / Ю. Чубченко // Там же. — 1999. — 17 апреля.

REFERENCES

1. Vladimir Putin napravil pozdravlenie prezidentu Tadjikistana Emomali Rakhmonovu v sviazi s desiatiletim ustanovleniia diplomaticheskikh odnoshenii mezhdu Rossiei i Tadjikistanom. *Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait*. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2002/04/146675.shtml>. (rus.)

2. Vneshniaia torgovlia Rossiiskoi Federatsii so stranami SNG. *Rossii v tsifrakh*. 2008: Stat. sb. Moscow, 2008. (rus.)

3. **Volkhonskii B.** Prezident Rakhmonov pozval na pomoshch'. *Kommersant-daily*, 2001, April 24. (rus.)

4. **Idem.** Tak izbiraet sovetskii chelovek. *Kommersant-daily*, 1999, November 9. (rus.)

5. **Glumskov D., Ivanov A.** Sadites', pozhaluista. *Kommersant-daily*, 2001, December 6. (rus.)

6. Deklaratsiia mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Kazakhstan o vechnoi družbe i soiuznichestve,

orientirovannom v XXI stoletie (July 6, 1998). *Diplomaticheskii vestnik*, 1998, nr 8, pp. 32–34. (rus.)

7. Deklaratsiia o vsestoronnem sotrudnichestve Rossiiskoi Federatsii, Respubliki Tadjikistan i Respubliki Uzbekistan (October 12, 1998). *Diplomaticheskii vestnik*, 1998, nr 11, pp. 33–34. (rus.)

8. Dogovor mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Tadjikistan o statuse i usloviakh prebyvaniia rossiskoi voennoi bazy na territorii Respubliki Tadjikistan (April 16, 1999). *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2006, nr 10, pp. 55–62. (rus.)

9. Dogovor o soiuznicheskom vzaimodeistvii mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Tadjikistan, orientirovannom v XXI vek (April 16, 1999). *Diplomaticheskii vestnik*, 1999, nr 5, pp. 60–62. (rus.)

10. Zaiavlenie dlia pressy po itogam podpisaniia rossiisko-tadzhikistanskikh dokumentov. *Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait*. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/10/78127.shtml>. (rus.)
11. Ispolniaiushchii obiazannosti prezidenta Rossii Vladimir Putin vstretilsia s prezidentom Tadzhikistana Emomali Rakhmonovym. *Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait*. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2000/01/121547.shtml>. (rus.)
12. **Kolesnikov A.** Drug setei tadzhik. *Kommersant-daily*, 2004, October 18. (rus.)
13. **Meshcheriakov K.E.** Vneshniaia politika Rossii v Tsentral'noi Azii: problemy i tendentsii razvitiia, puti modernizatsii s tsel'iu povysheniia effektivnosti. St. Petersburg, Skifia-print, 2012. 372 p. (rus.)
14. **Idem.** Rossiisko-tadzhikskie otnosheniia v gody grazhdanskoi voiny v Tadzhikistane (1992–1997). *Klio*, 2012, nr 12, pp. 102–107. (rus.)
15. Nachalo vstrechi s prezidentom Tadzhikistana Emomali Rakhmonovym. *Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait*. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/06/65328.shtml>. (rus.)
16. Obshchee soglasenie ob ustanovlenii mira i natsional'nogo soglasiia v Tadzhikistan (June 27, 1997). Sovet Bezopasnosti Organizatsii Ob»edinennykh Natsii. S/1997/510. (rus.)
17. Ob'ekt “Nurek” — odno iz naibolee effektivnykh sredstv kontroliia kosmosa. *RIA Novosti*. Access mode: <http://www.rian.ru/science/20050606/40478464.html>. (rus.)
18. **Panin L.** Miatezh v Tadzhikistane podavlen. *Kommersant-daily*, 1998, November 10. (rus.)
19. Prezident Rossii Vladimir Putin i prezident Tadzhikistana Emomali Rakhmonov prodolzili vstrechu s uchastiem delegatsii dvukh stran. *Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait*. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2004/06/65325.shtml>. (rus.)
20. Press-konferentsiia po itogam peregovorov s prezidentom Tadzhikistana Emomali Rakhmonovym. *Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait*. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/86362.shtml>. (rus.)
21. **Putin V.V.** Vystuplenie na rossiiskoi voennoi baze v Tadzhikistane. *Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait*. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/10/78138.shtml>. (rus.)
22. **Idem.** Zaiavlenie dlia pressy i otvety na voprosy po okonchaniu rossiisko-tadzhikistanskikh peregovorov. *Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait*. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/04/43747.shtml>. (rus.)
23. Sovmestnoe zaiavlenie Prezidentov Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Uzbekistan (May 6, 1998). *Diplomatskii vestnik*, 1998, nr 6, pp. 30–31. (rus.)
24. Soglasenie mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii i pravitel'stvom Respubliki Tadzhikistan o peredache v sobstvennost' Rossiiskoi Federatsii optiko-elektronnoho uzla “Nurek” sistemy kontroliia kosmicheskogo prostranstva i poriadke ego funktsionirovaniia (October 16, 2004). *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2007, nr 4, pp. 42–47. (rus.)
25. Soglasenie mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii i pravitel'stvom Respubliki Tadzhikistan o poriadke i usloviakh dolevogo uchastiia Rossiiskoi Federatsii v stroitel'stve Sangtudinskoi GES-1 (October 16, 2004). *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2005, nr 9, pp. 56–59. (rus.)
26. Soglasenie mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii i pravitel'stvom Respubliki Tadzhikistan o poriadke predostavleniia Rossiiskoi Federatsii Respublike Tadzhikistan voennykh poligonov dlia provedeniia boevykh strel'b voinskimi chastiami i podrazdeleniiami Voisk protivovozdushnoi oborony Respubliki Tadzhikistan (June 19, 2000). *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2000, nr 11, pp. 50–55. (rus.)
27. Soglasenie mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii i pravitel'stvom Respubliki Tadzhikistan ob uregulirovanii zadolzhennosti Respubliki Tadzhikistan pered Rossiiskoi Federatsiei po gosudarstvennym kreditam (December 9, 2002). *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2008, nr 12, pp. 58–63. (rus.)
28. Soglasenie mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Tadzhikistan o poriadke peredachi Respublike Tadzhikistan uchastka gosudarstvennoi granitsy Respubliki Tadzhikistan s Kitaiskoi Narodnoi Respublikoi, okhraniaemogo Pogranichnoi sluzhboi Rossiiskoi Federatsii, i imushchestva, ispol'zuemogo Pogranichnoi sluzhboi Rossiiskoi Federatsii (October 17, 2002). *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2003, nr 3, pp. 70–72. (rus.)
29. Soglasenie mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Tadzhikistan o sotrudnichestve po pogranichnym voprosam (October 16, 2004). *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2006, nr 10, pp. 66–77. (rus.)
30. Soglasenie o poriadke peredachi pod okhranu Respublike Tadzhikistan uchastka gosudarstvennoi granitsy Respubliki Tadzhikistan s Perekhodnym Islamskim Gosudarstvom Afganistan, okhraniaemogo rossiiskimi pogranichnymi organami i Pogranichnymi voiskami (October 16, 2004). *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2005, nr 2, pp. 93–95. (rus.)
31. Sostoialas' vstrecha Vladimira Putina i prezidenta Tadzhikistana Emomali Rakhmonova. *Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait*. Access mode: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2001/04/136706.shtml>. (rus.)
32. **Cherkasova M.** “Rusal” ne vzial tadzhikskuiu vysotu. *Kommersant-daily*, 2006, October 30. (rus.)
33. **Chernogaev Iu.** Vladimir Rushailo zamiril Tsentral'nuiu Aziiu. *Kommersant-daily*, 2001, September 22. (rus.)
34. **Chernogaev Iu., Volkhonskii B.** Rakhmonov tozhe nash prezident. *Kommersant-daily*, 1999, November 17. (rus.)
35. **Chubchenko Iu.** El'tsin i Rakhmonov ne podpisali dogovor. *Kommersant-daily*, 1999, April 17. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МЕЩЕРЯКОВ Константин Евгеньевич — доцент — заместитель заведующего кафедрой международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат исторических наук, доцент.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
mesce@mail.ru

MESCERYAKOV Konstantin E. — *St. Petersburg State University, St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
mesce@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 327.7

А.А. Абу-Хаттаб

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Anastasiia A. Abu-Hattab

POLITICAL COMMUNICATION IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация

В данной статье рассматривается и раскрывается ключевое понятие коммуникации в системе международных отношений, изучается вопрос прогнозирования развития различных каналов сообщения между субъектами отношений в связи с текущей ситуацией этнической и экономической глобализации, а также возможность влияния на ход взаимного или одностороннего обмена между элементами отношений международного характера. Актуальность статьи не вызывает сомнений, поскольку коммуникация – это всегда тонкая материя, подразумевающая существенную роль человеческого фактора, выражающегося во влиянии политических единиц на качество и уровень жизни миллиардов живущих на планете людей.

Ответственность и значимость своевременного получения информации, сырья, энергии и других «товаров», участвующих в международном обмене, трудно переоценить. В связи с остро ощутимым ростом темпа жизни, растет и необходимость быстрее и четче осознавать рамки, в которые укладывается понятие коммуникации такого плана. Особенностью данной статьи является резкое терминологическое разделение элементов коммуникации, за счет чего «картина» системы международных отношений становится логичнее и лучше поддается прогнозированию, что актуально в связи с обострением таких чрезвычайных ситуаций, как террористические, экологические, политические угрозы.

Ключевые слова

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ, КОММУНИКОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАТИВИСТИКА.

Abstract

The purpose of this work is detection of dependences of foreign policy activity of the state from a condition of its communications in system of the international relations. Adequate response to possible threats of safety the states connected with use of various communications, assumes existence of scientifically reasonable recommendations which can be formulated only as a result of deep studying of a considered set of the phenomena both in the political theory as a whole, and in the theory of the international relations in particular.

Keywords

GENERAL THEORY OF COMMUNICATION, COMMUNICATION SCIENCE, POLITICAL COMMUNICATION.

Термин «коммуникация» часто употребляется при рассмотрении множества явлений как в политической теории в целом, так и в теории международных отношений в частности. Он используется в словосочетаниях «международные коммуникации», «межгосударственная коммуникация», «международные коммуникатив-

ные потоки», «межкультурная коммуникация», «глобальная коммуникация». Все эти понятия отражают некоторые явления, происходящие в системе международных отношений. Однако базовое понятие «коммуникация в системе международных отношений» не раскрыто. Поэтому иногда коммуникация отождествляется

с деятельностью государств и иных элементов этой системы, с внешней политикой государства, что терминологически неверно.

В данной связи попытаемся раскрыть сущность коммуникации в системе международных отношений, рассмотрим коммуникации между элементами системы международных отношений и внешнеполитические коммуникации государства в этой системе.

В свете современных тенденций развития международных экономических отношений, выражающихся в повышении уровня взаимозависимости и интеграции государств, весьма актуальным становится глубокое изучение правил поведения, принятых в мировом сообществе, в частности в таких ситуациях, когда возникают разногласия между его членами-государствами и иными субъектами международного права.

История экономики свидетельствует о том, что все войны, споры и конфликтные ситуации между странами и народами, которые якобы имеют религиозные, политические, социальные и другие предпосылки, в основном имеют экономическую подоплеку [2, с. 53].

В системе международных отношений все явления возникают в результате взаимодействия элементов данной системы и связей между ними, т. е. и коммуникация как явление в этой системе – следствие взаимодействия хотя бы между двумя такими элементами, как, например, государства. Между государствами взаимодействие осуществляется в результате их внешнеполитической деятельности, которая определяется как вид организованной и обеспеченной деятельности государства по оказанию воздействия на объекты его внешнеполитических интересов в рамках выбранной тактики [4]. При этом под связью в системе международных отношений предлагается понимать факт наличия любого рода взаимодействий системы со средой, системы с ее элементами и между элементами. Так что коммуникацию можно рассматривать как явление, относящееся к множеству связей системы международных отношений, включающему в себя три подмножества: связи системы с ее элементами; связи системы со средой; связи между элементами системы.

Несмотря на глобализационные процессы и формирование единого хозяйственного пространства, усложнение хозяйственных связей между государствами и стирание национальных

границ хозяйственных процессов, появление единой валюты как платежного средства нескольких государств, повышение мобильности рабочей силы, прежние механизмы хозяйственного взаимодействия между государствами вызывают разного рода конфликты, также и экономические [7].

Экономический конфликт – это разногласия, прежде всего не соглашения по поводу присвоения, распоряжения и использования средств производства, а также организации и управления производством материальных благ и их распределением.

Ф. Эджворт, опираясь на утилитаристскую этику, пытался обосновать возможность математической социологии и применимость математических методов к анализу конфликтного экономического поведения. Однако систематическое изучение конфликтов в экономике началось лишь в 1960-х годах, и в появившихся за последние годы научных публикациях экономисты все еще считают это направление новым. В работах экономистов сформулированы два различных понимания экономического конфликта. С марксистской точки зрения (наиболее известный ее сторонник – Я. Варуфакис) социальные конфликты пронизывают экономику, а также являются своего рода «способом ее существования». Главный рыночный механизм – конкуренция – это форма конфликта, все сферы экономических отношений являются аренами, на которых разыгрываются скрытые или явные противостояния [1, с. 22].

Следствием коммуникации системы международных отношений в целом с отдельно взятым государством является функционирование этого элемента в данной системе. В этом случае коммуникация существует благодаря передаче сигналов управляющего воздействия от системы конкретному государству по соответствующим каналам коммуникации, например нормативно-правовому (существующему благодаря действующим в данной системе нормам международного права) и морально-этическому (признанному в данной системе моральных норм и правил поведения).

Так, в случае нарушения государством норм международного права импульс воздействия предполагает приведение государством своего поведения в соответствие с действующими международно-правовыми нормами. Данный

импульс системы воспринимается персонифицированными представителями государства, например президентом или правительством, которые должны сами или через подчиненные им исполнительные органы власти внести соответствующие коррективы в деятельность своего государства в данной системе. Естественно, что часто подобный импульс, хотя и действительно воспринятый государством, не приводит к каким-либо изменениям в поведении государства, поскольку государство в этом не заинтересовано. В этом случае налицо сам факт состоявшейся коммуникации (передача импульса и его восприятие), а отсутствие изменений в поведении государства можно объяснить тем, что оно не отреагировало на полученный в ходе коммуникации импульс. Этот пример отражает одностороннюю коммуникацию, так как государство оставило без ответа полученный импульс, и свидетельствует о том, что коммуникация осуществлялась по инициативе системы международных отношений. То же можно сказать и применительно к коммуникации, осуществляемой по морально-этическому каналу.

Примером коммуникации государства и системы международных отношений является апеллирование одного из государств к ООН (как одному из системообразующих элементов данной системы) о нарушении прав государства путем направления соответствующих сообщений.

Вместе с тем природа международных отношений значительно богаче, а также включает не только общение по поводу обмена или передачи какой-либо информации, но и предполагает передачу или обмен иными ресурсами, материальными и духовными ценностями по различным каналам коммуникации, например по транспортным (наземные, морские, воздушные), энергетическим (нефтяные и газовые трубопроводы), гуманитарным (парламентская и общественная дипломатия).

Следует признать, что представленные положения о коммуникации государства с системой международных отношений носят абстрактный и теоретический характер. Действительно, многие каналы подобных коммуникаций в современной системе международных отношений еще несовершенны, поскольку сама система пока продолжает формироваться. Между тем для свершения факта коммуникации необходи-

мо наличие, как минимум следующих ее компонентов: объекта коммуникации, его передатчика (субъекта) и приемника (второго субъекта) канала, по которому передается данный объект, и средств передачи / приема объекта.

Эти базовые компоненты коммуникации присутствуют в подмножестве связей системы международных отношений с ее внешней и внутренней средой.

Пример коммуникации системы международных отношений с внешней средой – передача различных видов энергии (ветра, солнца, моря). Государства, являющиеся основными элементами системы международных отношений, уже создали приемники этих видов энергии. Помимо того, представители системы международных отношений пытаются создавать новые каналы для осуществления коммуникации с внешней средой, например посылая сигналы в космос и отправляя космические аппараты на другие планеты. Если на такие сигналы будут получены ответы, то можно предположить, что коммуникация с новыми субъектами взаимодействия со стороны нашей планеты будет осуществляться от имени всего международного сообщества, т. е. системы международных отношений, которая будет существовать на тот период времени.

Примером коммуникации системы международных отношений с внутренней средой может выступать явление объединения государств в рамках различных подсистем (НАТО, ООН, Европейский союз, ОПЕК и т. п.). В этом случае коммуникация осуществляется путем передачи соответствующих импульсов от системы международных отношений отдельным государствам, побуждающих к такому объединению. Объектом коммуникации в данном случае выступает сам факт объединения государств в рамках системы международных отношений. Новые структуры становятся самостоятельными элементами системы, и для коммуникации с ними нужны новые каналы.

Коммуникация присутствует и в третьем подмножестве связей системы международных отношений – связей между элементами системы. Наибольший интерес представляет коммуникация при реализации связей государства с другими элементами системы. Во всех случаях взаимодействие государства с участниками международных отношений осуществляется в

результате его внешнеполитической деятельности, которая, как явление, реализует в системе международных отношений функцию связи между элементами системы. Установление связи государства с другими участниками международных отношений дает возможность начала коммуникации между ними. Когда связь установлена, то посредством коммуникации она может не только осуществляться и поддерживаться, но и развиваться (совершенствоваться). Если множество явлений, связанных с коммуникацией государства, можно подразделить на явления, происходящие в системе внутриполитических отношений, а также в системе международных отношений, то во внешнеполитической деятельности имеют место внешнеполитические коммуникации государства. Из этого следует, что одним из видов коммуникации считается множество явлений, выступающих составной частью внешнеполитической деятельности государства [3].

Место явления «внешнеполитическая коммуникация государства» в осуществляемой им деятельности определяется тем, что коммуникация выполняет обеспечивающие функции в реализации данной деятельности. В этой связи в понятийно-терминологической системе внешнеполитической деятельности государства понятие «внешнеполитическая коммуникация государства» следует относить к множеству понятий, соответствующих категории «обеспечение внешнеполитической деятельности государства» [5].

Таким образом, коммуникация в системе международных отношений считается сложным и многогранным явлением. Многие аспекты, связанные с ее природой, еще предстоит изучить. Однако на основании представленных выше положений можно сформировать понятийный ряд, в целом отражающий ключевые коммуникации в системе международных отношений. Представляется, что данный понятийный ряд может иметь вид следующей логической цепочки: «коммуникация в системе международных отношений» — «коммуникация системы международных отношений с ее средой» — «коммуникация системы международных отношений с ее элементами» — «коммуникация элементов системы международных отношений» — «внешнеполитическая коммуникация государства».

Базовым понятием в данной иерархии выступает «коммуникация в системе международных отношений». Для определения содержания этого понятия необходимо выделить его существенные признаки. В ходе решения данной задачи будем исходить из того, что элементы системы международных отношений взаимосвязаны, а осуществляемая ими деятельность выполняет функцию связей. При этом связи между элементами имеют различную природу и могут реализовываться в различных формах. Без такой связи нет отношений, а в широком смысле — нет и самой системы международных отношений. Так что в качестве первого существенного признака понятия «коммуникация в системе международных отношений», по нашему мнению, следует рассматривать факт реализации связи между элементами этой системы, выражающийся в различных формах.

В отличие от наиболее часто встречающегося в политической теории подхода к определению политической коммуникации как передаче или обмену политически значимой информации между факторами, в системе международных отношений связи входящих в нее элементов не ограничены только пределами информационной сферы. В системе международных отношений кроме информации активно осуществляются передача и обмен ресурсами, технологиями, культурными и иными духовными и материальными субстанциями, некоторые из которых относятся к разряду ценностей [6]. Все множество таких объектов в системе международных отношений целесообразно рассматривать в качестве объектов коммуникации. В этой связи факт наличия конкретных объектов коммуникации, которые могут быть переданы элементами в системе международных отношений, определяет второй существенный признак.

Различная природа передаваемых объектов предполагает наличие и использование конкретных путей (каналов), а также средств их передачи. Например, коммуникация с использованием воздушных судов (самолетов) предполагает наличие соответствующей инфраструктуры (аэродромов, пунктов управления воздушными полетами) и соответствующих воздушных коридоров. Ясно, что не каждый участник международных отношений обладает возможностями для коммуникации с исполь-

зованием средств воздушного транспорта. Аналогичные выводы следуют из анализа газовых и нефтяных коммуникаций (разновидностей энергетических коммуникаций). Данное обстоятельство определяет возможности отдельно взятого элемента для осуществления различных коммуникаций и условия, в которых имеет место коммуникация.

Добавим, что коммуникация возможна только в том случае, если приемник (реципиент) и имеющиеся в его распоряжении средства позволяют принимать объекты от передатчика. Это означает, что субъект коммуникации должен обладать таким свойством, как способность передавать либо принимать какую-либо субстанцию (объект — прием-передача). Справедливо и то, что разные элементы системы международных отношений (как и она сама, явления ее внешней и внутренней среды) обладают различными средствами приема и передачи каких-либо объектов. С учетом изложенного, третий признак коммуникации в системе международных отношений можно определить как факт наличия в системе международных отношений определенных возможностей и условий для передачи и приема определенных объектов коммуникации, а также наличие у субъектов соответствующих способностей для коммуникации.

Соотношение понятий «передача» и «обмен» не означает их тождество. Обмен всегда предполагает взаимную передачу чего-либо кому-либо, в то время как передача какого-либо объекта коммуникации может не предполагать обратную связь. Однако если нет передачи, то нет и коммуникации. Между тем передача какого-либо объекта (различных видов энергии, нефти, драгоценных металлов, информационного сообщения) всегда предполагает функционирование явления или деятельность конкретного субъекта.

Таким образом, факт передачи какого-либо объекта коммуникации государством другому элементу системы может наступить только в результате деятельности государства (как передающего элемента) и другого участника международных отношений (принимающего элемента). Поэтому возникновение коммуникации на уровне взаимодействия элементов системы международных отношений является следствием деятельности входящих в нее элементов и выра-

жается в двух основных формах их деятельности по реализации связи между ними: передаче или приеме соответствующих объектов (чего-либо). Смешанной формой коммуникации в системе международных отношений является обмен чем-либо, а частной — общение между кем-либо. Наличие факта передачи и приема объектов коммуникации в результате функционирования явлений и деятельности элементов системы международных отношений, т. е. способность внешнего выражения коммуникации в различных формах, составляет четвертый существенный признак рассматриваемого явления.

Таким образом, в самом общем виде коммуникация в системе международных отношений представляет собой совокупность форм реализации связей внутри системы международных отношений, отражающую передачу по определенному каналу каких-либо объектов окружающей нас реальности от одного субъекта к другому, принимающему данные объекты.

Под субъектом коммуникации в системе международных отношений предлагается понимать множество явлений данной системы, обладающих возможностью и способностью при соответствующих условиях передавать или принимать различные субстанции системы международных отношений. К множеству субъектов коммуникации системы международных отношений относятся собственно сама рассматриваемая система и множество ее элементов (государства, организации и даже отдельные лица).

В качестве объектов коммуникации в системе международных отношений предлагается рассматривать все множество материальных и нематериальных субстанций окружающей реальности, которые могут передаваться каким-либо образом между субъектами взаимодействия в системе международных отношений, например минерально-сырьевые ресурсы, технологии, сведения и сигналы, энергия, культурные и иные материальные и духовные объекты.

Канал коммуникации в системе международных отношений, на наш взгляд, можно определить как специфическую среду системы международных отношений, обладающую, как минимум, двумя свойствами: возможностью пропускать через себя некоторые субстанции и стабильностью своего содержания. К множеству каналов коммуникации в системе международных отношений можно отнести: информационные (в том числе

телекоммуникационные), транспортные, энергетические, социальные (гуманитарные, в том числе дипломатические) и иные.

С учетом базового определения коммуникации в системе международных отношений под внешнеполитической коммуникацией государства предлагается понимать совокупность форм реализации связей государства с системой международных отношений и ее элементами, отражающую передачу государством по одному из каналов коммуникации различных объектов окружающей нас реальности другим субъектам взаимодействия, принимающим передаваемые государством объекты.

Роль и место категории «внешнеполитическая коммуникация государства» в понятийно-терминологической системе теории международных отношений определяются соответственно через отводимые ей функции и в сравнении с другими понятиями, раскрывающими множество явлений международных отношений.

Роль понятия «внешнеполитическая коммуникация государства» связана с возможностью использования данного теоретического инструмента для углубленного рассмотрения особенностей реализации различных связей в системе международных отношений. Место данного понятия определяется тем, что «внешнеполитическая коммуникация государства» относится к множеству понятий «обеспечения внешнеполитической деятельности государства» и в понятийном ряду оно является подчиненным по отношению к понятиям «внешнеполитическая деятельность государства», «внешнеполитическое поведение государства» и «внешнеполитический процесс государства» и замыкает данный ряд. Из другого терминологического ряда, включающего такие термины, как «внешнеполитическое воздействие» — «установление связи государства с другими участниками международных отношений» — «внешнеполитическая коммуникация», реализуемая в рамках осуществления /поддержания связи в системе международных отношений, следует, что понятие «внешнеполитическая деятельность государства» шире понятия «внешнеполитическая коммуникация государства», которая осуществляется по соответствующим каналам в ходе этой деятельности. Иными словами, явление «внешнеполитическая коммуникация государства» выступает составной частью

явления «внешнеполитическая деятельность государства».

Национальные элиты находятся в едином социокультурном пространстве с населением своих стран и ближайшим внешнеполитическим окружением, являясь органичным звеном смыслового мира, который находится в конфликте с целерациональным давлением «холодной» глобализации. Однако по мере увеличения издержек последняя будет терять эффективность, перестанет восприниматься как оптимальная. Американским «экспертам» потребуются люди, разбирающиеся в этой области, а это неизбежно повлечет за собой диффузию власти в мировом масштабе. Другое дело, что изменится качественный состав национальных элит, который будет включать значительно большее количество «вестернизированных» элементов. Впрочем, эта вестернизация по преимуществу будет относиться к экономической, политической и технологической сферам общественной жизни, а социокультурные особенности затронет незначительно.

Таким образом, международные отношения будут продолжать структурироваться и приобретать все большую иерархичность. Однако последняя не будет столь жесткой, как это кажется, исходя из наблюдаемых тенденций. Властными полномочиями обладают и те, кто принимает решения, и те, кто их реализует. Для успешной реализации решений необходимо привлечение национальных элит и наделение их широкими полномочиями в выборе средств и методов разрешения постоянно возникающих проблем, что неизбежно приведет к концентрации части ресурсов и социальной власти у национальных элит. Попытка заменить национальные элиты марионеточными ставленниками обречена на провал, так как последние не способны решать сложные проблемы.

Как правило, каналы коммуникации создаются государствами и другими элементами системы международных отношений в ходе их взаимодействия между собой и данной системой. В этой связи целесообразно говорить о том, что в ходе внешнеполитической деятельности государства могут создаваться условия для осуществления различных коммуникаций, в этом состоит одна из особенностей и функций обеспечения внешнеполитической деятельности государства. Например, именно в резуль-

тате внешнеполитической деятельности государств создаются и осуществляются морские и воздушные перевозки (коммуникации), каналы связи, нефте- и газопроводы и т. п. [8].

Основные зависимости внешнеполитической деятельности государства от состояния внешнеполитических коммуникаций государства в системе международных отношений представляется возможным сформулировать следующим образом.

Во-первых, без внешнеполитических действий, мероприятий, а иногда и внешнеполитических операций государства невозможно создание коммуникационных каналов и непосредственное осуществление коммуникации, и, наоборот, без коммуникации в определенных случаях затруднена, а часто и вообще невозможна внешнеполитическая деятельность государства.

Во-вторых, чем больше у государства коммуникационных каналов, по которым осуществляется взаимодействие с другими участниками международных отношений, тем шире возможности для реализации государством имеющихся у него интересов в ходе осуществления внешнеполитической деятельности. С другой стороны, наличие множества каналов коммуникации государства в системе международных отношений обуславливает возможности возникновения угроз для его безопасности в результате оказания на него деструктивного воздействия

другими участниками этих отношений и со стороны собственно системы международных отношений [9].

Поэтому государство вынуждено обращать внимание на обеспечение своей безопасности на различных каналах коммуникации с другими элементами международных отношений, самой системой международных отношений, а также с системой отношений внутри государства и ее элементами. Адекватное реагирование на возможные угрозы безопасности государства, связанные с использованием различных коммуникаций, предполагает наличие научно обоснованных рекомендаций, которые можно сформулировать только в результате глубокого изучения рассматриваемого множества явлений. В этой связи значение теоретических положений о коммуникации в системе международных отношений еще предстоит осознать и оценить не только научным работникам, но и практикам.

Представленные выше положения указывают на необходимость более тщательного изучения в интересах дальнейшего развития теории и практики международных отношений различных коммуникаций в системе данных отношений и учета их особенностей при разработке общей теории коммуникации, коммуникологии, политической коммуникативистики и в интересах политической науки в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер, А.Б. Неолиберальная глобализация и ее оппоненты [Текст] / А.Б. Вебер // Политая. – 2002. – № 2.
2. Величко, О.И. Проблемы глобализации в католической мысли [Текст] / О.И. Величко // Там же.
3. Галкин, А.А. Поступь глобализации и кризис глобализма [Текст] / А.А. Галкин // Там же. – С. 15–17.
4. Кондратов, А.И. Модель внешнеполитической деятельности государства [Текст] / А.И. Кондратов. – М.: РАГС, 2010. – 274 с.
5. Магадеев, И.Э. Межгосударственная коммуникация и «дилемма безопасности» на этапе становления Версальской системы международных отношений в начале 1920-х гг. [Текст] / И.Э. Магадеев // Истор. записки: междунар. сб. науч. трудов / под общ. ред. А.В. Первушкина. – Вып. 14. – Пенза: ГУМНИЦ, 2010. – С. 234–250.
6. Мошняга, Е.В. Концептуальное пространство международной коммуникации в туризме [Текст] / Е.В. Мошняга // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2008. – № 4. – С. 5–19.
7. Соловьев, Э.Г. Новый мировой порядок: толерантный мир или апофеоз конфронтационности [Текст] / Э.Г. Соловьев // Там же. – 2002. – № 3. – С. 3–24.
8. Цыганков, П.А. Теория международных отношений [Текст] / П.А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2002. – 590 с.
9. Шевченко, А.В. Глобальная коммуникация и национальные информационные идентичности [Текст] / А.В. Шевченко // Социология власти. – 2005. – № 3. – С. 95–111.

REFERENCES

1. **Veber A.B.** Neoliberal'naiia globalizatsiia i ee oponenty. *Politaia*, 2002, nr 2. (rus.)
2. **Velichko O.I.** Problemy globalizatsii v katolicheskoi mysli. *Politaia*, 2002, nr 2. (rus.)
3. **Galkin A.A.** Postup' globalizatsii i krizis globalizma. *Politaia*, 2002, nr 2, pp. 15–17. (rus.)
4. **Kondratov A.I.** Model' vneshnepoliticheskoi deiatel'nosti gosudarstva. Moscow, RAGS, 2010, 274 p. (rus.)
5. **Magadeev I.E.** Mezhhgosudarstvennaia kommunikatsiia i "dilemma bezopasnosti" na etape stanovleniia Versal'skoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii v nachale 1920-kh gg. *Istoricheskie zapiski: mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov*. Ed. by A.V. Pervushkina. Pt. 14. Penza, GUMNITs, 2010, pp. 234–250. (rus.)
6. **Moshniaga E.V.** Kontseptual'noe prostranstvo mezhdunarodnoi kommunikatsii v turizme. *Vestnik MGU. Ser. 18, Sotsiologiya i politologiya*. 2008, nr 4, pp. 5–19. (rus.)
7. **Solov'ev E.G.** Novyi mirovoi poriadok: tolerantnyi mir ili apofeoz konfrontatsii-onnosti. *Vestnik MGU. Ser. 18, Sotsiologiya i politologiya*. 2002, nr 3, pp. 3–24. (rus.)
8. **Tsygankov P.A.** Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii. Moscow, Gardariki, 2002. 590 p. (rus.)
9. **Shevchenko A.V.** Global'naiia kommunikatsiia i natsional'nye informatsionnye identichnosti. *Sotsiologiya vlasti*, 2005, nr 3, pp. 95–111. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

АБУ-ХАТТАБ Анастасия Ахмадовна — аспирант кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского политехнического университета.

195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 28
ahna@mail.ru

ABU-HATTAB Anastasiia A. — *International Relations Department, Institute of International Educational Programs, St. Petersburg State Polytechnic University.*

Grazhdansky pr., 28, St. Petersburg, Russia, 195220
ahna@mail.ru

УДК 327

Е.А. Манжула

ЗАГРЯЗНЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМА

Katerina A. Manzhula

SPACE POLLUTION – THE INTERNATIONAL PROBLEM

Аннотация

Космическая деятельность всегда имела глобальную значимость: ее результаты представляют интерес, а последствия небезразличны для безопасности всего мирового сообщества. Осознание на политическом уровне решающего значения космических активов в формировании национальной политики и обеспечении безопасности каждого государства привело к возникновению новых и возрастанию уже существующих угроз. В статье рассматривается одна из них – проблема загрязнения космоса, ее влияние на использование космического пространства и обеспечение национальной безопасности. Автор делает вывод о необходимости скорейшего предотвращения дальнейшего засорения космоса и ликвидации существующих угроз путем реализации эффективных мер всем международным сообществом с целью дальнейшего эффективного освоения космического пространства и обеспечения международной космической безопасности.

Ключевые слова

КОСМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, КОСМОС, ЗАГРЯЗНЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, МИЛИТАРИЗАЦИЯ КОСМОСА.

Abstract

From the very beginning of human space exploration, this activity has taken global significance: its results are of interest, and consequences are not indifferent to security of the whole world community. Political realization of the critical importance of space assets in national policy forming and ensuring security of each state has led to the emergence of new and strengthening of existing threats. This article discusses one of them – the problem of space pollution, its impact on the use of outer space and national security. The author makes the conclusion that there is a need of rapid prevention of further space pollution and elimination of existing threats by implementation of effective measures of the whole international community.

Keywords

SPACE SECURITY, SPACE, SPACE DEBRIS, INTERNATIONAL LAW, SPACE MILITARIZATION.

60-е годы XX столетия ознаменовались технологическим прорывом в развитии человечества и его вступлением в космическую эру. Успешное освоение космического пространства стало залогом устойчивого развития и выживания человеческой цивилизации.

Хотя изначально освоение космоса носило исключительно военно-политический характер, со временем без использования космических средств стало невозможным поддержание на необходимом уровне обороноспособности страны, научно-технического и социально-экономического прогресса.

Первенство в космической сфере как на заре космической эры, так и сейчас означает для любого государства доминирование не только в космосе, но и во всем мире. Поэтому успешное участие в освоении космоса имеет стратегическое значение для современных государств. Результатом осознания этого факта стало возобновление в XXI веке борьбы за контроль над космическим пространством, которая привела к началу «второй космической гонки».

Наряду с теми возможностями, которые дает практическое освоение космоса, появилась и новая проблема в сфере глобальной безо-

пасности – возрастающая ее зависимость от надежной работы космической инфраструктуры. Прекращение функционирования космических информационных систем может привести к эскалации конфликта в ядерную войну. В этой связи одной из основных проблем является засорение космического пространства, которая создает угрозы не только для существования и эффективной работы космических аппаратов, но и затрагивает развитие и безопасность различных сфер жизни государства и общества, в том числе обеспечение космической и, в свою очередь, национальной и глобальной безопасности.

Сегодня под космической безопасностью понимают не только способность одного государства иметь военное превосходство в космосе перед другим, но прежде всего «способность субъекта контролировать часть космического пространства и осуществлять в нем определенную деятельность, не подвергаясь при этом внешнему давлению, угрозам или нападению со стороны оппонентов» [1, с. 32]. При этом следует учитывать, что угроза космической безопасности больше не исходит исключительно от враждебных субъектов и природных помех, поскольку все большую угрозу несет засорение космического пространства.

Необходимо отметить, что проблема засорения космоса в конце 1950-х годов рассматривалась как чисто теоретическая. Осознание ее глобального характера на официальном уровне произошло только в конце XX века. В 1993 году Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Бутрос Бутрос-Гали в своем докладе отметил зависимость всех стран мира от негативного влияния загрязнения космического пространства в силу его принадлежности всему человечеству [2, с. 38].

В международном праве отсутствует определение понятия «космический мусор». В юридической литературе встречается следующее определение: «Этот вид объектов включает любые искусственные объекты на орбите вокруг Земли, которые являются нефункциональными и в отношении которых нельзя ожидать начала или возобновления их предполагаемого функционирования, которое санкционировано или в дальнейшем будет санкционировано, включая фрагменты и их части. Космический мусор включает недействующие космические аппара-

ты, использованные части ракет, материал образований в результате запланированных космических операций, фрагменты, образованные спутниками и верхними ступенями в результате взрыва или столкновения, а также содержащиеся на борту опасные (ядерные, токсичные и т. д.) материалы» [3, с. 119].

Помимо угроз, которые космический мусор несет непосредственно осуществлению космической деятельности, есть опасность его неконтролируемого схода с орбиты, неполного сгорания при прохождении атмосферы и падения на поверхность Земли.

Согласно последним данным Национального управления по воздухоплаванию и исследованию космического пространства (National Aeronautics and Space Administration – NASA), в 2012 году каталогизирована 21 тыс. объектов размером более 10 см и 500 тыс. размером от 1 до 10 см, а объектов размером менее 1 см насчитывается около 100 млн [4]. Для сравнения: еще в 2008 году объектов размером более 10 см было 12 500, от 1 до 10 см – 300 тыс. [5]. Таким образом, космический мусор продолжает накапливаться. Существующие темпы освоения космоса и рост числа участников космической деятельности способствуют резкому возрастанию его количества. Взрывы отработанных космических аппаратов и увеличение количества частиц от случайных столкновений крупных космических объектов приведут к эффекту каскадирования от столкновений.

При сохранении темпов загрязнения использование некоторых высот осложнится или станет вовсе невозможным. Так, из-за космического мусора будет невозможно использовать геостационарную орбиту, где сосредоточены космические аппараты различного назначения – от спутников связи до систем раннего предупреждения о ракетном нападении. Также интенсивно засоряется «область низких околоземных круговых орбит высотой до 2 тыс. км, на которых сконцентрированы орбитальные группировки космических аппаратов различного целевого назначения, реализуются программы пилотируемых космических полетов и в перспективе планируется организация работ по сборке межпланетных космических комплексов» [Там же].

Кроме того, возрастают вероятность прекращения функционирования существующих

космических аппаратов и угроза безопасности запуска новых, а в результате столкновений может произойти гибель экипажа на пилотируемых космических аппаратах или орбитальных станциях. При этом стоит отметить, что ущерб могут наносить частицы мусора размером до 1 см, избежать столкновения с которыми практически невозможно ввиду отсутствия технологий отслеживания частиц данного размера.

Так, в 1991 году американскому космическому челноку во избежание столкновения с остатками советского спутника «Космос-955» пришлось совершить ряд маневров. В 1996 году осколок третьей ступени французской ракеты «Ariane-4» вывел из строя французский спутник «Cérese». Международная космическая станция не единожды корректировала орбиту, чтобы избежать столкновения с космическим мусором. А в 2009 году американский коммерческий спутник столкнулся с нефункционирующим военным российским спутником связи «Космос-2251» [5].

Серьезные последствия могут иметь случаи падения крупных космических объектов на Землю, в районы большого скопления людей и на территории опасных промышленных объектов. По мнению экспертов, через 40-50 лет человечество столкнется с так называемым «мусорным дождем» — несанкционированным сходом космического мусора, часть из которого из-за своего размера не сможет полностью сгореть при прохождении плотных слоев атмосферы, с орбит на Землю.

Также существует угроза использования космического мусора для прикрытия целенаправленных враждебных действий одного государства против космических средств другого и выведения из строя его космических информационных систем.

Все это влияет не только на обеспечение интересов национальной безопасности государства, но и на обеспечение глобальной безопасности в целом.

Появление новых угроз и возрастание существующих приводит человечество к пониманию необходимости решения данной проблемы. Однако это возможно исключительно при совместных усилиях всего мирового сообщества. Реалии таковы, что ввиду многих факторов (научно-технических, юридических и прежде всего финансовых) даже ведущие космические

державы не в силах решить данную проблему в одиночку.

На международном уровне работа по данной проблеме ведется в основном в двух органах — Научно-техническом подкомитете Комитета ООН по космосу и в Межагентском комитете по космическому мусору.

Кроме того, такие страны, как Россия, США, Япония, и Европейский союз обладают своими системами мониторинга околоземного пространства для наблюдения, каталогизации и анализа экологической обстановки и предупреждения столкновений в космосе. Каждая система использует различные методы мониторинга и обменивается данными с другими, что позволяет более оперативно и эффективно проводить мероприятия по предотвращению столкновений действующих космических аппаратов с космическим мусором. Например, Россия использует комплекс, направленный на сканирование космического пространства при помощи системы телескопов, а Европейское космическое агентство в тех же целях использует радары.

Существующие меры по уменьшению интенсивности техногенного засорения космоса можно разделить на две категории:

- меры направленные на защиту от воздействия космического мусора (недопущение столкновения с ним);
- меры, исключающие образование космического мусора (деорбитация — меры, направленные на ликвидацию отработавших космических аппаратов и орбитальных ступеней ракет-носителей после завершения программ полетов).

Органы ООН не раз представляли ряд возможностей по решению проблемы космического мусора, например были разработаны Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора [6, с. 58], но все они не являются юридически обязательными, и их реализация зависит исключительно от доброй воли того или иного государства.

В продолжение ранее проводимой работы в этом направлении в рамках ООН и других организаций существует система мер регулирования деятельности по данному вопросу, которая включает в себя следующие направления:

- принятие национальных стандартов, определяющих требования по предупреждению образования космического мусора;

- принятие международных договорных документов, направленных на ограничение образования космического мусора;

- принятие международных стандартов, определяющих требования к космическим средствам по предупреждению образования космического мусора;

- лицензирование организаций – разработчиков и операторов изделий ракетно-космической техники на основе разработанных международных стандартов в области космического мусора;

- вытеснение с международных рынков ракетно-космической техники производителей и операторов, не обеспечивающих выполнение требований международных стандартов;

- разработка и внедрение «правил дорожного движения в космосе» (правила управления движением в космосе) [5].

Помимо этого, в целях предотвращения преднамеренного образования космического мусора следует также «предотвратить дальнейшие испытания и развертывания оружия космического базирования и оружия, предназначенного для применения против объектов из космоса» [7, с. 305].

Примером того, насколько сильно испытания любых систем противоспутникового оружия в космосе способны его загрязнять и как они могут привести к возникновению международной напряженности, служат действия Китая по уничтожению своего спутника противоспутниковой ракетой в 2007 году, а также ответная реакция со стороны США по уничтожению своего спутника-шпиона. В результате этих действий не только возникла новая напряженность в американо-китайских отношениях, но и образовалось несколько тысяч новых опасных обломков [8].

Россия также уделяет большое внимание решению данной проблемы в направлении предупреждения образования космического мусора. В частности, существует первая очередь автоматизированной системы предупреждения об опасных ситуациях в околоземном космическом пространстве [5]. Кроме того, на международном уровне ведется активная деятельность по недопущению милитаризации

космоса, достижение успехов в которой внесет положительный вклад в дело предотвращения загрязнения околоземного космического пространства.

В области борьбы с уже существующим мусором все более актуальным становится вопрос об очистке некоторых областей космического пространства. «Такие операции могут быть реализованы с использованием технологий обнаружения, сближения, стыковки и увода опасных объектов из зоны рабочих орбит в зону захоронения» [Там же]. Но реализация подобного проекта в силу различных факторов, в том числе технического и финансового, одним государством невозможна. Достичь результатов по проблеме засорения космического пространства можно лишь путем осуществления эффективного международного сотрудничества всех государств.

Решение данной проблемы осложняется отсутствием в международном праве определения понятия «космический мусор», а также тем, что в существующих международных документах в области освоения космоса отсутствуют четкие правовые решения, применяемые к космическому мусору, в том числе в части международной ответственности за ущерб, им причиненный.

Поэтому прежде всего необходимо выработать и юридически закрепить на международном уровне понятие космического мусора, а также заключить серии юридически обязательных международных договоров о проведении совместных работ по очистке и предотвращению загрязнения околоземного пространства.

При этом в рамках политического процесса временные ограничения для решения проблемы космического мусора как проблемы безопасности также требуют пересмотра.

Проблема космического мусора носит глобальный характер, и нежелание отдельных государств эффективно решать данную проблему в угоду своим краткосрочным национальным интересам может привести к потере космоса как ресурса для всего человечества, при этом подорвав не только национальную безопасность этих государств, но и глобальную безопасность в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Фененко, А.В.** Конкуренция в космосе и международная безопасность [Текст] / А.В. Фененко // Международная безопасность. — 2008. — Т. 6, № 3 (18). — С. 26–41.
2. **Space debris:** working paper submitted by the International Academy of Astronautics. A/AC.105/C.1/L.217 [Text]. — N. Y., 1998.
3. **Васьков, С.А.** Нормативно-правовое обеспечение космической деятельности [Текст]: моногр. / С.А. Васьков, С.П. Малков. — СПб., 2003.
4. **NASA Orbital Debris Program Office** [Electronic resource]. — Access mode: <http://orbitaldebris.jsc.nasa.gov/faqs.html#3> (reference date: 5.05.2013).
5. **Доклад** начальника Сводного управления Роскосмоса Ю.Н. Макарова на симпозиуме «Космос и глобальная безопасность человечества» [Электронный ресурс] / Федер. космическое агентство. — Режим доступа: <http://www.federspace.ru/main.php?id=2&nid=8047> (дата обращения: 5.05.2013).
6. **Руководящие** принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора. Приложение к документу A/AC.105/C.1/L.260 [Текст]. — Нью-Йорк, 2007.
7. **Развитие** и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды [Текст]: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. A/42/427. — Нью-Йорк, 1987.
8. **US warned China of military action over space missiles** [Electronic resource] / StratPost. — 2011. — Access mode: <http://www.stratpost.com/us-warned-china-of-military-action-over-space-missiles> (reference date: 19.05.2013).

REFERENCES

1. **Fenenko A.V.** Competition in Space and International Security. *International trends*, 2008, vol. 6, nr 3 (18), pp. 26–41.
2. Space debris: working paper submitted by the International Academy of Astronautics. A/AC.105/C.1/L.217. N. Y., 1998.
3. **Vas'kov S.A., Malkov S.P.** Legal Regulation of Space Activities. Monogr. St. Petersburg, 2003.
4. NASA Orbital Debris Program Office [website]. Access mode: <http://orbitaldebris.jsc.nasa.gov/faqs.html#3> (reference date: 5.05.2013).
5. Report of head of department of strategic planning and target programs of Federal space agency Yu.N. Makarov at Symposium "Space and Global Security of Humanity". The Russian Federal Space Agency [website]. Access mode: <http://www.federspace.ru/main.php?id=2&nid=8047> (reference date: 5.05.2013).
6. Space Debris Mitigation Guidelines of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Annex A/AC.105/C.1/L.260. N. Y., 2007.
7. Development and International Cooperation: Environment. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. A/42/427. N. Y., 1987.
8. US warned China of military action over space missiles [website]. *StratPost*, 2011. Access mode: <http://www.stratpost.com/us-warned-china-of-military-action-over-space-missiles> (reference date: 19.05.2013).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МАНЖУЛА Екатерина Александровна — аспирантка кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета.

191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 8-й подъезд
manzhula.katerina@yandex.ru

MANZHULA Katerina A. — St. Petersburg State University.
Smol'nogo Str., 1/3, Entrance 8, St. Petersburg, Russia, 191060
manzhula.katerina@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 337.5

*М. Богуцка***РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В СИСТЕМЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ
К МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ***Monika Bogucka***ROLE OF A HUMAN FACTOR IN SYSTEM OF NEW APPROACHES
TO THE INTERNATIONAL SECURITY****Аннотация**

В статье показано возрастание роли человеческого фактора в процессах формирования международной безопасности. Отмечено, что такая тенденция является реакцией на трансформацию мировой системы и однополярность мира, в котором государство утратило монополию самостоятельно защищать человека и общество от новых угроз. Защита прав человека и его благополучия приобретает все большую значимость. Большинство гуманитарных вызовов требует невоенных скоординированных действий для решения неотложных проблем современной эпохи.

Ключевые слова

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ГУМАНИТАРНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО, УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.

Abstract

In article increase of a role of a human factor when forming processes of ensuring the international security is shown. It is noted that such tendency is reaction to transformation of world system and one-polarity of the world in which the state lost monopoly independently to protect the person and society from new threats. Value of protection of human rights and its wellbeing gain the increasing importance, and the most part of calls demands not military coordinated operations for the solution of urgent problems of a modern era.

Keywords

INTERNATIONAL SECURITY, HUMANITARIAN INTERVENTION, SECURITY THREATS, HUMAN DIMENSION.

В последнее время в рамках обсуждения проблем международной безопасности на передний план выдвигаются вопросы обеспечения безопасности человека. Специалисты в области международных отношений обращают внимание на процесс формирования новой мировой системы безопасности. Центральной идеей этой системы является признание верховенства прав личности, основной упор делается на человеческое измерение в международной безопасности. «Проблема безопасности – одна из центральных в теории и практике международных отношений, поэтому она всегда была и остается в поле зрения ученых-международников и государственных деятелей. С ней связан любой вопрос между-

народной политики» [11]. Попробуем проанализировать изменение роли человеческого фактора в процессах формирования международной безопасности. Прежде всего отметим, что государство перестало быть единственным защитником человека, поскольку сегодняшние проблемы приобрели транснациональный характер, а в центре внимания стал находиться человек как гражданин и индивид.

Особые заслуги в исследовании роли человека в международных отношениях принадлежат И. Канту, который еще в XVIII веке в трактате «К вечному миру» обратил внимание на роль «гражданина сверхчувственного мира» и «гражданина государства». Кант считал, что люди должны рассматриваться как граждане

общечеловеческого государства, потому что люди и государства влияют друг на друга. Заслуги Канта в исследовании роли человека в международных отношениях признают многие, но только в XX веке в центре внимания ученых оказалось «человеческое измерение» политики. Благодаря усилиям социологов и политологов (Ж. Баландые и др.) была создана политическая антропология — наука о человеке политическом. Э.Я. Баталов отмечал необходимость рассматривания человека не только в экономической и социальной областях, но в более широком плане, подчеркивал потребность в исследовании «человека международного» как самостоятельного социального типа и необходимость во возвращении самостоятельной ветви гуманитарного знания — антропологии мировой политики или международных отношений [1]. Многие отмечают также фундаментальные изменения в восприятии личности, которая в настоящее время начинает выступать как транснациональный индивид. Профессор В.М. Кулагин считает, что вторжение новых, негосударственных лиц в пространство безопасности повлияло на общую парадигму дальнейшего развития мирового взаимодействия по вопросам безопасности.

Человеческое измерение появляется также в международном праве. В принятой 19 ноября 1999 года Хартии европейской безопасности много внимания уделяется уважению прав человека и поддержанию мира. В документе, в частности, говорится, что «полное уважение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, являясь целью само по себе, скорее укрепляет территориальную целостность и суверенитет, нежели подрывает их» [7]. В Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны отмечалось, что «лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации» [3]. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) использует термин

«человеческое измерение» для определения комплекса норм и мер, связанных с правами человека и основными свободами, демократией, вопросами национальных меньшинств, международным гуманитарным правом и др. В документе ОБСЕ в отношении обязательств организации в области человеческого измерения отмечается: «Значение доступа к информации о правах человека и демократических стандартах ничуть не уменьшилось в начале XXI века, когда широко признается, что со стороны государств необходимы еще большие усилия, направленные на полное соблюдение прав человека и основных свобод во всем регионе ОБСЕ» [8]. Нами перечислены только некоторые международные документы, подтверждающие большое значение прав человека. Но возникает вопрос: соблюдает ли мировое общество эти правила?

Следует отметить, что в XX—XXI веках международное сообщество часто вмешивалось в национальные проблемы многих стран. Интервенция проходила под гуманитарными лозунгами. Многие поддерживают мнение, что гуманитарные интервенции были только геополитическим инструментом преобразования конфликтных регионов в выгодном направлении. Есть также мнение, что «урегулирование всех конфликтов на международном уровне мирным путем и применение силы только в превентивных целях являются гарантом безопасности в международных отношениях» [2, с. 58].

Впервые международное сообщество вмешалось во внутренние конфликты государства в 1999 году. Тогда с целью «гуманитарной интервенции» силы НАТО выступили против Югославии. Одни считают, что причиной интервенции войск НАТО послужили кровопролитные этнические чистки в регионе, а также военные преступления против сербского и цыганского населения Косово и Метохии. Другие обращают внимание на медную промышленность Югославии и на то, что в Косове находятся крупнейшие в Европе неразрабатываемые запасы каменного угля [2]. Согласно оценкам Всемирного банка, натуральные ресурсы (бокситы, никеля, серебра, железа, цинка, меди, кобальта) Косово оцениваются в 13,5 млрд долларов [14]. Гуманитарная интервенция была проведена без мандата ООН и стала одной из причин споров в между-

народных отношениях, поскольку она «вступала в прямое противоречие с закрепленными в Уставе ООН принципами государственного суверенитета, территориальной целостности и верховных полномочий» [5].

Позднее гуманитарные интервенции прошли и в других странах, например в Афганистане (2001), Ираке (2003), Ливии (2011). Согласно данным властей Афганистана, только в первой половине 2007 года было убитых 130 граждан, а по данным гуманитарных организаций других стран, число погибших составило 230 человек. Данные ООН говорят о смерти 314 гражданских лиц, убитых войсками коалиции, и 279 человек, убитых повстанцами [12]. Никто не может ответить, сколько людей потеряло жизнь в результате взрывов, обстрелов и налетов. В конфликте в Сирии в марте 2013 года погибли 6 тыс. человек, из них 2 тыс. человек гражданского населения, 298 детей. Согласно данным ООН, во время конфликта в Сирии с января по март этого года погибло 70 тыс. человек [13]. Очередным примером может послужить гражданская война в Ливии. Эксперты говорят о 30 тыс. погибших, 50 тыс. раненых. Во время иракской войны произошло много массовых нарушений прав человека, наблюдалось массированное использование военной силы, отмечалось большое количество случаев превышения своих полномочий солдатами войск коалиции.

Конечно, есть сторонники и противники гуманитарной интервенции. С одной стороны, в случае гуманитарной интервенции государство или международная организация принимает меры по защите граждан другого государства или государств. Если бы международное сообщество не принимало никаких мер и являлось бы только наблюдателем, число нарушений прав человека, вероятно, было бы намного больше. Следует упомянуть слова Главного секретаря ООН Кофи Анана, который в своем Докладе тысячелетия в 2000 году отметил, что «если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ударом по суверенитету, то как нам следует реагировать на такую ситуацию, как в Руанде или в Сребренице, — как реагировать на грубые и систематические нарушения прав человека, которые противостоят всем заповедям человеческого бытия?» [9]. Конвенция о предупреждении преступления

геноцида и наказания за него, принятая резолюцией 260-й (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года, также говорит об ответственности мирового общества за безопасность личности [6].

Некоторые эксперты считают, что проблемой является тот факт, что международные миротворческие организации не успевают адаптировать свои нормативные документы к быстро изменяющимся реалиям международных отношений. Академик А.В. Торкунов придерживается мнения, что «ни у одной из современных мировых держав, включая, как говорят сегодня, и единственную оставшуюся сверхдержаву США, объективно нет достаточных ресурсов для выполнения функций „мирового полицейского“ в однополярном мире» [10]. Следует согласиться с руководителем Научного центра исследований постиндустриального общества В.Л. Иноземцевым в том, что «гуманитарные» вызовы стоят сегодня перед человечеством как никогда остро, потенциал сотрудничества в данной сфере велик, а лидерства не хватает [4].

В сфере международной безопасности все более активную роль играют негосударственные лица. Проблема безопасности все чаще рассматривается сквозь призму триады «безопасность индивида — безопасность государства — международная безопасность». С.С. Веселовский, эксперт РСМД, придерживается мнения, что в XXI веке наступит столкновение национальных государств и негосударственных акторов международных отношений. Причинами противостояния двух из них могут послужить три элемента: природные ресурсы, «гуманитарные операции» и кибер-атаки. К очередным проблемам международной безопасности можно отнести: терроризм, энергетическую зависимость, распространение оружия массового уничтожения, быстрый и неконтролируемый прогресс технологий, растущий разрыв в доходах богатых и бедных, незаконную миграцию, недостаточное количество питьевой воды в некоторых странах, глобальное потепление, загрязнение окружающей среды, увеличение промышленного производства и мн. др.

На основе вышесказанного можно прийти к выводу, что роль человеческого фактора в процессах формирования международной безопасности возрастает. Такая тенденция является реакцией на трансформацию мировой

системы и однополярность мира, в котором государство утратило монополию самостоятельно защищать человека и общество от новых угроз. Защита прав человека и его благополучия при-

обретает все большую значимость, а большинство гуманитарных вызовов требует невоенных скоординированных действий для решения неотложных проблем современной эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баталов, Э.** Антропология международных отношений [Электронный ресурс] / Э. Баталов // Междунар. процессы. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seven/001.htm> (дата обращения: 31.03.2013).
2. **Бокерия, С.** К вопросу о гуманитарной интервенции в начале XXI в. [Текст] / С. Бокерия, О. Белкин // Власть. — 2013. — № 3.
3. **Женевская конвенция** от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 01.04.2013).
4. **Иноземцев, В.Л.** Россия и глобальные гуманитарные вызовы: к новому осмыслению [Электронный ресурс] / В.Л. Иноземцев. — Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1437 (дата обращения: 09.03.2013).
5. **Искандеров, П.А.** Гуманитарные интервенции в контексте геополитики [Электронный ресурс] / П.А. Искандеров. — Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=967 (дата обращения: 01.04.2013).
6. **Конвенция** о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 04.04.2013).
7. **Конституция** для ОБСЕ. Хартия европейской безопасности [Электронный ресурс] [неофициальный перевод]. // Независимая газ. — Режим доступа: http://www.ng.ru/world/1999-11-23/6_hartia.html (дата обращения: 23.11.1999).
8. **Обязательства ОБСЕ** в области человеческого измерения. Т. I [Электронный ресурс] // Сб. документов в темат. порядке. — 3-е изд. — Варшава, 2011. — Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/odihr/77677?download=true> (дата обращения: 01.05.2013).
9. **Ответственность** по защите [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml> (дата обращения: 04.04.2013).
10. **Торкунов, А.В.** Международные отношения после косовского кризиса [Электронный ресурс] / А.В. Торкунов. — Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/files/26380/26380.pdf> (дата обращения: 14.04.2013).
11. **Цыганков, П.А.** Теория международных отношений [Текст] / П.А. Цыганков. — М.: Гардарики, 2003.
12. **Afganistan-konflikt** [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.stosunkimiedzynarodowe.info/kraj,Afganistan,problemy,Konflikt> (reference date: 03.04.2013).
13. **Krwawy marzec w Syrii.** Tylu ofiar nie było od początku wojny [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-ze-swiata,2/krwawy-marzec-w-syrii-tylu-ofiar-nie-bylo-od-poczatku-wojny,315701.html>.
14. **Pacula, P.** Kosowo: problemy teraźniejszości, wyzwania przeszłości, [Electronic resource] / P. Pacuła. — Access mode: http://www.bbn.gov.pl/download/1/.../str_111123_Przemyslaw_Pacula.pdf (reference date: 01.04.2013).

REFERENCES

1. **Batalov E.** Antropologija mezhdunarodnykh otnoshenii. *Mezhdunarodnye protsessy*. Access mode: <http://www.intertrends.ru/seven/001.htm> (reference date: 31.03.2013). (rus.)
2. **Bokeriia S., Belkin O.** K voprosu o gumanitarnoi interventsii v nachale XXI v. *Vlast'*, 2013, nr 3. (rus.)
3. **Zhenevskaia konventsiiia** ot 12 avgusta 1949 goda o zashchite grazhdanskogo naseleniia vo vremia voiny. Access mode: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (reference date: 01.04.2013). (rus.)
4. **Inozemtsev V.L.** Rossiia i global'nye gumanitarne vyzovy: k novomu osmysleniiu. Access mode: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1437 (reference date: 09.03.2013). (rus.)
5. **Iskanderov P.A.** Gumanitarnye interventsii v kontekste geopolitiki. Access mode: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=967 (reference date: 01.04.2013). (rus.)
6. **Konventsiiia** o preduprezhdenii prestupleniia genotsida i nakazanii za nego. Access mode: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (reference date: 04.04.2013). (rus.)
7. **Konstitutsiia** dlia OBSE. Khartiia evropeiskoi bezopasnosti. Ne-ofitsial'nyi perevod. *Nezavisimaia gazeta*. Access mode: http://www.ng.ru/world/1999-11-23/6_hartia.html (reference date: 23.11.1999). (rus.)

8. Obiazatel'stva OBSE v oblasti chelovecheskogo izmereniia. T. I. Sbornik dokumentov v tematiceskom poriadke. 3d izd. Varshava, 2011. Access mode: <http://www.osce.org/ru/odihhr/77677?download=true> (reference date: 01.05.2013). (rus.)

9. Otvetstvennost' po zashchite. Access mode: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml> (reference date: 04.04.2013). (rus.)

10. **Torkunov A.V.** Mezhdunarodnye otnosheniia posle kosovskogo krizisa. Access mode: <http://www.mgimo.ru/files/26380/26380.pdf> (reference date: 14.04.2013). (rus.)

11. **Tsygankov P.A.** Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii. Moscow, Gardariki, 2003. (rus.)

12. Afganistan-konflikt. Access mode: <http://www.stosunkimiedzynarodowe.info/kraj,Afganistan,problemy,Konflikt> (reference date: 03.04.2013).

13. Krwawy marzec w Syrii. Tylu ofiar nie było od początku wojny. Access mode: <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-ze-swiata,2/krwawy-marzec-w-syrii-tylu-ofiar-nie-bylo-od-poczatku-wojny,315701.html>.

14. **Pacula P.** Kosowo: problemy terażniejszości, wyzwania przyszłości. Access mode: http://www.bbn.gov.pl/download/1/.../str_111123_Przemyslaw_Pacula.pdf (reference date: 01.04.2013).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

БОГУЦКА Моника — аспирантка факультета политологии Московского государственного университета.
m_bgcka@gmail.com

BOGUЦKA Monika — PhD student, Moscow State University, Faculty of Political Science.
m-bgcka@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

Философские и культурологические исследования

УДК 141.81;304.9

М.В. Иванов

УТОПИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДОВ

Mikhail V. Ivanov

UTOPIA AND EXISTENTIAL PROBLEMS OF INDIVIDUALS

Аннотация

В статье исследуется трансформация утопии и утопического сознания во второй половине XX века, ее связь с новой технологической реальностью и производной от нее идеологией развитой индустриальной цивилизации. Новая ситуация требует большего внимания к измерению субъективности и экзистенциальным проблемам индивидов, главной из которых является проблема смерти. Утверждая, что в основе утопического мышления лежит стремление преодолеть смерть и предвосхищение вечной жизни, автор размышляет об общественной функции утопического.

Ключевые слова

УТОПИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, СУБЪЕКТИВНОСТЬ, ПРОБЛЕМА СМЕРТИ.

Abstract

In the article author researches transformation of utopia and utopian conciseness in the second part of XX century, its relations with new technological reality and the ideology of advanced industrial civilization. New situation demands more attention to human subjectivity and existential problems, main from which is the problem of death. Proved utopian thinking is based on aspiration to overcome the death and anticipation of unfettered life, the author muses about social function of utopia.

Keywords

UTOPIA, IDEOLOGY, TECHNOLOGICAL RATIONALITY, SUBJECTIVITY, PROBLEM OF DEATH.

Исследование феномена утопии второй половины XX – XXI века, помимо новых методологий социально-философского анализа, требует значительного повышения внимания к измерению субъективности – к экзистенциальным проблемам индивида как носителя утопического сознания, что объясняется произошедшей трансформацией внутри самого объекта исследования в данный исторический период.

Доминировавшая в XVII–XIX веках тенденция утопической мысли, концептуально связанная с проектом Просвещения [См.: 1] и свойственным ему режимом рациональности,

утвердившимся посредством покорения и всевозрастающего господства над Природой (соответственно и природным началом в человеке), находит свой трагический финал в технократической реальности XX века. Суть трагедии, как известно еще с античных времен, заключается в гибели героя, заслуживавшего лучшей участи. Утописты Нового времени, возлагавшие столько надежд на научно-технический прогресс и введение его достижений в повседневную жизнь, конечно же, не были достойны увидеть плодами своей мысли ставшие реальностью в современную эпоху технократии тотальное администри-

рование и стандартизацию жизни индивидов, где отчуждение достигает небывалых размеров и повсеместно применяются искусные методы манипулирования человеческими потребностями, при которых интересы науки кажутся практически неотделимы от интересов господства и воспроизводства социальной иерархии.

Обетованная мечта с помощью разума достичь свободы (т. е. преодолеть обозначенные отношения иерархии и господства, превратить человека из средства в цель) обратилась в господство самого разума, узурпировавшего место свободы. Отношения рациональности и власти оказались много сложнее, чем представлялось большинству гуманистов Нового времени и создателям утопий из их числа. Выяснилось, что принципы разума и все увеличивающейся рациональности, на которые опиралась старая утопическая традиция в борьбе с несправедливым социальным устройством и духовной нищетой жизни, сами содержат интенцию превращения в *идеологию*, т. е. в определенных условиях начинают формировать ложное сознание, служащее увековечиванию репрессии и несвободы. Практика XX века убедительно демонстрирует, как Логос, сведенный к операциональной и бихевиористской рациональности¹, раскрывается исключительно как логика господства, увековечивающего себя *«не только посредством технологии, но именно как технология»* [2, с. 212]. То есть формируется качественно новая идеология и замыкается универсум дискурса за счет ликвидации прежних трансцендирующих и несводимых к операционализму элементов Разума.

Опыт новой технологической революции конца XX – начала XXI века, результатом которой стала массовая компьютеризация населения и общедоступность сети Интернет, отнюдь не опровергает, а, наоборот, подтверждает тезис Г. Маркузе о политическом характере технологической рациональности, сегодня практически полностью определяющей повседневность индивидов и коммуникацию между ними. Ввиду этого некорректным выглядит выделение технократической утопии при составлении классификации современных утопических концепций

¹ Подробный анализ операционализма и бихевиоризма в мышлении и поведении индивидов индустриальной цивилизации, позволяющий выделить соответствующий тип рациональности, см. в [2].

[См., например: 3]. Если брать за основу существенные характеристики утопии и утопического сознания, указанные К. Мангеймом и Э. Блохом, то становится ясно, что современные технократические социальные теории есть не утопии, а скорее то, что утопии противостоит и утопией преодолевается. Технократические проекты не подразумевают революционный прорыв ни в историческом континууме, ни в измерении субъективности, они не подвергают полноценной критике Здесь-существующее, напротив, скорее занимаются экстраполяцией репрессивных тенденций настоящего. Современная утопия ставит своей задачей преодоление этих тенденций. Ее внимание сосредоточивается не столько на вопросах распорядка и организации общества, сколько на анализе экзистенции человека, непосредственности его чувств и переживаний, преодолении его страха перед небытием и невозможности коммуникации, на борьбе за свободу, понимаемую не как выбор благ в условиях изобилия, а как онтологический статус целостного неотчужденного человека.

Разумеется, вводя разграничение «старой» и «новой» утопии, формально и содержательно связанное с пониманием диалектики проекта Просвещения, мы подразумеваем отличие доминирующих тенденций утопической мысли. Это отнюдь не означает, что у «новой» утопии не было предшественников в более ранние времена, например в «просветительских» XVIII и XIX веках. Они, безусловно, были. Однако их проблематике отводилось чаще всего второстепенное значение либо поднимаемые ими вопросы переносились из сферы социальной теории в сферу эстетического – поэзию и искусство. Лишь XX век признал У. Блейка [См.: 4, 5] и Ш. Бодлера [См.: 6] пророками и важнейшими социальными критиками своего времени, а поэзия А. Рембо нашла свой коррелят в социальных и политических программах массовых движений контркультуры и «новых левых» 1960-х.

Превращение прежнего мира Природы в технологизированную пустыню удивительным образом совпадает с превращением в пустыню былого внутреннего мира человека. Место личности с ее критической рефлексией и переживаниями занимает стандартизированный набор поведенческих реакций, заданный маркетингом и сливающейся с ним идеологией. Бихевиоризм и функционализм мышления стреми-

тельно вытесняют тип мышления, основанный на противоречии. Не удивительно, что образ пустыни находит столь широкое употребление в утопии второй половины XX–XXI века и сопряженном с ней критическом искусстве для обозначения технократической реальности высокоиндустриальных стран и порождаемой ею духовной нищеты жизни. В технократической цивилизации для человеческой непосредственности попросту не остается места. Пустыня «внутри» и пустыня «снаружи» рассматриваются современной утопией в их логической взаимосвязи: преодоление Здесь-существующего оказывается возможным только посредством примирения Природы и человека – в утверждении нового типа рациональности, в прежние времена в силу различных причин вытесненного из реальной жизни общества в сферу религии или эстетики.

Утопическое сознание в XX веке представит как синоним сознания отказа – неприятия торжества принципа производительности и всевозрастающей технологической рациональности современных обществ, в которых данные принципы отныне полностью подчиняют себе идеологический уровень, преформируя в операционалистском духе измерение субъективности и делая технически невозможным существование истин Эроса, поэзии и неотчужденного труда, заключающих в себе то, что технократия и аппарат, несмотря на всю свою мощь, обеспечить не способны, а именно необходимость умиротворения существования, примирения человека с Природой, обретения им самого себя и своей родовой сущности.

Проект утопии всегда заключает в себе трансформацию человеческого бытия в его тотальности. Невозможно выделить какую-нибудь одну категорию – будь то часто встречающиеся в дискуссии об утопическом категории «счастья» или «свободы», – изменение которой позволило бы определить содержание этой трансформации в целом. Во-первых, потому что эти категории не имеют смысла рассматривать изолированно друг от друга. Во-вторых, потому что тотальность подразумевает изменение всех категорий в соответствии с их прежним смыслом. Также следует понимать, что эта трансформация не ограничивается изменением общественных отношений и выходит за рамки категорий традиционного социаль-

но-философского анализа. Утверждая, что утопия – это проект «счастливого общества» или проект «свободного общества», мы неизбежно упрощаем ситуацию. Не найдя удовлетворительными подобные определения, необходимо сформулировать проблему утопии на ином – онтологическом уровне, где ключевым вопросом для понимания утопического оказывается возможность преодоления смерти.

Утопический импульс исходит из возможности представить и реализовать тотальность как нечто совершенно другое, в корне отличное от Здесь-существующего, важнейшим экзистенциалом которого является введенное М. Хайдеггером понятие *бытия-к-смерти*. В своей основе или сердцевине утопия обращена не столько к социально-экономическим проблемам, сколько к проблемам экзистенциальным, и главной из них – проблеме смерти и страха личности перед смертью. Политические и художественные практики, а также неизбежные социально-экономические изменения идут уже следом – как способ решения проблемы, актуализированной на уровне онтологии.

Очевидно, страх смерти у людей сильно отличается от страха смерти у животных, хотя ни те, ни другие не стремятся умирать. Следует разграничивать смерть как необходимость или биологический факт и смерть как онтологическую сущность, увековечиваемую и возводящуюся в философский абсолют, например в экзистенциализме М. Хайдеггера. Именно смерть как онтологическую сущность, как главенствующий экзистенциал нашего бытия оспаривает утопическое сознание. *«Без указания на вечную жизнь и возможность освобождения от смерти идея утопии не может быть задумана в принципе»*, – утверждал Т. Адорно в дискуссии с Э. Блохом [7, с. 10]. Преодоление смерти понимается не как отрицание биологического факта смерти, а как освобождение от экзистенциального страха *тяжести* смерти, в религиозной традиции связанного с идеями первородного греха и неизбежностью воздаяния, в светской же философии нашедшего свои корреляты в лице учений об изначальном несовершенстве и порочности человеческой природы. *«Не смерть как таковая, но смерть прежде возникновения необходимости и желания умереть, смерть в агонии и страданиях, является обвинительным актом цивилизации и свидетельством неискупимой вины человечест-*

ва. Эта смерть вызывает боль при сознании того, что она не была неизбежной, что могло бы быть и иначе» [8, с. 253–254], – конкретизирует обозначенное различие Г. Маркузе в финале книги «Эрос и цивилизация», знаковой для утопической мысли современности. Собственно с этого «могло бы быть и иначе» мы и вступаем на территорию утопии. Это граница, откуда начинается настоящее путешествие. Онтологическая проблема, веками тревожившая религиозную метафизику, для своего разрешения должна перенестись и найти свое соответствие на социально-философском уровне. Совсем как в романе А. Платонова, где Саша Дванов должен «*делать что-нибудь в Чевенгуре*», чтобы разгадать тайну смерти и воскрешения. Революционная активность на социальном уровне оказывается необходимой предпосылкой на пути освобождения от смерти. «*В поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытстве смерти*» для Дванова невозможно игнорировать указатели страны, отсутствие которой на карте мира делает последнюю, как считал О. Уайльд, не заслуживающей даже одного взгляда.

Сущностная функция утопии – это критика Здесь-существующего. Без предпринимаемого утопией выхода за его пределы невозможно само представление о каких-либо пределах, а тем более анализ реальности. Утопия выявляет эти пределы, утверждает изменчивость и динамизм действительного, разбивая мифологию современной социальной обыденности, мастерски описанную Р. Бартом [9]. Однако люди остаются пленниками Здесь-существующего. Присущий каждому индивиду утопический импульс блокируется в его сознании по той же модели, что и описанное в психоанализе сопротивление возвращению вытесненного.

Парадокс состоит в том, что это сопротивление лишь возрастает по мере того, как в реальности создается все больше предпосылок для преодоления нужды и отказа от того, что Г. Маркузе называл добавочной репрессией². Искушение воспользоваться все возрастающей производительностью, пришедшей на смену тяжкому ручному труду вследствие продолжающейся на-

учно-технической революции и повсеместного внедрения автоматизации, с целью достижения свободы и счастья становится все более и более рациональным. Однако в реальности этот соблазн наталкивается на все большие препятствия в самом сознании и мышлении человека, где прежняя двухмерная модель, базирующаяся на диалектике действительного и должного (трансцендентного), заменяется одномерной операционалистской моделью, поглощающей трансцендентные и оппозиционные Здесь-существующему элементы разума. То, что приближает утопию или ее «конец» в вульгарном понимании, одновременно создает условия для блокирования утопического импульса в сознании человека, редуцируя способность индивида к предвосхищению действительно нового, закрывая для него возможность освобождения. Образно выражаясь, когда после долгой и утомительной дороги до Земли обетованной оставалось рукой подать, люди неожиданно ослепли и потеряли память: про завет с Богом уже никто не помнил, и Ханаан стал как бы и не нужен, благо пустыня без памяти и прежнего зрения вдруг оказалась весьма приятной и комфортной.

По мнению Т. Адорно, в основе этого сопротивления импульсам утопического лежит подсознательная самоидентификация индивида со смертью [7, с. 8]. Таким образом, как утопический импульс, так и исток сопротивления ему заложены в психической структуре современного человека, в тех слоях психики, что находятся за пределами сознания индивида, но затем проявляющих себя и на сознательном уровне – в виде соответствующих действий и тех или иных суждений.

Утопическое сознание есть такой тип сознания, при котором признается возможность того, что людям не придется больше умирать и испытывать страх перед смертью. Эта возможность признается желанной и позитивной. Напротив, в случае самоидентификации со смертью такая возможность признается невыносимой и предстает как сущий ужас. Этот ужас обусловлен тем, что идентификация со смертью имеет глубинную связь с идентификацией индивидов с социальным порядком, к которому они прикреплены и в котором находят то, что считают оправданием своего существования. То есть на процессы в психике человека влияет господствующая идеология, диктующая соответствующее отношение к жизни. Объясняемый через идеологию порядок, как отмечает Г. Маркузе, «*имеет глубоко родст-*

² Добавочная репрессия исходит не из нужды как факта борьбы за существование, а из иерархического распределения нужды, служащего воспроизведению отношений господства.

венную связь со смертью, ибо смерть — символ не-свободы и поражения» [8, с. 254], и обнаруживает для инстинкта смерти возможность широкого социального употребления. «В репрессивной цивилизации сама смерть становится инструментом подавления. Нависает ли она как постоянная угроза, прославляется ли как возвышенная жертва или принимается как судьба, воспитание согласия на смерть с самого начала вносит в жизнь элемент капитуляции...» [Там же].

Маркузе, обращаясь к метапсихологии Фрейда, с ее учением о влечении к жизни (Эрос) и влечении к смерти (Танатос), выдвигает тезис о манипулировании последним в современном обществе, осуществляемом в интересах господства и сдерживания социальных перемен. Прославление смерти, наблюдаемое как в повседневности, так и в доминирующих типах религии с философией, постоянная актуализация смерти в сознании человека, невозможность представить свою жизнь без нее служат интересам социального порядка, основывающегося на иерархии и добавочной репрессии. Либерализация нравов и морали во второй половине XX века отнюдь не способствовала эротизации жизни человека, подлинному примирению природной чувственности и рациональности. При декларируемой вседозволенности технологическая действительность современного общества уменьшает энергию Эроса, осуществляя низведение эротического опыта (по Фрейду, Эрос — влечение всего организма) до опыта сексуального (частного локализованного влечения) посредством механизма репрессивной десублимации [См.: 10], описанного Маркузе в работе «Одномерный человек». Некомпенсируемый Эросом избыток влечения к смерти (Танатос) проявляется в виде интернализированной и экстернализированной деструктивности и путем непрерывных манипуляций используется в интересах воспроизведения господства и социальной иерархии.

Ввиду антиномии смерти о содержании утопии невозможно говорить в позитивных терминах, а только в негативных, через указания на то, чем утопия не является, «как это имело место быть в великих философских работах Гегеля и более отчетливо у Маркса», — добавляет Т. Адорно в дискуссии с Э. Блохом [6, с. 10]. Познание утопического идеала оказывается сходным с познанием божественного по методу апофатического богословия. Наглядные

примеры современной светской апофатии мы находим в литературе XX века, встающей под знамена утопии или ведущих с утопией диалог. Показательно понимание коммунизма героями романа «Чевенгур» А. Платонова: коммунизм — это где нет буржуазии, где нет угнетения и эксплуатации, где нет труда / работы как тяготы и где, в конце концов, вовсе не нужно умирать, так как разгадана тайна «вещества существования», решена проблема пространственно-временных лимитов — в знак победы над временем и пространством даже возводится памятник в виде лежачей восьмерки. Известно, что в первые послереволюционные годы молодой журналист Платонов, путешествуя по деревням, встречал там местных жителей, утверждавших, что революция победила смерть и последней больше не будет, а когда смерть все же случалась, то очень удивлявшихся и впадавших в сомнения относительно полноты революции. Эти сюжеты писатель впоследствии перенес в свои произведения, и в главное из них — «Чевенгур», где проблема утопии с уровня социального переносится на уровень онтологический.

Выше нами была установлена связь между неприятием утопии, самоидентификацией индивидов со смертью и идеологией развитой индустриальной цивилизации³. За полвека до появления марксистской концепции идеологии английский поэт У. Блейк указал на сходный механизм трансформации сознания, назвав это «падшим восприятием» (fallen perception). В поэме «Иерусалим», которую в литературоведении принято относить к циклу пророческих поэм, Блейк писал:

*If Perceptive Organs vary:
Objects of Perception seem to vary:
If the Perceptive Organs close:
their Objects seem to close also.*

*(Если изменятся Органы Восприятия:
Объекты Восприятия окажутся изменены:
Если Органы Восприятия закрыты:
Их Объекты также будут закрыты)⁴*

³ По нашему мнению, индустриальный способ производства по-прежнему является определяющим для социально-экономической миросистемы начала XXI века.

⁴ Перевод наш. — М. И.

Perceptive Organs – это способ восприятия окружающего мира, он непосредственно связан с нашими органами чувств и нашим сознанием. Но задается именно сознанием и его способностью к распрямлению, так как органы чувств есть условно постоянная величина, определяющая лишь физиологические параметры. Идеологическое сознание или «ложное сознание», как его определил Маркс, задает совершенно определенный способ восприятия мира, который конституирует и освящает данность Здесь-существующего, оставляя непознанным или закрытым все то, что выходит за границы этой данности. Образ Уризена в поэзии Блейка отражает тип рациональности, свойственный идеологии, утвердившейся в Новое время в ведущих странах и исторически связанной с классом буржуазии. Однако этот тип рациональности не единственный.

Помимо утвердившейся рациональности деструктивной производительности (деструктивной в отношении природы и природного начала в человеке), возможен и другой тип рациональности, базирующийся одновременно на естественной чувственности и высших формах сознания, указывающий на необходимость умиротворения существования и настойчиво требующий как последовательной гуманизации природы, так и натурализации человека. Этот тип рациональности находил себя в истории либо в сфере эстетики, либо в общественной практике утопических движений, где, однако, постепенно утратил доминирующее положение, уступив логике проекта Просвещения. Показательно, что в утопической мысли современности наблюдается тенденция преодоления границ между общественной и эстетической сферой жизни, благо источник у них оказывается общим – это свободные от принципа производительности воображение и надежда, требующие воплощения своих истин в действительность. Поэзия Блейка, возможно, как никакая другая, сохранила образы этих истин.

Блейк, как и Маркс, подразумевает возможность выхода за рамки идеологического сознания. В другой его пророческой поэме,

«Бракосочетание Неба и Ада», – в отличие от «Мильтона» и «Иерусалима» полностью переведенной на русский язык, – мы находим следующие строки, ставшие почти программными для контркультуры 1960-х⁵, когда интерес к творчеству Блейка обрел второе дыхание: «*If the doors of perception were cleansed every thing would appear to man as it is, Infinite. For man has closed himself up, till he sees all things thro' narrow chinks of his cavern*». («Если бы врата восприятия были чисты, все предстало бы человеку таким, как оно есть – бесконечным. Но человек замуравил себя так, что видит все лишь через узкие щели своей пещеры».) (Блейк У. Избранные стихи. М.: Прогресс, 1982. С. 366)

Утопическому сознанию, провозвестником которого был Блейк, свойственен совершенно другой способ восприятия, радикально отличающийся от идеологического, охватывающий как раз те качества реальности, что недоступны для сознания, погруженного в идеологию, а именно: процессуальность действительности, незавершенность прошлого, продолжающегося в настоящем и одновременное присутствие в настоящем маяков будущего, сообщающих нам о тенденциях грядущих изменений. Важнейшее в семантическом плане указание на бесконечность: «*Все предстало бы человеку таким, как оно есть – бесконечным*» – не возможность ли это убрать предел существования, освободившись от «ложного сознания»? То есть преодолеть смерть... Именно преодолеть, а не отменить как биологический факт. Ибо преодоление смерти – это не столько биологическая проблема, сколько проблема экзистенциальная, упирающаяся в вездесущий Angst – человеческий страх перед Ничто, подпитываемый и манипулируемый социальной организацией жизни, увековечивающей необходимость страдания и подчинения.

⁵ Достаточно упомянуть Дж. Моррисона и рок-группу The Doors, где само название группы отсылает к выражению «doors of perception» из поэзии Блейка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения [Текст] / М. Хоркхаймер, Т. Адорно; пер. с нем. М. Кузнецова. — М.; СПб., 1997. — 311 с.
2. Маркузе, Г. Одномерный человек [Текст] / Г. Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина. — М., 2003. — 331 с.
3. Баталов, Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США [Текст] / Э.Я. Баталов. — М., 1982. — 336 с.
4. Frye, N. Fearful Symmetry a study of William Blake [Text] / N. Frye. — Princeton University Press, 1947.
5. Williams, N.M. Ideology and utopia in the poetry of William Blake [Text] / N.M. Williams. — Cambridge University Press, 2007.
6. Бенъямин, В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма [Текст] / В. Бенъямин // Маски времени: эссе о культуре и литературе. — М., 2004. — С. 47–235.
7. Bloch, E. The Utopian Function of Art and Literature Selected Essays [Text] / E. Bloch. — Cambridge, Massachusetts, 1989. — P. 1–17.
8. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация [Текст] / Г. Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина. — М., 2003. — 312 с.
9. Барт, Р. Мифологии [Текст] / Р. Барт; пер. с фр. С. Зенкина. — М.: Академ. проект, 2008. — 351 с.
10. МакНейр, Б. Стриптиз-культура: секс, медиа и демократизация желаний [Текст] / Б. МакНейр. — Екатеринбург, 2008. — 445 с.

REFERENCES

1. Khorkkhaimer M., Adorno T. Dialektika Proshchennia. Moscow, St. Petersburg, 1997. 311 p. (rus.)
2. Markuze G. Odnomernyi chelovek. Moscow, 2003. 331 p. (rus.)
3. Batalov E.Ia. Sotsial'naia utopiia i utopicheskoe soznanie v USA. Moscow, 1982. 336 p. (rus.)
4. Frye N. Fearful Symmetry a study of William Blake. Princeton University Press, 1947.
5. Williams N.M. Ideology and utopia in the poetry of William Blake. Cambridge University Press, 2007.
6. Ben'iamin V. Charl' Bodler. Poet v epokhu zrelogo kapitalizma. *Maski vremeni*. Esse o kul'ture i literature. Moscow, 2004. Pp. 47–235. (rus.)
7. Bloch E. The Utopian Function of Art and Literature Selected Essays. Cambridge, Massachusetts, 1989. Pp. 1–17.
8. Markuze G. Eros i tsivilizatsiia. Moscow, 2003. 312 p. (rus.)
9. Bart R. Mifologii. Moscow, Akademicheskii projekt, 2008. 351 p. (rus.)
10. MakNeir B. Striptiz-kul'tura: seks, media i demokratizatsiia zhelaniia. Ekaterinburg, 2008. 445 p. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ИВАНОВ Михаил Вячеславович — аспирант кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
michelle70@yandex.ru

IVANOV Mikhail V. — St. Petersburg State Polytechnical University.

Polytekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
michelle70@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 165.3

*О.Д. Шипунова, И.В. Тарасова***ПРОБЛЕМА ИНТЕЛЛЕКТА И СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ
В КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ***Olga D. Shipunova, Irina V. Tarasova***THE PROBLEM OF INTELLECT AND SOCIAL ONTOLOGY
IN COGNITIVE STUDIES****Аннотация**

В статье обсуждается неопределенность статуса интеллекта в когнитивной науке и философии, выявляется интенция к социальной онтологии в когнитивных исследованиях, которая стимулируется установками психо- и онтолингвистического плана, указывающими на социоприродное происхождение и бытие естественного интеллекта. Подчеркивается, что центральный вопрос когнитивистики: как исторически возникает и актуально протекает процесс мышления? – выходит за рамки технологии и лингвистики. Цель статьи – обосновать перспективность социальной онтологии как исследовательской стратегии когнитивной науки, которая развивается на базе представления о семантическом пространстве, информационной среде, смысловой сети. Анализируется обращение когнитивной науки к идеям классической и современной философии в связи с интересом к фоновым структурам человеческого действия.

Ключевые слова

ИНТЕЛЛЕКТ, СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ, КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, КОГНИТИВНАЯ НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, ФОНОВЫЕ СТРУКТУРЫ, ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА, СМЫСЛОВАЯ СЕТЬ.

Abstract

The article examines the uncertainty which is characteristic of intellect status in cognitive science and philosophy. In modern cognitive studies, there is some trend to social ontology which is stimulated by psycho-linguistic and onto-linguistic objectives indicating social origin and being of natural intellect. The main question of cognitive science, namely how the process of thinking historically appears and actually proceeds, is pointed out to emerge beyond the frameworks of both technology and linguistics. Authors' aim is to prove prospects of social ontology as the researching strategy of cognitive science developed on the base of ideas about semantic space, information medium and semantic network. The article analyzes cognitive science's appeal to the conceptions of classical and contemporary philosophy in the context of the interest to background structures of human action.

Keywords

INTELLECT, SOCIAL ONTOLOGY, COGNITIVE STUDIES, COGNITIVE SCIENCE, PHILOSOPHY, BACKGROUND STRUCTURES, INFORMATION MEDIUM, SEMANTIC NETWORK.

Неоднозначность термина «интеллект» в современной системе знания поддерживается традиционным противостоянием двух теоретических установок: философской (в ее контексте мышление – родовое качество человека [1, 2]) и психологической (в контексте этой установки мышление – процесс реальной психической

деятельности индивида). Под интеллектом в отечественной философии со второй половины XX века понимается активная творческая сила мышления, которая в отличие от чувственных форм познания есть исключительная особенность разумного существа (человека) [3]. Для междисциплинарных исследований конца века

характерна трактовка интеллекта в виде некоторой реальности, функционирующей как целостное структурно-функциональное образование, статус которого однозначно не определен. В зависимости от контекста статус интеллекта связывается с реальностью: психической, метапсихической, социальной (знаковой), космической (живым космическим пространством, ноосферой), технической (искусственной).

Неопределенность статуса интеллекта приводит к тому, что в конкретных психологических и технологических исследованиях появляется стремление избавиться от термина «интеллект», заменив его когнитивными процессами подобно тому, как в естественных науках понятие «материя» заменяется материальными явлениями, доступными наблюдению. Однако собирательное понятие «интеллект» остается, указывая на нечто, обладающее способностью интегрировать и направлять отдельные когнитивные процессы вроде памяти и логического вывода. Негласное признание этой явно ненаблюдаемой реальности лежит в основе эволюции методологических принципов проектирования искусственного интеллекта от принципов формальной логики (1950-е гг.) к психологии и далее к герменевтике и метафизике.

Движение к новой парадигме интеллекта обозначено неудовлетворенностью реальными результатами моделирования в рамках представления о мышлении как процессе решения задач, выбора альтернатив, вычисления. Оно поддерживается необходимостью определить возможные перспективы программного обеспечения творческой деятельности человека. Для этого нужно, по крайней мере, выделить специфику и ресурсы естественного интеллекта. Трудности, связанные с обращением к потенциалу философии, заключается в том, что метафизические исследования традиционно ориентированы на категории рассудка, разума, рациональности. Термин же «интеллект», широко распространенный в области междисциплинарных исследований, в философии связан с проблемами техноэволюции [4], в контексте которых интеллект, разум, мышление обычно не различаются.

В конце XX века междисциплинарные исследования интеллекта оформляются в виде когнитивной науки — сообщества дисциплин, соединяющих усилия теории информации, психологии, антропологии, лингвистики, фи-

лософии в направлении исследования особенностей человеческого действия и его имитации [5]. Главная проблема когнитивной науки — динамика скрытого для машины поля отношений и смыслов, которое человек воспринимает как нечто естественное, данное структурой языка и символикой человеческого сообщества.

Острота проблемы социокультурной детерминации человеческой психики, подчеркнутая когнитивными исследованиями, делает актуальной социальную антропологию, мало разработанную как в отношении метафизических проблем когнитивной науки, так и в отношении исследования генезиса функций интеллекта.

Общенаучная трактовка, представляющая интеллект через накопление в памяти большого числа моделей, фактов, программ и манипуляций с ними, предложенная в 1960-х годах [См.: 6, с. 225; 7], становится узкой в контексте стратегий когнитивной науки, стремящейся к построению метафизики искусственного интеллекта, в центре которой проблема его принципиальной возможности. При этом в отношении собственно интеллекта нет единого мнения. Вопрос о его сущности остается в тени, поскольку вроде бы всем ясно, о чем идет речь. Однако обзор литературы показывает, что проблема интеллекта в философии и междисциплинарной области достаточно четко обозначена:

1) неясностью собственного содержания интеллекта в отличие от сознания, мышления, ментального опыта, когнитивного процесса; при этом психология фиксирует несовпадение интеллекта и когнитивного процесса, когнитивная наука подчеркивает несовпадение интеллекта со структурами информации и знания, герменевтика — несовпадение интеллекта и предзнания;

2) противоречивостью представлений о носителе интеллекта: человек, когнитивная система или универсум?

3) неопределенностью самого термина «когнито», который теряет картезианский смысл, распространяясь в технологии, психологии, психолингвистике, биологии в качестве методологического принципа, объясняющего поведение любой прогнозирующей, сохраняющейся адаптивной системы;

4) парадоксом «исчезновения» интеллекта, свидетельствующим о его метасистемной, метапсихической сущности, поскольку замена

интеллекта суммой когнитивных функций или понятием ментального пространства не устраивает убеждения, что он есть;

5) психолингвистической установкой когнитивной науки, фиксирующей неясность порождения самого когнитивного действия, а также контекста, задающего параметры, границы, критерии знания.

Обозначая социокультурную направленность проблем интеллектуальной технологии, психолингвистическая установка указывает на актуальность социально-философского анализа контекстных структур в качестве социальных оснований как рациональных, так и иррациональных форм действия. Исследовательские стратегии когнитивной науки оказываются связанными с проблемами социальной онтологии, в частности с органичным соединением объективно-деятельностной и феноменологической моделей социальной реальности. При этом первая модель акцентирует внимание на динамической целостности и самосохранении социума, единстве практической деятельности и коммуникации, вторая — на том, что социальная реальность творится и поддерживается сознанием индивидуумов. Интеллект ассоциируется с творческой силой, преобразующей человеческое бытие, поэтому вопрос о статусе интеллекта, анализ его оснований, генезиса и уровней в современном мире неизбежно оказываются в области социальной онтологии.

Динамику иррационального неосознаваемого континуума внутреннего состояния индивидуума современная философия выражает понятиями: «субъективность», «ментальность», «самость», «экзистенция», «жизненный мир». Принцип феноменологической редукции, отделяя самость от стереотипов сознания и рации, подчеркивает самодетерминацию субъективности. Самость определяется не интеллектом и трактуется как его антипод. Однако современная философия в рамках экзистенциальной онтологии, так же как и когнитивная наука, столкнулась с проблемой выявления основания самости, ментального опыта и границ субъективности как особого рода реальности.

Таким образом, на современном этапе научных и философских исследований можно констатировать, что интеллект не отождествляется ни с когнитивной системой, ни с ментальным опытом, ни с субъективностью. Однако

он характеризует субъективную реальность в ее динамической связи с социумом (бытием, языком, универсумом), направляет действия адаптивных, прогнозирующих систем, оставаясь неопределенным и в контексте «мифологемы искусственного интеллекта» [8], которая отражает интенцию поиска универсального метода, позволяющего получать всеобщее знание помимо индивидуальных субъективных способностей человека.

Развитие социально-философской проблематики в когнитивных исследованиях стимулируется интересом к фоновым структурам человеческого действия в широком спектре наук. Попытки структурировать неосознаваемую область действий сталкиваются с неопределенностью статуса интеллекта и в конечном счете приводят к общей проблеме связи интеллекта и субъективности.

В настоящее время отсутствует общепринятая концепция интеллекта, сохраняется терминологическая неопределенность в отношении сознания, мышления, интеллекта, когнитивного процесса, отмеченная исследователями конца XX века в анализе проблем информационной технологии [8–10]. Фундаментальная позиция в этой области представлена компьютерной метафорой, суть которой составляет положение о тождестве процессов мышления и переработки информации. Сущность дискурсивного интеллекта связывается с логическими операциями. Никто не сомневается в том, что логический вывод как последовательное рассуждение, реализованное в естественном или формальном языке, представляет собой интеллектуальную деятельность. Вопрос в том, исчерпывается ли интеллект в таком способе своей реализации?

В 1970-х годах техническим аналогом мышления выступают не только формально-логические, строго говоря, программные действия, большие надежды связываются с имитацией нейронной структуры мозга в виде создания перцептрона и сетевой модели мозга. На этом этапе проблема искусственного интеллекта оказывается на распутье, указывающем два направления развития: информационное моделирование и программирование, ориентированное на внеперсональные, нефизиологические параметры мышления в виде логико-семантических процедур, или моделирование тонких структур мозга.

Однако соотнесение деятельности мозга с интеллектуальной деятельностью упирается в проблему сознания (и психики) как специфической реальности, отличной от физиологических и нейродинамических процессов. Это отличие наиболее ярко выражено универсальностью и сверхперсональностью формально-логических процедур в мышлении человека и информационной системы, указывая на социально-онтологическое основание реализуемых высшей нервной деятельностью когнитивных процессов, которое предполагает не только конкретное материальное образование – мозг, но весьма существенным образом целостность социума и человеческой культуры. Поскольку обе перспективы не просто имеют отношение к когнитивным процессам, а нуждаются в концептуальном видении познания, мышления, интеллекта, обозначается интенция к метафизике интеллекта.

Благодаря когнитивному подходу, развиваемому школой М. Минского, в 90-х годах XX века общенаучной становится методологическая установка: «мышление – это познание» [См.: 11, 12]. В результате интенсивного исследования и конструирования форм представления в центре общенаучного анализа оказывается широкая область когнитивных процессов, включая восприятие, воображение, мышление, а наиболее актуальной проблемой – отношение логического и психологического в человеческом действии. По общему мнению, в ментальном процессе связь логического и психологического осуществляется через интеллект, предстающий некоей суммой операций и сформировавшейся логической структурой мыслительной деятельности [13, 14].

Однако развертывание принципа семантического моделирования в имитации восприятия, узнавания, формирования образа ситуации приводит к убеждению, что интеллектуальная деятельность имеет смысловое пространство, очерченное общим знанием о мире, несвободным от социально-исторического контекста. Имитация феноменального действия на основе здравого смысла требует анализа и учета роли фонового знания. В процессе жизнедеятельности человек естественным образом ориентируется в некотором семантическом поле, порожденном не только сопряжением когнитивных пространств субъектов коммуникации в

актуальном общении, но и сопряжением смыслового пространства социума как фона с собственным когнитивным пространством, имеющим, в свою очередь, феноменальный фон. Понятие «интеллект» становится еще более неопределенным, поскольку имеет отношение и к познавательным процессам (когнитивным в психологической трактовке), и к смысловой стороне внутреннего мира человека (в экзистенциально-феноменологической установке). Тожество интеллекта и когнитивных процедур оказывается сомнительным. Когнитивная реальность субъекта настолько динамична, многопланова и многослойна, что уместно предположить существование функционально гибкой структуры, которая осуществляет общую навигацию в когнитивной реальности субъекта, не совпадая содержательно с отдельными процедурами вроде памяти, восприятия, воображения, логического вывода.

Проблема социокультурной детерминации интеллекта выводит исследования, мотивированные перспективами искусственного интеллекта, за пределы чистой психологии. Привлечение данных языкознания, психолингвистики, антропологии, восприятие и заимствование идей герменевтики требуют междисциплинарного синтеза. В результате возникает *когнитивная наука*, собственный предмет которой – интеграция представлений о процессах, опирающихся на знание и понимание [15]. В проблемном поле междисциплинарных исследований оказывается смысловое ожидание – предвидение на уровне здравого смысла. Социокультурная детерминация здравого смысла выступает сверхзадачей, в контексте которой формируется потребность в очерке онтологического статуса интеллекта.

Метафизический поворот в когнитивной науке обозначен обращением к идеям классической и современной философии, поскольку актуальной становится концептуальная картина в отношении здравого смысла (деятельности рассудка, по Канту). При этом внимание исследователей привлекает его априорность, зафиксированная функциональной значимостью общего контекста. Именно в междисциплинарной области исследований познавательных процессов утверждается исследовательская установка – рассматривать в качестве онтологического основания интеллектуальных способ-

ностей мир знаний, формы его представления и способы развития: широко – семантическое пространство, смысловой континуум, более конкретно – информационную среду. При этом представление о субъекте – носителе интеллектуальных свойств расширяется: от человека – к самоорганизующейся, когнитивной системе, природа которой не уточняется.

Представление о *когнитивной системе*, во-первых, расширяет представления о носителе интеллекта и когнитивных функций, во-вторых, формирует открытую методологическую установку, позволяющую трактовать субъект мышления широко, на разных уровнях (от субъективности живого к субъективности человека, субъективности социума и ноосферы), возвращая актуальность идеям феноменологии духа Гегеля, а в-третьих, представляет собой устранение интеллекта, замену его суммой функций в ментальном пространстве.

Интеллект по-прежнему остается «черным ящиком», неким комплексом активности, который уважается, но не понимается. Однако в последнее десятилетие междисциплинарная область заметно эволюционирует к метафизическому наполнению термина «интеллект», от употребления которого никто не отказывается, несмотря на его неопределенность.

Проблемы информационно-интеллектуальной технологии в современной постановке, акцентируя сложность и неясность социокультурной детерминации человеческого мышления, восприятия, действия, указывают на различие критериев интеллектуальности и рациональности.

Традиционно критерием высокой интеллектуальности выступают вычисления, которые часто оказываются в высшей степени сложным процессом, требующим способности к абстрактной деятельности, четкого мышления, высокой логической культуры. В качестве интеллектуальных однозначно рассматриваются операции с символической информацией, а интеллектуальная деятельность редуцируется к видам вычислений (и в процессах решения как выбора, и в процессах распознавания образов как выбора, и в эвристическом поиске как выбора в поле гипотез) [16, 17]. Компьютер ассоциируется с искусственным интеллектом, поскольку его внутренняя динамика смоделирована наподобие человеческих вы-

числений (в смысле программы, расчета, прогноза). Массовое же распространение компьютеров в социальном пространстве означает начало интеллектуальной технологии и вообще эру искусственного интеллекта. Однако развитие «интеллектуальной технологии» обостряет, если заново не ставит проблему интеллекта, как в терминологическом, так и в онтологическом плане, поскольку современный этап в развитии теории искусственного интеллекта характеризуется констатацией прямой связи интеллектуальных систем и культуры [18].

Для философии и психологии проблема взаимосвязи мышления и культуры не является абсолютно новой. В 1930-х годах сложилось историческое направление в психологии познавательных процессов (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия), основанием которого выступила концепция мышления как функциональной системы. В рамках когнитивной науки функциональная трактовка, идентифицирующая мышление не с клетками мозга, а с их состоянием, дополняется новыми для нее социокультурными детерминантами. Этот поворот в теории искусственного интеллекта, будучи ориентирован на метафизические размышления о природе человека и его интеллектуальных способностях, составляет новую перспективу в содержательной интеграции наук о человеке, его мышлении и интеллектуально-информационной технологии.

Распространенный взгляд на компьютер представляет его реализацией алгоритмов абстрактной рациональной деятельности. Операциональность, «калькуляция», расчет, будучи представлены не только в науках о природе, но и в социальной, политической и обыденной практике, составляют суть формальной рациональности, согласно М. Веберу. Тождество интеллекта с алгоритмическим, машинообразным действием, подчеркнутое в начале XX века А. Бергсоном, во второй его половине утверждается в концепции формальной рациональности, ограничивающей функции и сущность интеллекта понятием целерациональной деятельности, которая служит неявным философским (мировоззренческим) основанием системной и программной реализации формально-алгоритмического аспекта деятельности человека. В этом контексте интеллектуальность и рациональность не различаются. Однако интерес к формальной технологии «здорового смысла» на-

мечает это различие. Даже в качестве рассудка (здорового смысла) интеллект оказывается богаче формальной рациональности.

Нетрадиционные подходы к проблеме искусственного интеллекта связаны с повышенным вниманием к иррациональным сторонам человеческой психики, к вере, эмоциям, невербализуемому «пред-рассудку» в процессах понимания и действия. Неявное включение иррациональной сферы в область когнитивной деятельности, во-первых, делает еще более неясным понятие «интеллект», во-вторых, разводит интеллектуальность и рациональность, в-третьих, заставляет пересматривать схему самого процесса познания: отражение, ментальная репрезентация или интерпретация? При этом современная наука склонна разграничивать переработку информации и мышление, информацию и знание. Эта тенденция отмечена в работах Т. Винограда, Ф. Флореса, З. Пылышина, В.В. Петрова, А.И. Ракитова, В.М. Сергеева, С.Н. Петровой, Ю.Ю. Петрунина, М.А. Холодной.

Если ранее в междисциплинарных исследованиях метафизический контекст, очерченный принципом «*cogito*», не уточняется, то нетрадиционный поворот в технологии интеллекта прямо обращен к поиску философской позиции в отношении природы и сущности собственно когнитивной системы. На первое место среди метафизических проблем когнитивной науки выдвигается анализ социоприродного происхождения естественного интеллекта и внутренней динамики социума. В центре внимания оказывается вопрос: как исторически возникает и актуально протекает процесс мышления?

Современные стратегии в междисциплинарных исследованиях интеллекта определяются следующими установками.

1. Отказом от рационализма в классическом варианте, приводящем к психофизиологическому дуализму, противопоставлению объективного мира субъективному (психическому). Положительная эвристика связывается с ситуативным анализом прагматики системы.

2. Выделением роли дорефлективного опыта (пред-понимания, пред-рассудка, контекста) в ситуативно-практической деятельности, что неизбежно вводит в прагматику системы временную историческую компоненту. Новые интеллектуальные программы имеют дело с

тем, как ранее сформировавшиеся структуры (фреймы) направляют интерпретацию нового материала. При этом полагается, что интерпретация центрирована на некотором пред-знании, заключенном во фрейме [19–21]. В определенном отношении системы, основанные на фреймах, реализуют принцип герменевтики: не отражение ситуации, а соответствие пред-знания ее интерпретации.

3. Соединением теории коммуникации с герменевтической установкой: экзистенция есть интерпретация. При этом проблема понимания располагается уже не в психическом измерении, а в социальном. «Чтобы понять, как значение оказывается понятным, необходимо взглянуть, скорее на социальное, чем на ментальное измерение», — подчеркивают Т. Виноград и Ф. Флорес [19]. Привлечение герменевтических практик в когнитивные исследования свидетельствует о живом интересе к реальным закономерностям человеческого мышления в широком онтологическом плане (социальном, культурно-историческом, естественно-природном, социально-психологическом). Это направление наиболее последовательно представлено «вычислительной герменевтикой» [22, 23].

4. Распространением герменевтической идеи интерпретации на природу и способы познания в связи с выделением роли фоновых знаний или допущений. Перспективность герменевтической ориентации в информационной технологии определена проблемой автоматизированной обработки больших массивов информации на естественном языке.

В начале XXI века социальность языка и познания утверждается в качестве нового методологического принципа в области технологии, обозначая поворот от традиционной схемы, в основе которой лежит интуитивное понимание интеллектуального акта как решения проблемы посредством выбора альтернатив, в сущности, вычисления, — к новой психолингвистической ориентации, в центре внимания которой «фреймы» и контекстные «ожидания» (предвидение). Смещение исследовательского принципа с решения проблем на узнавание и предвидение служит опорой имитации «нелогических» видов рассуждения, в большей степени приближающихся к человеческому интеллекту, который органично связан с языковой коммуникацией и процессом понимания.

Модели «нелогических» рассуждений опираются на идею об относительно простых структурах представления знания, описывающих упорядоченную последовательность стереотипных событий и ситуаций, которая интенсивно разрабатывается с 70-х годов XX века. Пакеты информации, в зависимости от содержания, называют сценарием, слотом, фреймом. Акцент на коммуникативных, социокультурных аспектах действий придает этой идее новую перспективу, в которой главное место занимает процесс понимания. Технологическая проблема представления знаний перерастает в проблему понимания и коммуникации, выходя на уровень проблем социальной антропологии.

Подход к процессу понимания в когнитивной науке связан с нетрадиционным выбором исходной методологии: не от установок теории искусственного интеллекта к психолингвистике, а от общей философской позиции — к структурной модели понимания. Организация знания предстает в виде гибкой стратегической (а не алгоритмической) процедуры, подчиненной фактору значимости информации в данном контексте и для данной коммуникации. При этом фундаментальную, организующую когнитивное действие роль играют локальная и глобальная связность в семантическом пространстве коммуникации. Конкретизация ее структуры и динамики становится актуальной задачей технологии.

Идея когнитивного подхода: выделение структур знания, лежащих выше уровня отдельных слов и предложений, — в своем развитии привела к понятию семантической макроструктуры, возникающей в процессе интерпретации, в котором участвуют неязыковые, экстралингвистические факторы (убеждения, мнения, установки), не выраженные в тексте, а только предполагаемые читателем. Т.А. ван Дейк [24] вводит представление о *смысловой макроструктуре понимания* и коммуникации, обеспечивающей ориентацию и глобальную связность в пространстве знания, имея в виду некую субъективно значимую организацию семантического контекста. Сам текст не имеет макроструктуры. Смысловая макроструктура всегда располагается в уникальном личностном когнитивном пространстве и не тождественна языковому выражению в виде описания или высказывания. Ее наличие, тем не менее, создает необходимое

условие интуитивного понимания. Языковое выражение только указывает на интегрированное и упорядоченное смысловое пространство. *Концептуальность* выступает наиболее четкой характеристикой смысловой макроструктуры, обеспечивающей понимание и последующее описание ситуации или проблемы. Главная функция интеллекта в процессе понимания — выстраивание смысловой макроструктуры личностного знания, которая зависит от конкретных условий деятельности и господствующих социальных, идеологических, этических, научно-теоретических установок.

Моделирование сферы «предзнания», выделение его структур опирается на сопоставление семантической информации, имеющейся в тексте, с общезначимыми универсальными схемами, относительно которых осмысливается событие, ситуация, факт. «Прокрустовым ложем» интерпретации, обладающим предписывающей силой, выступает рациональное понимание. Мы видим, слышим и понимаем то, что способны понять, что может быть подведено под исторически сложившиеся мировоззренческие категории. Иными словами, события и факты понимаются при наложении универсальной когнитивной схемы (по Канту — априорной формы рассудка). Эта особенность рационального понимания закреплена в структуре естественного языка. Универсальные когнитивные схемы метафоричны. Набор базовых метафор невелик. Пример такой метафоры — «каузальная схема», которая навязывает определенное видение ситуации, требует обоснования причинности в мировоззренческом плане, а в социальном — создания институтов, обосновывающих общезначимую причинную интерпретацию событий (в частности, религии и науки) [См.: 25, 26].

Признание реальности «предзнания», а также факта, что за процессом понимания лежат неопределенные механизмы мышления, привело к отказу от моделирования мышления в полном объеме и выдвигению новой стратегии в интеллектуальной технологии. Ее цель — облегчить человеку языковую коммуникацию с помощью систем — координаторов человеческого общения, в основе которых лежат закономерности теории речевых актов [27]. Такие системы призваны облегчить человеку понимание ситуаций посредством определения исход-

ных рамок герменевтической интерпретации, помочь войти в понятийный круг [28].

Попытки структурировать процесс понимания в когнитивной модели подчеркнули фундаментальную роль рационального понимания, которое определяет структуру «предзнания» универсальными когнитивными схемами, закрепленными в языковых выражениях. Через макроструктуру индивидуального процесса интерпретации базовые схемы транслируются в процессах коммуникации, обеспечивая глобальную связность социума. Знаки, понятия, выражения всегда указывают на существу-

ющий концепт, выделяя некоторый фокус в смысловом поле, который может быть смещен в процессе понимания. Контекстная структура «предпонимания» и «предзнания» имеет свою субъективную топологию. Однако эта структура экзистенциального плана возникает на социально-онтологическом (бытийном) основании в виде существующих в социуме рациональных понятийных, категориальных, концептуальных структур, а также архетипов и субкультурных стереотипов, лежащих ниже уровня концептуализации и указывающих границы и нормы понимания происходящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Копнин, П.В.** Проблемы диалектики как логики и теории познания [Текст] / П.В. Копнин. — М., 1982.
2. **Ильенков, Э.В.** Диалектическая логика [Текст]: очерки истории и теории / Э.В. Ильенков. — М., 1984.
3. **Туровский, М.Б.** Интеллект [Текст] / М.Б. Туровский // Филос. энцикл. — Т. 2. — М.: Советская энцикл., 1962. — С. 283–285.
4. **Кудрин, Б.И.** Техноэволюция и современное мышление [Текст] / Б.И. Кудрин // Космизм и новое мышление: материалы междунар. науч. конф. — СПб., 1999. — С. 506–509.
5. **Бехтель, В.** Философия когнитивистики [Текст] / В. Бехтель, М. Гершбах // Philosophy of the Sciences. — 2010. — С. 237–261.
6. **Амосов, Н.И.** Моделирование мышления и психики [Текст] / Н.И. Амосов. — Киев: Наукова думка, 1965.
7. **Поспелов, Д.А.** Фантазия или наука? На пути к искусственному интеллекту [Текст] / Д.А. Поспелов. — М.: Наука, 1982.
8. **Петрунин, Ю.Ю.** Философско-методологический анализ проблемы искусственного интеллекта [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ю.Ю. Петрунин. — М., 1998.
9. **Ракитов, А.И.** Естественный и искусственный интеллект [Текст] / А.И. Ракитов // Когнитивная наука и интеллектуальная технология: реф. сб. — М., 1991. — С. 5–27.
10. **Современный когнитивизм: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины** [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://progschool.ru/voprosy-filosofii/page,1,665-sovremennyj-kognitivizm-filosofiya-kognitivnaya.html> (дата обращения: 18.02.2013).
11. **Петров, В.В.** Язык и искусственный интеллект: рубеж 90-х годов [Текст] / В.В. Петров // Язык и интеллект. — М., 1995. — С. 5–11.
12. **Krämer, S.** Denken als Rechenprozedur: Zur Genese eines kognitionswissenschaftlichen Paradigmas [Text] / S. Krämer // Kognitionswissenschaft. — Berlin: Springer-Verlag, 1991. — № 2. — S. 1–10.
13. **Когнитивная психология и искусственный интеллект** [Текст]: науч.-аналит. обзор / сост. А.В. Соловьев; ред. А.И. Ракитов. — М.: ПИК ВИНТИ, 1992.
14. **Пушкин, В.Г.** Информатика, кибернетика, интеллект [Текст] / В.Г. Пушкин, А.Д. Урсул. — Кишинев: Штиинца, 1989.
15. **Foundations of Cognitive Science** [Text]: a Bradford Book. — The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, 1989. — 1990.
16. **Пылышин, З.** Вычисление и познание [Текст] / З. Пылышин // Когнитивная наука и интеллектуальная технология. — М., 1991. — С. 60–93.
17. **Pylyshyn, Z.W.** Computing in Cognitive Science [Text] / Z.W. Pylyshyn // Foundations of Cognitive Science. — P. 49–92.
18. **Ракитов, А.И.** Философия компьютерной революции [Текст] / А.И. Ракитов. — М.: Политиздат, 1991.
19. **Виноград, Т.** О понимании компьютеров и познания [Текст] / Т. Виноград, Ф. Флорес // Язык и интеллект. — М., 1995. — С. 185–229.
20. **Barwise, J.** Model-Theoretic Semantics [Text] / J. Barwise, J. Etchemendy // Foundations of Cognitive Science. — P. 207–245.
21. **Roy, G.** D'Andrade. Cultural Cognition [Text] / G. Roy // Ibidem. — P. 795–830.
22. **Ленат, Д.Б.** Искусственный интеллект [Текст] / Д.Б. Ленат // Современ. компьютер. — М., 1986.
23. **Баранов, А.Н.** Искусственный интеллект и традиционные методы анализа текста [Текст] / А.Н. Баранов, В.М. Сергеев // Когнитивные исследования за рубежом. — М., 1990. — С. 5–18.
24. **Ван Дейк, Т.А.** Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. — М., 1989.

25. **Лакофф, Дж.** Когнитивное моделирование [Текст] / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М., 1995. – С. 143–184.

26. **Он же.** Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990.

27. **Серл, Дж.** Открывая сознание заново [Текст] / Дж. Серл. – М., 2002.

28. **Виноград, Т.** Работа с естественными языками [Текст] / Т. Виноград // Современный компьютер. – М., 1986. – С. 90–107.

REFERENCES

1. **Kopnin P.V.** Problemy dialektiki kak logiki i teorii poznanija. Moscow, 1982. (rus.)

2. **И'енков Je.V.** Dialekticheskaja logika. Oчерки istorii i teorii. Moscow, 1984. (rus.)

3. **Turovskij M.B.** Intellekt. *Filos. jencikl.* Tom 2. Moscow, Sovetskaja jencikl., 1962. P. 283–285. (rus.)

4. **Kudrin B.I.** Tehnojevoljucija i sovremennoe myshlenie. *Kosmizm i novoe myshlenie: materialy mezhdunar. nauch. konfer.* St. Petersburg, 1999. P. 506–509. (rus.)

5. **Bechtel W., Herschbach M.** Philosophy of the cognitive sciences. *Philosophy of the Sciences*, 2010, pp. 237–261.

6. **Amosov N.I.** Modelirovanie myshlenija i psihiki. Kiev, Naukova dumka, 1965. (rus.)

7. **Pospelov D.A.** Fantazija ili nauka? Na puti k iskusstvennomu intellektu. Moscow, Nauka, 1982. (rus.)

8. **Petrinin Ju.Iu.** Filosofsko-metodologicheskii analiz problemy iskusstvennogo intellekta. Avtoreferat doctora filos. nauk. Moscow, 1998. (rus.)

9. **Rakitov A.I.** Estestvennyj i iskusstvennyj intellekt. *Kognitivnaja nauka i intellektual'naja tehnologija: ref. sb.* Moscow, 1991. P. 5–27. (rus.)

10. Sovremennyi kognitivizm: filosofija, kognitivnaja nauka, kognitivnye distsipliny. Access mode: <http://progs-shool.ru/voprosy-filosofii/page,1,665-sovremennyj-kognitivizm-filosofija-kognitivnaya.html> (reference date: 18.02.2013). (rus.)

11. **Petrov V.V.** Iazyk i iskusstvennyj intellekt: rubezh 90-kh godov. *Iazyk i intellect*, Moscow, 1995, pp. 5–11. (rus.)

12. **Krämer S.** Denken als Rechenprozedur: Zur Genese eines kognitionswissenschaftlichen Paradigmas. *Kognitionswissenschaft*. Berlin, Springer-Verlag, 1991, nr 2. P. 1–10.

13. Kognitivnaja psihologija i iskusstvennyj intellekt. Nauch.-analit. obzor, sost. A.V. Solov'ev, red. A.I. Rakitov. Moscow, PIK VINITI, 1992. (rus.)

14. **Pushkin V.G.** Informatika, kibernetika, intellekt. Kishinev, Shtiinca, 1989. (rus.)

15. Foundations of Cognitive Science. A Bradford Book. *The MIT Press*, Cambridge, Massachusetts, London, 1989, 1990.

16. **Pylyshyn Z.** Vychislenie i poznanie. *Kognitivnaja nauka i intellektual'naja tehnologija*. Moscow, 1991. P. 60–93. (rus.)

17. **Pylyshyn Z.W.** Computing in Cognitive Science. *Foundations of Cognitive Science*, p. 49–92.

18. **Rakitov A.I.** Filosofija komp'yuternoj revoliutsii. Moscow, Politizdat, 1991. (rus.)

19. **Vinograd T., Flores F.** O ponimanii komp'yuteroj i poznanija. *Iazyk i intellect*, Moscow, 1995, pp. 185–229. (rus.)

20. **Barwise J.** Model-Theoretic Semantics. *Foundations of Cognitive Science*. P. 207–245.

21. **Roy G.** D'Andrade. Cultural Cognition. *Foundations of Cognitive Science*. P. 795–830.

22. **Lenat D.B.** Iskusstvennyj intellekt. *Sovrem. komp'yuter*. Moscow, 1986. (rus.)

23. **Baranov A.N.** Iskusstvennyj intellekt i tradicionnye metody analiza teksta. *Kognitivnye issledovanija za rubezhom*. Moscow, 1990. P. 5–18. (rus.)

24. **Deik T.A. van.** Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia. Moscow, 1989. (rus.)

25. **Lakoff Dzh.** Kognitivnoe modelirovanie. *Iazyk i intellekt*. Moscow, 1995. P. 143–184. (rus.)

26. **Lakoff Dzh., Dzhonson M.** Metafor, kotorymi my zhivem. *Teoriia metafory*, Moscow, 1990. (rus.)

27. **Serl Dzh.** Otkryvaia soznanie zanovo. Moscow, 2002. (rus.)

28. **Vinograd T.** Rabota s estestvennymi jazykami. *Sovrem. komp'yuter*. Moscow, 1986. P. 90–107. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ШИПУНОВА Ольга Дмитриевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29
o_shipunova@mail.ru

SHIPUNOVA Olga D. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
o_shipunova@mail.ru

ТАРАСОВА Ирина Валентиновна – аспирант кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29
o_shipunova@mail.ru

TARASOVA Irina V. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
o_shipunova@mail.ru

УДК 161.111

*В.В. Семенова***СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩИХ ПОНЯТИЙ
В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ***Valeria V. Semenova***WAYS OF FORMATION OF GENERAL CONCEPTS
IN COGNITIVE LINGUISTICS**

Аннотация

В статье рассмотрена актуальная проблема философии науки – способы образования общих понятий в гуманитарном познании неформально-логическим путем. Дана характеристика таких неформально-логических способов образования общих понятий в когнитивной лингвистике, как языковые категории, комплексы, концепты.

Ключевые слова

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, КАТЕГОРИЗАЦИЯ, ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ, КОМПЛЕКСЫ, КОНЦЕПТЫ.

Abstract

In the article the actual problem of philosophy of science the ways of formation of general concepts in humanities is described. The characteristic of such non-formal logical ways as language categories, complexes, concepts in cognitive linguistics is given.

Keywords

COGNITIVE LINGUISTICS, CATEGORIZATION, LANGUAGE CATEGORIES, COMPLEXES, CONCEPTS.

Проблема способов образования общих понятий – актуальный вопрос современной философии науки. В гуманитарных науках в контексте неклассической теории познания выявляются иные, по сравнению с формально-логическими, способы построения абстракций. К ним относятся семантические примитивы, метаязык, «естественные», «чувственные» категории и другие когнитивные структуры «в их соотношении с языком, психологией и телесностью субъекта» [8, с. 258]. Сегодня изучение языковых категорий, концептов, гештальтов в когнитивной лингвистике, в частности в прототипической семантике, позволяет найти специфические способы создания общих понятий в гуманитарных науках.

Одним из способов образования абстракций в гуманитарных науках, так же как и в естественных, является категоризация, специфика которой исследуется в философии, логике, психологии, лингвистике, когнитивных науках, и в качестве фундаментальной, всеобщей, необ-

ходимой она «начинает входить также в арсенал эпистемологии» [7, с. 99].

В классической теории познания категоризация рассматривается как формально-логический способ создания общих понятий путем логического подведения вида под род. Основоположителем данного подхода является Аристотель. С точки зрения ученого, каждый род имеет видовые отличия, при этом «каждое такое отличие должно быть одним» [1, с. 55]. Взаимосвязь рода и вида проявляется в том, что род не может существовать вне вида, отдельно «сказываться» о своих видовых отличиях.

Такое понимание категоризации носило рациональный, дедуктивный характер, поэтому в когнитивной лингвистике, в частности в прототипической семантике, появляется попытка выявления неформально-логических способов образования общих понятий.

Одна из специфических форм категоризации в прототипической семантике – языковые

категории, которые обладают иным типом отношений, основанным на «семейном сходстве» [2, с. 59], а не на логическом подведении вида под род. Специфика языковых категорий состоит в том, что у них отсутствует единый набор признаков, поэтому в них может обнаруживаться связь или подобие даже при отсутствии четко определенного общего тождества. Вместо этого «мы видим сложную сеть сходств, переплетающихся и пересекающихся между ними» [Там же]. Так, если рассмотреть характеристики балльных, эстрадных и ритуальных танцев, то «не увидишь ничего общего, только подобия, связи и целый ряд таких отношений» [Там же]. Поэтому понятие «танец» характеризует «семью» слов, в которых общие признаки возникают неожиданно, детализированно и по необходимости.

При когнитивном истолковании каждое слово представляет собой особую языковую единицу иерархической системы, имеющую определенный базовый уровень, по отношению к которому на высших уровнях находятся абстрактные имена категорий, а на нижнем — конкретные представители одной и той же категории (например, отношения типа *посуда* — *тарелка* — *десертная тарелка*). В обыденной жизни человек оперирует категориями базового уровня, так как они предоставляют достаточную информацию о характеристике объекта в концептах или концептуальных структурах и относятся к повседневному опыту индивида.

Языковые категории играют особую роль при выполнении таких функций, как редуцирование поступающей в мозг информации и ее упорядочивание; упрощение отождествляемости объектов в рамках уже сложившихся категорий; преодоление чрезмерной детализации и др. Благодаря языковым категориям как оперативным единицам мышления, хранящим в себе содержательный целостный образ, когнитивные ментальные процессы «не исчерпываются приемами логической абстракции, гораздо богаче метода отвлечения и обобщения и не сводятся к ним» [8, с. 263].

В соответствии со структурами знания, которые выражают языковые категории, среди них выделяют «отражательно-ориентированные», предназначенные для категоризации материального и духовного мира, и «вербально-ориентированные», характеризующие язык науки. Первые используются для реферирова-

ния предметов и явлений реального мира, организуют знания о нем. К ним можно отнести части речи и их грамматические категории, имеющие в своей основе онтологические основания. Сами по себе части речи выступают как собственно языковая, так и отражательная категория, однако данные типы несводимы друг к другу и имеют отдельные статусы, так как «за ними стоят разные структуры знания» [4, с. 315].

«Отражательные» категории, как познавательные классифицирующие единицы, фиксируют результаты членения материального или духовного мира, обозначают отдельные выделенные образы в нем и объединяют их по определенным признакам в особые множества. «Вербально-ориентированные» категории отражают и структурируют свойства самого языка и его системы, имеют дело с представлениями об их формах существования и функционирования. Так, среди них существуют такие гносеологические единицы, как фонемы, морфемы, уровни и т. д. Условность такого противопоставления выявляет двойственность понятия языковых категорий, являющихся узловыми звеньями в соотношении языкового, неязыкового и внеязыкового уровней знания.

Для когнитивной лингвистики и семантики бóльший интерес для изучения представляют «отражательно-ориентированные» категории, так как они являются категориями обыденного сознания и «привязаны к слову или сочетанию слов в отличие от логически оформленного понятия в научном языке и мышлении» [8, с. 262]. Данные категории предоставляют непосредственное познание мира через референты предметов, явлений, являются обоснованием самой реальности, носят ложный или истинный характер.

Структура языковых категорий носит прототипический характер, у них существует определенная внутренняя организация, включающая ядро и периферию. Наличие ядра позволяет образовываться категориям по типу отношения «семейного сходства», а цепочечный вид связи дает возможность переходить от ядерных смыслов к периферийным путем умозаключений. На основании меняющихся признаков функционирование таких разветвленных цепочек категорий, построенных вокруг одного или нескольких устойчивых образцов, прототипов,

было описано Л.С. Выготским при изучении способов формирования понятий у детей.

С точки зрения Выготского, развитие мышления и характерных для него способов образования понятий проходит через три этапа, включающих синкретическое, комплексное и понятийное мышление. Мышление в комплексах является второй ступенью развития понятий у человека и характерно для детей от 4–6 до 11–14 лет. В результате экспериментов выяснилось, что специфика мышления на этом этапе заключается в обобщениях, представляющих по своему строению «комплексы» отдельных конкретных предметов, объединенных объективными связями, действительно существующими между этими предметами.

В основе построения такого «комплекса» лежит «не абстрактная и логическая, но конкретная и фактическая связь между отдельными элементами, входящими в его состав» [2, с. 140]. Данные типы связей выявляются в непосредственном опыте, поэтому «комплексы» представляют собой отражение объединенных групп предметов на основании их фактической близости друг с другом. В отличие от обычного, формально-логического способа образования понятия, в основе которого лежат связи единого типа, логически тождественные между собой, позволяющие обобщать предметы по одному признаку, «комплексу» присущи самые разнообразные фактические связи, часто не имеющие друг с другом общего начала, в результате чего обобщение происходит по различным фактическим основаниям. Поэтому если в понятии, образованном формально-логическим способом, отражается существенная, единообразная связь в отношении предметов, то «в комплексе – фактическая, случайная, конкретная» [3, с. 141].

Так, Л.С. Выготским было показано, что на последней фазе эксперимента дети объединяли группы предметов на основании их фактической близости. Тем самым у них образовывался «цепной комплекс», строящийся «по принципу динамического, временного объединения отдельных звеньев в единую цепь и переноса значения через отдельные звенья этой цепи» [Там же. С. 144]. Каждое звено, включаясь в «комплекс», обладало равными правами с другими членами и, как сам образец, могло стать центром притяжения для ряда конкретных

предметов по ассоциативному признаку. В результате этого, ребенок на ступени комплексного мышления группирует предметы в некоторые «семьи», что соответствует обобщению по «фамильному» сходству. С точки зрения Выготского, «комплексы» являются промежуточной формой на пути от псевдопонятий к подлинным понятиям, построенным на основе достаточных и необходимых признаков предмета.

Другим способом образования общих понятий в когнитивной лингвистике являются концепты как некая самостоятельная, отдельная от других сущностей идея, находящаяся в нашем сознании, «своего рода образ, гештальт» [8, с. 262]. В процессе мышления человек оперирует концептами, отражающими его базовый опыт, и познает мир в виде неких «квантов» знания. Возникновение концептов происходит при структурировании поступающей в мозг информации как об объективном мире, так и о воображаемых мирах, возможном положении дел в них. Все многообразие действительности сводится концептами к единому содержательному образу, позволяющему хранить знания о мире.

Являясь содержательными оперативными единицами мышления, концепты-гештальты представляют структуры, «используемые в процессах – языковых, мыслительных, перцептуальных, моторных и других» [5, с. 360]. Концепты целостны и холистичны, они состоят из частей, объединенных разными типами внутренних отношений, но несводимы к совокупности этих частей. Например, в повседневной жизни понимание человека об экономичности сводится к концепту «выгода», а о законном или противозаконном – к концепту «закон». Данные ментальные единицы существуют в сознании индивида не в виде четко выделенных понятий о «разделении властей», «системе скидок», а как некое представление о фрагменте мира, имеющее сложную структуру и реализуемое «разными языковыми способами и средствами» [10, с. 10].

По отдельным своим признакам концепты вступают в системные отношения сходства или различия с другими концептами-гештальтами, составляя их часть, проецируясь при помощи транзитивных умозаключений, символических, культурных ассоциаций или образуя иерархию концептов. Так, А.Н. Луком было показано, что между понятиями «небо» и «чай» можно провес-

ти следующую смысловую связь: «небо — земля, земля — вода, вода — пить, пить — чай» [6, с. 15].

Вся когнитивная инфраструктура человеческого мозга организована работой концептов, поэтому для когнитолога почти все слова соотносятся с концептами-гештальтами, которые выступают знаками «того смысла, вокруг которого организуются категории» [4, с. 319]. Иначе говоря, при помощи концепта «разум способен интерпретировать какой-либо аспект действительности» [9, с. 1].

Анализ концептов является многоэтапным процессом, при котором сначала происходит их выделение из концептуальной системы, а затем объединение, пропозиция в единый гештальт, подлежащий означиванию. В дальнейшем при помощи номинации происходит закрепление нового сформированного концепта со своим собственным именем и вполне определенной структурой знания, зафиксированной за этим новым обозначением. В итоге при анализе кон-

цепта выделяется его сложная структура, состоящая из слоев, признаков, вычленяемых в зависимости от задач и описываемых в разных терминах. По содержанию можно выделить такие типы концептов, как представления, схемы, понятия, фреймы, сценарии и др. Последние являются более сложными структурами, а понятие концепта для них служит как родовое.

Таким образом, процесс категоризации в гуманитарном познании, помимо формально-логического, носит специфический характер, представленный образованием языковых категорий в виде построения ментальных «комплексов», концептов, гештальтов. Изучение данных структур в когнитивной лингвистике, в частности в прототипической семантике, позволяет выявить особый способ образования общих понятий в гуманитарных науках, что способствует разработке актуальных проблем методологии познания постнеклассической философии науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аристотель.** Сочинения [Текст]. В 4 т. Т. 2 / Аристотель. — М.: Мысль, 1978. — 687 с.
2. **Витгенштейн, Л.** Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн; пер. с нем. Л. Добросельского. — М.: АСТ : Астрель, 2011. — 347 с.
3. **Выготский, Л.С.** Собрание сочинений [Текст]. В 6 т. Т. 2: Проблемы общей психологии / Л.С. Выготский; под ред. В.В. Давыдова. — М.: Педагогика, 1982. — 504 с.
4. **Кубрякова, Е.С.** Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
5. **Лакофф, Дж.** Лингвистические гештальты [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвист. семантика. — М.: Прогресс, 1981. — С. 350–368.
6. **Лук, А.Н.** Мышление и творчество [Текст] / А.Н. Лук. — М.: Политиздат, 1976. — 144 с.
7. **Микешина, Л.А.** Категоризация как всеобщая процедура познавательной деятельности [Текст] / Л.А. Микешина // Философия науки: учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Междунар. ун-та, 2006. — С. 99–107.
8. **Она же.** Категоризация и особенности создания абстракций в гуманитарных науках [Текст] / Л.А. Микешина // Философия науки. Методология и история конкретных наук: учеб. пособие (кн. для чтения). — М.: Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 257–284.
9. **Melchen, I. van.** General Introduction [Текст] / I. van Melchen, R.S. Michalski // Categories and Concepts / Ed. by I. van Melchen and oth. — Devon, 1993. — P. 1–8.
10. **Пименова, М.А.** Предисловие [Текст] / М.А. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В. Пименовой. — Вып. 4. — Кемерово, 2004. — 208 с.

REFERENCES

1. **Aristotel.** Sochineniya. V 4 t. T. 2. Moscow, Mysl, 1978. 687 p. (rus.)
2. **Vitgensteyn L.** Filosofskiye issledovaniya. Per. s nem. L. Dobroselskogo. Moscow, AST, Astrel, 2011. 347 p. (rus.)
3. **Vygotsky L.S.** Sobraniye sochineniy. V 6 t. T. 2: Problemy obshchey psikhologii. Pod red. V.V. Davydova. Moscow, Pedagogika, 1982. 504 p. (rus.)
4. **Kubryakova Ye.S.** Yazyk i znaniye: na puti polucheniya znany o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira. Ros. akad. nauk. In-t yazykoznaniya. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. 560 p. (rus.)
5. **Lakoff Dzh.** Lingvisticheskiye geshtalty. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, vyp. X: Lingvisticheskaya semantika. Moscow, Progress, 1981. Pp. 350–368. (rus.)

6. **Luk A.N.** Myshleniye i tvorchestvo. Moscow, Politizdat, 1976. 144 p. (rus.)

7. **Mikeshina L.A.** Kategorizatsiya kak vseobshchaya protsedura poznavatelnoy deyatel'nosti. *Filosofiya nauki*. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Izd-vo Mezhdunarodnogo univ., 2006. Pp. 99–107. (rus.)

8. **Eadem.** Kategorizatsiya i osobennosti sozdaniya abstraktsy v gumanitarnykh naukakh. *Filosofiya nauki. Me-*

todologiya i istoriya konkretnykh nauk. Moscow, Kanon+, ROOI "Reabilitatsiya", 2007. Pp. 257–284. (rus.)

9. **Melchen I. van, Michalski R.S.** General Introduction. *Catagories and Concepts*. Ed. by I. van Melchen and oth. Devon, 1993. P. 1–8. (rus.)

10. **Pimenova M.A.** Predisloviye. *Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku*. Pod red. M.V. Pimenovoy. Vyp. 4. Kemerovo, 2004. 208 p. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

СЕМЕНОВА Валерия Валерьевна — аспирант кафедры философии Вологодского государственного педагогического университета.

valery_lisenok@mail.ru

SEMENOVA Valeria V. — graduate student, Department of Philosophy of the Vologda State Pedagogical University.

valery_lisenok@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 81'374.81

А.А. Карасев

**ПРОБЛЕМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ
В УЧЕБНОМ ОДНОЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(лексико-прототипический подход)**

Anton A. Karasev

**POLYSEMOUS WORDS MONOLINGUAL
LEARNER'S DICTIONARY ENTRY
(lexical-prototypical approach)**

Аннотация

Способы представления семантики многозначных слов в учебных словарях для иностранцев не соответствуют фактам языка и сознания, что способствует созданию неверного представления о полисемии и затрудняет запоминание значений полисемантических лексем. В качестве возможного решения этих проблем в статье предложен проект словарной статьи учебного одноязычного словаря многозначных слов для иностранцев, построенной на основе лексического прототипа слова.

Ключевые слова

УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ, ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ, СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ, ПОЛИСЕМИЯ, ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПРОТОТИП.

Abstract

The methods of representing the meanings of polysemous words in monolingual learner's dictionaries contradicts the facts of the language and mind, thus leading to a wrong impression about what those meanings are and making it harder to memorize them. As a possible means to solve these problems the article suggests a draft entry of a learner's dictionary for polysemous words based on the lexical prototype of the word.

Keywords

LEARNER'S DICTIONARY, LEXICAL MEANING, DICTIONARY ENTRY POLYSEMY, LEXICAL PROTOTYPE.

Учебный одноязычный словарь является основным источником информации по семантике для иностранцев, изучающих английский язык. На протяжении более чем вековой истории учебной лексикографии способы представления словарных данных существенно не изменились. Большинство нововведений касается в основном оформления словарных статей (использование иллюстраций, а также шрифтов разного цвета или размера и т. д.). Однако в

учебной лексикографии не применяются данные современной теоретической лингвистики, в частности когнитивный подход к описанию значений слов, например полисемантических единиц, использование которого при составлении учебных словарей, вероятно, позволило бы приблизиться к описанию реального функционирования многозначных слов, а также облегчить запоминание их значений для пользователя словаря. Попытаемся описать лексическое

значение многозначного слова в виде словарной статьи учебного одноязычного словаря на основе когнитивно-ориентированной теории лексических прототипов.

Учебный одноязычный словарь представляет собой описание лексики языка в учебных целях, предназначенное для изучающих данный язык в качестве иностранного [1, с. 6–8]. Первые учебные словари английского языка для иностранцев появились на рубеже XIX–XX веков, однако принципы их составления остались прежними. Так, например, введенный Г. Палмером принцип описания значений полисемантического слова в учебном словаре в виде списка пронумерованных дефиниций [2, с. 44] сохраняется до сих пор и даже считается успешным, так как позволяет учащемуся легко найти необходимое значение. Но, с одной стороны, любой изучающий иностранный язык вряд ли способен запомнить многие длинные списки дефиниций (например, 62 значения слова «head» в Longman Dictionary of Contemporary English). С другой стороны, подобное лексикографическое представление значений многозначного слова не соответствует фактам языка и сознания [3, с. 78–79; 4, с. 205]: система языка, прежде всего, компактна в силу ограниченности объема человеческой памяти, а значения на уровне системы характеризуются нечеткостью и размытостью границ [5, с. 71]. Предложить иной способ лексикографического описания многозначного слова представляется возможным на основе теории лексических прототипов [6, с. 79; 7 с. 269], разрабатываемой в работах И.К. Архипова и его последователей.

Согласно данной теории, значения многозначных лексем хранятся в долговременной памяти человека в виде оптимально компактных ментальных структур – «содержательных ядер», или лексических прототипов, что связано с ограниченностью объема долговременной памяти человека. Вероятно, именно лексический прототип является реальной единицей языкового сознания, т. е. единицей системы языка, и обеспечивает единство всех лексико-семантических вариантов многозначного слова, создавая основу функционирования лексемы в языке и в речи [8, с. 8]. Будучи инвариантным ядром и основой семиозиса полисемантического слова, лексический прототип представляет собой минимальный набор интегральных и дифференциальных

признаков, связанных с образом формы слова и достаточных для идентификации предмета мысли [9]. Следовательно, можно предположить, что словарная статья на основе лексического прототипа, во-первых, избавит учащегося от необходимости механически запоминать длинные списки значений полисемантических слов, а во-вторых, позволит ему осмыслить связь между разными значениями слова.

Процедура вывода лексического прототипа многозначного слова состоит из двух этапов: 1) установления усредненного номинативно-непроизводного значения многозначного слова на основе анализа первых дефиниций из десяти толковых словарей; 2) интерпретации всех лексико-семантических вариантов многозначного слова на основе номинативно-непроизводного значения с целью определения минимального набора сем, составляющих лексический прототип. Данная процедура будет описана во вступительной части разрабатываемого словаря. В связи с ограниченным объемом настоящей статьи в ней представлен уже готовый лексический прототип существительного *body*: *the whole physical structure of a human or animal or anything that may be related or likened to it*. Так как лексический прототип представляет собой инвариантное значение, т. е. максимально обобщенное значение, то его формула отражает все возможные употребления слова: прямые, метонимические и метафорические. В связи с этим представляется возможным разделить данную формулу на три части (см. таблицу).

Номинативно-непроизводное значение (ННЗ)	Метонимические значения	Метафорические значения
the whole physical structure of a human or animal	anything that may be related <to it in a certain way>	<anything that may be> likened to it in a certain way

Как видно из таблицы, часть «the whole physical structure of a human or animal» соотносится с прямым значением слова. Метонимические значения, связанные с ННЗ по смежности, обозначены как «anything that may be related <to it in a certain way>», а метафорические, будучи переносными по схожести, – как «<anything that may be> likened to it in a certain way». На основе данной формулы лексического прототипа

будет построена словарная статья. Структура такой словарной статьи состоит из трех частей, обозначенных заголовками: **LITERAL** (ННЗ), **METONYMIC** (метонимические значения) и **METAPHORIC** (метафорические значения). Словарная статья на основе лексического прототипа может выглядеть следующим образом:

body BrE /bɒdɪ/; AmE /bɑːdɪ/ *n, pl. bodies* – the whole physical structure of a human/animal or anything that may be related or likened to it in a certain way.

MEANINGS:

1. **LITERAL**: the whole physical structure of a human or animal including head, arms, legs, wings, tail, and all inner organs and organ systems (= organism): *My whole **body** aches, I feel weak, and I am tired all the time. The police had been looking for John Smith for 3 days. Finally they found the **body** in the ditch.*

2. **METONYMIC**: something that may be related to **body** in a certain way:

• **CENTRAL/MAIN PART/TRUNK** [C]: *Nick has short legs but a long **body**.*

3. **METAPHORIC**: something that may be likened to **body** in a certain way:

• **CENTRAL/MAIN PART (NOT HUMAN)** [C]: *The bedrooms were connected to the **body** of the house by a long corridor. • The **body** of the car is beginning to rust. • I read the main **body** of the report.*

• **LARGE AMOUNT** [C]: *Time is an aspect of work on which historians have begun to provide an extensive **body** of literature. • Time is an aspect of work on which historians have begun to provide an extensive **body** of literature.*

• **ORGANIZED GROUP OF PEOPLE** [C]: *We have a student **body** from a wide range of background. • The principal governing **body** of cycling sport is the British Cycling Federation and 4.*

• **FLAVOUR AND TEXTURE OF SOMETHING** [U]: *This wine doesn't have enough **body**. • If your hair has **body**, it is thick and healthy.*

• **WHOLE MATERIAL OBJECT [PHYSICS]** [C]: *The purpose of the surgery was to remove a foreign **body** from the wound. This belief led the priests to make careful and systematic observations of the heavenly **bodies** (= astronomical objects, or celestial objects like asteroids, moons, planets and the stars).*

Главное отличие структуры данной словарной статьи – отсутствие списка дефиниций. Статья открывается формулой лексического прототипа заглавного слова, после чего приведены три описанных выше разновидности

значения. Они раскрывают и уточняют определенный аспект лексического прототипа, что позволяет учащемуся сформировать целостное представление о значении слова.

Номинативно-непроизводное значение, «ближайший лексический прототип» [3, с. 80] описывает «прототипический объект», т. е. целое тело человека. В словарной статье ННЗ служит отправной точкой для метонимического и метафорического переносов, отражая мотивацию всех остальных лексико-семантических вариантов. Прямое указание на наличие у слова метонимических и метафорических значений, во-первых, сообщает учащемуся о том, что разные значения лексемы состоят в отношениях мотивированности, а во-вторых, показывает, в каких именно. При этом важно отметить, что формулировки, приведенные в разделах «**METONYMIC**» и «**METAPHORIC**», описывают метонимию и метафору как семантические явления: связь по смежности и перенос по внешнему сходству соответственно.

Для конкретизации обобщенных метонимических и метафорических значений в текст статьи введены дополнительные подразделы, или «ориентиры», озаглавленные прописными буквами полужирного шрифта. Важно отметить, что данные «ориентиры» не являются дефинициями значений и содержат лишь максимально обобщенные семы, которые служат основаниями переносов. После «ориентиров» приведены иллюстративные примеры. Необходимость иллюстративных примеров обусловлена тем, что они позволяют читателю словаря, во-первых, ознакомиться с употреблением и сочетаемостью описываемой лексемы [10, с. 44–46], а во-вторых, вывести актуальное значение заглавного слова.

Например, из словарной статьи ясно, что метонимические значения слова *body* имеют определенную связь с ННЗ: «something related to **body** in a certain way». В сознании носителя языка такая связь обусловлена определенной «смежностью» предметов, обозначаемых данным словом. Чтобы показать, в каком именно отношении состоят два эти значения, в текст статьи введен «ориентир» **CENTRAL/MAIN PART/TRUNK**. Благодаря ему учащийся может сделать вывод о том, что номинативно-непроизводное и метонимическое значения состоят в отношении «часть – целое», а следовательно,

слово *body* может быть употреблено для обозначения как «целого тела (организма)», так и его «основной части». Данный вывод подкреплен приведенным далее иллюстративным примером «*Nick has short legs but a long body*», который в сочетании с «ориентиром» позволяет вывести актуальное значение слова. Иллюстративный пример подсказывает, что ноги противопоставлены телу как нечто отдельное от него. Следовательно, в данном случае словом *body* обозначена «главная часть тела, которая не включает ноги», т. е. «туловище».

Метафорические значения описаны в общем смысле через уподобление: «something that is likened to *body* in a certain way». Понять, на основании какого именно признака произведено уподобление, позволяет «ориентир» **CENTRAL/MAIN PART (NOT HUMAN)**. Он подсказывает читателю словаря, что данное метафорическое значение является производным от рассмотренного выше метонимического, однако не соотносится с человеческим телом. Далее на основе иллюстративных примеров «*The bedrooms were connected to the body of the house by a long corridor*» и «*The body of the car is beginning to rust*» читатель может сделать вывод, что в этом значении существительное «body» соотносится с главной или центральной частью какого-либо сложного сооружения. Причем в данном случае очевидно, что это значение является переносным от описанного выше метонимического значения по внешнему сходству: центральная часть большого строения без флигелей или кузов автомобиля без колес — это «как бы туловище» дома или автомобиля. Однако построение точных схем деривации значений не входит в задачи подобного словаря, к тому же, как видно, прочие семантические связи между значениями менее «прозрачны», поэтому однозначно установить их невозможно.

Например, рассмотрим следующее метафорическое значение, обозначенное «ориентиром» **LARGE AMOUNT**. На основании формулы метафорических значений читатель словаря понимает, что данное значение определенным

образом связано с номинативно-непроизводным или метонимическим значением. «Ориентир» подсказывает, что сема сравнения («in a certain way») — это «большое количество». Далее на основе иллюстративных примеров «*Time is an aspect of work on which historians have begun to provide an extensive body of literature*» и «*Time is an aspect of work on which historians have begun to provide an extensive body of literature*» читатель словаря может однозначно интерпретировать актуальное значение лексико-семантического варианта заглавного слова. В результате, не вдаваясь в тонкости семантических переносов, читатель осознает, что все значения многозначного слова так или иначе связаны между собой, и может построить в своем сознании наиболее целостное представление о значении полисемантического слова и о его употреблении.

Итак, приведенное лексикографическое описание многозначного слова на основе его лексического прототипа позволяет избавиться от обширных списков дефиниций, описывающих множество употреблений лексемы по отдельности без видимых связей, а следовательно, введенные «ключи» к значениям многозначного слова (в виде «ориентиров») запомнить гораздо легче. Универсальность формулы лексического прототипа, включающая номинативно-непроизводное, метафорические и метонимические значения, отражает мотивацию лексико-семантических вариантов лексическим прототипом и семантические связи между ними, а также помогает осмыслить различие между метонимическими и метафорическими значениями. При этом в словарной статье не проведены четкие и категоричные разграничения различных значений. Кроме того, наличие иллюстративных примеров и «ориентиров-подсказок» позволяет учащемуся самостоятельно сформировать в своем сознании целостный образ языкового знака в единстве формы и значения. Повторяясь в словарных статьях, подобные структуры и схемы, надо полагать, могут стать полезным дидактическим средством объяснения и закрепления изучаемого учебного материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Карташков, А.Н.** Принципы построения учебно-толковых словарей английского языка для иностранцев [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Карташков. – Л., 1986.
2. **Cowie, A.P.** English dictionaries for foreign learners: A history [Text] / A.P. Cowie. – Oxford, 2007.
3. **Архипов, И.К.** Коммуникативный цейтнот и прототипическая семантика [Текст] / И.К. Архипов // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2004. – Т. 4, № 7. – С. 75–85.
4. **Hanks, P.** Do word meanings exist? [Text] / P. Hanks // Computers and Humanities. Vol. 34. – Trier, 2000. – P. 205–221.
5. **Никитин, М.В.** Основы лингвистической теории значения [Текст] / М.В. Никитин. – М., 2009.
6. **Архипов, И.К.** Человеческий фактор в языке [Текст] / И.К. Архипов. – СПб., 2003.
7. **Ширияева, А.В.** Прототипическая семантика как основание синонимии глаголов [Текст] / А.В. Ширияева // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2008. – № 54. – С. 269–274.
8. **Левчина, И.Б.** Развитие семантической структуры синестезических прилагательных [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Б. Левчина. – СПб., 2003.
9. **Песина, С.А.** Методика определения содержательного ядра многозначного существительного английского языка [Текст] / С.А. Песина // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2005. – Т. 5, № 11. – С. 51–59.
10. **Погребенко, Ю.И.** Место и функции цитаты в словаре: на материале британских учебных одноязычных словарей [Текст] / Ю.И. Погребенко. – М., 2005.

REFERENCES

1. **Kartashkov A.N.** Printsipy postroeniia uchebno-tolkovykh slovarei angliiskogo iazyka dlia inostrantsev. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. – Leningrad, 1986. (rus.)
2. **Cowie A.P.** English dictionaries for foreign learners: A history. Oxford, 2007.
3. **Arkhipov I.K.** Kommunikativnyi tseitnot i prototipicheskaia semantika. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univ. im. A.I. Gertsena*, 2004, tom 4, nr 7, pp. 75–85. (rus.)
4. **Hanks P.** Do word meanings exist? *Computers and Humanities*. Vol. 34. Trier, 2000, pp. 205–221.
5. **Nikitin M.V.** Osnovy lingvisticheskoi teorii znachenii. Moscow, 2009. (rus.)
6. **Arkhipov I.K.** Chelovecheskii faktor v iazyke. St. Petersburg, 2003. (rus.)
7. **Shiriaeva A.V.** Prototipicheskaia semantika kak osnovanie sinonimii glagolov. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univ. im. A.I. Gertsena*, 2008, nr 54, pp. 269–274. (rus.)
8. **Levchina I.B.** Razvitie semanticheskoi struktury sinestezicheskikh prilagatel'nykh. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. St. Petersburg, 2003. (rus.)
9. **Pesina S.A.** Metodika opredeleniia sodержatel'nogo iadra mnogoznachnogo sushchestvitel'nogo angliiskogo iazyka. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univ. im. A.I. Gertsena*, 2005, tom 5, nr 11, pp. 51–59. (rus.)
10. **Pogrebenco Y.I.** Mesto i funktsii tsitaty v slovare: na materiale britanskikh uchebnykh odnoiazychnykh slovarei. Moscow, 2005. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КАРАСЕВ Антон Александрович – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48
anthony_fl@mail.ru

KARASEV Anton A. – English Philology Department of Herzen State Pedagogical University of Russia.

the Moyka Embankment, 48, St. Petersburg, Russia, 191123
anthony_fl@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 811.111:81'367

Л.Н. Пюро

**ОБОЗНАЧЕНИЕ СОСТОЯНИЙ ЧЕЛОВЕКА В ДРЕВНЕ-
И СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Lyudmila N. Pyuro

**REPRESENTATION OF STATES OF MIND
IN OLD AND MIDDLE ENGLISH****Аннотация**

В статье рассматривается роль «безличных» предложений для обозначения физических и эмоциональных состояний человека с позиций когнитивного и биокогнитивного подходов. Делается акцент на языковых явлениях, отражающих опыт и знания действующего субъекта речи. Опираясь на лингвистический материал древне- и среднеанглийского языка, автор предлагает свой взгляд на развитие «безличных» предложений как результат постепенного становления самосознания человека на фоне расширения сферы его познавательной деятельности.

Ключевые слова

«БЕЗЛИЧНЫЕ» ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ДЕЙСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ, СУБЪЕКТ ВОСПРИЯТИЯ, ФИЗИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА, МЕНТАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА.

Abstract

The paper considers the evolution of the “impersonal” sentences in the history of English from the cognitive and biocognitive perspective based upon the language research as the representation of knowledge and experience of the man as the speaker, perceiver and cognizer. The syntactic changes in the constructions mentioned above are regarded as the consequence of the gradual formation of man’s self-consciousness in the course of his cognitive development.

Keywords

“IMPERSONAL” SENTENCES, SUBJECT OF ACTION, SUBJECT OF PERCEPTION, PHYSICAL STATES, MENTAL AND EMOTIONAL STATES.

Отечественные и зарубежные лингвисты, занимающиеся исследованиями в области диахронического синтаксиса английского языка, традиционно трактуют предложения, номинирующие различные психофизические состояния человека типа *мне хочется есть, мне холодно, ему кажется*, как «безличные» на основании отсутствия в них грамматического субъекта – подлежащего. При этом отмечается, что семантический субъект предложения, т. е. лицо, испытывающее определенное внутреннее состояние, обязательно включен в синтаксическую структуру предложения в форме косвенного падежа, дательного или винительного [1–3].

Существующее в трактовке данных структур противоречие требует своего разрешения. Однако ученые в решении этого воп-

роса придерживаются разных точек зрения. Большинство из них сводится к следующему: 1) рассматривать указанные конструкции на основе разграничения логического и языкового уровней представления мысли, предполагающих выделение логического / психологического и грамматического субъекта предложения (Ф.И. Буслаев, А.А. Потеня, А.А. Шахматов, В.Н. Ярцева и др.); 2) трактовать данные предложения как «условно-безличные» (В. Гааф, Г.Г. Почепцов), «бесподлежащные» (В. Элмер, Д. Лайтфут и др.), «экспериментальные» (Р. Лангакер, К. Аллен) или «безличные» (в кавычках) (М. Огура и др.); 3) не считать именительный падеж единственно возможным для подлежащего и, следовательно, рассматривать косвенно-объектную форму субъекта внут-

ренного состояния в качестве семантического и грамматического субъекта предложения (В.И. Классовский, Г.А. Золотова, Ю.С. Степанов и др.).

Множество взглядов и подходов к проблеме «безличных» предложений не способствует устранению существующего противоречия.

Основная причина этого, как думается, состоит в некорректном понимании представителями традиционного и структурного направления лингвистики самой сущности языка, рассматриваемого в качестве самодостаточно, автономного от человека и его когнитивной деятельности системного образования.

Однако, по справедливому мнению ученых, работающих в русле современной лингвистической парадигмы научного знания, язык, как динамическая система, тесно взаимодействует с другими динамическими системами и механизмами человека (нейробиологическими, физиологическими, перцептивными и пр.), с результатами научных исследований которых необходимо согласовывать лингвистический анализ [См.: 4–8]. Только такой синтетический подход позволит найти верное решение вопросов языка, ранее не поддававшихся непротиворечивому толкованию. Одним из них и является объяснение сущности и эволюции «безличных» предложений английского языка.

Кроме того, утверждаемая вышеперечисленными учеными когнитивной науки третьего поколения «распределенность» языка и когниции человека в пространстве-времени делает необходимым учет биосоциокультурной природы языка, знания и познания, формирующихся и эволюционирующих в рамках конкретного языкового социума. Следовательно, диахроническое исследование «безличных» предложений указанной семантики должно быть тесно сопряжено с экстралингвистическими данными о восприятии и осмыслении человеком, как субъектом перцепции, собственных внутренних процессов и состояний в ходе расширения его обыденной и естественно-научной сферы познания.

Генезис «безличных» конструкций, номинирующих состояния человека, обнаруживаемых во многих и.-е. языках, в том числе в германских, ученые связывают с той далекой эпохой, когда первобытный человек, не имея достаточных знаний о строении своего тела

и происходящих в нем процессах, чувствовал себя совершенно беспомощным в борьбе с физически ущербными состояниями (болезнями). Не находя объяснения своим внутрителесным процессам, древний человек обращался к сверхъестественному истолкованию происходящего как активного проявления со стороны мистических духовных сущностей. При этом сам характер внутрителесных ощущений человека, их ненаблюдаемость, неопределенность, сложность определения локализации и стихийность проявления, т. е. осмысление процесса как происходящего самого по себе, независимо от воли и желания его носителя, только способствовали его мистической интерпретации.

По мнению исследователей в области антропологии, философии и лингвистики (Л. Леви-Брюля, А.Ф. Лосева, А.А. Потебни, С.Д. Кацнельсона и др.), подобным образом первобытный человек трактовал прежде всего происхождение своих физиологических ощущений (голода, жажды, холода, боли и пр.), связанных с базовыми потребностями живого организма и его общим физическим тонусом. Указанием на некоего субъекта-деятеля является, согласно ученым, форма «безличного» глагола 3-го лица ед. ч., несогласуемая с косвенным падежом субъекта внутреннего состояния [9–11].

Акцентирование архаичным человеком своих физических состояний происходило, вероятно, потому, что физиологические процессы, в противовес ментальным и эмоциональным, более осязаемы и значимы для человека. Они составляют базовый компонент функционирования человеческого организма, влияющий на его выживание в среде, тогда как ментально-эмоциональная сфера, представляя психический уровень организации личности, требует более «тонкого» развития самонаблюдения и самосознания, что, по замечанию ученых, было присуще античному и средневековому человеку лишь отчасти (См. работы А.Ф. Лосева, А.Я. Гуревича, Э. Кассирера, Е.М. Мелетинского, М.И. Стеблин-Каменского и др.).

С распространением христианства в первые века н. э. в качестве каузатора физических состояний человека мыслились уже не абстрактные мистические сущности, но единый христианский Бог как творец всего сущего, в том числе и человека. Подтверждением этому слу-

жат древнеанглийские примеры из переводных текстов Священного Писания.

Drihten asent hungor on eow & ðurst & næcede & ælce wædle (Old English Version of the Heptateuch, 28.48). *И пошлет Бог голод и жажду на вас, наготу и всякую нужду.*

Подобные примеры сохранились преимущественно в древне- и среднеанглийских церковных текстах, что свидетельствует об остаточном характере ранних представлений человека о таинственных силах, имеющих над ним неограниченную власть.

В период раннего Средневековья, вероятно, происходило переосмысление человеком природы собственных внутрителесных состояний, что напрямую связано с накоплением врачебных знаний в области анатомии и физиологии человека. Так, известно, что уже примерно во времена короля Альфреда (IX в.) были составлены так называемые «Врачебники» («Leechdoms») – подробные руководства по лечению различных болезней народными средствами.

Среди физиологических ощущений человека выделяются **физиологические состояния**, описываемые в древнеанглийский период бесподлежащими конструкциями с глаголами *hyngrian* (испытывать голод), *þyrstan* (испытывать жажду), и **физиологические реакции** на разного рода внешние или внутренние воздействия, вербализуемые в древнеанглийском языке односоставными предложениями с глаголами *calan* (испытывать холод), *(ge)yfelian* (заболеть), *acan* (испытывать боль) либо именными конструкциями с прилагательными *sel*, *bet* (чувствующий себя лучше).

Наиболее ранние случаи употребления бесподлежащих конструкций с указанными глаголами в древнеанглийском языке зафиксированы в переводных источниках конца IX века¹. Например:

<Hwæðer> *þa welegan* (вин. п.) *nu næfre ne <hingrige> ne ne þyrste, ne ne cale?* (с888 Ælfred's Boethius, Consolation of Philosophy, 26.60.10). *Разве богатому никогда не хочется есть, пить или ему не холодно?*

¹См.: Oxford English Dictionary online. URL: <http://www.oed.com>.

Чувства голода и жажды, как подчеркивают ученые, являются настолько «расплывчатыми» и «туманными», что мы не в состоянии сказать, где именно мы их ощущаем (См. работы: А.Р. Лурии, 1975; И.М. Сеченова, 1952; В.Н. Черниговского, 1985; Л.Дж. Милн, 1966; и др.). Равным образом, ощущение человеком холода/тепла, переживание болезненного состояния или улучшения самочувствия проявляются в общем психофизическом тоне его организма. Например:

Him geyfelade, & þet him stranglice eglade (a1160 Anglo-Saxon Chronicle, 1086.43). *Ему нездоровилось, и это его сильно беспокоило.*

Him biþ sona bet (a1150 Leechdoms, II, 47.1.16). *Ему скоро станет лучше.*

При этом основное отличие ощущений голода, жажды или холода состоит в большей осведомленности человека о возможных причинах подобных состояний и способах их устранения, тогда как чувство общего недомогания, беспокойства или, наоборот, внутреннего подъема менее определены, что часто создает трудности в их идентификации, локализации, установлении причин и возможности устранения данных состояний. Хотя некоторые физиологические состояния конкретно локализованы в определенной области телесного пространства. В этом случае части тела человека представлены на языковом уровне в качестве основных «участников» описываемой предложением ситуации, как самостоятельно чувствующие и действующие.

Gif men *his leodu* (дат. п.) *acen* одде ongeflogen sy (950–1050 Pseudo-Apuleius, Herbarium, 3.1). *Если у человека болит сустав (конечность) или он сам заболел...*

Начиная с середины X века глаголы физического состояния начинают функционировать в номинативных двусоставных структурах с субъектом восприятия в именительном падеже. Первыми номинативное оформление получили конструкции, обозначающие состояния голода и жажды, что, вероятно, связано с большей определенностью и осознанностью человеком сущности и причин данных физиологических процессов, а главное, возможностью их регуляции (устранения), что и нашло отражение в

именительном падеже субъекта перцепции как самосознающего и интенционально действующего лица. Например:

сuoed̅ *ic ðyrsto* (c950 Lindisfarne Gospels, John, 19.28). (*Иисус*) *говорит: Я жажду.*

С конца древнеанглийского и в течение среднеанглийского периода предложениям, номинирующим физические состояния человека, была свойственна синтаксическая вариативность. Они функционировали как одно- или двусоставные конструкции глагольного или именного типа. В роли именного члена составного сказуемого использовались однокоренные лексические единицы (прилагательные, существительные, причастия прошедшего времени). Например:

ic wæs hyncgrig forðon & ðu gesaldes me eatta *ic wæs ðyrstig* & gesaldon me dringe (c950 Lindisfarne Gospels, Matthew, 25.35). *Я алкал, и вы дали Мне есть; Я жаждал, и вы напоили Меня.*

Lazarus hyre broðor *wæs gefyled* (c1000 West Saxon Gospels, John, 11.2). *Лазарь, брат ее, был болен.*

he hefde þurst and hunger and chele (c1175 Middle English homilies, 79). *Он почувствовал жажду, голод и холод.*

К концу среднеанглийского периода (начало XVI в.) для описания физиологических ощущений человека в английском языке закрепились два вида двусоставных конструкций: глагольные и именные с субъектом восприятия в роли подлежащего.

Древне- и среднеанглийские «безличные» структуры, обозначающие чувства и эмоциональные состояния человека, можно разделить на две группы: номинирующие положительные или отрицательные эмоции. При этом образующие последнюю группу глаголы составляют значительно более многочисленный и семантически разнообразный класс единиц в сравнении с их противоположными коррелятами [Полный перечень глаголов см.: 12, 3].

Бесподлежащие предложения данной семантической сферы в истории английского языка характеризовались функционированием большого числа синонимичных глагольных единиц. Так, например, древнеанглийские глаголы (*ge*)*hreowan*, (*ge*)*hreowsian*, *ofhreowan*, (*of*)

earmian, *eglian*, *ofþyncan* употреблялись в значении «to rue, grieve»; глаголы *forscamian*, (*ge*)*sceamian*, *gescamian* – в значении «to feel shame»; глаголы (*ge*)*hagian*, *ofhagian*, (*ge*)*lustfullian*, (*ge*)*lician*, *lystan* – в значении «to please»; среднеанглийские глаголы *grisen*, *auen* – в значении «to feel horror».

Предложения, номинирующие эмоциональные состояния человека, изначально также выступали в форме бесподлежащих структур. Однако с конца IX века и вплоть до начала XVI века предложения данной семантической сферы также характеризовались вариативностью синтаксической структуры. Часто в одних и тех же источниках употреблялись как односоставные, так и двусоставные конструкции. Например:

me forðæm *ne scamige* (c897 Alfred's Pastoral Care, 21.165.5). *...мне за это не стыдно.*

ðios sæ cwīð ðæt ðu ðin *scamige*, Sidon (c897 Alfred's Pastoral Care, 52.409.33). *Море говорит, чтобы ты себя устыдился, Сидон.*

«Безличные» конструкции, обозначающие ментальные состояния человека, составляют сравнительно малочисленную группу единиц, отражающих такие психические действия и процессы, как мыслительная деятельность, сон, воспоминание и пр. Например:

þa *ðuhte him* nyttre & betre, þæt he ðær Godes word bodade & lærde (c900 Bede, Book 3, 5.166.28). *И тогда ему показалось, что полезнее и лучше там проповедовать и учить слову Божию.*

hwæt *hine gemætte* (c1000 Daniel, 120). *Что ему снилось.*

Me mineþþ þatt te Goddspell sezþ (c1200 Ormulum, 9343). *Мне помнится, что в Евангелии говорится...*

Описываемые выделенными глаголами ментальные состояния человека являются результатом сложной психической деятельности человеческого организма, неотъемлемой составляющей его функционирования.

К обоснованию косвенной формы субъекта восприятия в конструкциях, обозначающих ментально-эмоциональные состояния человека, представляется возможным применить выдвигаемый биокогнитологами холистический подход к трактовке механизма познавательной деятель-

ности человека, согласно которому сознание (разум) и тело человека неотделимы друг от друга [7, 6]. Как пишет И.А. Бескова, «...телесное и ментальное на некоем глубинном уровне — это одно и то же, и то, что нам известно как ум и тело, — просто разные формы воплощения некоей целостной общей основы» [13]. Иначе говоря, ввиду нерасчлененной природы телесного и ментального переживание человеком различных ментально-эмоциональных состояний происходит целостно, всем его естеством.

Таким образом, первоначальная интерпретация человеком своих внутренних процессов и состояний как результата центростремительного воздействия извне со стороны таинственных сил постепенно уступила место осмыслению человеком себя и своего внутреннего мира в качестве единственного «локализатора» первопричины испытываемых им ощущений. Это привело к устранению в изучаемых конструкциях действующего субъекта и акцентированию роли субъекта чувственного восприятия — человека.

На протяжении среднеанглийского периода (XII–XV вв.) в описываемой сфере «безличных» конструкций произошли активные преобразования. Для описания ментально-эмоциональных состояний человека начинают использоваться двусоставные конструкции с подлежащим (*h*)*it*, что, вероятно, произошло под влиянием более раннего появления (*h*)*it* в других типах «безличных» предложений. Например:

yf it plesse to thee that thou come with me in to Babiloyne (с1384 Bible, Wycliffe, Jeremiah XL, 4). *Если тебе угодно идти со мною в Вавилон.*

Подобная структура в среднеанглийском языке была возможной для глаголов *grēven*, *liken*, *plesen*, *repenten*, *reuen*, *remembren*, *shāmen* и др. Появление и функционирование двусоставных конструкций с сохранением косвенного падежа субъекта восприятия в сфере ментально-эмоциональных состояний человека связано, вероятно, с большей неопределенно-

стью данных состояний и часто невозможностью их регуляции, в противовес физическим ощущениям человека. Подлежащее *it* в данном случае приобретает катафорическую функцию, предваряя придаточную часть предложения.

Появление, распространение и господство номинативной модели предложения на фоне языковых процессов в системе английского языка (устранение флексий, установление фиксированного порядка слов в утвердительном предложении и т. д.) ряд ученых справедливо рассматривали как следствие экстралингвистических факторов. К последним исследователи относили непрерывный процесс развития самосознания человеческой личности, впервые получившей свою автономность в антропоцентрической картине мира эпохи Возрождения (XIV–XVI вв.). По мнению исследователей О. Есперсена, Р.П. Триппа, Н. МакКоли и др., закрепление в языке субъекта перцепции в именительном падеже свидетельствует об ощущении человеком себя в качестве активного самосознающего индивида, осознанно воспринимающего процессы и состояния, происходящие в его внутреннем мире.

Другими словами, с развитием самосознания человека мистическая подоплека постепенно рассеялась, и внутренний мир субъекта восприятия становится единственной средой возникновения и проявления описываемых в исследуемых предложениях процессов и состояний человека. При подобном подходе, в противовес мифическому объяснению внутренних ощущений, источник внутрителесных состояний человека не противопоставлен среде их проявления, а «растворен» в ней, представляя в совокупности с человеком как субъектом перцепции имманентное единство. Иначе говоря, состояния и процессы, происходящие во внутренней сфере человека, составляют самую сущность субъекта (лица), формируя с ним неделимое единство. Это и создает основное противоречие с общепринятым термином «безличность», используемым в отношении исследуемых предложений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гухман, М.М.** Конструкции с дательно-винительным падежом лица в индоевропейских языках [Текст] / М.М. Гухман // Изв. Академии наук СССР. Отд-ние литературы и языка. – 1945. – Т. IV, вып. 3–4. – С. 148–157.
2. **Ярцева, В.Н.** Исторический синтаксис английского языка [Текст] / В.Н. Ярцева. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 308 с.
3. **Visser, F.Th.** An Historical Syntax of the English Language [Text] / F.Th. Visser. – Leiden: Brill Archive, 1963. – Vol. III. – 657 p.
4. **Матурана, У.** Биология познания [Текст] / У. Матурана // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95–142.
5. **Кравченко, А.В.** К обоснованию идеального проекта лингвистики: интеграция языка, семиотики и биологии [Текст] / А.В. Кравченко // Гуманит. чтения РГГУ – 2012: Теория и методология гуманитар. знания. – М.: Изд-во РГГУ, 2013. – С. 285–294.
6. **Kravchenko, A.V.** Grammar as Semiosis and Cognitive Dynamics [Text] / A.V. Kravchenko // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions / ed. by A.V. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – P. 125–153.
7. **Cowley, S.J.** Distributed language [Text] / S.J. Cowley // Distributed Language / ed. by S.J. Cowley. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011. – P. 1–14.
8. **Järvilehto, T.** The Theory of the Organism-Environment System: I. Description of the Theory [Text] / T. Järvilehto // Integrative Physiological and Behavioral Science. – 1998. – Vol. 33, nr 4. – P. 321–334.
9. **Леви-Брюль, Л.** Первобытное мышление [Текст] / Л. Леви-Брюль // Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – С. 6–371.
10. **Потебня, А.А.** Устранение подлежащего [Текст] / А.А. Потебня // Предикативность существительного. Устранение подлежащего. – М.: КРАСАНД, 2010. – С. 55–136.
11. **Кацнельсон, С.Д.** Историко-грамматические исследования [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – СПб.: Петерб. лингвист. об-во, 2010. – 421 с.
12. **Pocheptsov, G.G.** Quasi-impersonal Verbs in Old and Middle English [Text] / G.G. Pocheptsov // Studies in Middle English Linguistics / ed. by J. Fisiak. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. – P. 469–488.
13. **Телесность** как эпистемологический феномен [Текст] / под ред. И.А. Бесковой. – М.: ИФРАН, 2009. – 231 с.

REFERENCES

1. **Gukhman M.M.** Dative-Accusative Constructions in Indo-European Languages. *Izvestia Akademii Nauk USSR. Department of language and literature*, 1945, vol. 4, iss. 3–4, pp. 148–157.
2. **Iartseva V.N.** Historical Syntax of the English Language. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Science Press, 1961. 308 p.
3. **Visser F.Th.** An Historical Syntax of the English Language. Leiden: Brill Archive, 1963. Vol. III. 657 p.
4. **Maturana U.** Biology of Cognition. *Language and Intellect*. Moscow, Progress, 1996. Pp. 95–142.
5. **Kravchenko A.V.** To the Explanation of the Ideal Project of Linguistics: Integration of Language, Semiotics and Biology. *Humanitarian Readings RSHU – 2012: Theory and Methodology of Humanitarian knowledge*. Moscow, RSHU, 2013. Pp. 285–294.
6. **Kravchenko A.V.** Grammar as Semiosis and Cognitive Dynamics. *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*, ed. by A.V. Kravchenko. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. Pp. 125–153.
7. **Cowley S.J.** Distributed language. *Distributed Language*, ed. by S.J. Cowley. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2011. Pp. 1–14.
8. **Järvilehto T.** The Theory of the Organism-Environment System: I. Description of the Theory. *Integrative Physiological and Behavioral Science*. 1998. Vol. 33, nr 4. Pp. 321–334.
9. **Levi-Brul L.** Primitive Thought. *Supernatural in the Primitive Thought*. Moscow, Pedagogic-press, 1994. Pp. 6–371.
10. **Potebnia A.A.** Elimination of Subject. *Predicativity of Noun. Elimination of subject*. Moscow, KRASAND, 2010. Pp. 55–136.
11. **Katsnelson S.D.** Historical and Grammatical Researches. St. Petersburg, St. Petersburg Linguistic Society, 2010. 421 p.
12. **Pocheptsov G.G.** Quasi-impersonal Verbs in Old and Middle English. *Studies in Middle English Linguistics*, ed. by J. Fisiak. Berlin, Mouton de Gruyter, 1997. Pp. 469–488.
13. **The Embodiment as an Epistemological Phenomenon**. Ed. by I.A. Beskova. Moscow, IFRAN, 2009. 231 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ПЮРО Людмила Николаевна – аспирант *Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.*

191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
lvpyuro@yandex.ru

PYURO Lyudmila N. – *Herzen State Pedagogical University of Russia.*

Moika emb., 48, St. Petersburg, Russia, 191186
lvpyuro@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

Н.Г. Иванова, В.А. Базжина, Е.А. Драгомирова

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ – БУДУЩЕЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Natalya G. Ivanova, Viktoria A. Bazzhina, Elizaveta A. Dragomirova

PRESERVATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE – THE FUTURE OF SAINT-PETERSBURG

В название статьи вынесено название Всероссийской научно-практической конференции, прошедшей 18 апреля 2013 года в зале заседаний Дома ученых в Лесном. В рамках конференции были представлены фото-выставка «Холомки» и совместный проект фотографа Т. Горд и поэта Н. Потаповой «За кадром – слово». Она была организована кафедрой «Политическая экономия» Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета при поддержке Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП) и администрации Калининского района Санкт-Петербурга.

Не случаен был выбор даты проведения данной конференции: 18 апреля – Международный день охраны памятников и исторических мест, который был установлен в 1983 году Ассамблеей Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ICOMOS), созданной при ЮНЕСКО. В мире праздник отмечается с 18 апреля 1984 года под девизом «Сохраним нашу историческую родину».

В информационную эпоху возрастает значение историко-культурного наследия. В частности, оно признано духовным, культурным, экономическим, социальным капиталом невозместимой ценности, являющимся главным основанием для национального самоуважения и признания мировым сообществом. Обострившиеся проблемы сбережения этого наследия

и его эффективного использования в условиях России, в частности в Санкт-Петербурге, обусловили проведение указанной Всероссийской научно-практической конференции.

Тема конференции нашла живой отклик у 83 участников, приславших свои публикации в сборник ее материалов, в том числе у 48 научных работников, преподавателей и учителей (58 %), 22 студентов, аспирантов, учащихся образовательных учреждений (26 %), 13 представителей государственных комитетов, общественных организаций (16 %).

География участников конференции определилась исходя из обозначенной проблемы сохранения памятников истории и культуры Санкт-Петербурга: из нашего города – 69 человек (83 %), из Москвы – 10 человек (12 %), по 1 участнику из Баку, Варезино (Италия), Волгограда, Тюмени.

Материалы конференции опубликованы в сборнике «Сохранение историко-культурного наследия – будущее Санкт-Петербурга» (СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013), который структурирован следующим образом:

1. Секция «*Санкт-Петербург – исторический и культурный центр России*» повествует об уникальном географическом положении Санкт-Петербурга и соответствующем ему непревзойденном историко-культурном наследии.

2. Секция «*Проблемы сохранения историко-культурного наследия Санкт-Петербурга*» поднимает социально-экономические проблемы в контексте сохранения памятников истории и культуры и предлагает пути их решения.

3. Секция «Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга» делает акцент на отдельных культурных объектах, находящихся на стадии выживания или подлежащих сносу на основании принятых государственной властью спорных распоряжений.

4. Секция «Исторические архивные документы по изучению историко-культурного наследия Санкт-Петербурга и РФ» представляет малоизвестные исторические документы и описывает кропотливую работу по их комплектованию.

5. Секция «Историко-культурное наследие Санкт-Петербурга в образовательной и воспитательной деятельности вуза» демонстрирует использование проблематики конференции в воспитательной и образовательной работе с молодежью.

6. Секция «Русская литература и язык как наследие и средство передачи историко-культурной информации» рассматривает проблемы искажения русского языка в речи современного общества.

7. Секция «Архитектура и градостроительство в условиях сохранения исторической среды и развития городского пространства» рассказывает о проектировании городской инфраструктуры с учетом сохранения историко-культурных зданий-памятников, несущих отпечаток предшествующих эпох.

8. Секция «Управление процессом сохранения историко-культурного наследия РФ и стран мира» описывает возможные варианты сохранения историко-культурного наследия Санкт-Петербурга в будущем.

Из 70 представленных публикаций – 26 статей. По секциям они распределились неравномерно: в первой секции – 1 статья из 4 публикаций (25 %), во второй – 2 из 10 (20 %), в третьей – 5 из 11 (45 %), в четвертой – 6 из 8 (75 %), в пятой – 1 из 8 (12,5 %), в шестой – 2 из 8 (25 %), в седьмой – 4 из 10 (40 %), в восьмой – 5 из 11 (45 %).

У научных работников особым вниманием пользовалась тематика сохранения отдельных объектов культурного наследия (третья секция), архитектура (седьмая секция) и управления данным процессом (восьмая секция) на фоне значительного перевеса статей в четвертой секции, посвященной историческим документам Санкт-Петербурга (большой частью поступивших от сотрудников архивных комитетов). Тези-

сы студентов и аспирантов преобладали также в четвертой секции (исторические документы) и в шестой, посвященной проблеме сохранения русского языка.

В итоге в научной конференции приняли участие более 100 человек, включая авторов публикаций и выступивших с докладом без его публикации.

С приветственными словами к участникам конференции обратились директор Института гуманитарного образования СПбГПУ профессор И.Е. Тимерманис и начальник Управления популяризации объектов культурного назначения КГИОП, член Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга И.Д. Шаховской.

Позитивную научную атмосферу конференции сразу создала первый докладчик – директор Фундаментальной библиотеки СПбГПУ Е.В. Дементьева, рассказавшая о памятниках Политехнического университета. К ним отнесены: ансамбль из 16 зданий (Главное здание, Химический корпус, Гидробашня, др.), парк, усадьба первого директора Петербургского политехнического института А.Г. Гагарина «Холомки», библиотечные фонды, архивы, музейные экспозиции, живопись, скульптура, памятники культуры, науки и техники и т. д.

Ее дополнила главный археограф Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб) Л.М. Терентьева, проследившая историю науки и техники по документам фонда СПбГПУ (на примере диссертаций, научных отчетов университета, фотографий, пр.). О достоинстве Политехника также поведал ведущий научный сотрудник историко-технического музея СПбГПУ доцент В.В. Кузнецов. Доцент кафедры «Политическая экономия» С.А. Сироткина в своем докладе сделала акцент на достижениях политехников с начала XX века до наших дней. В качестве примера она назвала признанные ведущими две научные школы: академика РАН Ю.С. Васильева и чл.-кор. РАН В.А. Лопоты, а также четырех нобелевских лауреатов – Н.Н. Семенова, Л.Д. Ландау, П.Л. Капицу, Ж.И. Алферова, имеющих отношение к Политехническому университету – «кузнице» инженерных кадров.

Представитель Инженерно-строительного института – доцент кафедры «Строительство

уникальных зданий и сооружений» А.В. Улыбин в своем выступлении обосновал значимость инженерно-технического обследования памятников архитектуры в контексте их сохранения, назвал основные ошибки, возникающие при инструментальном контроле несущих и ограждающих конструкций, и рассказал о методах, позволяющих их избежать.

Безусловно, основное внимание в рамках конференции было уделено историко-культурному наследию Санкт-Петербурга, являющегося удивительным величественным городом-музеем не только России, но и всего мира. Исторический центр Санкт-Петербурга и дворцово-парковые ансамбли его пригородов включены ЮНЕСКО во Всемирное наследие.

К.М. Плоткин, главный специалист КГИОП, выделил специфику культурного слоя Санкт-Петербурга на основе отчетов об археологических исследованиях за период 1945–2010 годов.

Заведующий кафедрой «История» С.Б. Ульянова затронула важный вопрос изучения и сохранения индустриального наследия Петербурга через реализацию проектов музеефикации, мемориализации, виртуализации индустриальных памятников.

К объектам культурно-исторического наследия федерального значения заведующий кафедрой экономической теории Национального минерально-сырьевого университета «Горный» М.М. Хайкин отнес само здание этого университета, Горный музей, Главную библиотеку, храм преподобного Макария Египетского. Этот университет, основанный в 1773 году, был первым техническим высшим учебным заведением в России и вторым в мире.

Аспекты комплектования государственных архивов Санкт-Петербурга, особенности работы с документами (на примере личных архивных документов /личного происхождения) участникам конференции донесли: директор ЦГАЛИ СПб Л.С. Георгиевская, специалист I категории Архивного комитета А.С. Конохова, заведующий отделом комплектования ведомственных архивов и делопроизводства ЦГАЛИ СПб Е.М. Кривда. Начальник отдела КГИОП Ю.Ю. Бахарева рассказала о сохранении историко-культурного наследия в годы блокады Ленинграда.

Живую дискуссию вызвали выступления председателя Региональной общественной ор-

ганизации «Охтинская дуга» Е.Г. Малышевой и юрисконсульта данной организации В.А. Чернышева, посвященные проблемам охраны культурного наследия Санкт-Петербурга. В качестве основной причины нынешнего состояния исторических памятников они назвали отсутствие достаточной политической воли властей, представленных лицами с низким культурным уровнем и низким уровнем правосознания. Как результат – нечеткость проработанной законодательной и нормативной базы сохранения историко-культурного наследия Санкт-Петербурга, дающей возможность реализации бизнесом незаконных строительных проектов.

О бессилии региональных властей и общественных движений перед вмешательством федеральных органов на примере округов Колумбия и Вирджиния в США, Санкт-Петербурга и Ленинградской области в России, проведя параллель, рассказала Ю.Л. Минутина-Лобанова – координатор движения «Живой город», член Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга. Одновременно изученный ею положительный зарубежный опыт охраны наследия во Франции и США, относящийся к государственной поддержке частных инвесторов, значительным полномочиям общественных организаций, судебной системе защиты интересов граждан в градостроительных конфликтах и др., следует учитывать при решении существующих проблем в данной сфере Санкт-Петербурга. Названные обстоятельства подтверждают глобальный характер рассматриваемой темы научной конференции.

Ряд докладов были посвящены вопросу сохранения русского языка в информационную эпоху, эпоху глобализации, когда неминуемо происходит процесс смешивания языков, в том числе чрезмерного использования иностранных слов, жаргонизмов, нецензурной лексики, интернет-сленга, акронимов в русской речи и письме. Радует, что искажение русского языка волнует и молодежь – студентов, которые на конференции ратовали за организацию литературных вечеров с чтением произведений русских классиков, введение цензуры на применение сленга в СМИ, Интернете, на телевидении. Доцент кафедры «История» СПбГПУ Е.Ф. Матвейчук обеспокоена вытеснением проводимой «культурной» политикой «говоря-

ших обезьян» языка, воплощенного в языковой модели мира, который является инструментом воспитания Человека.

Все 35 докладчиков единодушно высказались за актуальность поднятых проблем сохранения историко-культурного наследия Санкт-Петербурга и необходимость воспитания у молодежи потребности в добровольческом труде. Более того, во всех выступлениях прозвучала озабоченность по поводу серьезного разрушения исторических памятников, вызванного не только попустительством органов государственной власти или специфическими климатическими условиями Северной столицы, но и имеющимися случаями вандализма. Базовые пути решения обозначенных проблем охраны исторических памятников, по общему мнению, касаются усиления регулирующей и контролирующей роли государства, формирующего патриотическую, социально ориентированную и культурную личность, что приведет к созданию гражданского общества в России.

Знаменателен в этой связи доклад редактора московского отдела международных издательских и культурных проектов Центра гуманитарных проектов «Интер-Класс» (Молдова – Россия) О.А. Тиховской. В рамках реализуемого проекта «Неотчуждаемое наследие» она доказала необходимость организации и проведения просветительских мероприятий, показывающих роль Санкт-Петербурга и Кишинева в биографиях выдающихся деятелей русской истории (Петра Великого, А.В. Суворова, А.С. Пушкина, А.В. Щусева, П.И. Пестеля и др.). В итоге сохраняется преемственность традиций, обеспечивается целостность исторических событий и отдельных биографий известных личностей, осуществляется лучшее взаимодействие русской культуры с другими национальными культурами ближнего зарубежья.

Состоявшаяся Всероссийская научно-практическая конференция «Сохранение историко-культурного наследия – будущее Санкт-Петербурга» затронула широкий спектр междисциплинарных гуманитарных и технических проблем, что подтверждается участием в конференции историков и философов, культурологов и филологов, экономистов и педагогов, социологов и археографов, инженеров и архитекторов, государственных служащих и представителей общественных организаций,

выступающих за сохранение неповторимого историко-культурного облика Санкт-Петербурга.

Такой серьезный охват аудитории свидетельствует, как было сказано, о междисциплинарном характере темы сохранения историко-культурного наследия и придает данной проблеме не только национальный, но и глобальный характер. В этой связи кафедра «Политическая экономия» ИГО СПбГУ приступила к разработке перспективного курса теоретической экономики, который объединит технологические, социально-экономические, правовые процессы, философские, нравственно-этические и культурологические тенденции развития современного глобального общества.

По результатам проведенной Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение историко-культурного наследия – будущее Санкт-Петербурга» выработаны соответствующие решения с позиций трех основных групп участников.

1. *Представителям государственных комитетов и общественных организаций* необходимо:

- формировать идеологию патриотического воспитания населения страны: через СМИ, Интернет доносить яркие примеры сохранения памятников истории и культуры и их вклад в развитие общества;

- работать в направлении совершенствования управленческого механизма сохранения историко-культурного наследия в форме государственно-частного партнерства, включающего четкую проработку законодательных норм и административных санкций в культурной сфере;

- фактически выполнять контрольные функции реставрируемого объекта культурного наследия на основе утвержденного графика плановых проверок с применением соответствующих административных санкций при наличии независимого суда;

- для установления доверительных отношений с бизнесом основное внимание обращать на этику, социальную ответственность, сместив акцент с экономической составляющей на социальную;

- разработать четкие критерии отбора государственных служащих, делающие невозможным сочетание государственных функций с частными (владением бизнесом), серьезный контроль их исполнения.

2. *Научным работникам, преподавателям, учителям* следует:

- проводить в жизнь идеологию патриотического воспитания населения через системную воспитательную, образовательную деятельность последовательно в дошкольных детских учреждениях, школах, вузах, приводящую к гармонично развитой социально ориентированной личности, заинтересованной в процветании общества и сохранении общественно значимых ценностей, и имеющей однозначную гражданскую позицию;
- укреплять взаимодействие с государственными комитетами по культуре с целью поддержки и оказания помощи при решении острых проблем сохранения историко-культурного наследия, например через проведение аналогичных конференций, сделав их ежегодными с активным участием молодого поколения в них;
- продолжить работу в направлении военно-патриотического воспитания учащихся, студентов с привлечением их к посильному добровольческому труду на объектах культурного наследия;

• способствовать развитию волонтерского движения / добровольчества среди молодежи в данной сфере.

3. *Аспирантам, студентам, учащимся образовательных учреждений* необходимо:

- осознать важность соблюдения моральных общественных норм, в том числе сохранения историко-культурного наследия как базового стержня растущей современной личности;
  - стремиться формировать уважительное отношение к истории страны, ее культурным традициям, без знания которых невозможно будущее развитие России;
  - по собственной инициативе участвовать в реставрации памятников истории и архитектуры, проведении фестивалей, конкурсов, тематических праздников, презентаций, связанных со знаменательными событиями в истории города и страны.
- Только при условии успешной реализации перечисленных мер будущие потомки смогут любоваться непревзойденной красотой нашего величественного города и достойно передадут эстафету по сохранению историко-культурного наследия Санкт-Петербурга последующим поколениям.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

ИВАНОВА Наталья Георгиевна — доцент кафедры «Политическая экономия» Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат экономических наук.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
ing4@bk.ru

IVANOVA Natalya G. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
ing4@bk.ru

БАЗЖИНА Виктория Андреевна — заведующий кафедрой «Политическая экономия» Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат экономических наук, доцент.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
vabazzhina@mail.ru

BAZZHINA Viktoria A. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
vabazzhina@mail.ru

ДРАГОМИРОВА Елизавета Александровна — старший преподаватель кафедры «Политическая экономия» Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат педагогических наук.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
lizy@mail.ru

DRAGOMIROVA Elizaveta A. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
lizy@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

№ 3 (179) 2013

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р техн. наук, профессор *В.Н. Козлов* – председатель редакционной коллегии
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – ответственный секретарь
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Директор Издательства Политехнического университета А.В. Иванов

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 27.09.2013. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,75. Уч.-изд. л. 27,75. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства: 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке агентства «Роспечать» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.1-2003).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNr, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

При необходимости редколлегия может потребовать представления акта экспертизы, о чем она сообщает автору (авторам).

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

**Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:
(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алексей Анатольевич
или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru**